
З. АВАКОВЪ.

Независимость Грузии

въ международной политике

1918 - 1921 г.г.

Посвящается Очерку.

PARIS

1924

ВСТУПЛЕНИЕ.

Стремление къ независимости обнаружилось въ Грузіи съ первыхъ же дней російской революціи. Иначе не могло и быть.

Условія присоединенія Грузіи къ Россіи были ненормальны; произошло оно, въ свое время (1801 и сл.), далеко не безболѣзненно.*)

Несмотря на значительную энергію и отличный успѣхъ руссификаторской политики, несмотря на полную невозможность для Грузіи организовать свою національную жизнь, достаточнаго слиянія, сращенія съ Россіею все-же не произошло.

Вліяніе русской культуры, отчасти разрушительное, въ другихъ отношеніяхъ благотворное, было здѣсь во всякомъ случаѣ глубокимъ и разностороннимъ; политическая лояльность Грузіи по отношенію къ Россійской имперіи оставалась въ теченіе добраго столѣтія прочной, непоколебимой — а все-же руссификація Грузіи въ смыслѣ окончательнаго ея отрыва отъ всякихъ *с о б с т в е н н ы хъ* національныхъ стремленій была такъ-же мало достигнута въ Грузіи, какъ на другихъ «инородческихъ» окраинахъ. Правду сказать, сама эта программа руссификаціи говорила лишь о скудости государственнаго.

*) См. объ этомъ Э. Аваголь. Присоединеніе Грузіи къ Россіи. 2-ое изд. 1906. Имѣется еще старая книга Н. Дубровина о короткое небольшое изслѣдованіе Хелтулліаніи (въ московскомъ Юридич. Вѣстникѣ 1899-хъ г. г.) и т. д., но предметъ не изученъ еще полной обработкой.

творчества, о высыхании живых источников «имперскаго строительства» въ самомъ государственномъ центръ Россіи. *)

Конечно: только революція 1917 года давала серьезную возможность выдвинуть грузинскій вопросъ какъ вопросъ публичнаго права въ Россіи. Но только большевицкій переворотъ и политическая конъюнктура великой войны послы Брестъ-Литовскаго мира въ 1918 году сдѣлала возможнымъ — но и необходимымъ — разрѣшеніе этого вопроса (для многихъ неожиданное), въ смыслъ полной государственной независимости Грузіи, следовательно, уже на почвѣ права международнаго.

Собственно къ этой международной стадіи въ развитіи грузинскаго вопроса (1918-1921 г. г.) и относятся излагаемые здѣсь факты, наблюденія, воспоминанія. Но для ясности придется начать съ нѣкоторыхъ болѣе раннихъ эпизодовъ (преимущественно 1917 г.) — то политическаго значенія, а то и просто бытовыхъ, имѣющихъ, однако, всегда прямое отношеніе къ главной, чисто политической темѣ этой книги.

*) Общій очеркъ національнаго вопроса въ Грузіи наканунѣ войны и революціи сдѣланъ близъ мною для сборника: *Формы національнаго движенія въ Европѣ и Россіи*, изданнаго въ 1909 году (Сиб. «Общественная Польза»). Другой мой откъ о политическихъ проблемахъ Кавказа былъ напечатанъ въ *Русской Мысли* П. В. Струве (1911 г.). Возможно, что въ этихъ работахъ освѣщены тѣ корни, изъ которыхъ — въ нѣсколько тепличной атмосферѣ 1918 года столь стремительно процвѣсло древо независимости Грузіи.

ГЛАВА I. СЪ РОССІЕЙ!

I.

Когда въ Петроградѣ разразилась февральская революція, т. е. иными словами, когда начала рушиться и распадаться держава Романовыхъ, никто въ Грузіи (исключеній здѣсь было немного) не подумалъ и не сказалъ: «пришло время сбросить русское иго». Однако, понимали, что настала концевъ всей системѣ управленія Кавказомъ посредствомъ традиціонной военно-полицейской диктатуры; что, вмѣстѣ съ властью Императоровъ, падаетъ кавказское проконсульство, какъ оно сложилось за вѣкъ русскаго владычества. Государственное самоуправленіе народовъ Кавказа, еще вчера казавшееся недосягаемою мечтою, вдругъ показалось дѣломъ предрѣшеннымъ, непререкаемымъ.

Но Временное Правительство (перваго состава) вовсе не собиралось отказываться отъ русскихъ владѣній на Кавказѣ — или отъ какой-либо другой части историческаго наслѣдія Россіи: оно скорѣе не прочь было это наслѣдіе приумножить. Съ другой стороны, ни Грузія, ни какая другая часть Кавказа вовсе и не думала тогда отдѣляться отъ Русской Имперіи, (Императоровъ больше не было, Имперія, думалось, продолжала быть). Казалось, что революція дастъ всѣмъ возможность соединиться воедино на началахъ, на этотъ разъ, для всѣхъ пріятныхъ и благопріятныхъ. Съ такимъ, повидимому, чувствомъ и Временное Правительство отправляло въ Тифлисъ «*Особый Закавказскій Комитетъ*» (о которомъ скажу нѣсколько словъ ниже).

Но въ духъ единенія съ Россіей надо разумѣть и тѣ заявленія о независимости Грузіи, которыя дѣлались, начиная съ марта 1917 года, и въ Грузіи, и за ея предѣлами.

Заявленія эти можетъ быть и не имѣли прямого практическаго значенія: однако, по нимъ легко было видѣть, какъ естественно протекала политическая кристаллизація общественнаго мнѣнія въ самой Грузіи и въ разсѣянныхъ по всей Россіи грузинскихъ колоніяхъ. Стержнемъ этой кристаллизаціи была именно идея независимой Грузіи, т. е. созданіе въ ней собственнаго государственнаго правопорядка, съ тѣмъ, однако, чтобы Грузія оставалась въ предѣлахъ общероссійскаго государственнаго союза.

Основанная на этой мысли резолюція, была, напримѣръ, единогласно принята общимъ собраніемъ проживавшихъ въ Петербургѣ грузинъ еще въ мартѣ 1917 года, гдѣ вдохновенную рѣчь произнесъ будущій основоположникъ тифлискаго университета, извѣстный грузинскій историкъ И. Джавахишвили: устами его вдругъ заговорила какъ-то по-новому тысячелѣтняя политическая традиція Грузіи.*)

Впрочемъ, въ самые первые мѣсяцы революціонной эпохи наиболѣе организованная и численная въ Грузіи политическая партія (соц.-дем.) еще какъ-то чуждалась этого общаго русла народныхъ стремленій и надеждъ — столь простыхъ и естественныхъ. Грузинскіе социаль-демократы пребывали всегда въ составѣ *россійской с.-д. партіи*; въ Грузіи они жестоко и, болѣею частью, побѣдоносно, — такъ по крайней мѣрѣ имъ казалось — боролись со сторонниками автономіи Грузіи, за «централизмію».

Такая позиція, естественно, была сохранена ими, при Временномъ Правительствѣ, пока россійскій «меньшевизмъ», политическими послѣдователями и найщиками котораго они были, занималъ вліятельное положеніе въ руководствѣ революціей; въ это время они не очень-то одобрительно смотрѣли на успѣхи лозунга «независимости» въ Грузіи и на другія окраинахъ Россіи.

Все это имѣло свои причины и объясненіе, которыя было бы не къ мѣсту здѣсь приводить. Упомяну объ этомъ только чтобы пояснить, что стремленіе къ независимости обнаружилось въ грузинскомъ обществѣ съ первыхъ же дней революціи; но что именно послѣ октябрьскаго (совѣтскаго) переворота и послѣ вызваннаго имъ отхода грузинскихъ с.-д. на позицію грузинской національной программы, подкрѣпленную та

*) И имѣло честь председательствовать въ этомъ собраніи.

кавказскимъ (временнымъ: «до Учредительнаго») сепаратизмомъ, «кристаллизация» грузинскихъ народныхъ стремлений достигла всей желательной полноты. Это достижение связано съ грузинскимъ національнымъ конгрессомъ ноября 1917 года (въ Тифлисъ), гдѣ явлено было дѣйствительное и, если угодно, «священное» единение всѣхъ классовъ и группъ грузинскаго народа.*)

2.

Но о томъ чтобы порвать государственную связь съ Россіей, никто не думалъ; такъ же какъ не думали объ этомъ въ Эстоніи, Латвіи, на Литвѣ и на другихъ російскихъ окраинахъ. Грузія шла въ этомъ отношеніи, можно сказать, въ ногу съ другими.

Мнѣ было гѣмъ легче судить объ этомъ, что въ 1917 году (какъ раньше въ 1905-6 г.г.) мнѣ пришлось принять участіе въ петербургскихъ совѣщаніяхъ окраинныхъ дѣятелей, сторонниковъ федеративнаго переустройства Имперіи. По порученію этого совѣщанія — оно собиралось обыкновенно въ помѣщеніи одного эстонскаго кредитн. общества, на Б. Конюшенной — мною былъ даже составленъ схематическій проектъ нѣкоторыхъ основныхъ положеній этого устройства: изъ обсуждавшихъ его лицъ, иныхъ и слѣда нѣтъ, другіе стали государственными дѣятелями независимыхъ республикъ, какъ напр. Пийпъ, позже — премьеръ и министръ иностранныхъ дѣлъ Эстоніи.

Эти совѣщанія 1917 года являлись въ свою очередь прямымъ продолженіемъ такихъ-же совѣщаній 1905-6 г. г., особенно конференціи «автономистовъ», созванной осенью 1905 года въ С.-Петербургѣ, въ помѣщеніи курсовъ Лесгафта. Предсѣдателемъ ея былъ извѣстный лингвистъ проф. Богузицъ-де-Куртенэ и закончилась она принятіемъ составленной мною

*) При этомъ одни, вполне естественно, дорожили прежде всего фактомъ національнаго объединенія, какъ необходимой основой для созданія государственныхъ формъ; другіе, главнымъ образомъ, стремились къ укрѣпленію или обереганію — въ рамкахъ Грузіи или всего Закавказья того, что называли «священными революціей». На дѣлѣ эти двѣ вещи были тѣсно между собою связаны.

по порученію бюро резолюціи объ автономномъ устройствѣ окраинъ Россіи.*)

Совѣщаніе, созвавшее эту конференцію, позже, въ 1906 г., стремилось къ организациіи особаго Союза автономистовъ въ 1-ой Государственной Думѣ. «Совѣщаніе» устроило пріемъ зараженнымъ этою ересью членамъ Гос. Думы, на квартирѣ всѣми уважаемаго эстонскаго дѣятеля, нынѣ покойнаго, — д-ра Геллатъ. «Союзъ автономистовъ» при 1-ой Государственной Думѣ дѣйствительно образовался (предсѣдателемъ его былъ А. И. Ледницкій, секретаремъ В. Л. Геловани), но ничѣмъ себя не успѣлъ ознаменовать.

Однако, я вовсе не собираюсь писать исторіи лозунговъ автономіи и федераціи въ годы, предшествующіе революціи 1917 года. Многіе въ Россіи, считавшіе раньше эти идеи преступленіемъ, въ лучшемъ-же случаѣ, вздоромъ или чудачествомъ, прониклись ими послѣ 1917-20 г. г. Къ сожалѣнію, ко времени ихъ обращенія уже не существовало главной препосылки федеративнаго переустройства Россійской Имперіи: не существовало болѣе этой Имперіи. Въ новыхъ-же условіяхъ, т. е. послѣ большевицкаго переворота — лозунгъ автономіи чуть не автоматически превращался въ лозунгъ независимости. Такъ было, въ частности, съ Грузіей, да и съ цѣлымъ Закавказьемъ, не говоря о другихъ окраинахъ.

Но, возвращаюсь къ эпохѣ Временнаго Правительства.

3.

Въ началѣ марта 1917 года (еще по старому стилю) меня какъ-то вызвали по телефону, въ Министерство юстиціи къ А. Ф. Керенскому. «Только, ради Бога, не оставайтесь долго — увѣщевали въ пріемной дамѣ, радѣвшіе о молодомъ министрѣ: ему надо завтракать, и онъ совсѣмъ выбился изъ силъ».

Дѣйствительно, Керенскій былъ въ полномъ изнеможеніи (и было отъ чего!). «Мы рѣшили, заговорилъ онъ наконецъ осипшимъ за эти первые, боевые дни переворота, голосомъ, поставить во главѣ Закавказья комитетъ, куда войдутъ члены Г. Думы. Съ ними же я прошу отправиться Переверзева.**) Мы хотѣли-бы включить въ этотъ комитетъ и Вася. Согласны-ли

*) Изначально раньше, въ томъ-же 1905 году, мною написанъ былъ этюдъ «Областные Сеймы. Федерализмъ въ сборникѣ «Конституціонное Государство», издаваемъ въ Сиб. Г. В. Гессеномъ и А. Н. Каминемъ.

**) Известный присяжный поверенный, позже, въ свою очередь, министр юстиціи (Времен. Правит.).

Вы? Или Вы считаете — скажите откровенно — что лучше сдѣлать членомъ этого комитета Кита Абашидзе?*)

Близко связанный съ погибшимъ въ 1915 году на Кавказскомъ фронтѣ членомъ Гос. Думы В. Л. Геловани и нѣкоторыми другими грузинскими дѣятелями, А. Ф. Керенскій былъ знакомъ съ политическими теченіями и вопросами Кавказа.

Я высказался за кандидатуру К. Абашидзе. У Керенскаго были нѣкоторыя колебанія. Но они разсѣялись, и онъ согласился съ желательностью этого выбора (вопросъ затѣмъ такъ и былъ рѣшенъ Временнымъ Правительствомъ). Я откланялся будущему диктатору.

«Особый Закавказскій Комитетъ» былъ въ сущности делегацией, для управленія Закавказьемъ, російскаго Временнаго Правительства. Отъ послѣдняго онъ заимствовалъ свои полномочія — но и свою слабость. На Кавказѣ возникли очень скоро революціонныя организаціи по русскому образцу: совѣты рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ и др. Благодаря ихъ «засилью» и по разнымъ другимъ причинамъ О. З. Комитетъ никогда не могъ стать на дѣлѣ тѣмъ «Закавказскимъ Правительствомъ по назначенію изъ Петрограда», какимъ онъ въ сущности являлся.**)

Временное правительство едва-ли имѣло досугъ чтобы подумать болѣе основательно о взаимоотношеніяхъ Кавказа и Россіи.

Отправивъ въ Тифлисъ «озакомъ»***), оно считало, что снабдивъ Закавказье временнымъ органомъ, ему нужнымъ. Былъ-ли какой-нибудь дальнѣйшій планъ? Не знаю. По инерціи, по рутинѣ многія «кавказскія» дѣла продолжали «восходить» на разсмотрѣніе «подлежащихъ центральнымъ вѣдомствъ и учреждений». Нѣкоторые отдѣльные важные

*) Кита (собственно Иванъ) Абашидзе, видный грузинскій литераторъ, одинъ изъ руководителей партіи соц.-федералистовъ. Умеръ въ 1917 году, на посту члена Особого Закавказскаго Комитета.

***) Предсѣдателемъ его былъ членъ Гос. Думы Харламовъ (и. д.), а членами — А. Чхенкели, И. Абашидзе, М. Папандвазовъ, М. Дакафаровъ. Собственно, какъ бы образъ грузино-армяно-татарскаго единенія подъ руководствомъ Россіи. Но это въ сущности было, вѣроятно, единственнымъ достоинствомъ этого комитета.

****) Сокращенное обозначеніе Особого Закавказскаго Комитета.

вопросы обсуждались Временным Правительством: например, автокефалия грузинской церкви; позже — введение земских учреждений в Закавказьи.*)

По основному же вопросу об организации управления Кавказом, в условиях, созданных февральской революцией, ограничились, как сказано, созданием «озакома».

Но, повидному, некоторым казалось, что связь Закавказья с Россией, с правительственным ее центром в Петроградѣ, недостаточна обеспечивалась этим «озакомом», и что, кроме того, желательно было вновь (как до революции) объединить высшее управление Южного и Северного Кавказа (разъединенных системой «озакома»).

Для всего этого над двумя Кавказами думали поставить особаго *верховнаго комиссара*. Возстановленное, таким образом, в новых формах, наместничество думали, кажется, вверить *Ф. А. Головину*, б. председателю 2-ой Государственной Думы, а в этот момент — комиссару Министерства Императорскаго Двора. Планъ былъ неясный, зачаточный. Но о немъ шла рѣчь въ одномъ частномъ совѣщаніи у *Ф. А. Головина* (въ Зимнемъ Дворцѣ), куда и я былъ призванъ въ качествѣ «свѣдущаго лица». Другое совѣщаніе на эту тему, съ меньшимъ числомъ участвующихъ и безъ Головина, имѣло мѣсто у *В. Д. Набокова*, который въ качествѣ управляющаго дѣлами временнаго Правительства, обеспечивая формально и связь его съ Кавказомъ. Совѣщаніе это не имѣло ни малѣйшихъ послѣдствій. Все это были въ данный моментъ иллюзіи и мечты кончавшейся эпохи.

Болѣе авторитетное (все относительно!) Закавказское правительство создано было нѣсколько позже *снизу*, а именно совокупностью мѣстныхъ организаций революціоннаго происхожденія (оставшихся вѣрными Учредительному Собранію и не признавшихъ власти Совѣтовъ) — подъ названіемъ «*Закавказскій комиссариатъ*» (ноябрь 1917 года). Послѣ этого формальное обособленіе отъ Россіи и созданіе особой Закавказской республики зависѣло только отъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

*) Я вовсе не касался здѣсь этихъ двухъ предметовъ, но и присоединялъ къ нимъ обсужденію весной и летом 1917 г. въ Петроградѣ.

ГЛАВА II.

ГРУЗИНСКИЙ КОМИТЕТЪ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

4.

Въ концѣ 1917 и началѣ 1918 г. мнѣ довелось быть членомъ «національнаго комитета» грузинской колоніи въ Петроградѣ. Послѣ революціи такіе комитеты сразу, какъ грибы появились всюду въ предѣлахъ бывшей Имперіи, отъ Польши до Тихаго океана — гдѣ только имѣлась хотя-бы небольшая горсточка людей грузинской породы. И возникли эти организаціи одновременно, самопроизвольно, свидѣтельствуя, пожалуй, о жизненности и безыскусственности грузинскаго національнаго движенія.

Петроградскій комитетъ занималъ, по соглашенію владѣлицей, особнякъ графини Паччиной, что на Фурштаской.

Обычныя его функціи — не особняка, а комитета — и были характеръ консульскій (вещь важная при недостаткѣ законной охраны лицъ и имущества) и продовольственна (вещь полезная, когда хлѣбъ дѣлался рѣдкостью). Здѣсь комитетъ, было средоточіе скудныхъ извѣстій, получавшихъ изъ Грузіи; здѣсь же попросту сходились, какъ въ клуб чтобы поболтать — эпоха къ тому располагала — нерѣдко чашкою чая. Въ особыхъ случаяхъ, созывались общія собранія грузинской колоніи.*)

*) На первыхъ порахъ совѣщанія власти относились съ достаточно терпимостью къ этимъ національнымъ комитетамъ. Позже, съ развитіемъ террора, вошло стѣпеніемъ разнаго рода Председателемъ нашего комитета быть сначала А. Коркинъ, а потомъ А. Черемновъ, довременный членъ редакціи С.Петербургскихъ Ведомостей (1).

Практическая полезность этой организациі не вызывала сомнѣній: неоднократно комитету удавалось выручать изъ рукъ совѣтской полиціи лицъ зря арестованныхъ; не разъ онъ накормилъ своихъ «подопечныхъ» разными, льготно полученными, припасами. Однажды, по его милости, мы всѣ питались въ теченіе долгихъ дней... телячьими моргами! Была, затѣмъ, недѣля «гречневая» и т. д.

Боюсь, что наше политическое заданіе — содѣйствовать насколько это было возможно изъ Петрограда и въ Петроградѣ — государственному «строительству» Закавказья (не пріавшаго, какъ извѣстно, совѣтскаго переворота 25 октября 1917 г.) удавалось намъ меньше, чѣмъ эта скромная «обывательская» работа для нуждъ нашей общины. Правильныхъ сообщеній съ Тифлисомъ не существовало. Историческіе пути Россіи и Закавказья явно расходились.

Мы знали, конечно, и объ образованіи въ Закавказьи фактически независимой власти («комиссаріата»), и о программѣ, всенародно принятой въ ноябрѣ 1917 года грузинскимъ національнымъ конгрессомъ въ Тифлисъ; а, главное, знали, какъ Закавказье было отягощено незавиднымъ наслѣдіемъ бывшаго русско-турецкаго фронта, который, съ распаденіемъ русскихъ армій, приходилось принимать теперь на свои плечи новымъ краевымъ и національнымъ организациямъ. Но принести въ этомъ отношеніи какую нибудь пользу изъ Петербурга было мудрено.

5.

Въ грузинскихъ, а особенно въ армянскихъ кругахъ Петрограда и Москвы распространены были преувеличенныя и сбивчивыя предъставленія о численности воиновъ закавказскаго происхожденія, освободившихся отъ службы на российскихъ фронтахъ и стремившихся обратно на родину — съ готовностью будто-бы ее, т. е. эту мѣстную родину «тамъ» отстаивать отъ внѣшняго врага.

Помню одно посѣщеніе «Смольнаго» вмѣстѣ съ генераломъ Л. Ф. Тиграновымъ, уполномоченнымъ армянскаго комитета. Мы были приняты лицомъ «отъ котораго все зависѣло» — А. Енукидзе; онъ обѣщаль «содѣйствовать» скорому возвращенію домой освобождавшихся на европейскомъ фронтѣ армянъ и грузинъ; а также отпуску разныхъ предметовъ военнаго снабженія, до крайности необходимыхъ кавказскому фронту.

Ни эти наши шаги, ни даваемые намъ обѣщанія не имѣли, разумѣется, ни малѣйшаго вліянія на ходъ событій. Подготовлявшійся тогда миръ между Россіей и германскою коалиціей былъ въ этотъ моментъ единственной дѣйствительной «сферой вліянія» совѣтскаго правительства и здѣсь его работа имѣла чрезвычайное значеніе. Закавказье-же было фактически предоставлено самому себѣ.

«Объединись, какъ слѣдуетъ, Грузія и Арменія — говоритъ Тиграновъ (б. офицеръ генеральнаго штаба) на обратномъ пути изъ Смольнаго, — они смогли-бы и теперь съ турками справиться, и, въ будущемъ, создать непреступный бастионъ, оплотъ ихъ независимости. Припомните карту» и т. д.

Увы! и Грузія, и Арменія оставались до послѣдняго момента лишь «географическими выраженіями»; Временное правительство противилось формированію національных частей; да еще вопросъ, можно-ли было ихъ создать такъ скоро и въ такомъ количествѣ, какъ требовалось; несомнѣнно лишь, что некому было стать на мѣсто уходящей съ фронта, разложившейся русской арміи! Не буду, впрочемъ, останавливаться ни на этихъ фактахъ, ни на попыткахъ разныхъ «комитетовъ», «сѣздовъ» и лицъ объединить, въ частности, грузинскій военный элементъ въ Россіи и направлять его въ Грузію. Подчиняясь вліянію среды и «текущаго момента» (нелѣпое, но обиходное выраженіе русскаго политическаго жаргона на Кавказѣ!) организациі эти увлекались и аграрнымъ вопросомъ, и программными спорами партій, а потому мало-что могли сдѣлать для приумноженія военной силы Грузіи или Кавказа.

6.

Въ дни колебаній, предшествовавшихъ подписанію Брестъ-Литовскаго договора (январь-мартъ 1918 г.), въ Петербургѣ жилось тревожно. Ожидали иногда чуть ли не со дня на день занятія столицы германскими войсками. Чувства по этому случаю выражались довольно разнообразно, но «обыватель», кажется, не прочь былъ увидѣть на Невскомъ «прускую каску». Въ чудодѣйственную силу германскаго порядка тогда очень ужъ вѣрили; и не менѣе другихъ тѣ, кто съ особымъ рвеніемъ ненавидѣли нѣмцевъ въ 1914-15 г. г.

Положеніе складывалось такое, что «національнымъ» общинамъ приходилось думать о томъ, какъ быть въ случаѣ

прихода германцевъ. Грузинскій комитетъ имѣлъ даже совѣстныя съ армянскимъ совѣщанія по этому поводу. Обсуждались разные формальные вопросы, не получившіе, однако, практическаго значенія, ибо германцы въ Петроградѣ не рѣшили.*)

Въ это же приблизительно время — печать была тогда еще довольно свободна въ Петроградѣ — я, по просьбѣ проф. Э. Нольде, написалъ для журнала «Международная политика» статью**) специально о постановленіяхъ Брестъ-Литовскаго договора, касающихся Кавказа.

Разрывъ между закавказскимъ комиссаріатомъ и Совѣтскимъ правительствомъ сдѣлался полнымъ послѣ разгона Учредительнаго Собранія (11 января 1918 г.). Однако точныхъ свѣдѣній о томъ, что происходило въ Тифлисъ въ первые мѣсяцы 1918 года у насъ въ Петроградѣ не было. Но, зная мысли — а еще больше чувства — грузинъ и армянъ, я могъ въ своей статьѣ высказаться съ достаточнымъ основаніемъ о томъ, какъ они отнесутся къ уступкѣ Батума и Карса туркамъ. Я выразилъ увѣренность, что Брестъ-Литовскій договоръ неминуемо приведетъ къ особымъ переговорамъ Закавказья съ Турціей и другими державами и дастъ толчокъ къ формальному, полному отпаденію этого края отъ Россіи — такъ и произошло на самомъ дѣлѣ.***) Но, прибавляло съ възвѣщательныхъ строкахъ статьи, если такое рѣшеніе и вытекаетъ изъ сложившейся международной обстановки, оно, можетъ быть, окажется временнымъ: «быть можетъ, писалъ я, путь къ поглощенію Закавказья (Россіей) къ прочной федеративной связи съ Россіей пройдетъ черезъ отдѣленіе отъ Россіи.»

*) Одно время большевики дѣлали видъ, что готовы, въ случаѣ чего, оказать и сопротивленіе германцамъ; въ виду этого группа офицеровъ затѣяла организацию добровольческаго «еврейскаго» полка (на такіе предметы можно было въ этотъ моментъ получить авансъ отъ Совѣтскаго правительства). Изъ предпріятія этого ровно ничего не вышло, и полкъ, еще не сформированнымъ, долженъ былъ «расформироваться», а составъ его (кажется, нѣсколько десятковъ человекъ) получилъ разрѣшеніе «вернуться» на Кавказъ особымъ эшелономъ. Грузинскій комитетъ, считавъ всю эту затѣю весьма легкомысленной, отослалъ къ ней нѣсколько строгихъ отзывовъ. О неожиданной ея и трагической развязкѣ предостеречь разсказать никакъ.

**) *Батумъ и Карсъ*. Журналъ далъ въ рядѣ статей полное изложеніе и анализъ содержанія и послѣдствій Брестъ-Литовскаго трактата.

***) Только и не ожидать, что Самъ Закавказья додумается до «возстановленія» состоянія войны съ Турціей!

Едва пять лѣтъ истекло съ того времени, какъ написаны были эти строки, и вотъ, Грузія и все Закавказье, отдѣлившись дѣйствительно отъ Россіи и утвердивъ свою независимость, уже успѣли подвергнуться вторженію совѣтскихъ войскъ (въ 1920-21 г. г.); а съ начала 1923 года и формально возстановили связь съ Россіей. Связь эта именуется федеративной; будетъ-ли она прочной?

Итакъ гаданіе мое начала 1918 года сбылось, къ сожалѣнію, въ 1922-3 годахъ; мнѣ-же, за это время пришлось поработать, главнымъ образомъ, въ томъ направленіи, чтобы оно... не сбылось; во-всякомъ случаѣ, чтобы не сбылось, ни въ такой формѣ, ни въ этихъ условіяхъ!

Трудно было сидѣть себѣ спокойно въ Петроградѣ въ такое время, когда Грузія и весь Кавказъ оказались въ необходимости выяснить и вести свою политику. Грузія воскресала изъ мертвыхъ. Хотѣлось быть тамъ, видѣть происходящее.

Въ Петроградѣ меня въ эти мѣсяцы*) удерживала только работа въ издательствѣ «Огни», ставившемъ себѣ очень широкія задачи, съ 1917 года, когда дѣловое руководство имъ перешло въ руки Н. Б. Глазберга. На моемъ спеціально попорченіи была серія книгъ «Кругъ Знанія», въ которой появился въ 1917-18 г. г. цѣлый рядъ работъ лучшихъ научно-литературныхъ силъ Петрограда. Назову академиковъ и профессоровъ: Зѣлинскаго, Ростовцева, Бартольда, Карсавина, Прѣснякова, Фармаковского и др.

Политическая атмосфера, очевидно, не соответствовала этимъ занятіямъ. Въ то время, какъ выяснялось безсиліе Учредительнаго Собранія и совершались жестокія событія гражданской войны, мы, въ очередныхъ засѣданіяхъ совѣта «Огней», подъ предсѣдательствомъ Е. А. Ляцкого, обсуждали вопросы о переизданіи «Книги Маркисы» К. А. Сомова, «Исторіи Русскаго Искусства» А. Н. Бенуа, объ организаціи печатанія учебниковъ и т. д. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, «несовременность» или «несовременность» были здѣсь лишь кажущимися...

Однако надо было ѣхать въ Тифлисъ. И вернуться къ лѣту, для продолженія литературно-издательской работы. Уѣхать я уѣхалъ, а вернуться въ «градъ Св. Петра» ужъ не пришлось.

*) Въ 1917 году я былъ сенаторомъ 1-го (административнаго) Департамента. Присутствующій Сенатъ, торжественно избравъ дѣйствующаго великаго Петра, былъ упрямъ: 1-го декабря 1917 года.

ГЛАВА III.

САНИТАРНЫЙ ПОЕЗДЪ № 113.

7.

Весною 1918 года железнодорожное сообщеніе между російскими столицами и Кавказомъ было далеко не регулярнымъ. Въ сущности, одиночный пассажиръ, необремененный багажомъ, съ исправными бумагами и среднимъ счастьемъ имѣлъ достаточно шансовъ достигнуть своего назначенія. Гдѣ-то — не то въ Донской, не то въ Кубанской области — шли военныя дѣйствія между большевиками и «корниловцами»; при отсутствіи точныхъ свѣдѣній и измѣнчивости событій, все это было какъ-бы закрыто туманомъ и не пугало.

Но ѣхать одному, на свой страхъ и рискъ, не было суждено. Грузинскому національному комитету пришлось заботиться объ «эвакуаціи на родину» цѣлаго ряда лицъ, стремившихся въ Тифлисъ, Баку и т. д. по разнымъ основаніямъ; кромѣ прямыхъ «подданныхъ» просились въ партію «эвакуируемыхъ» отдѣльныя лица, довольно таки разношерстныя, которымъ слѣдовало помочь.

Такъ возникъ вопросъ объ отправленіи въ Тифлисъ гражданъ, оказавшихся на попеченіи нашего комитета, и желавшихъ «вернуться на родину», особымъ поездомъ. Получено было принципиальное разрѣшеніе властей въ Смольномъ. Но поезда намъ дать не могли. Однако сказали: поищите, если найдете сами гдѣ-нибудь подходящий «составъ», приведите его сюда, и мы предоставимъ его въ ваше распоряженіе. Такъ и поступили. Освѣдомившись о томъ, что въ Ярославль держался и стоитъ безъ пользы санитарный поездъ, обору-

дованный на средства города Баку, комитет отправилъ въ Ярославль расторопнаго «толкача», который въ одно прекрасное утро привелъ этотъ поѣздъ и поставилъ его на какихъ то закоулочныхъ путяхъ петроградскаго желѣзнодорожнаго узла.

Тѣмъ временемъ, получено было формальное разрѣшеніе отправить «санитарный поѣздъ № 133» въ рейсъ Петроградъ-Баку-Тифлисъ, съ доставкой его, за отвѣтственностью комитета, обратно; составлены списки пассажировъ и ихъ болѣзней (къ этому обязывало обозначеніе поѣзда какъ санитарнаго).

28-го марта мы, къ собственному своему изумленію, тронулись таки въ путь — съ Финляндскаго вокзала. До послѣдней минуты боялись, что какое-нибудь вѣдомство, учрежденіе или вліятельное лицо пожелають отнять у насъ этотъ, казавшійся столь драгоценнымъ, Провидѣніемъ ниспосланный поѣздъ!

До Ростова-на-Дону были въ пути одну недѣлю. Странное впечатлѣніе производили пустыя станціи; уже сказывалась во многомъ заброшенность, желѣзныя дороги жили не во-всю, а лишь частично; но чувствовалась еще инерція пружинаго уклада. Случались заминки; въ концѣ концовъ всюду проскакивали. Продовольствовались своими запасами; на югъ можно было кое-что покупать; состоявшіе при поѣздѣ, въ качествѣ прислуги, нѣсколько плѣнныхъ австро-венгерцевъ, были намъ довольно полезны.

Въ Ростовѣ задержались сутокъ на двое. Здѣсь отняли у насъ часть вагоновъ, ссылаясь — признаться, не безъ основанія на недостаточную населенность нашего поѣзда. Впередѣ чужалась гражданская война, въ самомъ Ростовѣ было неспокойно; въ районѣ вокзала то и дѣло возникала паника; ставились и уводились часовые, появлялись пулеметы, и трудно было разобрать, кто усмиряетъ, кого усмиряютъ, гдѣ звѣаки и гдѣ власть. Было, въ общемъ, жутко; «населеніе» поѣзда, довольно таки безопасное и жизнерадостное до сихъ поръ, замѣтно приуныло.

...Мы приближались, сами того не зная, какъ слѣдуетъ, къ настоящему театру гражданской войны. На станціи Кавказской насъ отказались пропустить дальше. Вступили въ переговоры съ мѣстнымъ совѣтскимъ начальствомъ, безрезультатно. Говорили по проводу съ Екатеринодаромъ — ссылались на Смольный, на наши бумаги — особаго успеха не имѣли. Оказалось, что ввиду боевъ съ добровольцами въ рай-

онъ Екатеринодара,*) нашъ санитарный поѣздъ (имѣвшій при себѣ свой штатъ и оборудованіе) былъ истинной находкой для совѣтскихъ властей: рѣшено было его реквизировать, несмотря на особое назначеніе, данное ему изъ Петрограда. Какъ ни чувствовали мы себя обиженными, но прекословить не могли, да и распоряженіе, правду сказать, вполне оправдывалось жестокими обстоятельствами тѣхъ дней. Разъ были раненые, приходилось, по справедливости, уступить имъ нашъ поѣздъ. Намъ же, вѣрнѣе того, предоставили нѣсколько теплушекъ. Былъ, конечно, произведенъ обыскъ всѣхъ нашихъ вещей. Словомъ, причинены всѣ неприятели, какъ то сразу и такъ позорно вошедшія въ обиходъ русской жизни, послѣ революціи.

Однако насъ отправили дальше вслѣдъ за другимъ поѣздомъ, въ составѣ котораго былъ, какъ оказалось на ст. Кавказской, одинъ вагонъ съ эшелонъ расформированнаго «иверійскаго» полка, о которомъ упоминалось выше.**)

Треволненія были такъ велики, что мы не имѣли времени чтобы оцѣнить, какъ надлежало, переходъ отъ отошавшей, обдѣлывшей уже внутренней Россіи къ тучнымъ полямъ Кубани, еще богатой хлѣбомъ и всякими дарами.

8.

Ст. Тихорѣцкую прошли съ затрудненіями, но безъ особыхъ обидъ. Передъ самой станціей Армавиръ (это было числа 7-8 апрѣля 1918 г.) продолжительная задержка. Можно было видѣть у станціонной платформы другой поѣздъ и огромную толпу народа вокругъ. Что тамъ происходило — нельзя было разобрать.

Когда, наконецъ, путь освободился, и нашъ поѣздъ подошелъ къ вокзалу, толпа, сильно взбудораженная, только начинала расходиться. Тутъ было много, какъ они раньше назывались, «попонковъ общества» — того оборваннаго, обтрепаннаго, малопривлекательнаго люда, которымъ всегда такъ изобиловали желѣзнодорожные центры Кубанской области; цѣлыя толпы солдатъ явно сбившихся съ толку и съ

*) 28 марта Екатеринодаръ былъ занятъ добровольцами; 29-го вновь занятъ большевиками. Въ ночь съ 30 на 31 марта былъ убитъ подъ Екатеринодаромъ генералъ Корниловъ. Но тогда не знали точно этихъ фактовъ.

**). См. стр. 16.

вовсе не привѣтливѣмъ выраженіемъ лицъ: гораздо меньше казаковъ, коренныхъ кубанцевъ, выглядѣвшихъ довольно таки растерянно. Надвигалось что-то недоброе.

Нашъ поѣздъ немедленно былъ оцѣпленъ, и приказано было не выходить изъ вагоновъ. Слушая изъ дверей теплушка обрывки разговоровъ на платформѣ, мы узнали, что въ переднемъ поѣздѣ найдено было оружіе, и обнаружены «корниловцы» съ «золотыми эполетами» и «печатами».

Поразила меня одна старая крестьянка, особенно напиравшая на эти «печати» и «золотые эполеты», за которые ихъ вотъ, «небось, растрѣляютъ». Заключение это представлялось ей совершенно неизбѣжнымъ: какъ-же, вѣдь «кадеты», «корниловцы» — объясняли кто-то рядомъ. Какъ не сказать: sancta simplicitas! Но отъ такой святости да упасетъ Господь cadaго изъ насъ.

Мы попали въ одинъ изъ мѣстныхъ фокусовъ гражданской войны, или порождаемыхъ ею случайныхъ безчинствъ: всѣ вольные, прибывающіе съ сѣвера, считались здѣсь подозрительными по «корниловщинѣ».

Пришли обыскивать нашъ поѣздъ: молодые люди, одни съ претензіей на лихость, другіе съ виноватымъ выраженіемъ простецкихъ лицъ: вмѣстѣ съ ними военныя команды со слѣдами недавней еще дисциплины. Были среди насъ люди весьма имущіе, имѣвшіе при себѣ много цѣнныхъ и ненужныхъ вещей: они трепетали, ожидая, что отнимутъ все «до послѣдняго платка» (такіе холили слухи). На самомъ дѣлѣ, ничего почти ни у кого не отняли. Съ револьверами, конечно, пришлось всѣмъ разстаться. Но теплушки наши продолжали быть подъ стрѣлкою, и мы оставались въ полной неизвѣстности.

Несомнѣнно было, что здѣсь, въ Армавирѣ намъ грозитъ терроръ — быть можетъ, случайный, «иррегулярный» — но тѣмъ болѣе опасный. Какъ, однако, отсюда выбраться? Обсуждая этотъ вопросъ съ А. М. Хонштарія,*) мы быстро нащупали грунтъ. Онъ твердо помнилъ, что одинъ его знакомый, нашъ соотечественникъ Ж., занималъ въ Армавирѣ какую-то должность. Онъ могъ намъ помочь. Но какъ его найти? Очень просто. «Здѣсь имѣется, предположилъ я, буфетъ, а хозяйинъ и прислуга въ буфетѣ, навѣрное, грузины. Пошлемъ за «названомъ», принесетъ ее лавой, и выведетъ, дружкой и «сознатель-

ный», онъ намъ мигомъ разыщетъ вашего спасителя». Проходившій мимо желѣзнодорожникъ согласился, за небольшое вознагражденіе, прислать «минеральной воды» — и вотъ, черезъ нѣсколько минутъ, вода эта уже пѣнилась въ стаканахъ. Пока она пѣнилась, Хоштарія успѣлъ сказать все — что слѣдовало, а молодой человекъ изъ буфета не замедлил сменуть и отвѣтить, что было нужно.

Стоявшій рядомъ часовой, черноземный сѣрякъ, рявкнулъ: «не велѣно тутъ говорить по вашему» — едва-ли онъ понималъ, что изрекалъ цѣлую государственную программу! но буфетный юноша огрызнулся: что, не понимаешь, теперь свобода, каждый можетъ говорить на своемъ языкѣ! (тоже программа!), и съ негодующимъ видомъ побѣждалъ обратно.

Черезъ часъ въ концѣ платформы появился и прошелъ мимо насъ, съ видомъ совершенно посторонняго лица, начальникъ желѣзнодорожной милиціи участка: это и былъ Ж.

Ночь, провели въ вагонахъ воль стражею. Утромъ были розданы кнпятокъ, а позже объявили, что поведутъ въ тюрьму. Суматоха, смятеніе, женскіе вопли. Тогда объяснили: не совсемъ въ тюрьму, а въ чрезвычайную комиссію; а ужъ оттуда... Выстроились мы въ ряды, окружили насъ цѣлю караульныхъ солдатъ и повели черезъ весь Армавиръ въ комиссію. По улицамъ вскрѣчные смотрѣли, какъ на обреченныхъ. Было насъ всего человекъ, думаю, 50-60, и допросъ затянулся. Члены комиссіи, такъ себѣ, молодые люди ложно-военнаго обличія, выслушивали наши объясненія сравнительно милостиво. Ж. уже принималъ свои мѣры, и въ «производство» участвовалъ представитель... мѣстнаго грузинскаго комитета. Вполнѣ либерально. Допросъ окончился, и намъ объявили, что мы свободны. Чего-же лучше? Мы почувствовали себя совсемъ школьниками. Впрочемъ большая часть нашихъ спутниковъ выѣхала въ тотъ же день изъ Армавира въ Туапсе: эти избрали благую часть. Меньшинство (человекъ 10-12) осталось въ Армавирѣ: насъ пріютили на ночь грузины армавирицы. Инѣ, вмѣстѣ съ С. Кеція, выпало воспользоваться гостеприимствомъ одного земляка, служившаго въ Армавирѣ по акцизу, въ грузинской же политикѣ единомышленника національ-демократической партіи: онъ былъ въ полномъ восторгѣ отъ такой части — предоставить ночлегъ видному лидеру этой партіи, Кеція, но и мнѣ отъ этого было удобство.

Радовались прежде временно: на слѣдующее-же утро намъ

сообщили въ грузинскомъ комитетѣ, что арестованные въ день нашего прибытія въ Армавирь офицеры и другіе (числомъ около 40 лицъ) обвиняются въ принадлежности къ добровольческой организаціи, и что ихъ будутъ судить на солдатскомъ митингѣ. Армавирь совершенно въ рукахъ этихъ солдатъ (ушедшихъ съ кавказскаго фронта). Ни казачьи власти, ни регулярныя большевицкія организаціи ничего не могутъ съ ними подѣлать.

Какъ говорили, при задержаніи этихъ военныхъ, найдено было оружіе, главнымъ образомъ, винтовки, привязанныя подъ вагономъ, и, повидимому, принадлежавшія нѣсколькимъ горцамъ, зачислившимся было въ «Иверійскій полкъ», возвращавшимся въ Терскую область. Печати и другія канцелярскія вещи принадлежали этому-же полку. Что касается офицеровъ, то они частью возвращались въ Тифлисъ по дѣламъ службы, напр., тѣ, что ѣздили въ Петроградъ за бронированными автомобилями для кавказскаго фронта; другіе-же направлялись во-свояси, въ разные города Закавказья.

Были среди этихъ арестованныхъ лица, совершенно случайно попавшіе въ воинскій вагонъ: напр., двое студентовъ, пересѣдшіе къ офицерамъ — играть въ карты — изъ нашего поѣзда чуть не на ст. Кавказской. Всѣ они, безъ исключенія, числомъ 39, были митингомъ солдатъ въ этотъ же день приговорены къ умерщвленію — несмотря на всѣ старанія грузинскаго комитета (среди осужденныхъ было 13 грузинъ) и другихъ организацій. Расправа была произведена тутъ-же, съ помощью пулемета, и съ жестокостью, которая тогда еще поражала, а теперь никого не удивить.

Казалось, весь Армавирь оцепенѣлъ: разгулявшійся слушанный съ цѣпи, звѣрь могъ грозить каждому. Тѣмъ болѣе мѣсто богато-торговое.

Мы сидѣли, притихшіе, подавленные въ помѣщеніи грузинскаго комитета; внезапно одинъ изъ членовъ его прибѣгаетъ съ извѣстіемъ: насъ ищутъ — солдаты кричатъ о вчерашнемъ послабленіи, объ освобожденіи явныхъ «корниловцевъ» — они собираются сами съ нами расправиться; наконецъ, къ комитету грозитъ опасность, ибо онъ самъ теперь подъ подозрѣніемъ — словомъ, намъ слѣдуетъ поскорѣе спастись изъ Армавира.

Благодаря связямъ и толковости Ж., мы немедленно привели въ осуществленіе слѣдующій «планъ»: теплушка съ

нашими вещами будет охраняться на станціонныхъ путяхъ милиціонерами Ж.; мы, по двое или по одному, дабы не привлечь вниманія, отправимся на вокзалъ, какъ только стемнѣетъ; послѣ полуночи прибудетъ поѣздъ изъ Тихорецкой и ночью-же отойдетъ на Минеральныя Воды (последній поѣздъ, такъ какъ на слѣдующій день, за отсутствіемъ топлива, движеніе прекращалось); къ этому то поѣзду и будетъ прицеплена въ послѣдній моментъ наша теплушка, наглухо закрытая — подъ видомъ товарнаго вагона — и, такимъ образомъ, мы выберемся изъ Армавира.

Едва наступилъ вечеръ, мы разными путями направилась къ станціи, проникли въ свой вагонъ, и, усѣвшись на вещахъ, стали ждать. Стемнѣло. Милиціонеръ съ винтовкой, довѣренное лицо Ж., сѣлъ къ намъ «на всякій случай». Другой снаружи, имѣлъ «наблюденіе». Насъ куда-то передвинули; потомъ все сошло. Сидѣли безъ огня; переговаривались вполголоса. Милиціонеръ сталъ рассказывать, монотонно, равнодушно, о казняхъ 39, которую онъ видѣлъ сегодня. «Ничего съ солдатами не подѣлаешь: вотъ и васъ, видно, ищутъ. Должно быть скоро будутъ сюда, къ поѣзду... Да врядъ ли отыщутъ...

«А капитанъ не пожелалъ копнуть, такъ ему прикладомъ икотъ перебили...» возвращается къ своему разсказу нашъ охранитель.

Наступаетъ жуткое, безформенное молчаніе. Позже, начинаются разсказы о томъ, какъ «вотъ на прошлой недѣлѣ здѣсь на сестрѣ милосердія пулеметъ нашли. Артиллеристъ стоялъ рядомъ — какъ хватить ее саблей по плечу, все плечо разрубили, она, какъ ничего, дальше идетъ; тутъ другой ее хватъ по другой рукѣ... и т.д. нашъ стражъ перелаивалъ всѣ подробности съ такимъ равнодушіемъ, будто рѣчь шла о самомъ будничномъ обстоятельстве. — Впрочемъ, это и было «будничное обстоятельство». Послышалось чье-то рыданіе, скоро подавленное — «товарный вагонъ» долженъ безмолвствовать.

Длительная тишина. Позже — внезапный свистокъ — другой — грохотъ приближающагося поѣзда, и, затѣмъ, обычный станціонный гулъ, скоро впрочемъ, затихающій. Снова какая-то возня, громкіе голоса на вокзалѣ. «Должно, насъ ищутъ», шепнула стражница.

Слѣдующее было движеніе маневрирующихъ паровозовъ. Толчекъ, и насъ куда-то двинули, перевели на другой путь, къ чему-то прицепили. Скоро распознали мы голосъ Ж. говорив-

шаго по сосѣдству съ однимъ изъ милціонеровъ. Затѣмъ, и нашъ стражникъ, отодвинуль дверь теплушки, неслышно выскользнулъ въ темную ночь; новый свистокъ — и поѣздъ тронулся изъ Армавира, гдѣ 39 замученныхъ людей брошены были въ ими-же вырытый ровъ.

9.

Прибывъ на станцію Минеральныя Воды, узнали, что движеніе съ часу на часъ должно прерваться, и что едва-ли доберемся до Владикавказа. Пришлось остаться и избрать мѣстопробываніе въ предѣлахъ «группы». Поселились въ Пятигорскѣ, съ крутымъ переходомъ отъ «теплушки» къ комфорту первоклассной гостиницы «Бристоль». Въ это время, т. е. въ серединѣ апрѣля 1918 года въ Пятигорскѣ, да и въ другихъ поселеніяхъ этого района, было сравнительно спокойно. Равновѣсіе общественныхъ силъ еще какъ то держалось и уживалось съ признаніемъ совѣтской власти; пришлого населенія было сравнительно мало, и изобиліе во всемъ было полнѣйшее.

Въ Пятигорскѣ дошелъ до насъ слухъ о перерывѣ Трапезундской конференціи, о паденіи Карса и Батума, о формальномъ провозглашеніи независимости Закавказья. Еще больше потянуло насъ въ Тифлисъ — между тѣмъ приходилось бездѣйствовать, вдыхая цѣлительный воздухъ и ждать удобнаго случая къ отъѣзду.

Я чуть было не собрался ѣхать во Владикавказъ на дрогахъ, по колесной дорогѣ — весной это даже соблазнительно; но члены грузинскаго комитета (вездѣ на группахъ были такіе комитеты-консульства революціоннаго происхожденія) отговорили отъ этого намѣренія: «убьютъ и ограбятъ въ пути, несомнѣнно». Вотъ вамъ, говорилъ я себѣ, и *ра х о с с і с а*, о значеніи которой на Кавказѣ я какъ-то писалъ въ «Русской Мысли»!

Въ условіяхъ пятигорской сытости и довольства (позже и здѣсь все было уничтожено до гла двуногою саранчею!) подошла къ концу эта неожиданная пауза въ нашемъ путешествіи. Иные изъ насъ стали прибавляться въ вѣсѣ; очутившись — явно случайно и явно временно — въ обстановкѣ прежняго, привычнаго для нихъ быта, они легко принимали это мимолет-

все за постоянное; прежний оптимизмъ и прежняя увѣренность
возрождались въ нихъ съ возвращеніемъ утренней ванны и
хорошо поданнаго завтрака! Но не есть-ли эта живучесть
наивнаго оптимизма одна изъ движущихъ силъ такъ назы-
ваемого «буржуазнаго» т. е. всякаго, зависящаго отъ людской
предпримчивости строя?

ГЛАВА IV.

НА КАВКАЗЪ.

10.

Какъ только возстановилось движеніе, мы продолжали нашъ путь, по прежнему, въ товарномъ вагонѣ; снова подвергались обыскамъ, опять объяснялись съ различными молодыми людьми въ «френчахъ» — той несмѣтно расплодившейся во время войны породы, для которой армія и полувоеенная организація (учрежденія земскаго, городскаго союзомъ, Краснаго Креста и т. д.) послужили питательной культурой, и, которая, естественно и неизбежно нашла свое примѣненіе въ революціи; встрѣчались съ возвращавшимися въ Россію войсковыми эшелонами и опять убѣждались въ томъ, что война 1914-18 г. г., народу чуждая и непонятная, была со стороны Россіи огромнымъ, кровавымъ недоразумѣніемъ... Здѣсь особенно бросалось въ глаза, что искусственное равновѣсіе Имперіи рушилось и отдѣльныя, составлявшія ее живыя силы или случайные отбросы, выявлялись теперь въ своей особности въ мѣру своей жизненности — вотъ казачество; вотъ горцы; вотъ городская пролетаріатъ; вотъ бывшія войска имперіи, возвращающіяся въ скопища вооруженныхъ бродягъ и т. д.

Казалось, и силы природы не могутъ остаться въ сторонѣ отъ этого всеобщаго передѣла, когда усиліями миллионовъ и движеніями народныхъ массъ всюду поколеблены старыя границы государственнхъ владѣній, и начато какъ-бы новое «генеральное межеваніе»; казалось, и этотъ горный хребетъ возвращался теперь къ своему изначальному географическому смыслу — быть каменной, чудовищною межою, быть барьеромъ брошен-

нымъ на краю необозримой россійской равнины, дабы на этомъ участкѣ дать форму и предѣлъ безформенному и безпредѣльному.

Во Владикавказѣ задержались на короткое время. Грузинская колонія, считая насъ въ числѣ погибшихъ въ Армавирѣ, собиралась было уже служить по насъ панихиду, на которую мы, такимъ образомъ, имѣли всѣ шансы попасть — однако, видя насъ живыми, ее отмѣнили, устроивъ, взаменъ того, торжественный обѣдъ. Я же лично, отдѣлившись отъ моихъ спутниковъ и получивъ мѣсто въ автомобиль, возвращавшемся въ Тифлисъ, поспѣшилъ туда.

Во Владикавказѣ мы встрѣтили агентовъ Закавказскаго правительства, пріѣхавшихъ закупать зерно. Отъ нихъ узнали болѣе подробно о томъ, какъ провозглашена была независимость Закавказской республики, какъ образовалось правительство подъ предсѣдательствомъ А. И. Чхенкели и о томъ, какъ предполагалось, въ ближайшіе дни, возобновить въ Батумѣ, переговоры съ турками, оказавшіеся столь безплодными въ Трапезундѣ.

Обстоятельства сдѣлали необходимымъ выступленіе Закавказья, отдѣльно отъ Россіи, въ международной политикѣ. Меня чрезвычайно интересовали условія и цѣли этого выступления: я охотно принялъ-бы участіе въ предстоявшей работѣ. Выѣхавшій вмѣстѣ со мною изъ Владикавказа, близко связанный со вождями грузинскихъ с.-д. (меньшевиковъ), А. дзеувѣрялъ меня, что Закавказское правительство несомнѣнно пожелаетъ воспользоваться моими услугами, и что дѣло собственно за мною.

На окраинѣ Владикавказа наткнулись на заставу въ молочанской слободѣ. Вооруженные до зубовъ бородачи, съ желѣзными прутьями въ рукахъ (для прощупыванія мышковъ) обыскали насъ, безъ звѣрства (вообще, эта молочанская застава считалась одной изъ самыхъ суровыхъ), и мы покатали по участку Военно-грузинской дороги, бывшему подъ наблюденіемъ горцевъ-ингушей. Впрочемъ, отсюда до Тифлиса ѣхали уже безъ помѣхъ и задержекъ.

11.

Передъ величіемъ горъ, какъ всегда, казались смѣшными и мелкими раздоры людей, ихъ стремленіе къ взаимному

уничтоженію и мучительству; прекраснѣе и чище, чѣмъ каго-либо, были снѣга на верху, и особенно недоступны утесы подь ними; а встрѣчавшіеся нрѣдка обитатели смежныхъ ущелій были такъ далеки тому, что мы оставили въ Россіи вато, думалось, столь близки къ вѣковѣчнымъ взаимоотношеніямъ человѣка и природы.

Пустынно было по Военно-Грузинской дорогѣ. Перезавал только что очищались отъ снѣга; да и обстоятельства не позволяли посѣщать эти мѣста тѣмъ тысячамъ «Володь» и «Шурочекъ» изъ Костромы и Можайска, которые въ прежніе годы долгомъ считали изображать свои имена на камняхъ, скалахъ и стѣнахъ, показывая стремленіе человѣческой козявки и помнить о себѣ этими жалкими пятнышками тамъ, гдѣ вобрженіе искало достойной рамки для великаго страданія Прометея.

Около «замка царицы Тамары», вспоминаю недоумѣніи академика Н. Я. Марра по поводу превращенія Лермонтовымъ величественной, иконописной Тамары грузинской исторіи в распутницу, сбрасывающую случайныхъ любовниковъ с Дарьяльской скалы. Мнѣ кажется однако, что такъ занятнѣе для Шурочекъ и Володь.

Автомобиль нашъ оказался слабосильнымъ. Пришлось заночевать въ Пассанаурѣ, гдѣ всѣ «вакансіи» были заняты армянскими семьями, выбравшимися изъ Тифлиса въ ожиданіи прихода турокъ. Тяжкій молотъ былъ занесенъ надъ Экавказьемъ, и горе слабымъ, неустроеннымъ!

На слѣдующее утро — въ путь къ Анауру, Михету. Всѣмъ памятенъ пейзажъ на этой сторонѣ хребта, ибжнз округлость тамъ горъ и предгорій, покрытыхъ молодымъ кудревымъ лѣсомъ, мягкость лугавъ, пестрота цвѣтовъ на нихъ музыка потоковъ. Посреди этого благоуханія башни и церкви Ананурскаго замка говорятъ громко о старой Грузіи, о временахъ рыцарскихъ, о временахъ наивной вѣры и наивнаго обычая.

Около Душета поразительная встрѣча: нескончаемы караванъ «фургоновъ», съ бѣлыми верхами, запряженныхъ четверками; повозки тяжело нагружены всякимъ скарбомъ добромъ, на которомъ размѣстились дѣти, женщины, старики. Мужчины идутъ рядомъ, ведутъ коровъ лошадей. Сотни такихъ фургоновъ направляются къ сѣверу. Это молokane изъ Карской области, перебираются на Кубань, куда они заранѣе

посылали кодаковъ высмотрѣть земли; такъ что идти не н
буль. Могучее племя, они на новомъ мѣстѣ только выиграют
Въ Карсской области, начиная съ 1914 года, благодаря бл
зости театра войны, имъ было тяжело; а съ уходомъ русских
войскъ они и сами предпочли выселиться — махнувъ руко
на насиженные мѣста, и извѣрившись въ прочность военна
счастія Россіи еще съ того времени, когда въ декабрѣ 1914 г
да, во время памятнаго сарикамышскаго наступленія турок
имъ пришлось хлѣбомъ-солью встрѣчать ихъ на ст. Нов
Селимъ.

Послѣдовавшее за революціей движеніе изъ Закавказья
обратно въ Россію русскихъ поселенцевъ, столь знаменател
ное и стихійное, пророчить-ли конецъ той колонизаціонно
политики русскаго правительства, которая въ XX-мъ столѣт
осуществлялась съ энергіей, и крайнимъ выраженіемъ которо
уже во время войны, былъ проектъ созданія «евфратска
казачества» (русскій вариантъ разрѣшенія армянскаго вопро
са)? Во всякомъ случаѣ, съ свободнымъ развитіемъ народов
Закавказья такая политика была-бы несовмѣстима.

12.

Но!.. мы уже успѣли пріѣхать въ Тифлисъ. День бы
солнечный, теплый, оживленіе на улицахъ и видъ толп
явно жизнерадостной и кротко настроенной, такъ рѣзко о
личались отъ всего, къ чему мы привыкли за послѣдній годъ
въ Россіи: мы почувствовали себя не только въ другомъ кл
матѣ, но и въ другой средѣ. И здѣсь, очевидно, революц
дѣлала свое дѣло: но пути ея здѣсь иные, и формы проявлен
не тѣ.

Разлагающая сила общерусской революціи встрѣтила
здѣсь съ ею-же освобожденными, ею-же поощряемыми стреми
ніями народовъ къ національному и государственному сам
утвержденію: это одна изъ причинъ сравнительной сдержан
ности, сравнительной умѣренности революціоннаго процес
на Кавказѣ въ 1917-18 годахъ.

Таково было общее впечатлѣніе, полученное мною в
Тифлисъ осенью 1917-го и теперь весной 1918 года. Я не имѣл
времени особенно углублять его: всего нѣсколько дней пр
шлося провести въ этомъ Тифлисъ — столицѣ независима
Закавказья, съ 9-го апрѣля.

Независимое Закавказье! Нельзя сказать, чтобы этот формальный выход из состава российской Империи был сделан в порыве горячего национального увлечения. Нет, он был вызван практической необходимостью подписать мир — свой «Бресть-Литовский» мир и тем фактом, что Закавказье не признало большевицкого переворота 25 октября.

Этим, во многих отношеніяхъ значительнымъ, *непризнаніемъ*, народы Закавказья явно *выключали себя* изъ рамокъ централизованной русской государственности и общественности.

Учрежденный 15 ноября (с. с.) 1917 года закавказский комиссариатъ (Е. П. Гегечко, — председатель) являлся коалиціей революціонныхъ и національныхъ организацій и былъ, фактически, первымъ независимымъ правительствомъ Закавказья. Это было правительство выборовъ въ Учредительное Собраніе (всероссійское) и поддержанія Кавказскаго фронта.

Послѣ фіаско Учредительнаго Собранія въ январѣ 1918 года вопросъ войны и мира остался единственной жизненной связью Закавказья съ Россіей: связь эта была перерублена Бресть-Литовскимъ договоромъ. Закавказское правительство попыталось отстоять свои интересы путемъ прямыхъ переговоровъ съ Турціей (Трапезундская конференція, февраль-мартъ 1917 года) и путемъ военной обороны («закавказская демократія» противъ «турскаго имперіализма»). Изъ дипломатическихъ переговоровъ въ Трапезундѣ ничего не вышло, а попытка военной обороны окончилась очень скоро и очень стыдно потерей Карса и Батума (1-го апрѣля). Приходилось, не шутя, подписывать миръ, и для этой цѣли собиралась новая конференція, на этотъ разъ въ Батумѣ. А такъ какъ для подписанія мира Закавказье должно было являться правоспособною стороною, то и требовалось, для сей печальной надобности, провозглашеніе его независимости. Что и было сдѣлано. Одновременно, образовалось новое правительство, съ председателемъ — А. И. Чхенкели, главнымъ делегатомъ Закавказья въ Трапезундѣ. Это правительство, являвшееся коалиціей національныхъ группъ — уже помимо всякой связи съ Россіей — имѣло передъ собою опредѣленную задачу — вывести Закавказье изъ войны.

...Турки занимали не только Батумъ, но и Озургеты, Халцихъ и Абастуманъ; иначе говоря, Тифлисъ и Кутаиси

ни подъ непосредственною угрозою военнаго занятія; армянскія провинціи были частью уже заняты, частью — на пути того. Армянское населеніе Тифлиса особенно должно было опасаться прихода турокъ: многіе выѣзжали уже на югъ, и мы встрѣчали такихъ по Военно-грузинской дорогѣ.

...Несмотря на такое положеніе, тифлисская толпа, по-прежнему, показала мнѣ беззаботной и жизнерадостной, когда, въ апрѣлѣ 1918 г. нашъ автомобиль остановился у зданія городского театра.

«Помогите намъ» — «Готовъ къ услугамъ, чѣмъ могу», — этому, въ сущности, сводился несложный діалогъ мой съ членомъ (главою Закавказскаго правительства) и съ Н. Жорниа, который въ правительство не входилъ, но былъ главнымъ вдохновителемъ краевыхъ политическихъ организацій (вѣтовъ), опираясь на руководимую имъ социаль-демократическую партію.

Подъ предѣлительствомъ Чхенкели приступала къ работѣ комиссия по выработкѣ конституціи Закавказья — въ эту комиссію мнѣ и предложили вступить. Я поморщился. «Вопросъ о конституціи и самомъ существованіи Закавказья различнаго въ Батумѣ — не могу-ли я быть Вамъ полезнымъ?» Рѣшено было воспользоваться моими услугами въ Батумѣ.

Въ одномъ засѣданіи конституціонной комиссіи (4-го мая) я не пошелъ все же присутствовать. Шелъ обмѣнъ мнѣній по этому вопросу: на какихъ основаніяхъ строить закавказскую державу? (новое государство уже официально именовалось державою республикою).

Мнѣнія излагались различныя. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ мусульманъ полагали, что каждая изъ трехъ частей Закавказья должна получить право *самостоятельной национальной политики*.

Баку былъ въ рукахъ большевиковъ, а турки находились самымъ подступомъ къ Азербайджану: «внѣшняя политика» империалистическая нашимъ татарамъ, (освобожденіе Баку) могла бы казаться вовсе не по вкусу армянамъ и т. д. Все это было довольно ясно; страннымъ могло казаться лишь столь скорое и полное объединеніе весьма разнородныхъ стремленій подъ именемъ «Закавказской федераціи» или подъ наименованіемъ «Демократіи Закавказья».

Нѣтъ, рѣшительно, въ маѣ 1918 года несвоевременно было заниматься разработкою конституціи для Закавказья.

Но силъ было много, онѣ искали своего приложенія: революціонные лозунги казались чудодѣйственнымъ талисманомъ...

Мѣсячая демократія давно уже завладѣла дворцомъ б. наместниковъ. Съ нею тамъ уживались еще учрежденія Кавказскаго фронта, прозябавшія больше по инерціи. Съ того момента, какъ (въ ноябрѣ 1917 г.) такъ наз. красная гвардія подъ водительствомъ Джугели захватила арсеналь, городъ былъ обезпеченъ отъ посягательствъ со стороны проходившихъ съ фронта въ Россію эшелоновъ, и порядокъ, вообще, охранялся сносно.

Словомъ, если бы не турецкая опасность, Закавказье, можетъ быть и справилось бы со своими внутренними затрудненіями: въ его сборномъ правительствѣ, въ національныхъ совѣтахъ, въ Сеймѣ запросы и чувства его населенія получали достаточно полное выраженіе и трудная работа по организациіи здѣсь республиканскаго федеративнаго строя могла бы, чего побраго, начаться.

Но... надо было ѣхать въ Батумъ.

ГЛАВА V.

ВЪ БАТУМЪ КЪ ТУРКАМЪ.

Впечатлѣніямъ очевидца Батумской конференціи 1918 г. полезно предпослать нѣсколько словъ о событіяхъ и обстоятельствахъ, вызвавшихъ это первое дипломатическое сотрудничество кавказскихъ народовъ съ державами Европы — исторически и политически вся сила была именно въ последнемъ, хотя преимущественно разговоръ велся съ Турціей*.)

Когда, въ ноябрѣ 1917 года, образовался Закавказскій Комиссаріатъ, невозможность дальнѣйшаго веденія войны противъ Турціи на русско-турецкомъ фронтѣ не вызвала сомнѣній, и рѣшено было заключить съ этою державою перемиріе. Условія его были выработаны русскимъ военнымъ начальствомъ фронта, сохранившаго еще свою видимость (къ сожалѣнію, одну только видимость!), и само перемиріе подписано 5 (18) декабря 1917 г. въ Эрзинджанѣ. Одновременно установлена была между воюющими демаркаціонная линія въ предѣлахъ Азіатской Турціи, отъ Чернаго моря до озера Ванъ.

Нѣсколько позже, по почину турецкаго правительства выдвинуть былъ вопросъ о началіи мирныхъ переговоровъ съ Закавказьемъ (начало января с. с. 1918 г.).

Комиссаріатъ, не зная точно о судьбѣ Учредительнаго Собранія и ожидая заключеній по вопросу о томъ, какъ-же быть, хотя бы отъ существовавшихъ тогда различныхъ государственныхъ (несоветскихъ) новообразованій юга Россіи, не былъ въ состояніи дать опредѣленный отвѣтъ на турецкое предложеніе.

*.) Для дальнѣйшаго см. издавше грузинскія правительство. *Документы и матеріалы по вопросамъ политики Закавказья и Грузии*. Тифлиск. 1919 г.

Среди этих колебаний, вызванных не только затруднительностью положения, но и чувством «имперской» лояльности, а также живой еще мыслью о единстве российской революции и демократии, драгоценное время упускалось; фронт окончательно рушился; «демаркационная линия», не поддерживаемая с этой стороны, не стесняла больше турок; и под предлогом насилья, допущенных армянскими частями над мусульманским населением, они начали в конце января (с. с.) 1918 г. наступление по направлению к русско-турецкой границе.

Только с созывом Закавказского Сейма (10 февр. 1918 г.) было, наконец, — с новыми проволочками — принято решение: вести с турками самостоятельные переговоры о мире. Местом переговоров избрана Трапезундъ — тогда еще занятый кавказскими войсками, и добиваться в переговорах с Турцией, сохранения государственной границы 1914 года и автономии Армении «в рамках Турецкой государственности». (16 февраля с. с.). Это — в такое время, когда кавказский фронт всюду рушился, как подгнившее здание.

Не успели в Тифлисе остановиться на этом решении, как получено было 17 февр. телеграфное сообщение Карахана о решении Советов подписать Брест-Литовский договор и об уступке этим актом округов Карса, Батума и Ардагана, т. е. о коренном изменении в пользу Турции границы 1914 г. на Кавказе. Намеченный Сеймом основания мира приобрели явно утопический характер.

Турция не замедлила, конечно, потребовать полного очищения предоставляемых ей территорий, к которым войска ее уже фактически приблизились (25 февраля с. с.); а Закавказское Правительство еще до того заявило (17 февр.) протест против уступки закавказских провинций актом «заключенным без ведома и одобрения Закавказья»*).

Трапезундская конференция, как это ни странно, все же состоялась. Турки, получив три санджака из рук Рос-

* В свое время — с значительным опозданием — Закавказскому правительству было передано приглашение принять участие в Брест-Литовских переговорах. Предложение это не обсуждалось, повициному, практически, вследствие полученных затем сведений о разрыве переговоров в Брест-Литовске. Готовность же начать отдельные переговоры о мире с Турцией вообще державами четверного Союза в это время уже имела место.

си и спѣша вступить въ обладаніе ими, очевидно не прочь были имѣть на этомъ пріобрѣтеніи Империю и Закавказья.

Что же касается делегации послѣдняго, она, какъ видно, надѣялась добиться разрѣшенія поставленныхъ ей задачъ несмотря на коренное измѣненіе политической обстановки послѣ Брестъ-Литовска и несмотря на фактической развалъ фронта: теперь и Трапезундъ былъ уже опять турецкій.

Трапезундская конференція, начавшаяся 27 февр. (с. с.) и закончившаяся 1-го апрѣля (с. с.) *отозваніемъ* обратно въ Тифлисъ закавказской делегации, привела къ слѣдующимъ дипломатическимъ результатамъ: Закавказье — согласно ультимативнаго требованія турокъ — обязалось признать Брестъ-Литовскій договоръ съ его столь тяжкими для Грузин и Арменій — но въ данный моментъ неустранимыми условіями; окончательный миръ подлежалъ заключенію Закавказьемъ, конечно, не съ одной Турціей но и съ ея союзниками (Германіей, Австро-Венгріей и Болгаріей); для этого, однако, предварительнo должна была быть провозглашена независимость Закавказской республики. Было даже условлено — правда частнымъ образомъ — что въ работахъ конференціи дѣлается лишь перерывъ — несмотря на отозваніе закавказской делегации.

Впрочемъ такъ судили въ Трапезундѣ; въ Тифлисъ-жъ Сеймъ, въ порывѣ явной экзальтаціи, призналъ необходимымъ *продолженіе войны*, послѣ увѣреній Церетели, что «итти на условія Брестъ-Литовскаго мира мы не можемъ: народныя массы его не примутъ», и заявленія Гегечкори, что «въ настоящую минуту у Правительства не можетъ быть иного рѣшенія, какъ война съ Турціей».*) На этомъ основаніи делегация и была отозвана изъ Трапезунда (31 марта с. с.). Словомъ рѣшили попытаться военнаго счастья — при отсутствіи надежныхъ войскъ и несмотря на открытое заявленіе сеймовыхъ мусульмакъ: «принять активное участіе въ этой войнѣ мы не можемъ, и потому активная отвѣтственность не падаетъ на насъ».

Въ этихъ условіяхъ революціонная риторика, парламентскія рѣчи, обращенія къ народамъ, призывы разныхъ ор-

*) Любопытно сопоставить со всѣмъ, что сказано было въ Закавказскомъ Сеймѣ въ запискѣ революціонной войны (31 марта с. с.) простое соображеніе Ленина, говорившаго, въ довольно аналогичныхъ обстоятельствахъ, противъ такой войны (28 февр. въ Ц. Ком.): «для войны нужна армія, а ее нѣтъ. Следовательно, надо принять условія» и т. д.

ганизаций: «всѣмъ на фронтъ» и пр. замѣняли собою, въ совокупности, то, что въ давнишнихъ китайскихъ войнахъ дѣлалось съ помощью изображеній драконовъ и другихъ страшлищъ.

Недоразумѣніе длилось не долго.

Въ тотъ самый день, когда въ концѣ засѣданія Сейма, на священнаго энтузіазмомъ и пафосомъ, Н. Жорданія заявилъ, что «мы вступаемъ официально на военную арену», турки совершенно «официально» — вступили въ Батумъ. Одновременно, они подвигались къ Карсу, который былъ занятъ 12 апрѣля (с. с.).

Изъ «военной» линіи, очевидно, ничего не выходило хорошаго, и рѣшено было снова налечь на линію дипломатическую.

9-го апрѣля провозглашена была независимость Закавказской федеративной республики; и тогда-же постановлено принять мѣры къ скорѣйшему заключенію мира. Но, вполне неизбежно и послѣдовательно, правительство Е. Гегечкори вышло въ отставку и замѣнено было первымъ (и, впрочемъ, единственнымъ) кабинетомъ *Закавказской федеративной республики*, сформированнымъ А. И. Чхенкели.

10 апрѣля закавказскимъ командоваііемъ данъ былъ приказъ о пріостановленіи военныхъ дѣйствій; турки отвѣтили такимъ-же распоряженіемъ, но послѣшили, не ожидая полной и методической эвакуаціи Карса, съ вывозомъ всего казеннаго имущества и сдачею имъ ватѣмъ крѣпости, немедленно ее захватить, что и произошло 12 апрѣля.

Послѣ этого турецкому главнокомандующему ничего не оставалось, какъ сообщить въ Тифлисъ... о признаніи независимости Закавказья Оттоманскимъ Правительствомъ, и о назначеніи, согласно желанія Тифлиса, Батума мѣстомъ дальнѣйшихъ переговоровъ, (15 (28) апр. 1918 г.)

Турки уже заняли провинціи, доставшіяся имъ въ Брестъ-Литовскъ; и, одновременно, невозможность для неустроеннаго, потрясеннаго Закавказья веденія самыхъ простыхъ военныхъ операций была доказана.

Въ такихъ-то условіяхъ собиралась Батумская конференція.

Разсказываютъ: когда закавказская делегация, посланная для переговоровъ въ Трапезундъ, высадилась на берегъ съ

вспомогательнаго крейсера «Король Карлъ», (это было 27-го февраля с. с. 1918 г.) кто-то изъ турокъ замѣтилъ, что если это все население «договаривающейся стороны», то прибывшихъ мало; если-же это только делегация, — ихъ слишкомъ много.*)

Делегация, предназначенная къ отправленію въ Батумъ, состояла изъ 45 лицъ — цифра чрезмѣрная, но объяснимая, помимо другихъ причинъ, специальными политическими условіями Закавказья — сборностью его власти, наличностью разныхъ недоувѣряющихъ одно-другому политическихъ слабаемыхъ.

Делегатовъ было собственно шесть: Чхенкели и Николадзе — отъ Грузіи, Гаджинскій и Расуль-заде отъ Азербайджана, Качазнуни и Хатисянъ отъ Арменіи. Были затѣмъ совѣтники, представители вѣдомствъ, «національные секретари» т. е. секретари національныхъ совѣтовъ — грузинскаго, армянскаго и мусульманскаго; военная миссія, въ составѣ двухъ генераловъ и трехъ полковниковъ и т. д.

Все пахло импровизаціею: не было ни времени, ни спокойствія, чтобы подготовиться къ дѣлу методически.

Отъѣздъ назначенъ былъ на 5-ое мая, специальнымъ поѣздомъ, куда пристроились также многіе, желавшіе ѣхать по своимъ дѣламъ въ занятый турками Батумъ. Трудно было попасть на вокзалъ, если вы не располагали автомобилемъ; но еще труднѣе было поѣзду тронуться съ мѣста: что однако, произошло, поздно ночью.

...Раннимъ утромъ въ Квирилахъ. Какъ не воздать хвалу весенней красѣ полей верхней Имеретіи, такъ прилежно обработанныхъ! Бѣлые церкви селеній; тамъ и сямъ развалины башенъ, по зеленымъ ущельямъ — богата Грузія романтическими пейзажами!

Въ этомъ одно изъ утѣшеній ея бѣдности. Другіе давно къ утѣшенію прибавили-бы и доходъ.

...Мягкость гурійскаго ландшафта (мы уже въ Гуріи) такъ не вязалась съ мыслью, что тутъ по близости окопы, позиціи османлисовъ.

Въ Супса опять остановка: почетный караулъ отъ грузинскихъ частей. Пѣхотинцы, артиллеристы и кавалеристы; всѣ въ пѣшемъ строю безъ оружія.

*) Еще Тиррану, царю Арменіи, приписывалось изреченіе «если это послы, ихъ много; если это — испрошеніе, ихъ мало» (при малѣйшей необходимости).

Чхенкели въ развалку проходить передъ ними, сопровождаемый военными; говорить рѣчь — въ глазахъ офицеровъ, вольноопредѣляющихся какъ будто-бы огонекъ, солдаты-же непроницаемы.

Отвѣтныхъ кликовъ не слышно.

Среди стѣрыхъ шинелей встрѣчаю одного тифлискаго адвоката — добровольца. Много разговоровъ о томъ, какъ папъ Батумъ, о Чолокскомъ дѣлѣ, гдѣ, какъ здѣсь увѣряютъ, чувствительно пострадали турки (уже послѣ занятія Батума);*) о неправильной приостановкѣ озургетской операціи «какъ разъ когда Озургеты переходили уже обратно въ наши руки» и т. д.

Этой весной крестьянамъ Гуріи пришлось таки расплачиваться за легкомысліе и опрометчивость съ какой въ Сеймѣ постановили возобновить войну.

Турки на дѣлѣ безъ всякаго сопротивленія, формально-же какъ будто съ боя вошли въ Батумъ.

Все наше положеніе въ предстоящихъ переговорахъ испорчено этою преждевременною, а главное ненужною пробой силъ.

Карсъ и его оборона армянами во всемъ дополняетъ картину.

...Бѣлый флагъ надъ нашимъ поѣздомъ. Вотъ турецкіе окопы, а дальше и расположеніе ихъ войскъ. Корявые, неуклюжіе солдаты. Тоже драгомировская «стѣрая скотинка»... И, можетъ быть, «святая»?

Прибываемъ въ Батумъ и располагаемся въ Hotel Oriental, на набережной, рядомъ съ морскою таможнею.

15.

И мѣсяца не прошло съ тѣхъ дней, какъ произнесены были въ Сеймѣ страстные рѣчи на тему: Батумъ или смерть! безъ Батума и жизнь не красна! — и вотъ делегаты независимаго Закавказья оказались въ Батумѣ; но не у себя, а въ гостяхъ у турокъ (6 мая 1918).

Депутаты въ Сеймѣ вовсе не переоцѣнивали значенія Батума для Закавказья и, въ особенности, для Грузіи; оно, дѣйствительно, чрезвычайно велико и общеизвѣстно. Но и Батумъ,

*) Какъ разъ здѣсь, на Чолокѣ, турки понесли жестокое пораженіе въ 1851 г. отъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ кн. П. М. Андроникова. Въ этомъ дѣлѣ «попылся себѣ славую», какъ раньше выражались, грузинская миссія и, въ частности, диоринская компания. Этого-же Чолокѣ войско сдѣлывало съ болѣе южными и болѣе известными Чоротомъ, при обезжестивленіи русско-турецкой границы на Берлинскомъ Конгрессѣ въ 1878 г.

и Карсъ, какъ части огромнаго военно-пограничнаго оборудованія Россійской Имперіи, рассчитаны были на оборону ея обширными средствами. При извѣстныхъ условіяхъ, они могли-бы сдѣлаться(и, возможно, сдѣлаются когда нибудь) элементами планомѣрнаго военного устройства собственно Кавказа или Закавказья: это не могло совершиться внезапно, на рубежѣ 1917 и 1918 г. г., когда все рушилось.

Словомъ, оказалось невозможнымъ охранить границы отъ турецкаго вторженія. Легко, однако, было видѣть, что занятіе непріателемъ на примѣръ, Батума вовсе не могло считаться *окончательнымъ*: это зависѣло-бы отъ общаго исхода войны. Съ Турціей, слѣдовательно, приходилось договариваться въ сущности лишь о нѣкоторомъ *modus vivendi*; преимущественно, объ обезпеченіи экономической связи Батума съ Закавказьемъ. Но общественное мнѣніе въ Грузіи относилось къ вопросу съ крайней нервностію; а въ частности, с. д., имѣвшіе въ Батумѣ одинъ изъ главныхъ своихъ приходовъ, труднѣе всего мирились съ тѣмъ, что они — преждевременно и преувеличенно — считали смертельнымъ ударомъ для Грузіи. Опасались также ущерба отъ этой потери вообще для дѣла революціи и демократіи.

Армяне были въ совершенно понятномъ ужасѣ: съ возвращеніемъ Турціи въ Карсъ создавалась угроза всему будущему Арменіи, и казавшіяся такъ хорошо охраненными провинціи русской Арменіи подвергались теперь непосредственной и смертельной опасности. Очевидно, армяне должны были явиться въ Батумъ съ еще болѣе тяжелымъ чувствомъ, чѣмъ грузины.

Въ иномъ положеніи находились азербайджанцы. Они въ туркахъ начинали видѣть сородичей, способныхъ во многомъ имъ помочь; ничто не побуждало ихъ смотрѣть трагически на предстоявшіе батумскіе переговоры.

Изъ этихъ столь различныхъ мотивовъ, оцѣнокъ, опасеній, стремленій, надлежало теперь извлечь общую Закавказскую политику!

Представимъ себѣ также чувства *турокъ* при занятіи ими Батума. Они какъ-бы *возвращались* сюда, послѣ 40-лѣтняго отсутствія. И хотя то, что они нашли здѣсь въ 1918 году, мало походило на Батумъ, оставленный ими въ 1878 году, они смотрѣли на провинціи (сагъжакъи), уступленные имъ въ Брестъ-Литовскѣ, какъ на всего рода турецкую Эльзасъ-Лотарингію.

возвращенную по принадлежности.*) Къ этому особому чувству присоединялось нѣчто болѣе общее: съ давнихъ уже поръ Турція привыкла терять провинціи и отдавать города. Впервые съ того времени, какъ мощь Султановъ пошла на ущербъ, войска турецкія заняли городъ, достаточно извѣстный и значительный, чтобы успѣхъ этотъ льстилъ тщеславію Стамбула. Какое ни есть утѣшеніе послѣ утраты хотя-бы Багдада (мартъ 1917 г.) и Иерусалима (декабрь 1917 г.)!

Вотъ почему такъ сіяли лица турецкихъ офицеровъ и чиновниковъ въ Батумѣ весною 1918 года, и такими новенькими, яркими казались красные кумачевые турецкіе флаги всюду на общественныхъ и казенныхъ зданіяхъ!

Главнымъ турецкимъ делегатомъ на этой конференціи былъ министръ юстиціи и (временно) иностранныхъ дѣлъ Халиль-бей, видный дѣятель группы «Единеніе и Прогрессъ» (нѣсколько позже — предсѣдатель Константинопольскаго парламента), человекъ апоплектического склада и обычного для гурокъ, ложно-французскаго лоска. Въ Батумѣ-же находился въ это время и турецкій главнокомандующій Кавказскаго фронта, Вехибъ-паша, мужчина широкоплечій съ глазами, налитыми кровью, герой столь легкихъ успѣховъ надъ войсками, уходившими, не сражаясь. Пріѣзжалъ при насъ на яхтѣ изъ Константинополя и морской министръ Джемаль-паша, членъ знаменитаго триумвирата (Талаатъ — Энверъ — Джемаль), фигура представительная и значительная**) Энверъ-паша побывалъ въ Батумѣ — но еще до нашего пріѣзда, встрѣчали его съ большимъ торжествомъ, и уѣхалъ онъ, какъ говорятъ, далеко не съ пустыми руками.

Наибольшій интересъ вызвала, однако, германская делегація. Непрियाзненныхъ чувствъ къ Германіи у населенія не было и быть не могло. Въ германцахъ видѣли хорошихъ представителей европейской культуры, европейскаго знанія и умѣнія, видѣли въ нихъ блистательныхъ воякъ, покорителей Балтики, Польши, Украины, Румыніи. Германія въ Батумѣ означала намордникъ для Турціи, а это было главное. Таковъ былъ по крайней мѣрѣ инстинктъ христіанскаго населенія Закавказья. Священной же ненависти къ германцамъ по сла-

*) Въ территоріяхъ, этихъ кровно связанныхъ съ исторіей Грузии и Арменіи, древняя христіанская культура постепенно, на протяжении вѣковъ, вытѣснялась исламомъ.

**) Джемаль-паша былъ убитъ въ Тифлисѣ въ 1922 г., при возвращеніи изъ Афганистана.

вянофильскимъ или другимъ побужденіямъ — она не была, кажется, глубока и въ русскомъ народѣ — не могли, очевидно, питать ни грузины, ни армяне, ни мусульмане.

Полномочнымъ представителемъ Германской Имперіи былъ генераль-маіоръ баварской службы фонъ-Лоссовъ, состоявшій въ это время представителемъ германскаго верховнаго командованія при турецкомъ правительствѣ*). Его простота и рыцарственность очень скоро обезпечили ему уваженіе всѣхъ. Изъ состава делегаціи назову здѣсь графа Шуленбурга, бывшаго до войны германскимъ генеральнымъ консуломъ въ Тифлисъ**) и О. фонъ-Везендонкъ, высокообразованнаго и молодого еще дипломата, специалиста по Ближнему Востоку. Ф. Везендонкъ***) — внукъ извѣстной пріятельницы-меценатки Рихарда Вагнера, Матильды Везендонкъ; и крестникъ знаменитаго Гельмгольца — что впрочемъ отвлекаетъ насъ отъ Батума.

Закавказье — т. е. точнѣе три націи Закавказья имѣли весьма разнообразныхъ представителей. Предсѣдатель делегаціи А. И. Чхенкели, глава Закавказскаго Правительства, еще въ бытность свою членомъ Государственной Думы (4-ой), показалъ себя большимъ любителемъ вопросовъ внѣшней политики; онъ обычно выступалъ по этой части отъ имени с.-демократической фракціи. Въ своей партіи онъ болѣе другихъ размышлялъ о національномъ вопросѣ и о национальныхъ интересахъ Грузіи; защищалъ ея автономію, когда это еще считалось плохимъ тономъ среди грузинскихъ соц.-демократовъ. Его почвенный патріотизмъ имѣлъ очевидный корень въ глубокой национальной традиціи лучшей части грузинскаго духовенства — среды, изъ которой вышелъ Чхенкели. Въ то же время его ревность и лояльность во всемъ, что касалось интересовъ всего Закавказья, не вызвала никакихъ сомнѣній.

Другой грузинскій делегатъ Н. Я. Николалзе несъ съ чрезвычайной легкостью бремя своихъ 75 лѣтъ. Сколько воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ онъ, въ юношескомъ увлеченіи, совѣщался съ Герценомъ о томъ, какъ дать пощечину тогдашнему російскому шефу жандармовъ! или даже съ того времени,

*) Имя генерала ф. Лоссовъ часто упоминалось въ печати, въ связи съ внутреннимъ баварско-германскимъ замѣшательствомъ конца 1923 г. (дѣло Гитлера-Бодендорфа и пр.). Онъ командовалъ императорскою вооруженною силою въ Баваріи.

**) Цанъ (1923 г.) — германскій посланникъ въ Тифлисъ.

***) Въ 1923 г. — германскій генеральный консулъ въ Тифлисъ.

когда онъ, будучи редакторъ мѣ тифлисскаго «Обзора», надѣлалъ столько шуму во всей Россіи своимъ литературнымъ процессомъ, о чемъ подробно повѣтствуетъ даже Анатолий Лева-Болье въ своемъ «Empire des Tsars!» (Какъ все это, однако, «допотопно!»)

Его неистошимая память, знаніе турецко-кавказскихъ отношеній, его блестящій даръ бесѣды, огонь въ глазахъ при бѣлой бородѣ и внушительно осанкѣ — дѣлали присутствіе его очень полезнымъ въ Батумѣ.

Главнымъ армянскимъ делегатомъ былъ А. И. Хатисянъ, врачъ по образованію, изъ армянскихъ уроженцевъ Грузіи, бывшій нѣсколько лѣтъ тифлисскимъ городскимъ головою; *persona gratisima* во дворцѣ Намѣстника при Воронцовыхъ, типичный и дѣятельный представитель того армянскаго теченія, которое, оберегая и расширяя позиціи занятія армянами всюду на Кавказѣ, надѣялось съ помощью Россіи, построить и турецкую Арменію. Это опытный, всякіе виды видѣвшій и жизнерадостный, краснощекій дѣя-ель*.)

Остальные трое были до той поры сравнительно менѣе извѣстны въ дѣлахъ закавказской политики, хотя всѣ они призваны были играть важную роль въ судьбахъ своихъ народовъ. Р. Качазуни скоро сталъ главою правительства Арменіи; пока, въ Закавказскомъ правительствѣ, онъ считался «министромъ государственнаго призрѣнія». Подобно Хатисяну и Качазуни М. Гаджинскій (также какъ и послѣдній, инженеръ) былъ въ составѣ образованнаго Чхенкели правительства; онъ входилъ туда съ портфелемъ торговли и промышленности**.)

Второй делегатъ — азербайджанецъ, Расуль-заде очень вытѣкнулся въ Сеймѣ. Онъ сдѣлалъ себѣ имя и въ Персіи, работая въ тегеранской печати вмѣстѣ съ дѣятелями персидскаго обновленія. Превосходно владѣя и персидскимъ и турецкимъ языками, онъ показывалъ своимъ личнымъ примѣромъ, какъ значительны и широки могутъ быть политическія связи восточнаго Закавказья, когда оно разовьется политически.

*) Позже Хатисовъ былъ главою правительства армянской республики.

***) Впрочемъ, все это распределеніе портфелей не имѣло серьезнаго значенія, т. е. дальнѣе распределенія ихъ дѣло не пошло на спорномъ предметомъ Закавказскаго правительства.

ГЛАВА VI.

БАТУМСКАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ.

16.

Теперь перейду къ самой конференціи, внѣшняя лѣтопись которой могла бы быть очень краткой: состоялось всего-на-всего одно засѣданіе, 11-го мая, въ зданіи батумскаго клуба.

Халиль-бей произнесъ (по турецки) привѣтственное слово съ упоминаніемъ о «прекрасной звѣздѣ свободы», возшедшей надъ Кавказомъ, о желаніи Турціи установить доброе сосѣдство и т.д. Орханъ-бей (бывшій секретаремъ у турокъ и въ Брестъ-Литовскѣ) прочелъ французскій переводъ рѣчи.

Затѣмъ обсуждался вопросъ о допущеніи къ участию въ конференціи представителя сѣверо-кавказской Горской республики, Гайдаръ-бея Баммата.

Имѣя весьма важныя связи въ Турціи, горскіе дѣятели, провозгласивъ независимость своей республики поспѣшили искать дипломатическаго и всякаго подкрѣпленія въ Константинополѣ. Тамъ же находился предсѣдатель ихъ правительства Абдуль-Меджидъ-бей Чермоевъ, чеченецъ родомъ, б. конвоецъ и офицеръ знаменитой «диной кавказской дивизіи»*), а въ то-же время и «блуждающей» (съ большими интересами въ грозненской нефти). О пріѣздѣ изъ Константинополя, вмѣстѣ съ турками, въ Батумъ на конференцію и горскихъ делегатовъ сообщалось уже въ телеграммѣ Вехибъ-паши увѣдомлявшей о признаніи Турціей независимаго Закавказскаго Правительства. (15-го апрѣля с. с.). Возможному вступленію

*) Отсюда, вѣроятно, видно, какъ горько заблуждался В. Розановъ, когда писалъ, что, постѣ всѣхъ войнъ, возстаній, Шамилъ и т. д., кавказскіе горы затопчили свои исторіи... въ коннобъ Е. Импер. Величества!

Горской республики въ общекавказскую федерацію всё очень почувствовали, и участие Г. б. Баммата въ конференціи вознагражденій, конечно, не вызвало.*)

Не успѣли приступить къ дѣлу, какъ обнаружилось ко-ренное расхожденіе между Закавказскою и Турецкою делегаціями по вопросу о Бресть-Литовскомъ договорѣ, какъ основаніи для переговоровъ. Чхенкели, повторивъ спѣланное имъ еще въ Трапезундѣ (напоследокъ) заявленіе, что Закавказье этотъ договоръ принимаетъ полностью, желалъ, чтобы текстъ его былъ *единственною* основой переговоровъ дабы Закавказью не пришлось дѣлать новыхъ территориальныхъ уступокъ Турціи, сверхъ предусмотренныхъ Б.-Л. договоромъ. Напротивъ, Халиль-бей, принимая къ свѣдѣнію это заявленіе, указывалъ на происшедшій разрывъ въ дипломатическихъ переговорахъ, на возобновленіе военныхъ дѣйствій между Турціей и Закавказьемъ, т. е. на новые факты, въ виду которыхъ Турція не согласна считать договоръ единственной основой предстоящихъ переговоровъ и признаетъ за собою право выдвигать *новые* требованія. Поэтому, Халиль-бей и предложилъ въ качествѣ основанія для переговоровъ изготовленный уже турками текстъ мирнаго договора, который былъ тутъ же ими предьявленъ.

Представитель Германіи ограничился простымъ принятіемъ къ свѣдѣнію этого разногласія между Турціей и Закавказьемъ**.)

Въ заключеніе наша делегация изъявила согласіе... познакомиться съ турецкимъ проектомъ, и на этомъ засѣданіи конференція было закрыто.

17.

Турецкій проектъ «договора мира и дружбы между Императорскимъ Оттоманскимъ Правительствомъ и Кон-

*) Комиссія, имѣвшая полномочія, состояла изъ графа Шуленбурга, турецкаго юриконсультъ Нусретъ-бей, самого Баммата и меня (отъ Закавказской делегаціи).

***) Въ этомъ же засѣданіи Закавказская делегація впервые, между прочимъ, получила официальный текстъ Бресть-Литовскаго договора. До того, у меня по крайней мѣрѣ, былъ лишь текстъ, издаваемый въ Ростовѣ-на-Дону «Затемерившею организаціей партіи лѣвыхъ социалистовъ-революціонеровъ интернационалистовъ» и напечатанный въ типографіи Т-ва «Обновленіе» Товарищества Рабочихъ и Студентовъ.

федеративную Закавказскую республику» состояла из 12 статей; к нему имелось три приложения (временные правила о торговле и мореплавании; объ особых льготах, применяемых к сношениям в пограничных местностях в; о порядке устранения разногласий в толкованиях договора).

Наконец, дополнительный к основному договор касался вопросов, связанных с чисто военными интересами Турции в данный момент.

Несомненно, наибольшее впечатление производили новые территориальные требования Турции. Указанная в ее проекте граница означала для Грузии отторжение старых ее областей (подвергшихся позже исламизации) приобретенных Россией по Адрианопольскому миру 1828 года и теснейшим образом связанных с в. Тифлисской губернией: речь идет объ ее уездах Ахалцихском и Ахалкалакском (на последний, впрочем, заселенный уже в XIX столетии армянскими выходцами претендовала Армения).

Для Армении новая граница была равносильна полному почти уничтожению: Александрополь и большая часть уездов Александропольского и Эмиалинского — т. е. наиболее так сказать армянская часть Армении — переходила к Турции, вместе с железной дорогой Карс — Александрополь и Александрополь — персидская граница.

В этих условиях Турция обезпечивала себя в сущности не только политической контроле всего Закавказья, но еще и тесное территориальное примыкание к Азербайджану и к Персии (т. е. персидскому Азербайджану) — иными словами, к странам с населением тюркской же породы и тюркской речи.

Важную часть турецкого проекта составляли также требования, имевшие целью облегчить военные операции против англичан в Северной Персии. Главным образом, имелось в виду использование для этой задачи железных дорог Закавказья, но также и бакинского порта (для возможных операций на Каспийском море).

Во всяком случае, вопросы были поставлены с полной определенностью. Понятно было для всех, что турецкие требования не будут сколько-нибудь существенно смягчены; что противиться им силой мы не можем; и что принятием их порождают в корнях Закавказья, как связь трех народов, так как эта Армения мало что осталась бы после нового «разделения».

Что в условиях весны 1918 года турки, овладев Батумом и Карсом, пожелают получить еще Ахалцих и Александрополь, в этом не было ничего неожиданного для многих из нас.

Спрашивалось, как теперь быть?

Если против турок можно было получить поддержку, то только дипломатическую; и дать ее могли только германцы. О помощи со стороны англичан и французов, на чьей стороне наши народы висть со всей Россией несли тягости войны с 1914 года, и помину не было: англичане в Северной Персии отделены были и расстоянием, и большевицким заслоном в Баку и вообще, невозможностью установить с ними сношения.

Мне лично вопросы территориальные не казались столь важными, ибо установление границ на могло быть окончательным, пока еще продолжалась война. Я вхал в Батум с полным убеждением в том, что Германию Закавказье интересуется не только в виду возможности использования некоторых его ресурсов в войну, но еще больше с точки зрения общего плана германского проникновения на ближний восток. Германия, думалось, союзник Турции и не станет ей поперек дороги ни в том, что Турция будет делать в рамках общего ведения войны, ни в тех специально турецких домогательствах, которые будут хоть сколько-нибудь обоснованы, и удовлетворение которых будет как-бы поощрением Турции за ее труды. Но она несомненно выйдет за пределы того, что необходимо для войны, или что ей «причитается».

Вот тут, казалось, поскольку эта союзница позволить себя какую-нибудь «отсебятину», какую-нибудь вольность, можно будет добиться контроля над нею, или даже veto ее старшей, более могущественной и более разумной союзницы — Германии. Для этого нужен лишь соответствующий подход, подготовка.

Турки занимают Батум, Озургеты и Ахалцих; соблазн овладеть Тифлисом — для прямой связи с Баку и для иных выгод — велик! Этому надо помешать и этому можно воспрепятствовать; можно и слдует предупредить вторжение турок внутрь Грузии!

Азербайджан пожелает, чего доброго, турецкой помощи и в борьбе с большевиками, засевшими в Баку, и для пре-

иводѣйствія анархіи: что-же дѣлать! но въ Грузіи намъ турки не нужны. Армения? Ни въ отдѣльности, ни совмѣстно съ Грузіей воевать съ Турціей она не можетъ, — старый фронтъ распался, а новаго нельзя создать, когда неприятель уже у насъ въ странѣ, и когда нашъ третій партнеръ — Азербайджанъ откровенно, безъ обиняковъ, заявилъ, что съ Турціей онъ воевать не будетъ.

Германія поможетъ Арменіи какъ нибудь уцѣлѣть въ эту бурю. Армянскіе делегаты имѣютъ возможность говорить объ этомъ здѣсь непосредственно съ германскимъ представителемъ. Этой возможности они и не упускаютъ. Въ добрый часъ! Но Армения должна пока какъ-бы притаиться, отказавшись отъ вооруженнаго сопротивленія, которое вѣдь безцѣльно. Позже видно будетъ.

Такъ начиналась выясняться безнадежность *Закавказской* позиціи и подсказывалась — по крайней мѣрѣ, грузинамъ — необходимость и возможность подготовки позиціи *грузинской*. И это не только съ цѣлью выпутаться, найти практическій выходъ изъ жестокихъ условій, какъ они сложились для Закавказья и Грузіи къ лѣту 1918 года, благодаря полному разрушенію Россійской Имперіи: нѣтъ, за этой, неотложной и острой задачей дня выступала, конечно, болѣе глубокая, историческая обязанность нашего поколѣнія содѣйствовать, насколько возможно, возстановленію или созданію, въ этихъ новыхъ условіяхъ, основы для національно-государственной будущности нашихъ кавказскихъ народовъ. Если не теперь, не нами самими, то когда и кѣмъ долженъ быть заложенъ этотъ фундаментъ?

Надлежало найти, — пользуясь обстоятельствами — пути и формы для осуществленія того, что носилось въ воздухѣ какъ зрѣлая для воплощенія, не воплощенная еще дѣйствительность. Въ двухъ словахъ: предстояло стоять на позиціи *Закавказья* (какъ оно сложилось случайно) до послѣдняго момента; затѣмъ, переходить на позиціи національныя и маневрировать отдѣльно, а, главное, закрѣпить въ государственномъ сознаніи каждаго изъ нашихъ народовъ ихъ независимость; и, при первой возможности, установить, затѣмъ, на упороченной основѣ, политическое цѣлое Закавказья или Кавказа!

Первая часть этой схемы и была осуществлена заименно кавказскою делегациею; затѣмъ грузинскою делегациею въ Батумѣ.

грузинскими дѣятелями въ Тифлисѣ былъ подготовленъ —
утомъ провозглашенія независимости Грузіи — переходъ
консолидаціи отдѣльно Грузіи, Арменіи и Азербайджана.

Такъ осмыслался этотъ процессъ. Рѣшенія не отъ меня
высѣли; но я могъ вліять на нихъ, будучи совѣтникомъ де-
легаціи и ея грузинскаго отдѣла по всѣмъ главнымъ вопросамъ.

19.

Мы вступили немедленно въ прерирательство съ турками,
а почвъ предъявленнаго ими проекта: въ нашемъ довольно
ки плачевномъ положеніи меморандумы и ноты были един-
ственными оружіемъ!

Въ «состязательныхъ бумагахъ» — составленіе ихъ было
озложено на меня — мы стали на строго формальную почву:
противъ Турціи мы постаралась повернуть тотъ самый Брестъ-
литовскій договоръ, которымъ она еще въ Трапезундѣ желала
завить Закавказье.

Здѣсь, въ Батумѣ, Турція предлагала намъ, какъ мы ви-
ѣли, во-первыхъ договоръ дружбы и мира, во-вторыхъ,
собую конвенцію по военнымъ вопросамъ и, наконецъ, спе-
ціальныя соглашенія, относящіяся къ «доброму сосѣдству»
сторонъ.

Мы отвѣтили по поводу этой схемы такъ: *основной* мирный
договоръ и *дополнительная* къ нему конвенція о военныхъ ма-
теріяхъ должны быть заключены нами не съ одной Турціей, ..
съ *всѣми* державами четвернаго Союза; остальные-же предла-
гаемыя намъ соглашенія («добрососѣдскія») дѣйствительно,
могутъ быть заключены между нами и одной Турціей, (мемо-
андумъ Закавказ. делегаціи отъ 13-го мая).

Противъ этого турки представили (15-го мая) слѣдующее
возраженіе: «не Ваше дѣло высказываться о томъ, какіе во-
просы суть общіе для четырехъ союзниковъ, а какіе касаются
лишь одного изъ нихъ и Закавказской Республики. Предоставь-
те объ этомъ судить намъ, союзникамъ, между собою».

Нашъ отвѣтъ на это возраженіе: Вы, слѣдовательно, при-
няли, что есть темы, подлежащія переговорамъ со всѣми
четырьмя державами; и другія, касающіяся лишь насъ въ
самомъ. Отлично. Принимаемъ къ свѣдѣнію. Вы находите,
однако, что объ этомъ раздѣленіи позаботятся сами союзники,
самъ-же, Закавказью, слѣдуетъ въ данномъ случаѣ молчать.
но мы вовсе и не входимъ въ обсужденіе того, что именно

отнести къ общему договору, и что къ спеціальнымъ! Мы верждаемъ лишь, что *общій* договоръ будетъ нами заключенъ не съ одной Турціей, а со всѣми четырьмя державами. Не какъ одной изъ договаривающихся сторонъ, кажется, полено интересоваться тѣмъ, кто именно является другою роною? (нота Закавк. делегаціи 17-го мая).

Мы продолжали ссылаться и на отсутствіе у турокъ права требовать чего либо *сверхъ* уступокъ, сдѣланныхъ имъ Брестъ-Литовскому договору. Здѣсь наша позиція была слаба; однако, на ней приходилось упорствовать, такъ какъ былъ главный доводъ А. Чхенкели еще съ конца трапезундской конференціи. Ослаблялась же эта точка зрѣнія (т. е. что было новыхъ обстоятельствъ, измѣнившихъ между нами международное положеніе — не можетъ быть и новыхъ требованій) такими фактами, какъ весь военно-патріотическій шумъ поднятый Сеймомъ, въ виду нежеланія турокъ отказаться отъ Батума и Карса, рядъ принятыхъ имъ военныхъ рѣшій, отозваніе делегаціи изъ Трапезунда и т. д.

Вслѣдствіе этихъ фактовъ, турки получили возможность утверждать, что заявленіе Чхенкели въ Трапезундѣ о принятіи Брестъ-Литовскаго договора было «дезаурировано» кавказскимъ правительствомъ Гегечкори, и что возобновленіе войны Закавказскою республикою именно и повлекло за собою измѣненіе въ международномъ положеніи, которое даетъ первъ Турціи право предъявлять новыя требованія.

Словомъ, въ этомъ пунктѣ почва подъ нами была неустойчива. Съ тѣмъ большей твердостью обратили мы протестъ турецкаго проекта острѣе Брестъ-Литовскаго договора.

«Какъ это? — говорили мы: «вы по-просту включили теперь (по вашему проекту) въ составъ Оттоманской Имперіи территоріи, государственное и международное устройство которыхъ обставлено условіями ст. 4 Брестъ-Литовскаго договора? Тамъ вѣдь предусмотрены права «сосѣднихъ государствъ»; въ согласіи съ ними и долженъ быть установленъ населеніемъ округовъ Батума, Карса и Ардагана новый рядокъ въ этихъ территоріяхъ. Сосѣднія государства — прежде всего, Турція; но, затѣмъ, это и Закавказье; а теперь вы просто забираете эти провинціи, отмѣняя договоръ, вами одними подписанный, договоръ, предоставившій и неизвѣстное участіе въ дѣлѣ. Такъ нельзя». (см. Закавк. мем.

рандумъ 16-го мая). Словомъ, теперь уже мы выступили въ роли блюстителей Брестъ-Литовскаго договора!

Послѣдній доводъ былъ особенно неприятенъ туркамъ, и отвѣтъ ихъ (18-го мая) сверхъ ссылки на факты, измѣнившіе положеніе сторонъ въ эпоху отъѣзда Закавказской делегаціи изъ Трапезунда и позже, заключалъ въ себѣ слѣдующую угрозу: *«настоянія Закавказской делегаціи высказываться о вышеозначенной (т. е. 4-ой) статьѣ Брестъ-Литовскаго договора могутъ имѣть самыя серьезныя послѣдствія на ходъ текущихъ переговоровъ».*

Мы могли однако позволить себѣ тогда въ Батумѣ роскошь такой полемики главнымъ образомъ потому, что имѣли возможность напоминать Турціи (см. мемор. 16 мая) что «присутствіе здѣсь делегаціи Германской Имперіи служитъ нагляднымъ доказательствомъ того, что державы, союзныя Турціи и вмѣстѣ съ нею подписавшія Б.-Л. договоръ, принимаютъ прямое участіе въ дѣлахъ, связанныхъ съ ликвидаціей міровой войны на Кавказскомъ фронтѣ».

Въ этомъ пунктѣ мы состязанія не проиграли. Мы доказали, и показали Турціи, что она не можетъ распоряжаться нашею судьбою единолично.

ГЛАВА VII.

РАЗВАЛЬ ЗАКАВКАЗЬЯ.

20.

Задача чисто дипломатической кампании обозначена достаточно ясно. Можно было надеяться на некоторое снисхождение предъявляемых намъ требованій съ помощью Германіи. Но не было никакой надежды на то, чтобы вывести Закавказье изъ войны и, поставивъ его въ положеніе страны нейтральности, приступить къ его устройству и успокоенію. Его желѣзнодорожные пути нужны были воюющимъ сторонамъ: при слабомъ Закавказьѣ, провозглашеннаго независимымъ, но пока еще всѣмъ зависѣвшимъ, эта рельсовая сѣть призвана была усилить его (изъ «большихъ»), кто первый наложилъ-бы на нее руку.

Всѣ преимущества были тутъ на сторонѣ коалиціи, руководимой Германіей, такъ какъ, владѣя (съ апрѣля 1918) Карсомъ и Батумомъ, турки уже держали за одинъ конецъ рельсового пути, соединявшій турецкій театръ войны съ персидскимъ. Какъ всякій знаетъ, тотъ же путь велъ къ Баку и къ хлопку Туркестана.

При другихъ условіяхъ дѣло свелось бы къ спеціальной конвенціи о пользованіи желѣзными дорогами; Закавказское правительство и шло на это — по необходимости. Бѣда, однако, въ томъ, что вторженіе турокъ въ предѣлы Закавказья приводило немедленно и фатально къ разнообразнымъ и опаснымъ осложненіямъ. Рельсовый путь въ Персію велъ черезъ армянскія провинціи: турки впадали въ соблазнъ продолженія и здѣсь той политики уничтоженія армянъ, которая ими проводилась во время войны въ Турціи; и этимъ приводилась

дѣйствіе взаимонстребительная вражда между татарскимъ и армянскимъ населеніемъ возвращенная еще при русскомъ владычествѣ. Съ другой стороны, приходили въ броженіе всѣ, кто только по исторической-ли традиціи, по чувству-ли расовой и религиозной общности или вообще «по встрѣтившейся надобности», считалъ себя естественнымъ кліентомъ Турціи, или просился теперь въ ея кліенты. Все это усиливалось, подстигалось иллюзіей ея побѣдоносности, искусно раздуваемой многочисленными тайными и явными ея агентами. Да и прислала вѣдь Турція на Кавказъ «армію Ислама»...

Вотъ почему, самъ т.о. себѣ несложный вопросъ о пропускѣ турецкихъ войскъ по линіи Александрополь-Джувльфа (съ цѣлью противодѣйствія англійскимъ войскамъ, какъ писалъ Вехибъ-паша) вызвалъ чрезвычайныя тренія между закавказскою и турецкою делегаціями.

Александрополь*) былъ захваченъ турецкими войсками; армянскія части оказались не въ силахъ его защищать. Армяне, какъ и другіе делегаты, признавали всю неизбѣжность предоставленія желѣзной дороги турецкому командованію; но желательны были, конечно, опредѣленные гарантіи и предварительное взаимное соглашеніе по такому щекотливому предмету. Турки-же, ссылаясь на невозможность, по военнымъ обстоятельствамъ, промедленія, шли на проломъ.

Причинено было много страданій мѣстному армянскому населенію, и много неприятностей закавказской делегаціи. Дѣлу можно было нѣсколько помочь лишь разрѣшивъ съ помощью германцевъ весь вообще вопросъ о взаимоотношеніяхъ нашихъ съ державами четверного Союза. Протесты же и ссылки на «попираемый суверенитетъ», которыя заявлялись А. Чхенкели въ перепискѣ по этому дѣлу, были необходимы, но и бесплодны.

Подобныя осложненія дѣлали всю обстановку конференціи крайне тяжелой. Руководители къ тому-же вовсе не давали примѣра хладнокровія и выдержки.

Не было ни чувства пропорцій, ни спокойнаго различенія между достижимымъ и фантастическимъ, между явленіями перваго плана и второстепенными, между длительнымъ и переходящимъ.

Въ многолюдной и нервной кулисѣ окружавшей конференцію внезапно появлялись и потомъ исчезали то пріѣзжавшіе изъ Тифлиса дѣятели-гастролеры, представители п. д. и, націй

*) Военная база и узелъ линій на Тифлисъ, Карсъ и Джувльфу.

или группъ, то отдѣльные добровольцы-политики, пор-
прямые авантюристы. Мѣстные батумскіе дѣятели, томивші
въ бездѣліи; наши плѣнные офицеры; политическіе хода
изъ разныхъ мусульманскихъ провинцій, всего Кавка
многіе въ новенькихъ фескахъ, сразу придавшихъ ихъ лиц
«оттоманское» выраженіе; турки кавказскаго происхожде
— все это гудѣло, волновалось сплошнымъ роємъ вокр
насъ.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ записей того времени

Май 1918 г.

Въ Батумѣ — постоянное ощущеніе парника. Отъ зна
нитыхъ его осадковъ — бамбукъ, чай и все пресловутое
тропическое; и отъ осадковъ-же рѣдко когда ясенъ горизон
рѣдко видны линіи горъ, и природа всегда готова къ пож

«Бульварь», конечно, наряженъ; и южному морю пол
ется быть красивымъ. Но въ самомъ Батумѣ мало интерес
потому-что мало характернаго. Улицы такъ себѣ, не
опрятности. Единственный, кажется, уголокъ съ «лица на
щимъ выраженьемъ» — такъ называемая Греческая ул

Я сказалъ: «опрятность». Она скоро пострадаетъ.
полъ моего зрѣнія (изъ окна гостиницы) уже съ недѣлю
появилась дохлая кошка, на улицѣ. Что-то будетъ э
черезъ годъ-два? Но засидятся-ли здѣсь турки?

Всюду полумѣсяцъ со звѣздой на красномъ полѣ; и ф
приумножились; но частью это — политическій маска
частью-же онѣ пришлыя, временныя. У пристани мало п
ходовъ; зато закопошился тамъ анатолійскій приморскій л
около своихъ парусниковъ. И извѣчная левантинская то

Условія формированія нашей делегации таковы.
трудно было избѣжать чудовищнаго, несуразнаго. Почему
приходить на память сборная селянка, rot-rouggi и т. п. ве

...Какъ хорошо, что большинство не понимаетъ и
чувствуетъ всей тяжести наносимыхъ ударовъ. Повседневн
мыслей и чувствъ. Люди вертятся, какъ сухіе листья п
осеннимъ вѣтромъ.

Нестройное гремянне клавишъ разбитаго инструмен
Несносный скрипъ несмазанной телеги.

Визитъ трехъ турецкихъ вельможъ: Джемаль-паши,
гила и Вехиба. Они пожелали познакомиться ближе съ

шими делегатами. Усѣлись втроемъ на диванъ, прочно занявъ его. Подано кофе. По сю сторону, цѣлымъ архипелагомъ размѣстились въ небольшой гостиной закавказскіе делегаты. Я приглашенъ въ качествѣ «сотрудника». Сначала вольные разговоры; затѣмъ наши гости просятъ, чтобы каждая изъ нашихъ національныхъ секцій высказалась по душѣ.

Чхенкели всегда въ восторгѣ, когда выпадаютъ случаи вести «международные» разговоры. Здѣсь передъ нимъ три столба Порты Оттоманской, лицомъ къ лицу съ глашатаями трехъ кавказскихъ націй. Эта цифра три мистически на него подѣйствовала, и онъ, имѣя трехъ мусульманъ передъ собою, и двухъ въ своей делегации, началъ съ того, что, «хоть онъ, какъ социалистъ, и не придаетъ большого значенія религиознымъ догматамъ, но что подобно тому какъ Богъ, хотя въ трехъ лицахъ, но единъ, такъ и Закавказье, хотя включаетъ въ себя три націи, но» и т. д. Какова сила богословской закваски*) и атавизма?

Затѣмъ говорилъ Николадзе, просто, кратко и вѣско о пользѣ закавказской независимости для самой Турціи, о необходимости не лишать сначала-же Закавказье элементовъ, необходимыхъ для его жизнениости и т. д. Хатисовъ выбралъ темою армянскій вопросъ, напомнилъ Джемалю-пашѣ о его командованіи въ Палестинѣ и добромъ отношеніи къ христіанамъ, о его товарищахъ-армянахъ (Зохрабъ и др.), соратникахъ по турецкой революціи.

Х., очевидно, наступилъ на больное мѣсто: Джемаль-паша сдѣлалъ серьезное лицо и посовѣтовалъ вопроса этого не касаться — послѣ всего, что произошло. (По глубокому убѣжденію самихъ турокъ, армяне въ Турціи поразили ихъ ножомъ въ спину, въ войнѣ 1914-15 г. г.).

Третье слово было сказано Мамедъ-Гасаномъ Гаджинскимъ: онъ говорилъ привѣтливо; выражалъ надежды, изъявлялъ радость - благоразумно избѣгая и теологій и острыхъ національныхъ вопросовъ.

Послѣ живой общей бесѣды наши гости уѣхали.

22.

Въ маѣ 1918 года Россія казалась тѣмъ, кто былъ въ Батумѣ, такой далекой. Совѣтская власть не простиралась на Закавказье. Независимость была объявлена. На Сѣверномъ

*) Ч. былъ въ духовн. семинаріи.

Кавказъ — положеніе переменчивое, неопредѣленное; благодаря естественной границѣ — Кавказскому хребту, получалась какъ бы изоляція отъ того, что бушевало въ Россіи. Въ Баку (передъ которымъ стоялъ закавказскій военный заслонъ) и въ другихъ пунктахъ Каспійскаго побережья существовали, правда, совѣтскія группы подъ разными сложными и предлинными названіями. Но, вообще говоря, обширныя неустроенныя пространства отдѣляли пока Закавказье отъ истинныхъ центровъ Совѣтской Россіи, хотя аванпосты ея были разбросаны по близости.

Европейская война достигла зенита. Германія была ровно заинтересована въ установленіи на Востокъ хотя-бы временнаго равновѣсія. Этому служили договоры, Брест-Литовскій и Бухарестскій, и вся «политика окраинныхъ государствъ», отъ Балтики до Чернаго моря; для этого-жъ Германія старалась теперь какъ-нибудь согласовать интересы Турціи и Закавказья.

Надлежало выяснить также взаимоотношенія между Закавказьемъ и Совѣтской Россіей. Это было необходимо вообще для устойчивости порядка, который былъ-бы устроен трудами батумской конференціи въ Закавказьи, а въ частности для мирнаго разрѣшенія вопроса о Баку и о бакинской нефти (вопроса всегда остраго для Россіи, но получившаго теперь по разнымъ побужденіямъ, остроту и для Германіи, и для Турціи съ Азербайджаномъ).

Посредничество, съ цѣлью примиренія Закавказья съ Совѣтами, и было предложено германскимъ правительствомъ въ Москвѣ въ серединѣ мая, т. е. въ самый разгаръ батумской конференціи. Переданное графомъ Мирбахомъ, предложено это вызвало со стороны народнаго комиссаріата заявленіе необходимости привлеченія къ участию въ Батумской конференціи представителя Россіи и, одновременно, указаніе на самозванность «такъ называемаго Закавказскаго правительства», противъ котораго повсюду-де высказываются массовыя народныя митинги и т. д.

Намъ не трудно было опровергнуть такую оцѣнку полномочій Закавказскаго правительства (19 мая). Да и сами комиссары, очевидно, не придавали ей значенія, такъ какъ совѣтское правительство не замедлило принять германское посредничество въ вопросѣ о признаніи Закавказья Россіей. Сообщая намъ объ этомъ (21-го мая) фонъ-Поссовъ прибавлялъ, что собирается извѣстить Мирба-

въ Москвѣ о большевицкихъ угрозахъ Закавказью со стороны Сухума и Баку (такія угрозы были), и что Германія вообще настоятельно совѣтуетъ русскому правительству не наступать на Закавказье.

Въ 1918 году время для такого наступленія еще не пришло. Но и принять участіе въ Батумской конференціи совѣтскому представителю не пришлось. При посредствѣ Германіи условлено было лишь, что представитель Закавказья вступитъ въ переговоры съ Совѣтскимъ Правительствомъ гдѣ либо въ предѣлахъ Совѣтской Федерациі, недалеко отъ Закавказья (предложеный Германскимъ правительствомъ, Кіевъ Чичеринъ считалъ мѣстомъ неудобнымъ)*). Но и эта мысль, по измѣнившимся обстоятельствамъ, осталась безъ осуществленія. Однако, впервые поставленъ былъ вопросъ о признаніи независимости Закавказья Россію: и выяснилось, что, въ условіяхъ середины 1918 года, ключъ къ этому признанію лежалъ въ Берлинѣ.

ГЛАВА VIII.

НОВЫЙ ПУТЬ.

23.

Треволненія, вызванныя домогательствами турокъ, достигли крайняго напряженія, когда делегация наша получила отъ генерала ф.-Лоссова формальное предложеніе добрыхъ услугъ въ качествѣ посредника, въ виду безуспѣшности сношеній между оттоманскими и закавказскими представителями (19-го мая). Большинство находило, что за это предложеніе слѣдовало ухватиться. Однако мусульмане, какъ выяснилось въ совѣщаніи делегации, боялись принятіемъ германскаго посредничества обидѣть турокъ: ихъ надлежало-бы предварительно спросить и т. д. По мнѣнію Гаджинскаго, вообще, не слѣдовало затягивать переговоры. «Надо кончать, говорилъ онъ, такъ или иначе: для восточной части Закавказья несогласія не существенны». Эти несогласія были очень существенны для Грузіи и Арменіи. Мы стояли на перекресткѣ: однимъ было по пути съ турками, другимъ — не по пути.

Фонъ-Лоссову тогда-же отвѣтили принятіемъ его предложенія.

Близилась развязка. Побѣдоносная Турція какъ сильно дѣйствующій реактивъ вызвала распадѣніе слабаго еще, и устроеннаго, потрясеннаго войною и революціей агломерата Закавказья. Отъ него естественно отваливался мусульманскій Азербайджанъ, влекомый къ Турціи магнитною силою е притяженія. Голось породы оказался сильнѣе вѣкового пре дубѣжденія шиитовъ противъ суннитъ, особенно въ тѣхъ об разованныхъ слояхъ, шиитское рвеніе которыхъ значительно остыло подѣ влияніемъ русско-европейской культуры.

Этимъ однимъ для Закавказья уже исключалась возможность единого политическаго маневрированія, т. е. единой вѣдшей политики. Каждая часть его должна была сама о себѣ позаботиться.

Что Грузія была къ тому готова, сравнительною организованностью своей, съ такой увѣренностью мы пріѣхали въ Батумъ. Что она должна дѣйствовать самостоятельно, выяснилось окончательно послѣ занятія турками всей мусульманской части Грузіи — отъ Батума до Боржомскаго ущелья, и въ виду неударжимой тяги ихъ къ берегамъ Каспійскаго моря.

Быть этапнымъ корридормъ для «арміи ислама», хотя бы временно, насъ не соблазняло. Прогнать турокъ силою мы не могли. Единственный выходъ — политика германскаго «намордника». Но для этого нужно: *выступленіе независимой Грузіи; уговоръ съ Германіей и определенная германская поддержка.*

Практическая злоба дня побуждала именно такъ ставить вопросъ: но гораздо болѣе глубокія побужденія толкали на тотъ же путь. Какъ было не услышать въ этотъ единственный моментъ клокотанія историческихъ стихій, какъ было не внять голосу зѣхъ, кого уже давно нѣтъ; какъ не подумать и о тѣхъ, что еще придутъ? Сколько поколѣній создавали грузинскую націю и тщетно искали для нея условій вольнаго развитія подъ солнцемъ? Вотъ независимость застучала въ дверь — какъ не броситься ей на встрѣчу! Если упустишь это мгновеніе, какъ отвѣтить потомъ перець тѣми, кто будетъ послѣ насъ? Или этотъ народъ рожденъ только для рабства, для подчиненія, и ему окончательно презратится въ «этнический матеріалъ», изъ котораго штампуются, смотря по обстоятельствамъ: вамъ то персы, то турки, то русскіе? Нѣтъ, онъ помнитъ; онъ желаетъ воспрянуть и стать опять самимъ собою. Онъ этого не желаетъ? Онъ вздохнетъ о своей тюрьмѣ какъ «Шильонскій узникъ» Байрона? пусть это теперь и обнаружится! Перевертывается страница исторіи.

Впрочемъ, въ такихъ размышленіяхъ не было надобности: однимъ, немногимъ, они давно были знакомы. Другіе прониклись скорѣе тактическими соображеніями. У большинства и вопроса не возникало: воля, инстинктъ, подсознательное несли ихъ въ эту сторону. «Шахматный» же расчетъ былъ не богъ вѣсть какой сложный: прежде всего, опираясь на Германію, оградиться отъ турокъ и организовать. Въ организован-

номъ видѣ, какъ нація, ждуть окончанія мировой войны — положеніе наше тогда и опредѣлится, приче́мъ мы и сами будемъ факторомъ, его опредѣляющимъ, — хотя-бы и скромнымъ. И соотношеніе съ Россіей выяснится тѣмъ-же путемъ.

Въ откровенныхъ бесѣдахъ съ членами Германской делегаціи, подготовлена была намѣчавшаяся позиція Грузіи — въ предвидѣніи неизбежнаго развала Закавказской коалиціи. Всего нѣсколько лицъ были, такъ сказать, въ секретѣ. Пріѣхавшій изъ Тифлиса Н. Жорданія, по своему положенію председателя грузинскаго Национальнаго Совѣта, лидера соц.-дем. партіи въ Зак. Сеймѣ и въ Грузіи, былъ лицомъ, на чью долю выпала трудная задача проведенія въ Тифлисѣ основныхъ актовъ (провозглашенія независимости Грузіи и самоотмѣны Закавказскаго Сейма). У него были, повидимому, колебанія: вполнѣ понятныя и законныя: независимость Грузіи мало вязалась и съ доктриною всей его прежней работы, и съ принадлежностью его къ россійской соц. демократ. партіи. Но разъ «увѣровавъ» онъ взялся за проведеніе новой программы искусною рукою.

22-го мая онъ уѣхалъ обратно въ Тифлисъ. Работа «германско-грузинская», параллельно съ «закавказско-турецкой» шла полнымъ ходомъ.

24 мая генераль фонъ-Лоссовъ извѣстилъ насъ о безуспѣшности попытокъ его посредничества. 25-го председатель Закавказской делегаціи получилъ отъ генерала увѣдомленіе, что въ виду предстоящаго, по его свѣдѣніямъ, распаданія Закавказской республики и измѣненія, въ связи съ этимъ всей обстановки, ему необходимо личное сношеніе со своимъ правительствомъ, вслѣдствіе чего онъ рѣшилъ покинуть Батумъ вечеромъ-же на пароходѣ «Минна Хорнъ».

Германская делегація дѣйствительно отбыла въ этотъ вечеръ изъ Батума.

26-го мая Закавказская делегація получила ультиматумъ Турціи съ требованіемъ принятія совокупности турецкихъ предложеній (дополненныхъ новымъ измѣненіемъ границъ въ пользу Турціи) въ 72-часовой срокъ. Въ моментъ полученія ультиматума Закавказская республика уже не существовала: ровно за 4 часа до того въ Тифлисѣ послѣдовало объявленіе независимости Грузіи. Вотъ, впрочемъ, нѣсколько отрывковъ, которые лучше выразятъ смѣну событій.

Батумь, 21 мая 1918.

Утромъ обзрѣваемъ съ Н. Жорданія и Николадзе по картѣ необходимыя намъ границы. Въ крайнемъ случаѣ готовы «отдать» Закатальскій округъ. Никакихъ другихъ изправлений границъ въ пользу Азербайджана не допускаемъ. Турки пристали буквально съ ножомъ къ горлу, — но Ахалцихъ, Хертвиси должны остаться въ Грузіи.

Днемъ—совѣщаніе грузинъ съ татарами о взаимной границѣ. Съ одной стороны — Николадзе, Жорданія, Сургуладзе и я; съ другой — ханъ Хойскій, Хасмамедовъ, Сафиюрдскій, Пепиновъ, Усубековъ, Джафаровъ. Армяне отказались отъ частей Елисаветпольской губ. (Карабагъ), и мусульмане... согласны на образованіе особаго армянскаго кантона въ Закавказьи (примѣрно, по схемѣ «Александропольской губерніи» недавней эпохи земскихъ мечтаній). У насъ они не прочь отхватить части уѣздовъ Сигнахскаго, Тифлисскаго и Борчалинскаго (каково слышать объ этомъ царямъ въ михетскихъ могилахъ!), но соглашеніе здѣсь возможно: они уступятъ. По ахалцихскому вопросу Пепиновъ выдвигаетъ самоопредѣленіе (разумѣя присоединеніе къ Турціи).

Въ общемъ, наши друзья-мусульмане увѣряютъ, что «трѣдиное» Закавказье будутъ отстаивать всячески; но, говорятъ они, какъ быть, если турки отъ своихъ требованій не откажутся, и одинъ изъ проектируемыхъ «кантоновъ» будетъ отсутствовать? Они желали-бы сохранить въ этомъ случаѣ Закавказье хотя-бы «дваединнымъ»...

Мы отвѣтили, что если Закавказью будетъ дѣйствительно нанесенъ такой ударъ въ Батумь, то мы будемъ считать себя свободными, и каждая сторона должна будетъ осмотрѣться.

Ну, не преждевременно-ли было приступать къ сочиненію Закавказской конституціи въ Тифлисѣ?

Позже, прогулка въ «закавказскомъ» автомобилѣ; слутники мои — Мхенкели, Жорданія уже болѣе года какъ освоились съ этой цѣнной прерогативой революціонной власти. Зверхъ по ущелью Чороха, до впаденія Аджарисъ-икали. Насколько этотъ пейзажъ, эти мощныя коренныя деревья пріятъ «е при- морскихъ «субтропическихъ» ухищреніи».

Группы муловъ съ выюками и проводники ихъ едва-ли были иными въ дни блаженнаго отца нашего Григорія изъ Хандзты, который здѣсь по близости, въ грузинской Фиваидѣ

— Кларджетти, вмѣстѣ съ другими иноками молился за грѣхи наши — тому назадъ свыше тысячи лѣтъ.

Это бѣженцы, разсѣянные русско-турецкими сшибками, возвращаются обратно.

— Поздно ночью помогаю генераламъ Одишелидзе и Корганову въ просмотрѣ, вмѣстѣ съ двумя турецкими офицерами, текста спеціально военнаго соглашенія. Жаль генераловъ

22 мая.

Рѣшительное совѣщаніе, въ виду угрожающаго Закавказью крушенія, — о необходимости провозглашенія независимости Грузіи. Схема та, о которой давно уже въ качествѣ «совѣтника» я твержу здѣсь, и съ которою Чхенкели и другіе согласны. Независимость и территориальная цѣлость Грузіи обезпечиваются Германіей. Восточное Закавказье получаетъ свободу дѣйствій и устраивается съ помощью турокъ. Армяне также должны будутъ провозгласить свою независимость. Главная ихъ забота въ данный моментъ — оградить жизнь населенія отъ турецкихъ пріемовъ. Они добиваются заступничества и помощи Германіи и, навѣрное, получаютъ ее. Позже они, да и мы можемъ рассчитывать на болѣе справедливое разграниченіе съ Турціей. Но это, какъ и устройство нашихъ закавказскихъ взаимоотношеній и пр. — вопросъ дальнѣйшій.

Написалъ примѣрный проектъ провозглашенія независимости Грузіи — пора уточнять, дѣйствовать. Чхенкелі, Николадзе, Жорданія, Сургуладзе одобрили. Жорданія взялъ этотъ проектъ съ собою въ Тифлисъ. *) Мы особенно пожимаемъ ему руку на прощанье. Ему придется арранжировать нещадно точную пьесу. Подумать только объ этой чашѣ всякихъ оргннзаций, совѣтовъ и еще болѣе густой чашѣ предрасудковъ. Впрочемъ, онъ уже, очевидно, подготовилъ послѣдній актъ — остается дернуть за шнурокъ.

23 мая.

Послѣ облачной, необычно прохладной погоды яркое солнце.

Рѣшили, что временное соглашеніе съ Германіей надъ которымъ мы спѣшно работаемъ (точнѣе, соглашенія — будетъ нѣсколько документовъ) должно быть, согласно брестъ-литовскому

*) Я не оставилъ себѣ его копій, и не знаю, пользовались ли имъ при составленіи «Акта независимости Грузіи» 26 мая 1918 г.

ской модѣ, изложено на двухъ языкахъ: по-нѣмецки и по-грузински. Сегодня, между прочимъ, читаемъ проектъ соглашенія о предоставленіи временнымъ грузинскимъ правительствомъ Германіи въ пользованіе всего находящагося въ гаваняхъ Грузіи тоннажа.

Если контрагенту это пріятно, отчего не уступить ему того, что и не существуетъ въ природѣ? Каково! Договоръ о грузинскомъ тоннажѣ! Съ Германіей!

24 мая.

Напряженная работа. Считаваю съ Везендонкомъ окончательные проекты. Многие начинаютъ догадываться, что за сценою идетъ глухая работа, что декорации мѣняются. Поздно вечеромъ составляю слѣдующую телеграмму, которая отправляется въ ночь на 25-ое мая, за подписью Чхенкели:

Тифлисъ, генералу Квинитадзе.

«Передайте президіуму Национальнаго Совѣта Грузіи слѣдующее: дальнѣйшее промедленіе провозглашенія независимости повлечетъ за собою непоправимыя послѣдствія. Попытка германскаго посредничества не удалась. Остается одно: противопоставить турецкому нашествію независимую Грузію, поддержанную Германію. Ея представителемъ при грузинскомъ правительствѣ будетъ графъ Шуленбургъ, котораго необходимо признать немедленно по провозглашеніи... Подготовленъ уже къ подписанію рядъ временныхъ соглашеній съ Германію... Жду скорѣйшаго сообщенія объ актѣ».

Генераль И. З. Одишелидзе собственноручно зашифровалъ эту телеграмму. Георгіевскій кавалеръ (еще за Японскую войну), б. военный губернаторъ Самаркандской области, начальникъ штаба одной изъ русскихъ армій на западномъ фронтѣ и пр.,!

До чего Вы дошли, генераль! — А онъ ничего, радъ.

25 мая.

Полнымъ ходомъ заканчиваемъ закулисную работу. Германцы покидаютъ вечеромъ Батумъ на «Минна Нога».

Въ послѣднюю минуту прѣхалъ за текстами адъютантъ фонъ Лоссова. Дали ему все, что было готово...

Гудокъ. «Миппа Н.» отчалила — куда, никто не знаетъ. Но мы знаемъ. Лишь бы не запаздало провозглашеніе независимости!

Повидно ночью толкуемъ о нашихъ шансахъ съ Чхенкетіи и Николадзе. Изъ Тифлиса депеша: независимость будетъ провозглашена завтра, 26 мая. Вопросъ проведенъ по всѣмъ инстанціямъ. Только татары просятъ повременить.

26 мая. Воскресенье.

Пишу для Тифлиса проектъ нѣкоторыхъ нужныхъ актовъ, а также письмо на имя ген. фонъ-Лоссова, которое поведетъ въ Потіи Артуръ Лейстъ. Делегация начинаетъ расплываться — но закулисная, по необходимости, работа наша прошла незамѣченной. Никто, кажется, не подозреваетъ того, что произойдетъ сегодня и завтра.

За табль-дотомъ обычная болтовня. Мой сосѣдь, сроднившійся съ Грузіей нѣмецъ-литераторъ бесѣдуетъ о Римѣ. Отличная тема когда кругомъ всѣ плачутся — кто по Ахалциху, кто по Александрополю.

Позже улучаю нѣсколько минутъ, чтобы посидѣть на морскомъ берегу. Вотъ у самой воды, сблизивъ стулья, довольно и серьезно обсуждаютъ что-то Халиль и Вехибъ-паша.

Море голубое какъ никогда. Зеленъ горныхъ лѣсовъ во кругъ угадывается: она закрыта полупрозрачною голубою мглою. Дельфинова морда все выскакиваетъ изъ воды — какой онъ жесткій и мокрый! Бакланъ плаваетъ, ныряя и оставаясь подолгу внизу. На пляжъ гуляютъ группами константинопольскіе чиновники — молодежь съ видомъ манекеновъ изъ магазина готовыхъ платьевъ, турецкіе офицеры и германцы въ турецкой формѣ, чиновники стараго режима съ какимъ-то постороннимъ видомъ, ихъ дебелыя дамы, наши офицеры, не имѣющіе вида плѣнниковъ.

Музыка поблизости играетъ что-то наивно-пошлое, прогудѣлъ наверху аэропланъ — лодка подъ парусомъ рѣзво прошла берегомъ...

Итакъ, клинъ клиномъ вышибай; но мы заслонимся отъ гурокъ германцами. «Заслонъ» больше символическій, такъ какъ войска у нихъ здѣсь нѣтъ; впрочемъ, въ Нотанеби уже

образовался германскій пикетъ (изъ военнопльнныхъ). Вопросъ, не соблазнить-ли турокъ въ близость городовъ и надежда на добычу?

Другого пути нѣтъ: мы организуемъ независимость. Германія будетъ держать за фалды турокъ; за это поживится у насъ кое-чѣмъ. Азербайджанъ будетъ пока подъ вліяніемъ Турціи. Армения — подъ турецкимъ нажимомъ, смягчаемымъ присутствіемъ германцевъ.

Въ 9 час. вечера меня и Николадзе зовутъ къ председателю делегации. Пакетъ отъ Халиль-бея. Ультимативное требованіе въ 72 часа принять полностью полученныя нами 11-го мая турецкія условія. Притомъ, турки прихватили теперь уже и Нахичеванскій уѣздъ (Эриван. губ.), т. е. желѣзную дорогу Карсъ-Александрополь-Джульфа цѣликомъ.

О существѣ этого ультиматума наши мусульмане знали еще днемъ. Мотивировка его была облегчена жалобами, шедшими изъ извѣстныхъ круговъ татарскаго общества: послушать теперь Халиль-бея, мусульманъ вездѣ грабятъ и рѣжутъ, и турки не могутъ отдать ихъ на съѣденіе бандитамъ-революціонерамъ и т. д.

Турція опять захватываетъ Ахалцихскій уѣздъ, древнюю Месхетію; и хребетъ, окаймляющій Ріонскую долину съ юга, который такъ хорошо виденъ съ балкона митрополичьяго дома въ Мартвильскомъ монастырѣ, снова дѣлается границею между Исламомъ и Грузіей...

Ультиматумъ — а наши соглашенія съ Германіей еще не подписаны. Брр...

...Приносятся депеши изъ Тифлиса. Полковникъ К., командующій въ Нотанеби, поздравляетъ... но вотъ телеграмма Н. Жорданія и Н. Рамишвили: «сегодня въ пять часовъ пополуночи Національный Советъ провозгласилъ Грузію независимую республикою. Председатель правительства — Рамишвили, министръ иностранныхъ дѣлъ Чхенкели. Закавказскій Сеймъ призналъ себя упраздненнымъ, и единство Закавказья прекратилось».

Такимъ образомъ за четыре часа до полученія нами турецкаго ультиматума, Закавказская республика, огромный молдавскій — безъ позвоночника — перестала существовать.

Немедленно составляю текстъ письма на имя Халиль-бея съ извѣщеніемъ, что ультиматумъ, адресованный имъ прави-

тельству Закавказской Республики не могъ быть врученъ по принадлежности, въ виду распадѣнія ея и состоявшагося провозглашенія независимости Грузіи.

Тѣмъ временемъ, въ кабинетъ Чхенкели приходятъ Хатисовъ, Качазнуни, ген. Одишелидзе. На этотъ разъ вопросъ «что новаго?» не остается безъ отвѣта. Хатисовъ недоумѣваетъ: что-же будетъ съ Тифлисской Обсерваторіей, Закавказскимъ Повивальнымъ Институтомъ и другими общекраевыми учрежденіями? Вообще, въ Тифлисъ грузины въ меньшинствѣ и т. д.

Какіе тутъ повивальные институты! Закавказье объявили федераціей трехъ народовъ раньше чѣмъ организовали каждое изъ этихъ слагаемыхъ. Правда, цѣлый рядъ обстоятельствъ заставилъ начать постройку съ крыши, а не съ фундамента. Теперь новыя обстоятельства возвращаютъ насъ къ необходимому началу, т. е. къ организации Грузіи, Арменіи и Азербайджана, какъ самостоятельныхъ единицъ, союзное соединеніе которыхъ должно быть осуществлено при первой-же возможности, т. е. какъ только Турція перестанетъ играть адѣсь роль разлагающаго фактора.

Разъ вопросъ ставится такъ — впрочемъ такъ онъ уже *даздымъ* сегодня! — то Тифлисъ будетъ какъ всегда столицей Грузіи, армяне имѣютъ Эривань, а татары обоснуются въ Ганджѣ, пока не освободятъ Баку.

ГЛАВА IX.

КУРСЪ НА ГЕРМАНИЮ.

25.

Съ германскою делегаціею было условлено, что выработанныя въ Батумѣ временныя соглашенія будутъ подписаны въ Поті, куда германцы выѣхали, какъ мы видѣли, 25-го мая вечеромъ. Тамъ предстояла встрѣча ихъ съ Н. Рамишвили и А. Чхенкели; послѣдній долженъ былъ затѣмъ вмѣстѣ съ германскою делегаціею отправиться въ Берлинъ, для болѣе основательныхъ и регулярныхъ переговоровъ съ германскимъ правительствомъ.

Временнымъ представителемъ Германіи въ Тифлисъ назначенъ графъ Шуленбургъ, о принятіи котораго въ этомъ качествѣ, а также г. Андерса, консульскимъ представителемъ въ Поті, грузинское правительство уже извѣстило генерала фонъ-Лоссова.

Однако официально мы просто возвращались въ Тифлисъ, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ. Вмѣсто закавказской должны были явиться въ Батумъ делегаціи трехъ новыхъ республикъ.

Легко представить себѣ смятеніе, царившее въ Hotel Oriental 27-го мая, когда всѣ узнали, что закавказская делегація приказала долго жить. Рѣшили уѣхать спеціальнымъ поѣздомъ, вечеромъ того-же дня. Остались кое-кто изъ состава военной миссіи, драгоманъ д-ръ Гамбашидзе и др.

На вокзалъ ждемъ цѣлую вѣчность отхода поѣзда. Пришлось долго занимать разговоромъ Вехибъ-пашу, пріѣхавшаго провѣщать членовъ 6. Закавказской делегаціи. Ему всего

42 года по его словамъ; но видъ у него человѣка пожилого.

Сколько ночей, говоритъ, приходилось мнѣ, командиру, проводить въ автомобиль, а на обѣдъ довольствоваться стаканомъ молока и однимъ яйцомъ вкрутую! Родомъ онъ албанецъ изъ Янины, но мать его была грузинка-мусульманка изъ Ахалкалаки. У нихъ въ семьѣ — 17 офицеровъ, 3 командующихъ арміей. Нусреть-бей, юрисконсультъ, тоже албанецъ изъ Янины.*).

Наконецъ, уѣзжали изъ Батума. Въ Нотанеби (пограничная станція) энергичная фигура полковника К. Толпа солдатъ свободной Грузіи. Но вотъ новость — германскій офицеръ въ каскѣ. Это — импровизація, съ нашей помощью, графа Шуленбурга. Офицеръ въ роли пугала, явно балтійскаго происхожденія, но главное — каска: знакъ того, что туркамъ здѣсь нечего дѣлать. Инымъ изъ нашихъ спутниковъ каска эта не очень по вкусу: они видятъ въ ней ущербъ для фески. Какое множество «различій» выражено различіемъ этихъ головныхъ уборовъ!

На узловой станціи Самтреди вагонъ съ тѣми, кто долженъ ѣхать въ Поті, отдѣляется. Остальной поѣздъ продолжаетъ путь на Тифлисъ: изъ его пассажировъ мало кто и знаетъ о назначенномъ въ Поті свиданіи.

Ночью пріѣхалъ изъ Тифлиса нашъ премьеръ Рамишвили, котораго я видѣлъ впервые. Представительная фигура, не безъ изящества. Но что скрывается за этимъ фасадомъ?

Рано утромъ у насъ совѣщаніе съ Рамишвили и Чхенкели, въ виду предстоящаго подписанія соглашения съ Германіей. Тѣмъ временемъ поѣздъ приближается къ Поті по мѣстности, плоской какъ столъ, заболоченной, въ вѣковомъ ожиданіи дренажа и другихъ меліораций — одна изъ любимыхъ темъ грузинскаго словеснаго проектерства!

Въ Поті знакомыя лица — П. Сургуладзе, бывший здѣсь при германской миссіи, І. Гоголашвили, съ готовыми уже печатями, бумагами и прочимъ канцелярскимъ оборудованиемъ новорожденной республики, графъ Шуленбургъ. Ёдемъ дальше, въ портъ. На молу развѣвается германскій флагъ, въ ожиданіи грузинскаго. У пристани германскій стационеръ изъ Константинополя Loreley; рядомъ гордо возвышается купчикъ Minna Horn. Торжественно поднимаемся по крутому трапу, за мною Чхенкели, за «его превосходительствомъ» ордина-

*) Ниль (1924) Вехиб-наша — эмигрантъ въ Италию. Нусреть-бей — уполномоченный ангорскаго м-ства иностранныхъ дѣлъ въ Константинополь.

рецъ Ахметъ-бекъ Бежанидзе, офицеръ весьма внушительнаго вида, изъ грузинъ-мусульманъ и другіе — сцена достойная. недѣльной хроники кинематографа.

Генераль фонъ-Лоссовъ очень насъ торопитъ: чѣмъ скорѣе въ путь, тѣмъ лучше. Всѣ-ли въ сборѣ и т. д. Недостаетъ только Николадзе, который прибудетъ въ послѣднюю минуту. Тѣмъ временемъ мы приступаемъ къ дѣламъ, и нѣсколько позже, я отправляюсь за Рамишвили, который, въ свою очередь, поднимается наверхъ, салютуемый на борту часовыми. Послѣ трѣхчасоваго обсуждения (въ перерывѣ мы завтракаемъ съ германскою делегацией), соглашенія, наконецъ, подписываются.

По просьбѣ Шуленбурга пишемъ бумагу для германскаго лейтенанта барона П., посылаемаго, съ небольшимъ пикетомъ въ Сухумъ.

Еще разговоръ на пристани съ германскимъ консуломъ и съ графомъ Ш., который проситъ «передать привѣтъ Германіи» отъѣздъ близится; на пристани собралась огромная толпа.. наконецъ, отчаливаемъ, часовъ, кажется, въ пять. Берегъ сталъ быстро удаляться: миѣ, даже мелькомъ, не пришлось видѣть независимой Грузіи!

26.

Въ чемъ-же заключалось существо временнаго грузинско-германскаго соглашенія 28 мая 1918 г.? Вопросъ не лишенъ историческаго интереса ни для того, кто изучаетъ методы цѣли Германіи въ послѣднемъ фазисѣ міровой войны, ни кому интересна исторія Ближняго Востока вообще и отдѣльная судьба Грузіи и Кавказа послѣ русской революціи.

Основное «временное соглашеніе по установленію предварительныхъ взаимоотношеній между Германіей и Грузіей» договоренное въ *Поти* между Германскимъ Императорскимъ Правительствомъ, въ лицѣ королевско-баварскаго генерал-майора *фонъ-Лоссова*, и Грузинскимъ Правительствомъ, въ лицѣ министра иностранныхъ дѣлъ *Акакія Чхенкели*, состоитъ всего изъ пяти статей.

По ст. 1. Грузія признавала постановленія Брестъ-Литовскаго договора 3 марта 1918 г. основой своихъ взаимоотношеній съ Германскою Имперіей.

По ст. 2 Грузія разрѣшаетъ германскому правительству

пользоваться, до окончанія войны, грузинскими желѣзными дорогами, для перевозокъ войскъ и военныхъ матеріаловъ четырехъ союзныхъ державъ. Для контроля желѣзныхъ дорогъ съ этою цѣлью, учреждается въ Тифлисѣ особая коммиссія подъ руководствомъ Германіи, дѣйствующая совместно съ грузинскимъ правительствомъ. Предусматриваются германскія команды на желѣзнодорожныхъ станціяхъ и въ Потійскомъ порту.

Ст. 3 и 4 касаются установленія взаимнаго дипломатическаго и консульскаго представительства; и, наконецъ, ст. 5 гласитъ о возможно скорой замѣнѣ настоящаго соглашенія (вступающаго въ силу одновременно съ подписаніемъ) формальнымъ трактатомъ между договаривающимися сторонами — поскольку не будетъ заключено общаго договора между четырьмя союзными правительствами, (т. е. германскимъ, австро-венгерскимъ, турецкимъ и болгарскимъ) съ одной стороны, и грузинскимъ правительствомъ — съ другой.

Главная сила этого (основнаго) соглашенія лежитъ, конечно, а) въ фактическомъ признаніи грузинскаго правительства германскимъ и б) въ установленіи, на время войны, германскаго контроля надъ желѣзными дорогами Грузіи.

Одновременно заключено было два дополнительныхъ соглашенія. Изъ нихъ первое касается тѣхъ хозяйственныхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ будетъ имѣть значеніе для заключенія грузинскимъ правительствомъ въ Германіи займа. Это какъ бы программа будущаго экономическаго соглашенія, связаннаго съ этимъ займомъ.

Такъ какъ предполагалось, что доходы отъ желѣзныхъ дорогъ и отъ порта Потіи могли-бы служить обезпеченіемъ платежей по займу, то грузинское правительство заранее (ст. 1) декларируетъ, что желѣзныя дороги Грузіи составляютъ собственность государства, что потійскій портъ перейдетъ въ государственное управленіе; и что оно согласно на учрежденіе особой грузино-германской коммиссіи, для контроля эксплоатации названныхъ дорогъ и порта (если ихъ доходами будетъ обезпечиваться погашеніе займа).

Ст. 2 намѣчаетъ созданіе, на паритетныхъ началахъ грузино-германскаго горнопромышленнаго общества, которымъ грузинское государство передаетъ исключительное право эксплоатации и дѣль предвѣрительно закрѣпивъ за собою, въ законодательномъ порядкѣ, монополію горнаго промысла.

Общество это будет находиться под надзором государства; особыми законами будет осуществлена, путем соглашений, ликвидация существующих горных предприятий и приобретенных прав. Экспорту добываемых руд не будет чиниться препятствий.

Если изложенная здесь схема очень соответствует господствовавшим с особой силой во время войны идеям государственного социализма и объединенного планового предпринимательства, то в ст. 3 выразился чрезвычайный интерес Германии к сырью, вся наличность которого, за покрытие местных нужд, могла быть приобретаема и вывозима Германией.

В ст. 4 Германия обещала наладить пароходное сообщение с Грузией, и облегчить привоз в последнюю фабрикованных товаров, полуфабрикатов и продовольственных грузов.

Второе дополнительное соглашение (всего из двух статей) имело в виду интересы немцев-колонистов, поселенных в Грузии русским правительством еще в первой половине XIX-го века; сохранение их привилегий, свободу возвращения в Германию, право ея заступничества за них.

Сверх вышеизложенных трех соглашений, создающих, в совокупности, основу грузино-германских взаимоотношений, в Потти были подписаны еще три отдельные конвенции: о временном допущении германской валюты в качестве платежного средства наряду с туземными деньгами, по особому курсу, и о порядке установления этого курса особым соглашением правительства; о средствах и способах к скорейшему размену плетенных (в дополнение к постановлениям Бресть-Литовского дополнительного договора); о предоставлении в распоряжение германского правительства, находящегося в грузинских портах тоннажа.

Необходимость первой из этих специальных конвенций связывалась главным образом с предстоявшим прибытием в Грузию, по соглашению с правительством последней, германских войсковых частей (подобные же конвенции были Германией заключены в свое время с Болгарией и Румынией). Вторая едва ли нуждается в особых пояснениях; значение третьей было, вообще, очень невелико.

Поттиския соглашения разрешали злободневные вопросы, вытекавшие из войны; с другой стороны, они предусматри-

дали помощь Германіи, т. е. главнымъ образомъ германскаго капитала въ государственномъ строительствѣ и экономическомъ развитіи Грузіи. Германія обезпечивала себѣ немалыя преимущества-особенно въ будущемъ; но и Грузія извлекала выгоды-притомъ непосредственныя-изъ соглашения.

Благодаря послѣднему, она избавилась отъ бремени грозившей ей турецкой оккупации: и *никто*, кромѣ Германіи, не могъ этого дать — по крайней мѣрѣ, лѣтомъ 1918 года. Въ то же время, Германія оказалась — и только она могла, въ данный моментъ, сыграть эту роль — воспріемникомъ государственной независимости Грузіи. Благодаря ея поддержкѣ, вопросъ этотъ получалъ значеніе международное.

Въ секретномъ письмѣ, адресованномъ генераломъ фонъ-Лоссовымъ грузинскому правительству, тогда-же т. е. 28-го мая 1918 года въ Поті, онъ бралъ на себя обязательство добиться того, чтобы «германское правительство объявило свою готовность оказать поддержку Грузіи въ переговорахъ съ русскимъ правительствомъ относительно выступленія Грузіи изъ состава Россійской имперіи и, послѣ отдѣленія ея, признать Грузію свободнымъ и независимымъ государствомъ». Равнымъ образомъ, уполномоченный Германіи обязывался приложить старанія къ тому, чтобы «Германія оказала Грузіи помощь въ цѣль обезпеченія ея границъ и при установленіи взаимоотношенія Грузіи съ сосѣдними государствами».

Въ томъ же письмѣ давалось общее опредѣленіе территориальнаго состава Грузіи: границы ея охватываютъ прежнія губерніи Тифлисскую, Кутаисскую и Сухумскій округъ.

Согласно этого опредѣленія, Батумская область исключалась изъ предѣловъ Грузіи (что, впрочемъ, соответствовало Брестъ-Литовскому договору); но заявленные только-что въ Батумѣ новыя претензіи Турціи на два уѣзда Тифлисской губерніи (Ахалцихскій и Ахалкалакскій) не принимались во вниманіе представителемъ Германіи. Это было результатомъ нашихъ настояній и переговоровъ. Разумѣется, лишь позже, въ Берлинѣ, могло выясниться, насколько Германія дѣйствительно пожелаетъ взять на себя обязательство, въ пользу котораго генераль фонъ-Лоссовъ обѣщала всемерно стараться.

Любопытна, равнымъ образомъ, слѣдующая оговорка, изложенная въ письмѣ: Сухумскій округъ (включая Гагра) составляетъ часть Грузіи до тѣхъ поръ, пока Грузія образуетъ отдѣльное государство въ предѣлахъ Кавказа. Въ случаѣ ея

образования конфедерации кавказских народов, съ участіемъ въ ней Грузіи, — населенію Сухумскаго округа должно быть предоставлено рѣшеніе вопроса о положеніи его среди кавказскихъ странъ.

Иными словами, населеніе Абхазіи имѣло-бы въ этомъ случаѣ выборъ между соединеніемъ съ Грузіей, вступленіемъ въ Союзъ горскихъ народовъ, или участіемъ въ Кавказской конфедерации въ качествѣ особаго государства-кантона.

Отсюда видно, какое значеніе придавалось плану политическаго объединенія кавказскихъ народовъ въ тотъ самый моментъ, когда обстоятельства сдѣлали необходимымъ расторженіе Закавказскаго Союза!

Остается прибавить, что вышеозначенное письмо ген. фонъ-Лоссова заканчивалось сообщеніемъ о предстоящемъ прибытіи въ Поті германскихъ войсковыхъ частей: это знаменовало для Грузіи возможность приступить къ первымъ актамъ своей государственной жизни, не опасаясь дальнѣйшаго турецкаго наступленія. Первѣйшая наша задача близи-лась, такимъ образомъ, къ осуществленію. Болѣе опредѣленные результаты, разграниченіе съ Турціей, согласованіе грузинскаго вопроса съ положеніемъ вещей въ Россіи и т. д., могли быть добыты лишь въ Берлинѣ: нашъ путь туда и вель.

ГЛАВА X.
QUO VADIS, GEORGIA?

27.

Шли прямым рейсомъ — въ эти мѣсяцы 1918 г. Черное море было по-просту германскимъ озеромъ — на Констанцу. Погода была превосходная, качка незначительная; отсутствіе другихъ пассажировъ, кромѣ делегаций; много свободнаго времени: всѣ данныя для непринужденнаго обмена мнѣній.

Кромѣ ген. фонъ-Лоссова, О. фонъ-Везендонка и еще двухъ членовъ германской делегации, мы имѣли попутчиками одного полковника генеральнаго штаба, возвращавшагося въ Константинополь, и журналиста Вейцъ, сотрудника «Франкфуртской газеты», бывшаго равнымъ образомъ въ Батумъ. С нами ѣхали делегаты Арменіи: А. Зурабовъ, (нынѣ умерш.) котораго я помнилъ еще по Петербургу свирѣпымъ студентомъ лѣсникомъ. Профессиональный революціонеръ по роду занятій и по темпераменту, с.-д. по партійной принадлежности, онъ былъ членомъ Государственной Думы (2-ой) отъ Туркестана. прсцумѣлъ, помнится, какой-то выходкой по адресу арміи, а теперь ѣхалъ въ Берлинъ за поддержкой для своихъ единыхъ родцевъ, рассчитывая, конечно, не на «генеральскую» Германію, а на Sepossen. Мало схожъ былъ съ нимъ другой армянскій уполномоченный, д-ръ Амазаспъ («Амо») Оганджянъ, членъ вѣкъ мечтательно-революціоннаго склада, патриотъ и нарциссъ.

Грузинская делегация состояла из Чхенкели, Николадзе и «моей малости», как выражаются немцы*)

*) С того момента как наша с.-д. «комитаджи» запряглись, волею-неволею, со всею своею организацией, в государственную работу по устройству Грузии, сотрудничество с ними представлялось для меня обязательным. Собственно в Берлин я вовсе не собирался, предпочитая вернуться из Поти в Тифлиси. Къ сожалѣнію, въ послѣдній моментъ оказалось необходимымъ мнѣ ѣхать, и на этомъ настояли.

Былъ еще съ нами, въ качествѣ депутата отъ грузинскихъ социаль-демократовъ къ германскимъ товарищамъ, Ладо Ахметели, заслуженный журналистъ и партійный работникъ, семинаристъ, поучившійся затѣмъ въ Германіи, родомъ изъ одной грузинской провинціи, знаменитой буйволами, сильнымъ крестьянствомъ и многочисленными поповичами*)

Упомяну, наконецъ, о ѣхавшемъ съ нами кн. Тундутовъ, б. гвардейскомъ офицерѣ и адъютантѣ Вел. Кн. Николая Николаевича, въ бытность Кавказскимъ Намѣстникомъ. Теперь онъ считался атаманомъ астраханскихъ казаковъ-калмыковъ, у которыхъ фамилія его пользуется традиционнымъ почетомъ. Этотъ любезный молодой человекъ съ породистымъ лицомъ чистѣйшаго монгольскаго типа ѣхалъ въ Берлинъ за помощью противъ большевиковъ.

На борту было человекъ 200 б. военнопленныхъ, преимущественно австрийцевъ. Военный бюллетень, получившійся по беспроволочному телеграфу, расшифровывался младшими членами германской делегации поздно вечеромъ, а утромъ прочитывался пленнымъ т. е. освобожденнымъ изъ плѣна. Каждый день сообщалось о новыхъ успѣхахъ (это было время побѣдоноснаго и, какъ думали, рѣшительнаго наступленія во Франціи). У аудитории не замѣчалось особаго одушевленія: восторгъ при чтеніи военнаго бюллетеня предполагаетъ географическую фантазію, особое, чисто газетное, воспитаніе и еще — это главное — обывательскую отрѣшенность отъ поля сраженія.

Наши германскіе спутники, народъ весьма образованный и любознательный, были для насъ съ Николадзе пріятными

*) Ахметели какъ и личнаго секретаря, скорѣе, нелепника Чхенкели, С. К., посадили на пароходъ за столъ не въ каютъ-компаіи съ делегатами, а въ другомъ этажѣ, съ младшими судовыми офицерами: дѣло происходило до германской революціи! По исторіи готовила млѣншему Ахметели спорный и полный рѣшительный генеральская иерархическая Германія рухнула, а онъ, Ахметели — сдѣлался грузинскимъ посланникомъ въ Берлинъ.

собесѣдниками: они слушали насъ болѣе чѣмъ охотно, и дѣлились собственнымъ обширнымъ опытомъ и знаніями. Мы имѣли досугъ обзрѣть всѣ, связанные съ Востокомъ, вопросы, отъ Геркулесовыхъ Столповъ до Памира. Болѣе спеціальныя и опредѣленные разговоры велись, естественно съ генераломъ ф. Л. и съ Везендонкомъ о Грузіи, о Кавказѣ.

О военномъ положеніи на западномъ фронтѣ насъ просвѣщаль — въ самой сдержанной формѣ, надо признать, баварскій полковникъ. Сотрудникъ-же германскихъ газетъ передавалъ впечатлѣнія своей поѣздки по Восточной Анатоліи. Узкоколейная дорога Сарыкамышъ-Эрзерумъ (русской постройки) уже разрушается, по его словамъ; «все въ ихъ рукахъ неминуемо придетъ въ упадокъ».

« Имѣли на борту и дѣловое совѣщаніе съ германской делегаціей, 29 мая. Здѣсь опять обсуждался вопросъ о восстановленіи закавказскаго единенія. Мы указывали на нежелательность слишкомъ рѣзкаго противопоставленія христіанъ — мусульманамъ, при тѣсной связанности ихъ интересовъ и созданія двухъ, рѣзко размежеванныхъ сферъ. По мнѣнію Чхенкелі, Германія должна съ большимъ интересомъ отнестись къ татарамъ, которые-де сознаютъ важность экономической связи съ Германіей и т. д.

Генераль фонъ-Лоссовъ находилъ, со своей стороны, что Германія въ данное время можетъ заняться только Грузіей и Арменіей, чьи представители обратились къ ней за поддержкой. Татары ея помощи не просятъ: они ожидаютъ ея отъ турокъ, и отнюдь не просятъ германской поддержки *противъ* турокъ.

При такихъ условіяхъ, по мнѣнію генерала, Германіи нечего навязывать своихъ услугъ татарамъ. Надо достигнуть соглашенія съ Турціей и оградить отъ нея Грузію. Это основа нашей работы, которую надо затѣмъ продолжать методически.

Разбирали доводы, которыми Германія могла-бы склонить Турцію къ отказу отъ ея послѣднихъ поползновеній на грузинскую территорію, а также вопросъ о значеніи и характерѣ Горской Республики. Сильно волновала генерала опасность грозившая армянскому населенію. «Для Германіи, говорили мы ему, огражденіе жизни этого населенія является теперъ вопросомъ чести». Надо будетъ добиться очищенія туркамъ опредѣленныхъ районовъ — таково было практическое заклю-

ченіе фонъ-Лоссова. Но на эту тему онъ совѣщался специально съ армянскими делегатами

31-го мая прибыли въ Констанцу, проплававъ неполныхъ трое сутокъ: скорость сносная для «купца», къ тому-же пробуравленного торпедою въ Мрамрномъ морѣ, вытянутого изъ воды и заштопанного.

Вотъ видны уже зданія, элеваторъ, баки для нефти. Портъ вымеръ; ни парохода, ни души. Впрочемъ, военнопленные бельгийцы выгружаютъ уголь. Солдаты — турки, германцы, болгары. Плакаты съ надписями на трехъ языкахъ.

Выходимъ въ городъ по особымъ пропускамъ. Германцы играютъ здѣсь первую скрипку: отъ болгарской оккупации, говорятъ, очень ужъ страдало населеніе.

Прекрасная набережная — пустая. Дальше пошли чистенькія улицы. У памятника Овидія молодой болгарскій прапорщикъ ухаживаетъ за барышнями-румынками, на нѣмецкомъ языкѣ.

Последняя трапеза на «Minnä Horn». Подаютъ, какъ всегда, и съ тѣми-же благоприятными послѣдствіями, кахетинское вино, изъ подваловъ б. Удѣльнаго Вѣдомства въ Тифлисъ: подарокъ грузинскаго правительства германской делегации. *Nabent sua fata... uina.*

Раннимъ утромъ 1-го іюня отправились въ Берлинъ специальнымъ поѣздомъ. Знаменитый Чернаводскій мостъ на Дунаѣ былъ взорванъ во время румынской кампаніи 1916 года: черезъ этотъ рукавъ (Vogsea) мы переѣхали на паромѣ, а затѣмъ дошли до Fetesci, гдѣ насъ ждалъ новый поѣздъ.

Въ Бухарестѣ часть германской делегации отделилась. Ея путь въ Константинополь.

Пересѣкали большую и малую Валахію. Былъ жаркій день; всюду зеленѣли всходы кукурузы, фасоли, пшеницы. Женщины, дѣти пропалывали поля. Подлинно, царство земледѣлія! Страна эта порабощена, временно. Неужели она потеряетъ всю Добруджу, Констанцу?...

Послѣ Крайовы еще зеленѣе. Пошли лѣса. На одной сторонѣ предгорья Трансильванскихъ альпъ, на другой — возвышенность около Дуная. Тамъ — Сербія, заданная, стреноженная, на которой тяжело усѣлся побѣдитель.

Слѣдующій день — несемъ поперекъ Венгріи, посреди прекрасно обработанныхъ полей — пшеница, маисъ, виноградники, фруктовые сады. Все зелено, иныя мягко колыхаются

обработано всюду, куда хватаетъ глазъ. Не странно-ли, что Германія вынуждена подкармливать Австрію? здѣсь не отказываются даже отъ пирожного и не умѣютъ «раціонировать» какъ слѣдуетъ.

Въ Будапештѣ насъ прицѣпили къ обычному экспрессу. 3 Іюня утромъ, спустя ровно 48 часовъ по отъѣздѣ изъ Констанцы (какая блестящая скорость!), мы прибыли въ Берлинъ, Берлинъ великой войны, откуда дѣйствуютъ такъ сокрушительно по пресловутымъ «внутреннимъ линіямъ».

28.

Въ Берлинѣ (іюнь-ноябрь 1918 года) намъ довелось быть поистинѣ, свидѣтелями величія и паденія Германской Имперіи. И дѣйствовать пришлось, сообразуясь сначала съ «величіемъ», а позже, выпутываясь изъ «паденія».

Уже съ 1917 года было видно, что Грузія способна организовать у себя внутри государственный порядокъ, на основѣ такъ наз. «завоеваній революцій». Мы видѣли выше, каковы были затѣмъ обстоятельства, вызвавшія ея полное политическое обособленіе. Но Грузія не имѣла теперь, конечно, ни возможности, ни основанія принять какое-либо дальнѣйшее участіе въ міровой свалкѣ.

При несомнѣнности, лѣтомъ 1918 года, военного и политическаго преобладанія Германіи въ районѣ Чернаго моря, и въ виду явной гегемоніи ея по отношенію къ Турціи, единственное что мы могли сдѣлать; — это противопоставить германскій контроль чрезмѣрнымъ аппетитамъ турокъ. Мы и постарались извлечь для себя, что можно, изъ самого существа германо-турецкой союзнической дисциплины.

Задача, стоявшая передъ нами въ Батумѣ, требовала именно такого, притомъ неотложнаго разрѣшенія. Мы достигли — немедленно, путемъ потійскаго соглашенія — такого *modus vivendi* въ Закавказьи и въ Грузіи, при которомъ можно было кое-какъ существовать.

Въ Берлинѣ мы, естественно, стремились прежде всего къ обезпеченію и упроченію этихъ непосредственныхъ, уже достигнутыхъ результатовъ. Но мы подходили теперь къ гораздо болѣе сложному вопросу о взаимоотношеніяхъ Грузіи и Германіи на основѣ признанія и обезпеченія независимости

первой и предоставления второй определенных экономических и политических выгод.

Разрешение этой второй задачи зависело, конечно, от исхода войны, который трудно было с точностью предусмотреть в мае-июне 1918 г.

Однако, в переговорах наших мы исходили и должны были естественно исходить из предположения, из допущения, что Германия выйдет из войны или победительницей или, во всяком случае, с честью: в этом предположении (я то и уверенности), многое делалось, готовилось и мыслилось на всем огромном протяжении от «финских хладных скал» до пламенной Колхиды! Подготавливать позицию Грузии в этом предположении было тем более необходимо, что таким именно путем, т. е. «музыкою будущего» — мы достигали, во-первых, упрочения необходимого с *данный момент* в нашей стране *modus vivendi*; во-вторых, могли надеяться на улажение, с помощью Германии, отношений с Советской Россией, и, наконец, укрепляли вообще положение Грузии, как *государственной, организованной единицы*, в эпоху, полную напастей и неожиданностей.

Несомненно, Германия сверх возможных с *будущем* выгод, получала и некоторое непосредственное вознаграждение благодаря кое-какому сырью, ей нужному, и имевшемуся у нас в наличности (в очень скромных размерах); а с *случай* продолжения войны и развития операций против англичан в Месопотамии и Персии, она имела бы (вместе с Турцией) базу для операций в Закавказье.

Такова была обратная сторона медали. Но Закавказье своими силами, тем более одна Грузия, не могла и никогда не собиралась брать на себя такую задачу, которая и для России была бы тяжела: задача закрытия для Германии и Турции закавказских подступов к Персии. В сущности, об этом должна была позаботиться Англия. Быть может, явись она *своевременно* в Тифлисе, с небольшими хотя бы силами, она могла бы содействовать более успешной организации местной обороны против турок. Такая мысль у нея была: но от мысли далеко до воли, и еще дальше до осуществления*). Злощастная высадка англичан в Баку в конце лета 1918 года, показала, насколько правильно было не рассчитывать на помощь с этой стороны.

*) В этом отношении см. интересные данные в книге Major-General L. C. Dunsterville. The adventures of Dunsterville.

Во всякомъ случаѣ, рѣчь въ Берлинѣ могла быть лишь объ условіяхъ обезпеченія мира Грузіи съ Турціей (и ея союзниками); объ участіи въ войнѣ на сторонѣ четвёртого союза никогда, конечно, и упоминанія не было, да и не могло быть! Нейтралитетъ въ международной войнѣ (насколько онъ былъ осуществимъ!), нейтралитетъ въ гражданской войнѣ по ту сторону Кавказскаго хребта — таковы, правильно или неправильно, были основныя догматы грузинской политики.

Обстоятельства войны и революціи, а также географическія причины (отрѣзанность отъ Запада, благодаря закрытію проливовъ) привели насъ въ Берлинъ, и пріѣхали мы туда съ определенной схемой соглашенія. Соглашеніе это было подписано, съ германской стороны, лицомъ, формально представлявшимъ германское правительство, но на дѣлѣ ближе всего связаннымъ съ германскимъ *верховнымъ командованіемъ*. Эта инстанція была рѣшающей: намъ приходилось, однако, вступить теперь въ соприкосновеніе съ регулярнымъ аппаратомъ германской внѣшней политики, съ вѣдомствомъ иностранныхъ дѣлъ, которое не могло не внести въ «производство» нашего дѣла своего метода и рутины, свойственной машинѣ такихъ размѣровъ и такого построенія.

Послѣ этихъ необходимыхъ разъясненій, приведу нѣсколько выдержекъ изъ моихъ записей того времени.

Forse, L. 1920. Когда кавказско-персидскій фронтъ сталъ распадаться (съ осени 1917 г.), то, по мнѣнію англичанъ, дѣлу можно было помочь лишь снарядивъ немедленно особую британскую миссію въ Тифлисъ, для реорганизации обороны прѣтивъ турокъ и для должнаго объединенія мѣстныхъ военныхъ элементовъ — русскихъ, грузинскихъ и армянскихъ. По заключенію автора, въ виду явнаго ухудшенія качества турецкихъ войскъ (сравнительно съ 1916 г.) дѣлу можно было бы достигнуть съ сравнительно небольшими средствами и силами. Во главѣ миссіи былъ уже поставленъ самъ авторъ, который отправился въ путь съ передовою партіею изъ Багдада, въ январѣ 1918 года. Фактически, однако, все ограничилось англійскою экспедиціей изъ Решта въ Баку, гдѣ англичане высадились въ серединѣ августа 1918 года, и откуда ушли обратно 15 сентября, (чтобы вернуться позже уже послѣ общей интитуляции турокъ).

Путь для англійской помощи Закавказью въ 1917-18 г. г. — изъ Багдада черезъ Персію и Восточное море — былъ очень ужъ кружной и далекой! Жаль, что этотъ англійскій планъ не осуществился. Все Закавказье выиграло бы отъ этого. Другой вопросъ, что сказали бы многие русскіе, если бы образовался противъ Турціи англо-кавказскій фронтъ!

ГЛАВА XI.

ВЪ ВЕРЛИНЪ (ЮНЬ 1918).

29.

4 *юня*. Приступилъ къ письменному изложенію того, для чего мы сюда приѣхали, и чего добивается Грузія.

Познакомился съ группою грузинъ-эмигрантовъ, бывшихъ здѣсь съ начала войны — отъ которой они ждали какимъ-то образомъ освобожденія своей родины. Всѣ считали ихъ сумасбродными: теперь имъ кажется, что они-то и были правыми. Заблужденіе! Ставшее необходимымъ и разумное въ условіяхъ 1918 г., послѣ событій 1917 г., было необоснованнымъ, беспочвеннымъ, а потому и безуспѣшнымъ въ 1914-17 г. г. Ихъ работа, ихъ пропаганда подготовила, однако, многое.

5 *юня*. Сегодня, въ м-ствѣ иностранныхъ дѣлъ, сначала продолжительная бесѣда съ тайными совѣтниками фонъ-Розенбергомъ*) и д-ромъ Геппертъ,**) а затѣмъ были приняты министромъ Р. фонъ-Кюльманомъ въ прекрасномъ кабинетѣ съ Денбаховскимъ портретомъ Бисмарка. Кюльманъ произвелъ впечатлѣніе здоровенной дѣловой головы. Но большіе чиновники всего міра такъ похожи другъ на друга.

Вечеромъ генераль ф. Лоссовъ уѣхалъ въ ставку Вильгельма: вмѣстѣ съ нимъ калмыцкій атаманъ Т.

6 *юня*. «Углубляемъ» съ ф. Розенбергомъ и Геппертомъ темы о формальномъ признаніи Грузіи, о взаимоотношеніяхъ Грузіи съ Россіей и т. д.

Я воссовѣтовалъ Чкенкели, какъ *министру*, не присутствовать въ такихъ совѣщаніяхъ — съ чѣмъ онъ согласился. У него похвальныя качества: упорство, натискъ. Напрасно

*) Въ 1923 г. — м-ръ иностранныхъ дѣлъ.

** Шиндлеръ — послѣдствіе въ Гельсінгфорсѣ.

только онъ читаетъ германцамъ поученія о ихъ собственныхъ интересахъ, о возможномъ ущербѣ для ихъ престижа, если они не сдѣлаютъ того-то и пр.

8 *юня*. Берлинъ представляется мнѣ спокойнымъ, увѣреннымъ, серьезнымъ и утомленнымъ.

Въ Рейхстагѣ, въ совѣщаніи представителей партій мнѣ пришлось (за внезапно заболѣвшаго Ч.) сдѣлать импровизированный пространный докладъ о событіяхъ въ Закавказьи, о Грузіи, о будущей кавказской конфедерации. Былъ тамъ Шейдеманъ, Эрцбергеръ, Ф. Науманъ, Давидъ и цѣлый рядъ другихъ представителей.

Ставились затѣмъ разнообразныя вопросы. Особую пылкость обнаруживали Эрцбергеръ (который постоянно завтракаетъ въ нашей гостиницѣ Adlon) и авторъ «Срединной Европы», Науманъ.

9 *юня*. Свиданіе, очень продолжительное, съ директоромъ юридическаго департамента въ М. И. Д., д-ромъ Криге. До меня у него сидѣлъ Юффе.

Криге стоитъ на строго формальной точкѣ зрѣнія: Россія не съ нами въ мирѣ, и намъ трудно признать часть ея отдѣльнымъ государствомъ, разъ мы не сдѣлали этого въ Брест-Литовскѣ. Мы не можемъ ссориться съ Россіей въ моментъ столь великаго напряженія на французскомъ фронтѣ; началъ самоопредѣленія народовъ признано, русскимъ правительствомъ, но на него нельзя сослаться третьимъ государствамъ и т. д.

Позже, вмѣстѣ съ другими, на пріемъ у ф. В. Были тамъ молодые дипломаты, журналисты, оріенталисты. Любопытнѣе было познакомиться съ Таки-заде, небезызвѣстнымъ персидскимъ революціонеромъ, о которомъ много писалось въ 1906 году по поводу событій въ Тавризѣ и Тегеранѣ.

10 *юня*. Въ общемъ, чтобы успокоить Криге, требуется представить доказательства того, что Грузія отдѣлилась отъ Россіи, не нарушая ея правъ. Задача головомная.

Тундутовъ вернулся вмѣстѣ съ ген. ф.-Лоссовымъ (котораго я, шутя, называю «импрессарио») изъ ставки.

По словамъ Т. Вильгельмъ принялъ его привѣтливо и долго съ нимъ бесѣдовалъ. Императоръ-де находитъ, что Россію надо раздѣлить на 4 части: Великороссію, Украину, Сибирь и Юговосточный Союзъ съ Кавказомъ (центръ — Тифльсь). Ой, не путаетъ-ли Т.? Или путаютъ оба?

Т. ѣдет сегодня съ германскимъ офицеромъ въ Ново-черкасскъ, черезъ Варшаву и Кіевъ. Будутъ дѣйствовать согласованно противъ большевиковъ — изъ калмыцкой степи и со стороны Ростова. (Интересно было-бы знать «заключение» д-ра Криге по сему поводу! Вотъ оно, различіе «легальной» и «безответственной» дипломатіи).

Въ Бельгіи, послушать Т., «не видно большихъ ужасовъ — много нарядной публики, пирожное, оживленіе. То же самое во Франціи». Ну, очевидно, разъ «императоръ» и «пирожное» — то все великолѣпно.*)

Генералу ф.-Лоссову Вильгельмъ разсказалъ, изъ своихъ дѣтскихъ воспоминаній, что отецъ его, кронпринцъ Фридрихъ присутствовалъ на бракосочетаніи Александра III и видѣлъ тамъ «грузинскую царицу, съ короной въ родѣ римской крѣпостной». Интересна эта память и въ романтическое умонастроеніе германскаго императора. Каково: корона Грузіи!

Что-же касается самого факта, онъ неправдоподобенъ. Въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія не было въ живыхъ ни одной «королевы Грузіи». Быть можетъ то была послѣдняя владѣтельница Мингреліи? Не существенно.

Фонъ-Лоссовъ признаетъ, что здѣшнее министерство иностранныхъ дѣлъ не вполне раздѣляетъ политику, которую онъ лично рекомендуетъ, и что тамъ смотрять на все очень ужъ осторожно, формально. Но самъ императоръ, Гинденбургъ и Людендорфъ — дѣло другое. Не даромъ онъ такъ торопился сюда изъ Поті. Теперь намъ слѣдуетъ поскорѣе представить нащу схему. Ему думается, что связь Грузіи съ Германіей должна быть тѣсная, при полной независимости Грузіи. Но форма этого единенія — вопросъ специальный, згѣсь онъ не компетентенъ.

Онъ часто возвращается къ мысли объ отвѣтственности Германіи въ армянскомъ вопросѣ и о необходимости предотвратить дальнѣйшія избіенія армянъ.

Получили копию вѣрительнаго письма, за подписью канцлера графа ф. Гертлингъ, генералу бар. Крессъ фонъ-Крессенштейнъ, который назначается дипломатическимъ представителемъ Германіи при грузинскомъ правительствѣ. Это — настоящій шагъ. Баронъ Крессъ слыветъ здѣсь челоуѣкомъ

* Въ беседахъ съ императоромъ Вильгельмомъ упоминается о разговорахъ съ гн. Гундутовымъ.

отборнымъ, выдающимся.*) Тѣмъ лучше. Онъ, какъ и Лоссовъ, баварецъ.

Въ Потт прибыло два батальона германской пѣхоты. Словомъ, создается необходимое для насъ фактическое положеніе, что важнѣе всего; а мы здѣсь исподволь обслѣдуемъ обстановку и сообразимъ какъ быть съ «вѣдомственной рутинной» и какъ преодолѣть колебанія д-ра Криге.

11 июня. На Wilhelmstrasse у гекеймрата д-ра Симонса. **) Этотъ помягче Криге и совсѣмъ милъ. Я сообщилъ ему главный положенія моего меморандума, который посылается, только завтра. Вижу все отчетливѣе, какъ расходятся линіи штатская (Кюльманъ) и военная (Людендорфъ): Но это расхожденіе скорѣе формъ и способовъ, чѣмъ по существу.

12 июня. Получили первое сообщеніе изъ Тифлиса (радіо пока скверно работаетъ) о вынужденномъ подписаніи мира съ Турціей, въ Батумѣ, о томъ что отнимаютъ Ахалцихскій и Ахалкалакскій уѣзды.

Тонъ нѣсколько плаксивый. Ясно, что разъ не могли воевать, то пришлось подписать. Если вообще чего-нибудь можно добиться — мы здѣсь этого добьемся.

Вечеромъ мы всѣ званы обѣдать въ клубъ «Deutsche Gesellschaft 1914», по приглашенію Министерства Иностраннхъ дѣлъ. Это хорошій признакъ, разъ насъ угощаютъ въ такое тяжелое, для кормленія, время.

Отправилсь туда всей «группой», съ ген. Лоссовымъ, Чхенкелі, Николадзе, я, М. Церетели, Г. Мачабели и Эр. Бернштейнъ (грузинско-подданный, германскаго происхожденія, плававшій, какъ рыба въ водѣ, въ пріятной влагѣ грузино-германскаго сближенія).

Формально хозяиномъ былъ посланникъ фонъ-Розенбергъ. Съ германской стороны были ф. Кюльманъ, Симонсъ, Геппертъ, Иоганнесъ (директоръ эконоическаго Д-та въ М. И. Д.) ф. Везендонкъ и еще многіе другіе. Выражаясь по репортер-

*) Такъ отзывается о немъ и б. начальникъ германской военной миссіи въ Турціи, Линаманъ ф. Сандерсъ: «der Oberst Freiherr v. Kress, ein ganz hervorragender, tüchtiger Offizier». См. *Linan von Sanders, Gen. der Kavallerie. Fünf Jahre Türkei*. В. 1920. S. 58. Баронъ Крессъ былъ начальникомъ штаба арміи (1-й) Дакемаль-наши (бывшаго одновременно морскимъ министромъ; см. выше стр. 37) во время вѣстной операціи противъ Султанскаго канала въ 1915 г. Онъ-же оборонилъ позже Гагу противъ англичанъ.

**) Министръ иностранныхъ дѣлъ Германіи въ 1920-21 г. г.

ски, за обѣдомъ господствовала непринужденная атмосфера, и оживленная бесѣда затянулась до и т. д.

Чхенкелі пріютился около ф. Розенберга, а Кюльмана посадили между мною и Николадзе. Министръ, человекъ большой культуры и опыта, оказался очаровательнымъ собесѣдникомъ: ничто человѣческое ему не чуждо. К., въ бытность совѣтникомъ германскаго, посольства въ Константинополь, побывавъ и на Кавказѣ. О Тифлисъ у него лучшія воспоминанія: онъ оцѣнилъ «высокій социальный уровень тифлискаго общества»; ему даже случилось присутствовать на одной свѣтской свадьбѣ и т. д. Онъ называлъ имена; справлялся о судьбѣ Вел. Кн. Николая Михайловича, котораго зналъ, о Боржомѣ. Услышавъ отъ меня, что именно этотъ кругъ лицъ неизбежно и жестоко пострадалъ отъ революціи — хотя пока режимъ ея въ Грузіи былъ мягче, чѣмъ въ Россіи, — К. подробно спрашивалъ о размѣрахъ социальнаго потрясенія въ нашей странѣ и о характерѣ грузинскаго правительства, партійнаго, какъ онъ слышалъ, и очень радикально настроеннаго. Я постарался, соотвѣтствующимъ образомъ, удовлетворить его любознательности, изобразивъ государственныя стремленія нашихъ министровъ, ихъ работу въ рядахъ закавказскаго правительства, обнаруженную тогда ловкость и пр. Приводилъ дѣйствительные факты, «стилизуя» лишь ихъ сообразно цѣли нашей миссіи въ Берлинѣ и интересамъ нашей страны.

Какова причина дѣлашагося успѣха большевиковъ въ Россіи*) — этотъ вопросъ очень привлекалъ моего собесѣдника, имѣвшаго триумфъ въ Брестъ-Литовскѣ. Причинъ, очевидно, много; но главная заключается въ восстановленіи волевой основы, волевого напряженія государственной власти, катастрофически рухнувшей въ мартѣ 1917 года; въ искусствѣ, съ которымъ было скомбинировано заключеніе мира и, одновременно, развертываніе аграрной революціи и разрушеніе буржуазныхъ силъ, — съ невиданнымъ хаотическимъ перемѣщеніемъ матеріальныхъ цѣнностей (денегъ, вещей, домовъ...), изъ однихъ рукъ въ другія, что повлекло за собой образование многочисленныхъ группъ населенія, кровно связанныхъ съ новымъ режимомъ, готовыхъ его поддерживать или терпѣть и т. д.

*) Усилье этотъ «дѣлающаго» всего г. никакъ не забудь въ это время!

Много спрашивалъ К. о судьбѣ петербургскаго Эрмитажа, Кремля и вообще художественныхъ богатствъ Россіи.

Упомянуть былъ фактъ опустошенія винныхъ погребовъ Зимняго Дворца. «Это опустошеніе и сохранность дворцоваго погреба въ Тифлисѣ можетъ служить иллюстраціей различія между двумя революціями. Только... о тифлисскомъ погребѣ — ни слова вашимъ союзникамъ — вы понимаете какимъ». — «О да, будьте спокойны».

Послѣ чего К., получивъ у меня справку о Николадзѣ, перешелъ въ руки послѣдняго и подвергся крещенію и по части сырья, и по части среднеазиатскихъ рынковъ, и относительно ВРР.*) Я-же обратился на лѣвый флангъ, къ д-ру Симонсу, съ которымъ у меня завтра дѣловой разговоръ: сегодня мы болтаемъ о германской литературѣ, объ университетахъ, о недавно умершемъ проф. Лабандѣ, соорудившемъ такъ блестяще всю Германскую Имперію изъ юридическихъ понятій... о нѣкоторыхъ общихъ знаковыхъ въ Петербургѣ.

13 іюня. У д-ра Симонса въ М. И. Д.

Наша тема: возможная форма взаимоотношеній Германіи и Грузіи. Политическая цѣль Грузіи, упрочить свое государственное существованіе, создать себѣ условія свободнаго національнаго развитія, опираясь на Германію. Связь съ послѣдней должна быть, очевидно, довольно тѣсной: простой союзъ здѣсь недостаточенъ.

Д-ръ Симонсъ находитъ, что если-бы не географическая удаленность Грузіи, ей *правильнѣе всего было-бы вступить въ германскію федерацію (1)*. Географія, отвѣчаю я, противится этому. Положеніе Грузіи (на югѣ) могло-бы скорѣе быть сравнено съ положеніемъ Финляндіи (на сѣверѣ). Оно сложнѣе, т. к. связывается съ вопросомъ о созданіи кавказской или закавказской конфедерации. Упроченіе ея и нейтрализація — вотъ цѣль, которую естественно ставить въ эпоху, когда русская имперія вступила въ періодъ переплавки, повидимому, въ духѣ федеративномъ. Грузія — основной элементъ этой «буферной» постройки на Кавказѣ. Обезпечивъ — дипломатическую поддержкою и своимъ политическимъ вліяніемъ независимость Грузіи, Германія получитъ весьма существенныя выгоды экономическія и т. д. Но достиженіе этого, фактически

*) В Р Р — предложенная мною тогда, для краткости, форма, обобщающая сѣв. идеи Н. И. Николадзе о направленій торговли Средней Европою съ Далнимъ Востокомъ черезъ Польшу (Берлинъ-Польша-Пекинъ).

благоприятнаго для Германіи положенія, вполне вьжется съ формальною независимостью Грузіи.

Эти взгляды встрѣтили полное сочувствіе д-ра С. Что касается *формы правленія* это, признавалъ онъ, есть внутреннее дѣло Грузіи. «Какъ у васъ смотрять на этотъ вопросъ? есть-ли тамъ сторонники монархіи?».

«Въ Грузіи настроеніе опредѣленно республиканское — старыя монархическія традиціи заглохли, новыхъ теченій этого рода нѣтъ, крушеніе монархіи въ Россіи еще больше поколебало эту идею. Симпатіи къ монархической формѣ, б. м., сохранились въ нѣкоторыхъ кругахъ; найдутся и республиканцы, полагающіе, что, при опасномъ географическомъ положеніи Грузіи, и, если ей придется опираться на помощь средне-европейскихъ имперій, монархическая форма могла-бы быть выгодною Грузіи. Это какъ бы монархизмъ по расчету и благоразумію — какъ въ Норвегіи въ 1905 году или какъ въ Финляндіи въ настоящее время. Но въ Грузіи этотъ «оттѣнокъ» сейчасъ не имѣетъ никакого значенія».

Несомнѣнно, всѣ эти «короны» мало интересуютъ Wilhelmstrasse: эти мечтанія возникаютъ въ другихъ сферахъ.

Напоследокъ, я ставлю моему собесѣднику слѣдующій «диагностическій» вопросъ: «какъ Вы рисуете себѣ, въ будущемъ, положеніе представителя Германіи въ Грузіи?» — «По формѣ — это обычный дипломатическій представитель; по существу онъ, быть можетъ, приближался-бы къ *англійскому резиденту при самостоятельномъ индійскомъ государствѣ*. Разумѣется, я имѣю въ виду юридическую схему, а не бытовую или социально-политическую сторону дѣла... И я знаю что грузины — не индусы».

14-го іюня. Вечеромъ приѣмъ у ф. В. Опять молодые дипломаты, ориенталисты и пр. Былъ тамъ впрочемъ еще одинъ крупный импортеръ персидскихъ ковровъ и шерсти (линія: Потти-Тифлисъ-Тавризь!), а также одинъ изъ заправиль Имперскаго банка, фонъ-Глазенаппъ оказавшійся университетскимъ товарищемъ К. О. Гана, учителя нѣмецкаго языка многихъ поколѣній въ 1-ой Тифлисской классической гимназіи.

30.

16 іюня. Сегодня «общее присутствіе» делегации выслушало мой второй меморандумъ. Первый изображалъ — *то мы такіе; второй — чего мы собственно, желаемъ отъ Германіи*. М. Церетели и Г. Мачабели — иль такъ находка; с и водять

А. Чхенкели въ люди, и служатъ хорошей приправой къ этому солидному, но не столь легко переваримому блюду.

«Рутина» нашей канцелярии хромаетъ. Обязанностями секретаря обременили Спиридона Кедія, одного изъ немногихъ въ Грузіи парламентаріевъ, прекраснаго оратора и журналиста: ему теперь-бы въ Тифлисъ работать, а не возиться здѣсь съ «дѣлами».

17-го іюня. Генераль фонъ-Лоссовъ сообщаетъ, что турки — въ Тавризѣ: На мѣсто Вехиба назначенъ братъ его Эссад-паша. Въ официальномъ сообщеніи, опубликованномъ въ Константинополь послѣ возвращенія Халиль-бея изъ Батума, говорится, что подписанныя въ Батумѣ соглашенія не окончательны. Это уже отбой, по мнѣнію Лоссова. Онъ посылаетъ наши меморандумы въ главную квартиру.

18-го іюня. Посѣтили втроемъ (Чхенкели, Николадзе, я), въ зданіи министерства народнаго хозяйства (Reichswirtschaftsamt) барона ф. Штейнъ, государственнаго секретаря по сей части. Онъ находитъ, что было-бы, пожалуй, правильнѣе, вмѣсто устройства *одного* общества по разработкѣ горныхъ богатствъ Грузіи (см. выше стр. 66), создать рядъ обществъ — по отдѣльнымъ отраслямъ.

Штейнъ, какъ всѣ они, интересовался хлопкомъ, шерстью и т. д.

Въ Тифлисъ два германскихъ батальона (1800 чел.). Быть можетъ, прибудетъ еще артиллерія.

Нефти въ Грузіи всего на 3 недѣли: нефтяная зависимость отъ Баку полная.

Еще извѣстіе (изъ германскихъ источниковъ): въ Борчалинскомъ уѣздѣ «банды» потребовали присоединенія къ Азербайджану. Благодаря оказанному противодействию, осложненій не было.

На станціи Евлахъ убитъ татарами австрійскій офицеръ. За этими татарскими гримасами чувствуется злоба турокъ на союзниковъ — невѣрныхъ.

Кстати, Австро-Венгрія также посылаетъ въ Тифлисъ своего представителя — барона фонъ-Франкенштейнъ.

Вечеромъ опять втроемъ, въ М. И. Д. Сначала у фонъ-Розенберга и д-ра Гепперта. Сообщаю имъ вкратцѣ положенія нашего 2-го меморандума, до нихъ еще не дошедшаго: Грузія — независимое государство; привилегированность положенія Германіи, вытекающая изъ совокупности договоровъ и т. д. Затѣмъ долго сидѣли у товарища министра, барона фонъ-Буна.

По дорогѣ къ нему, фонъ-Розенбергъ говоритъ: «а мы думали, что рѣчь будетъ идти о болѣе тѣсномъ единеніи съ Германіей, и что Грузія будетъ нашимъ Schutzstaat'омъ». «Знаете, отвѣчаю я, по существу я не боюсь протектората: но этотъ терминъ Schutzstaat звучитъ теперь для меня немного... какъ-бы сказать?... по африкански».

Вернувшись отъ фонъ-Буше, продолжаемъ бесѣду. Чхенкели, по своему обыкновенію, настаиваетъ на историческомъ правѣ Грузіи на независимость, автоматически будто-бы воспріянушемъ съ «уходомъ русскихъ», на трактатѣ 1783 года и т. д. Геппертъ къ этимъ доводамъ относится скептически.

Однако, было-бы безплодно препираться объ этихъ вещахъ. Чтобы создать болѣе практическую основу для отдѣленія отъ Россіи, почему не обратиться къ плебисциту?

Другой ихъ совѣтъ былъ: постараться устроить такъ, чтобы бакинскій нефтепромышленный районъ не былъ совсѣмъ оторванъ отъ Россіи. Тогда, по ихъ мнѣнію, облегчился бы и вопросъ о признаніи Грузіи Россіею.

Эти соображенія я нахожу очень интересными: они показываютъ практическое стараніе германской дипломатіи измыслить путь для установленія компромисса между московскимъ и тифлискимъ правительствами. Чхенкели они не пришлось по вкусу: насъ, говорилъ онъ, Россія должна и такъ признать, мы были независимое государство, мы не были завоеваны, подобно другимъ провинціямъ Кавказа и т. д.

Вечеромъ долго сидѣлъ здѣсь Paul Rohrbach, публицистъ, «идеологъ» германскаго имперіализма. Онъ родомъ балтіецъ (увѣряетъ, что Германія способна очень скоро колонизовать Курляндію, благодаря слабой рождаемости латышей!), бывалъ часто въ Грузіи, знаетъ даже Сванетію, Месхетію. О многомъ допытывался, между прочимъ, о формѣ правленія. «Есть-ли въ Грузіи потомки старой династіи?»

Рорбахъ утверждаетъ, что изъ всѣхъ членовъ Рейхстага едва-ли найдется человекъ 30, которые знаютъ — гдѣ Грузія. (Такъ-ли это важно, когда 1800 германцевъ въ Тифлисѣ?).

20 юня. Вчера генераль Крессъ долженъ былъ выѣхать изъ Константинополя въ Поті.

Въ Константинополь пріѣхали грузинскіе делегаты: Гегенкори, Одишелидзе, Гвазава и др. Здѣсь почему-то воображали, что это прескверно, что теперь Турція разстроитъ нашу

работу въ Берлинѣ. Цѣлая паника! Все пропало, восклицаетъ Николадзе (?). Мих. Церетели затянулъ что-то заунывное. Я старался доказать имъ, что мы только выигрываемъ отъ приѣзда этой делегации (Но зачѣмъ она такая многочисленная?) въ Константинополь; что съ Турціей слѣдуетъ говорить дружественно; что такіе непосредственные разговоры укрѣпляютъ насъ здѣсь, и заставляютъ торопиться съ признаніемъ независимости Грузіи самое Германію.

Болѣе того: полагаю, что совершенно недипломатично было нашему министру иностранныхъ дѣлъ ѣхать сюда, какъ-бы игнорируя Константинополь: своимъ присутствіемъ тамъ онъ, напротивъ, успѣшно маскировалъ-бы нашу работу здѣсь.

Чхенкели вызвалъ телеграфно Гегечкори въ Берлинъ.

с 21 юня. Вдвоемъ съ Чхенкель въ М. И. Д., у д. т. с. д-ра Криге для рѣшительнаго разговора о возможности формальнаго признанія Германіей независимости Грузіи. Генераль-фонъ-Лоссовъ, которому, какъ военному, нѣсколько доучаютъ всѣ эти тонкости регулярной дипломатіи, совѣтовалъ говорить съ Криге познергичнѣе и настаивать на особыхъ правахъ Грузіи: этими «особыми правами» и трактатомъ 1783 года браваго генерала начинилъ Чхенкели.

Итакъ, заговорили о признаніи.

Криге. Германія не можетъ этого сдѣлать раньше Россіи, потому что, разъ заключенъ Брестъ-Литовскій миръ, такое признаніе было-бы актомъ враждебнымъ по отношенію къ Россіи. Тамъ, въ Брестъ-Литовскѣ, Россія предлагала намъ признать право народовъ на самоопредѣленіе въ значеніи *общаго принципа междунагоднаго права*. Мы это предложеніе тогда категорически отвергли; какъ же можемъ мы теперь, на основаніи состоявшагося акта самоопредѣленія Грузіи, признать независимость части Россіи, объявившей себя самостоятельной? Мы уподобились-бы крестьянину, который отказался по-отрѣзъ купить козя по предложенной ему цѣнѣ, а затѣмъ пожелалъ-бы попросту вывести его изъ стойла, на томъ основаніи, что ему предлагали его купить...

Вы говорите далѣе, что у Грузіи свои особія права... Не вдаваясь въ ихъ критику, скажу, однако, что Грузія, если и была государствомъ, то перестала имъ быть. Позднѣйшіе факты создали новое положеніе вещей. И во всякомъ случаѣ: ссылка на *особія права* умѣстна въ отношеніяхъ между Россіей и Грузіей, но не между Россіей и третьей державой.

Не проще ли рѣшить вопросъ плебисцитомъ? Противъ этого большевики едва ли стануть возражать.

Чхенкели, разумѣется, настаивалъ на особыхъ правахъ Грузіи; недоумѣвалъ, какъ можно ихъ оспаривать; утверждалъ, что о правахъ этихъ знаютъ въ Америкѣ, Англии, Франціи (!), и что только Германія ихъ почему-то не признаетъ. Я указалъ на неудобство плебисцита послѣ состоявшагося уже торжественнаго провозглашенія независимости, на нежелательность агитаціи въ такое время и пр.

Криге. На основаніи Б.-Л. договора опредѣленные части вышли изъ состава Россіи; другимъ выговорено особое положеніе и т. д. Все остальное продолжаетъ быть подъ суверенитетомъ Россіи. Что касается Кавказа, имѣются лишь указанія о трехъ округахъ, отошедшихъ отъ Турціи въ 1878 г. и только!

А. Однако, тамъ прямо говорится, что въ устройствѣ этихъ округовъ извѣстный голосъ принадлежитъ, кромѣ Турціи, еще «сосѣднимъ государствамъ», (только не Россіи).

Ссылками на текстъ ст. IV Б.-Л. договора и на представленную въ Рейхстагъ объяснительную записку германскаго правительства, я стараюсь доказать, что въ Брестъ-Литовскѣ опредѣленно имѣлись въ виду закавказскія «новообразованія».

Криге. Это ваше пониманіе. Мы такъ не смотрѣли. Впрочемъ, вы понимаете, что мы не можемъ въ такое время, когда война аступаетъ, можетъ быть, въ послѣднюю фазу, рисковать необходимою снятій съ французскаго фронта хотя-бы нѣсколько корпусовъ...

А. Великолѣпно. Но если Грузія и Закавказье принадлежать Россіи, какъ могла Германія участвовать въ Батумской конференціи, въ которой эта, по вашему, русская территорія выступала въ качествѣ стороны, въ качествѣ государства, признаннаго, во всякомъ случаѣ, вашимъ союзникомъ Турціей?

Криге. Участіе это было, такъ сказать, фактическое, подъ условіемъ предварительнаго признанія Россіи...

А. Не фактическое, а регулярное, на основаніи правильнаго полномочія. Не было сдѣлано ни малѣйшей оговорки ни о «фактическомъ» характерѣ этого участія, ни о правахъ Россіи — ни устно, ни письменно! Болѣе того, даже когда, во время батумскихъ переговоровъ, стало извѣстно о перелискѣ графа Мирбаха съ московскимъ правительствомъ (относитель-

но участія послѣдняго въ батумской конференціи*) — ни Германія, ни Турція не вспоминали и не напоминали намъ о правахъ Россіи! Наконецъ, какъ это вы «конструируете» наличность въ Тифлисъ, по соглашенію съ грузинскимъ правительствомъ, германскихъ войскъ?

Криге. Такъ какъ Россія не осуществляетъ тамъ фактически власти, то, для защиты своихъ интересовъ, Германія вынуждена была послать туда своихъ солдатъ...

А. И что-же, это послѣдовало съ разрѣшенія Россіи, или хотя-бы съ увѣдомленія ея... какъ суверена?

Криге... Въ общемъ, стало-быть, Вы находите, что мы столько уже грѣшили, что намъ слѣдуетъ только продолжать...

А. Нѣтъ; но согласитесь, что всѣ факты противорѣчатъ Виллей, строго формальной теоріи Брестъ-Литовскаго договора. Чѣмъ дальше, тѣмъ это противорѣчіе будетъ болѣе разительнымъ. Проще стать на ту точку зрѣнія, что новыя государства въ Закавказьи уже имѣлись въ виду Германіей и Россіей во время брестъ-литовскихъ переговоровъ...

Криге. Что дѣлать, мы другъ друга не убѣдили. Я высказываю мнѣніе, которое здѣсь раздѣляется всѣми въ министерствѣ. Я юристъ, и рассуждаю исключительно какъ международникъ. Какъ наше правительство смотритъ на политическіе вопросы — этого я не знаю. Такіе вопросы рѣшаетъ канцлеръ, императоръ...

Людендорфъ, прибавилъ я мысленно. Впрочемъ я вполне признаю необходимость предварительнаго согласія Россіи на отдѣленіе Грузіи; послѣ чего признаніе со стороны Германіи не замедлитъ, такъ какъ политически она къ этому вполне расположена.

Вечеромъ у супруговъ М., встрѣча съ Максимидіаномъ Гарденемъ и Теодоромъ Вольфомъ... Гарденъ очень скептически высказывался по вопросу о результатахъ войны. Н., не понимая нѣмецкаго языка, дремала; Ч. тщетно пытался увлечь этихъ князей берлинской журналистики съ большой дороги общихъ вопросовъ въ закоулокъ грузино-азербайджанскихъ дѣлъ, имѣющихъ, по словамъ Ч., мировое значеніе: ничего изъ этого не вышло.

*) См. выше кн. VII.

22 іюня. Доводи д-ра Криге вполнѣ понятны, но путь этотъ (сначала получить благословеніе изъ Москвы) далекій. Какъ-бы въ Константинополь не переоцѣнили, намъ во вредъ, этихъ колебаній Берлина! Вотъ почему, въ сегодняшнемъ нашемъ совѣщаніи съ ген. фонъ-Лоссовымъ, я обратилъ его вниманіе на своеобразное отношеніе Е. П. д-ра Крига къ его, Лоссова, дипломатіи, и на проистекающую отсюда неопредѣленность, двойственность нашего положенія. Въ сущности, Грузія могла-бы столкнуться съ Россіей непосредственно и получить признаніе; не трудно было-бы ей сговориться и съ Турціей. Въ Берлинъ мы пріѣхали ради болѣе далекихъ перспективъ. Но если здѣсь дѣло будетъ чрезмѣрно тормозиться, то и т. д.

Въ «проволочкахъ», если есть таковыя, Л. не виноватъ: все же, надо иногда говорить въ этомъ тонѣ.

22 іюня. Сегодня, въ Рейхстагѣ, слушали изъ дипломатической ложи обсужденіе смѣты канцлера и министерства иностран. дѣлъ.

Большая, сильная рѣчь ф.-Кюльмана. Для новѣйшей исторіи Грузіи она получить историческое значеніе. По его словамъ, чуть ли не на дняхъ соберется въ Константинополь конференція представителей союзныхъ державъ и кавказскихъ народовъ для разрѣшенія выдвинутыхъ войною вопросовъ (т. е. конференція, ради которой наши делегаты уже пріѣхали въ Константинополь, и созывъ которой, какъ высшей инстанціи для пересмотра актовъ, подписанныхъ въ Батумѣ 4-го іюня — былъ однимъ изъ главныхъ мотивовъ нашего пріѣзда въ Берлинъ*).

Съ другой стороны, К. съ точностью установилъ необходимость предварительнаго обмѣна мнѣній съ русскимъ совѣтскимъ правительствомъ относительно выхода изъ состава Россіи опредѣленныхъ государственныхъ новообразованій, послѣ чего сдѣлается возможнымъ окончательное дипломатическое признаніе этихъ новообразованій.

Въ частности, процедура эта относится и къ Грузіи, которую К. считаетъ въ національномъ отношеніи наиболѣе консолидированнымъ изъ новыхъ кавказскихъ государствъ. Коснувшись, затѣмъ, Арменіи и Азербайджана, К. упомянулъ о стремленіи этихъ трехъ республикъ къ объединенію въ одно цѣлое.

*) См. ниже ст. XII. На самомъ дѣлѣ, конференція эта такъ и не была созвана.

По поводу движенія турецких войскъ въглубь Закавказья К. объяснили, что движеніе это, а также занятіе линіи Батумъ-Джульфа-Тавризь объясняются стратегическимъ положеніемъ въ сѣверной Мессопотаміи и необходимостью обезпечить себѣ соединеніе, этимъ путемъ, черезъ персидскій Азербайджанъ съ долиною Тигра.

Кюльманъ намекнулъ на занятіе турками, при этой операціи, такихъ территорій, *длящаяся оккупация которыхъ или анексія отнюдь не вытекаютъ изъ Брестъ-Литовскаго договора*. Впрочемъ, прибавлялъ онъ, продвиженіе турокъ на Кавказѣ приостановилось, и всѣ эти вопросы, какъ сказано, будутъ рассмотрѣны на предстоящей конференціи въ Константинополѣ.

«Съ Грузіей, говорилъ К., мы вступили въ дружескія отношенія: мы уже признали ее *de facto*. Мы находимся въ дружескомъ обмѣнѣ мыслей съ присланнымъ сюда ея министромъ иностранныхъ дѣлъ. Съ своей стороны, мы послали съ дипломатическою миссіею въ Тифлисъ генерала ф.-Кресса. Мы желаемъ прочной будущности грузинскому государству этому храброму народу и богатой странѣ и съ радостью сдѣлаемъ, что отъ насъ зависигъ, для установленія дружескихъ отношеній между Грузіей и Германіей». Это слова вызвали дружные апплодисменты.*)

Итакъ, наши старанія въ Батумѣ, Поті, Берлинѣ не были тщетны. Мы нашли «управу» на Турцію. Вопросъ о признаніи поставленъ практически.

Но самое главное: Грузія, Кавказъ вошли въ европейскую политику и исторію. Конецъ провинціально-россійской фазы нашего существованія!

Грузія — Грузіей, но важнѣе всего то общее, что было сказано Кюльманомъ о войнѣ. Отвѣтственность за нее онъ

*) Въ тѣхъ же дебатахъ — 21-го и 25 июля 1918 года — Грузіи и вообще Кавказу коснулись слѣдующіе ораторы: докладчикъ смѣты, принцъ zu Schonauich Carolath (нац.-либ.); Гроберъ (центр.); д-ръ Давидъ (соц.); графъ фонъ-Вестарпъ (конс.); д-ръ Штрессманъ (н.-л.); Гаазе (незав. соц.); д-ръ Вернеръ (нѣм. свобод.). См. кромѣ стенограф. отчетовъ и газетъ, брошюры in-folio *Das Neue Georgien. Eine Denkschrift mit statistischen Tabellen und einer Kartenskizze von Michael von Tseretheli*, гдѣ приведены выдержки всѣхъ этихъ рѣчей.

Въ общемъ, депутаты отнеслись съ симпатіей къ Грузіи и съ большимъ интересомъ къ распространенію на нее германскаго вліянія. Въ тѣхъ же рѣчахъ многого было сказано въ пользу арміи, страдающихъ отъ турецкихъ погоней.

всцѣло возложилъ на Россію (благо, большевики не будутъ противъ этого спорить!).

Объ успѣхахъ германскихъ войскъ онъ говорилъ сдержанно и выразилъ сомнѣіе въ томъ, чтобы война эта была рѣшена одною силою оружія! Жизненные требованія Германіи онъ свелъ къ свободѣ развитія въ поставленныхъ исторіей границахъ, къ свободѣ мореплаванія и къ колониальнымъ владѣніямъ, соразмѣрнымъ экономической силѣ германскаго народа.

Все это, очевидно, неопредѣленно: но К. за необходимость обмѣна мыслей между воюющими о мирѣ. Слѣдовательно, К. не вѣритъ въ торжество германскаго оружія. Это необычайно важно.

ГЛАВА XII.

ТУРЦИЯ ТОРЖЕСТВУЕТЬ.

31.

Прежде чѣмъ продолжать разсказъ о томъ, какъ развернулись и къ чему въ послѣдствіи привели — или не привели — наши берлинскіе переговоры, необходимо вернуться вспять и изложить вкратцѣ взаимоотношенія Грузіи и Турціи послѣ того какъ провозглашеніемъ независимости Грузіи прервана была Батумская конференція (26 мая 1918 г.).

Это былъ именно перерывъ. Турецкая делегація осталась въ Батумѣ, ожидая появленія, вмѣсто распавшейся Закавказской «стороны», трехъ отдѣльныхъ делегацій — отъ Грузіи, Арменіи и Азербайджана (провозгласившихъ вслѣдъ за Грузіей свою независимость — 28-го мая). Делегаціи эти и не замедлили появиться. Грузинская включала министра-предсѣдателя Рамишвили, генерала-отъ-инфантеріи Одишелидзе, г. г. Гвазава и Рцхиладзе. Одинъ полный генераль и представители трехъ партій: с.-д., нац.-дем., соц.-фед. — таковъ была аппаратъ, двинутый для подписанія актовъ завѣдомо неокончательныхъ, а по содержанию для Грузіи весьма прискорбныхъ!

Началось, 31-го мая 1918, съ запроса: относится-ли ультиматумъ, предъявленный 26-го мая Закавказской делегаціи, къ вновь возникшей грузинской республикѣ? «Естественно, относится», отвѣтили турки незамедлительно и прибавили: просимъ отвѣта не позже 12 час. ночи.

Рамишвили послѣ этого выразилъ желаніе установить добрососѣдскія отношенія съ Турціей, съ тѣмъ однако, чтобы южная граница Грузіи была опредѣлена согласно Брестъ-

Литовскаго договора» — т. е. онъ отбрасываль (за N 2) территориальныя требованія турецкаго ультиматума, но затѣмъ (за N 3) согласился ихъ принять.

Оставалось подписать всѣ эти акты, что и произошло, въ гор. Батумѣ, 4-го іюня, т. е. на слѣдующій день послѣ прибытія другой грузинской делегаціи въ Берлинъ.

Простая по существу процедура глотанія столь горькой пилюли не обошлась безъ рѣчей, — какъ того, кто эту пилюлю поднесъ, такъ и того кто ее проглотилъ.

Халиль-бей высказался въ томъ смыслѣ, что за дополнительныя (къ Брестъ-Литовскому миру) непріятности пеняйте моль на себя: зачѣмъ было сопротивляться нашему вступленію въ Батумъ и въ Карсъ? Вообще же, *образованіе на Кавказѣ сильно организованнаго и прогрессивнаго государства онъ объявилъ вопросомъ жизненнымъ для Оттоманской Имперіи.* Такое государство, прибавлялъ онъ, должно имѣть основой взаимную дружбу кавказскихъ народовъ, *главнымъ же образомъ сила его должна зиждиться — на дружескихъ отношеніяхъ между кавказскими мусульманами и грузинами.*

Рамишвили изъяснилъ въ свою очередь, удовольствіе въ виду прекращенія войны, этого «наслѣдія царскаго правительсва и въ объявленіи которой грузинскій народъ не принималъ никакого участія»; выразилъ надежду, что «народъ нашъ будетъ постоянно пользоваться правомъ мирнаго интеллектуальнаго развитія» (!) и т. д.

По словамъ Рамишвили «наше государство объявило себя *нейтральнымъ* въ этой войнѣ» — заявленіе отнюдь не необходимое и, въ такой формѣ, далекое отъ точности — коль скоро желѣзныя дороги Грузіи предоставлялись въ распоряженіе одной изъ воюющихъ сторонъ.

Предсѣдатель грузинской делегаціи, вслѣдъ за своимъ отвѣтнымъ словомъ, прочелъ вновь декларацію, уже слѣланную имъ раньше, при частномъ обсужденіи условій мира (которое предшествовало формальному засѣданію конференціи) — декларацію, въ которой говорится о подписанномъ въ Поті 28 мая соглашеніи о военныхъ перевозкахъ Германіи и ея союзниковъ по грузинскимъ желѣзнымъ дорогамъ и объ *обязательности этого соглашения для Грузіи.* Нарочитость этой ссылки на «обязательность» грузино-германскаго соглашения дала Халиль-бею поводъ потребовать отъ словоохотливаго Рамишвили — признанія такой-же «обязательности» *турецко-*

грузинскаго (дополнительнаго) соглашенія по тому же предмету.

Наконецъ, всѣ соглашенія были подписаны, съ турецкой стороны — Халиломъ и Вехибомъ, съ грузинской — четырьмя названными выше представителями. Послѣ этого, предсѣдатель грузинской делегаціи говорилъ еще о необходимости скорѣйшаго признанія Грузіи Турціей и ея союзниками, и о желательности скорѣйшаго установленія дипломатическихъ сношеній между Грузіей и Турціей. Халиль-бей полагалъ, что сношенія эти скоро будутъ установлены, и что «заключеніе только что подписанныхъ договоровъ является уже формальнымъ признаніемъ» независимости Грузіи.*)

Основной, подписанный въ Батумѣ, *договоръ мира и дружбы* между Грузіей и Турціей подлежалъ (ст. XIII) ратификаціи въ мѣсячный, по возможности, срокъ. Ратификація эта такъ и не состоялась, и самый договоръ въ силу никогда не вступалъ.

Грузино-турецкая граница, въ общемъ, опредѣлялась здѣсь соответственно русско-турецкой государственной границѣ до Адрианопольскаго трактата 1828 года. Это означало возвращеніе къ предѣламъ Грузіи эпохи ея присоединенія къ Россіи. Турція приобрѣтала обратно и утраченные въ 1878 году санджаки Батумъ, Ардаганъ, Карсъ (уже полученны по миру въ Брестъ-Литовскѣ), и санджаки Ахалцихъ (Akhaltskha) и Ахалкалаки (Akhilkelek), обѣщанные еще Екатериною II Грузіи Ираклія II въ случаѣ отрѣзанія,**) дѣйствительно отвоеванные въ 1828 году и, впоследствии, вошедшіе въ составъ Тифлисской губ.

Сравнительно съ первоначальнымъ текстомъ договора предъявленнымъ Закавказской делегаціи 11 мая 1918 года мирный договоръ съ Грузіей 4 июня содержитъ одно несомнѣнное улучшеніе — изъ состава Ахалцихскаго уѣзда Грузія сохраняетъ двѣ мѣстности: Абастуманъ (извѣстный климатическій курортъ) и Ацкури (на Курѣ, выше Боржомскаго ущелья). Въ этой уступкѣ сказалось и влияніе Германіи, и желаніе

*) См. протоколъ засѣданія конференціи, подписанный въ Батумѣ 5-го іюня 1918 секретарями делегацій: д-ромъ В. Гамбанидзе и Орханъ-беємъ. Протоколъ этотъ не напечатанъ въ «Документахъ и матеріалахъ etc.». Тексты договоровъ см. №№ 172-179.

**) См. 4-ый «сепаратный артикуль» къ грузино-русскому договору о протекторатѣ 1783 г. у *Буткова*. Матеріалы для исторіи исторіи Кавказа. Т. II, гл. 108. Спб. 1869.

турокъ хотъ немного утѣшить Грузію, терявшую всё свои историческія территоріи верхней Куры и Чорохскаго бассейна.

Протоколы о взаимномъ разграниченіи между Грузіей, Арменией и Азербайджаномъ должны быть впослѣдствіи включены въ текстъ этого договора и сдѣлаться его составной частью (ст. III).

Одновременно съ мирнымъ договоромъ были подписаны: временныя правила о торговлѣ и мореплаваніи (приложение I къ трактату), соглашеніе объ особыхъ льготахъ въ сношеніяхъ между приграничными мѣстностями (приложение II), и правила о духовномъ управленіи мусульманъ въ Грузіи.*)

Болѣе непосредственное значеніе имѣлъ однако подписанный 4-го іюня *дополнительный договоръ* между Оттоманской Имперіей и Грузинской республикой, (вступавшій въ силу со дня его подписанія, однако, съ размѣномъ ратификацій черезъ мѣсяць: ст. VI), согласно которому производилась демобилизація грузинскихъ войскъ, устанавливался въ пользу Турціи извѣстный контроль военныхъ силъ республики, давалось обязательство удалить всѣхъ офицеровъ и чиновниковъ государствъ, бывшихъ въ войнѣ съ Турціей, — находившихся на грузинской территоріи (о солдатахъ «антанты» и не упоминалось: ихъ появленіе въ Грузіи въ это время признавалось, повидимому, вообще невыслышимым!), а, главное, опредѣлялся порядокъ пользованія желѣзными дорогами для военныхъ перевозокъ. Охрана путей, въ принципѣ, возлагается на грузинскія войска.

Особымъ *приложеніемъ къ дополнительному соглашенію*, подписаннымъ генералами Одишелидзе и Вехибомъ, устанавливался порядокъ размѣна военнопленныхъ.

На тѣхъ-же основаніяхъ и въ тотъ же день были подписаны въ Батумѣ мирные договоры (съ дополнительными соглашеніями) между Турціей и Азербайджаномъ (въ лицѣ М. Гаджинскаго и Расуль-Заде), а также между Турціей и Арменией, представленной уже извѣстными намъ Р. Качазнуни и А.

*) Правила эти, въ общемъ, совпадаютъ съ текстомъ аналогичныхъ соглашеній, заключенныхъ Турціей напр. съ Болгаріей и Греціей въ эпоху балканскихъ войнъ 1912-13 г. г. Но въ ст. VI основного договора (абз. 2: «имя Ф. И. В. Султана будетъ произноситься въ публичныхъ молитвахъ мусульманъ») турки подслунали грузинскимъ делегатамъ текстъ безъ необходимой оговорки «имя Е. И. В. Султана какъ *халифа*», принятой въ договорахъ съ другими государствами. Текстъ былъ подписанъ безъ этой оговорки.

Хатисовымъ, и еще М. Пападжановымъ*). Желѣзная дорога Карсъ-Александрополь-Джульфа со всею прилегающею территоріею переходила въ обладаніе турокъ: черезъ Арменію и родственной кавказскій Азербайджанъ Турція пробилась, простерла руку въ столь-же родственному Азербайджану персидскому: важное показаніе магнитной стрѣлки стихійныхъ политическихъ устремленій!**)

Чтобы закончить краткій обзоръ международныхъ актовъ, подписаніемъ которыхъ, подъ сѣнью батумскихъ пальмъ и бамбуковъ, молодыя Кавказскія республики начинали карьеру своей независимости, надо упомянуть еще конвенцію о поддержаніи въ исправности керосинопровода Баку-Батумъ, подписанную представителями Азербайджана, Грузіи и Турціи, и соглашеніе трехъ кавказскихъ республикъ и Турціи о распредѣленіи между ними подвижного состава б. Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ, пропорціонально протяженію желѣзнодорожныхъ линій, пришедшихся на долю каждаго.

32.

Что Халиль-бей не пожелаетъ уѣхать изъ Батума съ пыстыми руками; что побѣдоносная, благодаря разложенію противника, Турція заставитъ новыя правительства подписать нужный ей миръ, это легко было предвидѣть. Бороться противъ навязаннаго намъ въ такихъ условіяхъ Турціей сепаратнаго мира; обратиться къ ея союзникамъ, заставить ихъ вмѣшаться въ дѣло и добиться, этимъ путемъ, насколько возможно, смягченія территоріальныхъ условій мира, весьма разрушительныхъ для Грузіи — это было первое, о чемъ мы должны были подумать, пріѣхавъ въ Берлинъ. Германское правительство было, конечно, въ курсѣ нашихъ намѣреній и надеждъ, благодаря генералу фонъ-Лоссову: теперь отъ насъ требовались формальные шаги.

Мы начали, разумѣется, съ нотификаціи Германскому Правительству акта провозглашенія независимости Грузіи 26 мая, и образованія правительства г. Рамишвили.***)

«Такимъ образомъ, говорилось въ нашей нотѣ по этому

*) Б. членъ 4-ой Государствен. Думы; б. членъ Особого Закавказскаго Комитета (изъ 1917 г.).

**) Турки и раньше владѣли временами Тауризомъ.

***) Тогда-же мы увѣдомили о состоявшемся распаденіи Закавказской республики.

поводу, (отъ 6-го іюня) послѣ болѣе чѣмъ столѣтняго владычества Россіи въ Грузіи, народъ грузинскій вновь занялъ свое мѣсто среди независимыхъ націй.

Соединенная съ Россіей политическими договорами, заключенными съ цѣлью обезпечить съ бѣ полную внутреннюю свободу и цѣлость своей территоріи, Грузія скоро стала свидѣтельницей нарушенія своихъ правъ; свобода ея была поколеблена, а вольности ея замѣнены режимомъ полной анексії.

Съ того момента какъ русское правительство вывело войска свои изъ Закавказья, и въ частности изъ Грузіи, предоставляя ея своей судьбѣ, никакія связи не соединяли болѣе Грузію съ Россіей. Свободная отнынѣ отъ всѣхъ обязательствъ по отношенію къ другому государству, Грузія провозгласила себя независимой республикой и стремится нынѣ установить свои международныя отношенія, сообразно своимъ жизненнымъ интересамъ, въ видахъ обезпеченія своей, вновь обрѣтенной, независимости и свободы дальнѣйшаго развитія». О скорѣйшемъ признаніи этой новой республики мы и просили германское правительство.

О подписаніи мира 4-го іюня между Грузіей и Турціей намъ стало извѣстно въ Берлинѣ на слѣдующій же день, 6-го іюня, т. е. одновременно съ формальнымъ оповѣщеніемъ германскаго правительства о провозглашеніи независимости Грузіи, мы заявили министерству иностранныхъ дѣлъ, что «поскольку Грузія оказалась, подъ прямымъ давленіемъ Турціи, вынужденной къ подписанію какого-либо соглашенія съ одной Турціей, обязательства, подписанныя въ этихъ условіяхъ, должны почитаться ничтожными», и что «совокупность вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію между *четырьмя союзными державами* и Грузіей» подлежала бы разсмотрѣнію въ особой конференціи, для выработки договора между Грузіей съ одной стороны, и всѣми державами четвернаго союза — съ другой, на основіи Брестъ-Литовскаго договора.

Это наше стремленіе имѣть, такъ сказать, свой собственный Брестъ-Литовскъ*), съ цѣлью, улучшить въ нашу пользу условія навязанныя Грузіи въ Егумѣ, мы съ еще большей отчетливостью выразили въ другой нотѣ отъ того-же числа (т. е. 6-го іюня), заключающей формальное предложеніе

*) По существу это было именно такъ — не въ обиду будь сказано нашимъ соп. дем. лидерамъ, съ такимъ же одобрительнымъ вниманіемъ *тогда* за «большимъ» Брестъ-Литовскъ.

созыва конференціи для установленія между Грузіей и четырьмя союзными державами «длительныхъ отношеній дружбы и сотрудничества на основахъ Брестъ-Литовскаго договора».

Эта кампанія — продолженіе нашего состязанія съ турецкой делегаціей въ Батумъ (см. выше п. 19) — строилась на той мысли, что «полученное въ Брестъ-Литовскъ въ порядкѣ четвернаго соглашенія можетъ быть приращаемо и видоизмѣняемо въ томъ же порядкѣ, т. е. общимъ, а не сепаратнымъ соглашеніемъ съ противною стороною». Предлагая на этомъ основаніи новую конференцію, мы, тѣмъ самымъ, не только создавали инстанцію для пересмотра батумскихъ рѣшеній 4-го іюня, но и выигрывали время, необходимое для упроченія нашихъ связей съ Германіей и режима независимости въ самой Грузіи; и имѣли, слѣдовательно, шансы явиться на эту конференцію уже въ нѣсколько окрѣпшемъ видѣ.

И такъ какъ предложеніе созвать конференцію совпало, повидимому, и съ необходимостью обереганія междусоюзнической дисциплины, и съ будущими интересами Германіи, намѣчавшимися въ Грузіи и вокругъ Грузіи — то и случилось такъ, что Левіаѳанъ попался таки на заброшенную наши слабыми руками удочку.*)

«Императорское Германское правительство, писалъ 9-го іюня фонъ-Кюльманъ на имя предсѣдателя грузинской делегаціи, въ отвѣтъ на наши ноты отъ 6-го іюня: имѣетъ честь заявить, что оно готово отнестись благопріятно къ этимъ предложеніямъ (о созывѣ конференціи) и не приминетъ войти по этому предмету въ сношенія съ правительствами союзныхъ державъ».

Германское правительство находило, что, по практическимъ соображеніямъ, конференціи слѣдовало бы собрать въ Константинополѣ, и что она, въ частности, могла бы рассмотретьъ вопросъ о признаніи четырьмя державами (т. е. Германіей, Австро-Венгріей, Турціей и Болгаріей) независимости новой республики. «Императорское правительство, прибавлялъ государственный секретарь по внѣшнимъ дѣламъ, признавая уже въ настоящее время правительство Грузинской республики правительствомъ de facto, расположено, въ принципѣ, высказаться въ пользу формальнаго признанія республики, и

*) См. въ прилгѣ Іова, гл. 10-20. «An extrahere poteris leviantiam et tunc figabis linguam ejus?»

лѣ благопріятнаго завершения переговоровъ, начатыхъ между Грузинской республикой и Московскимъ правительствомъ*).

33.

Сношенія Германіи съ союзными державами относительно созыва конференціи не затянулись, и, какъ мы видѣли, ф. Кюльманъ имѣлъ возможность возвѣстить Рейхстагу о рѣшеніи союзниковъ встрѣтиться на новой конференціи по кавказскимъ дѣламъ уже въ рѣчи своей 24-го іюня (см. выше стр. 93) Тогда же онъ съ окончательной опредѣленностью заявилъ о необходимости, для формальнаго («дипломатическаго») признанія Грузіи (и другихъ отпавшихъ окраинъ Россійской Имперіи) независимыми государствами предварительнаго на то согласія русскаго (совѣтскаго) правительства.

Это согласіе, въ свою очередь, зависѣло отъ исхода русско-германскихъ переговоровъ, завязавшихся по цѣлому ряду трудныхъ вопросовъ, возникшихъ уже послѣ ратификаціи Брестъ-Литовскаго договора.**)

Добиться согласія Москвы на такое признаніе было, опять таки, легче германскому правительству во время переговоровъ съ г. Юффе въ Берлинѣ, чѣмъ молодому грузинскому правительству, отношенія котораго къ московской совѣтской власти обѣщали, къ сожалѣнію, быть съ самаго начала отвратительными — благодаря антагонизму раздѣлявшему грузинскихъ социаль-демократовъ и совѣтскихъ дѣятелей (къ большей паубѣ для Грузіи, чѣмъ для Россіи!) Да и сообщеніе Тифлиса съ Москвой было въ это время очень затруднительнымъ благодаря огромной политической черезполосицѣ. Не подлежало сомнѣнію: по вопросу о формальномъ признаніи Грузіи германскимъ правительствомъ приходилось терпѣливо ждать исхода русско-германскихъ переговоровъ.

Что же касается возвѣщенной константинопольской конференціей, то организація ея оказалась также дѣломъ болѣе труднымъ, чѣмъ это рисовалось въ объясненіяхъ Кюльмана, данныхъ Рейхстагу 24 іюня. Турція имѣла свои довольно сложныя заботы на Кавказѣ, и разрѣшить эти задачи, напр., по упроченію своего вліянія въ Азербайджанѣ, по организа-

*) Грузинская делегация высказывалась, въ отвѣтъ на то, за созывъ конференціи въ Берлинѣ или другомъ мѣстѣ, но не въ Константинополѣ.

***) Обмѣнъ ратификацій послѣдовалъ 29 марта 1918 г.

ціи плебисцита въ областяхъ, предусмотрѣнныхъ Б.-Литовскимъ договоромъ и т. д. она предпочитала собственными средствами, до открытія работъ конференціи. Поставивъ цѣлью укрѣпленіе мусульманскаго Кавказа и, вообще, разрѣшеніе кавказскихъ вопросовъ въ духѣ собственного тамъ преобладанія, Турція пригласила въ Константинополь цѣлый рядъ делегаций, тщетно и долго ждавшихъ открытія конференціи и тосковавшихъ въ сладостномъ бездѣйствіи, на иждивеніи оттоманскаго правительства, въ лучшихъ гостинницахъ Перы, въ то время какъ велись, съ проволочками и безрезультатно, переговоры съ Германіей и другими союзниками по подготовкѣ возвышенной уже конференціи. Недѣля шла, за недѣлей, а конференція все не созывалась.

Такое положеніе вещей давало намъ въ Берлинѣ время съ большею основательностью разсмотрѣть вопросъ о возможныхъ отношеніяхъ между Грузіей и Германіей. Какъ быть, если ничего не выйдетъ изъ русско-германскихъ переговоровъ и изъ константинопольской конференціи? Требовалось найти такое обоснованіе грузино-германскихъ отношеній, которое обезпечило-бы намъ и въ этомъ случаѣ признаніе Германіи и ея поддержку: лѣтомъ 1918 года признаніе это и поддержка являлись для Грузіи политическимъ факторомъ рѣшающаго значенія, безъ возможности его замѣны какимъ либо другимъ.

ГЛАВА XIII.

СТАВКА НА ГЕРМАНИЮ.

34.

Прислулая на этотъ разъ къ регулярнымъ переговорамъ съ германскимъ правительствомъ, мы какъ то молчаливо согласились оставить пока въ сторонѣ соглашенія, подписанныя въ Поти, хотя главная ихъ основа (обусловленность экономическихъ выгодъ, предоставляемыхъ Германіи, — политической поддержкой дѣла независимости Грузіи) не могла отвергаться или быть измѣнена. Въ этомъ смыслѣ, наши берлинскіе переговоры были, конечно, продолженіемъ и завершеніемъ начатого въ Батумѣ и Поти.

Прежде всего надлежало изложить основныя политическія и экономическія данныя, относящіяся къ проблемѣ независимости Грузіи. Н. Я. Николадзе составилъ экономическій обзоръ; я же взялъ на себя задачу историческаго и политическаго освѣщенія вопроса о независимости Грузіи.

Въ особомъ «объяснительномъ меморандумѣ» дается сжатое изображеніе судьбы Грузіи, преимущественно, послѣднихъ эпохъ — сначала подъ русскимъ протекторатомъ, затѣмъ подъ непосредственнымъ управленіемъ Россіи — и главнѣйшихъ фактовъ изъ исторіи обособленія Закавказья въ 1917 году, полнаго его отдѣленія и, наконецъ, провозглашенія независимости Грузіи 26 мая 1918 года.

Данныя эти резюмированы въ п. 9 этого меморандума въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Соединенная съ Россіей на основаніи политическихъ соглашеній, заключенныхъ грузинскими династами, Грузія, не бывъ завоевана силою русскаго оружія, оставалась и подъ

столѣтнимъ владычествомъ Россіи -- живымъ національнымъ организмомъ, ожидавшимъ лишь благоприятнаго времени для осуществленія своихъ непогашаемыхъ національныхъ правъ и для заявленія своихъ политическихъ требованій.

Оставаясь вѣрной Россіи втеченіе великой войны до заключенія Брестъ-Литовскаго мира, Грузія не могла отнестись равнодушно къ дѣйствіямъ русскаго правительства, открывшаго ея границы вторженію непріятели и уступившаго ему по договору грузинскія области. Предоставленная такимъ образомъ своей участи, Грузія, послѣ крушенія и полнаго уничтоженія русской государственности въ Закавказьи, содѣйствовала сперва упроченію здѣсь независимаго государственнаго строя, а затѣмъ приступила къ организаціи своего собственнаго государства, свободнаго, силою происшедшихъ событій, отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ Россіи, правительство которой признало, впрочемъ, особымъ декретомъ полную свободу каждаго народа входившаго въ составъ Россіи избрать подходящій для него политическій режимъ, включая полное отдѣленіе отъ Россіи.

Вернувшись такимъ образомъ, вновь къ осуществленію своихъ правъ, пріостановленному во время русскаго владычества, грузинскій народъ предполагаетъ нынѣ устроить свое государство и свои международныя связи свободно и такъ, чтобы ему обеспечено было длительное пользованіе своими возстановленными правами, на благо Грузіи и всего Кавказа.

Этимъ документомъ*) имѣлось въ виду показать, что провозглашеніе независимости Грузіи было естественнымъ, неизбежнымъ послѣдствіемъ стародавней исторической традиціи, національнаго сознанія молодой грузинской демократіи и last but not least — распада Россійской Имперіи въ 1917 году.

Вслѣдъ за этимъ поясненіемъ обстоятельствъ и причинъ вызвавшихъ провозглашеніе независимости Грузіи, 26 мая 1918 года, необходимо было изложить существо политическихъ цѣлей, которыя мы преслѣдовали, и характеръ поддержки которой мы искали въ Берлинѣ.

*) При составленіи его приходилось, конечно, считаться съ официальною доктриною грузинскаго правительства по вопросу какъ она выражалась въ «Дѣлѣ независимости Грузіи» 26-го мая 1918. Текстъ этотъ получилъ широкую огласку, на россійскихъ языкахъ. См. русскій переводъ въ «Документахъ и матеріалахъ», № 165.

Иными словами: надлежало дать мотивировку и выразить точный смысл той т. наз. *германской ориентации*, которую, весной 1918 года, мы избрали. И это послѣ того какъ всего только въ ноябрѣ 1917 года необходимость сохраненія *россійской ориентации* была признана грузинскимъ національнымъ совѣщаніемъ!

Чтобы понять эту перемену, надо вспомнить, что между двумя этими датами произошло крушеніе всероссійской демократіи (благодаря разгону Учредительнаго Собранія) и крушеніе россійской Имперіи, засвидѣтельствованное въ Брестъ-Литовскѣ.

Распаденіе Россіи было дѣйствительнымъ событіемъ. Превжней Имперіи уже не существовало въ началѣ 1918 г. А на границахъ неустроенной еще Грузіи стояли турки; и выше достаточно подробно разсказано, какъ, почему и съ какимъ успѣхомъ Грузія избавилась отъ непосредственной опасности благодаря «германской ориентации» — т. е. политическому курсу, подсказанному фактическими условіями тѣхъ дней.

Но этого объясненія *злбодневными обстоятельствоми* далеко недостаточно: въ этой «германской ориентации» было сначала же нѣчто болѣе глубокое, нѣчто непосредственно связанное съ осознаніемъ путей и потребностей развитія и самоутвержденія націи, явно хирѣвшей въ условіяхъ русской государственности XIX и начала XX вѣка.

Здѣсь сказалось и стремленіе примкнуться болѣе непосредственно къ Европѣ, къ тому, что мыслилось средоточіемъ и главнымъ очагомъ культурныхъ движеній; и желаніе высвободиться изъ слишкомъ обременительныхъ и опасныхъ тисковъ односторонняго русскаго вліянія; и надежда обосновать прочіше національную будущность Грузіи, включивъ ее какъ самостоятельное звено въ будущую политическую систему ближняго востока...

Какова будетъ эта система, трудно было предвидѣть; но выступить, какъ политическая единица, какъ одинъ изъ факторовъ, принимаемыхъ въ расчетъ, — было и естественно, и благоразумно.

Такъ намѣтился тотъ вариантъ «примыканія къ Европѣ», который легъ въ основаніе грузинской политики начиная съ батумской конференціи мая 1918 года, и который можно назвать «германскимъ» или «среднеевропейскимъ» — направленіе этого варианта точно соответствовало политической об-

становкѣ востока Европы и Ближняго Востока въ моментъ, когда Грузіи пришлось впервые рѣшиться и выбирать.

Въ свое время «россійская ориентація» Грузіи была также исторически необходимымъ и географически предопредѣленнымъ «вариантомъ» примыканія къ миру христіанской культуры и образованности: въ XVIII столѣтіи попытки Грузіи найти поддержку въ Зап. Европѣ были безнадежны и безуспѣшны. Въ 1918 году условія представлялифь иными: соприкосновение съ Европой благодаря ея интересамъ и вліянію на Востокѣ достигалось сравнительно легко, становилось уже вопросомъ практической политики, источникѣмъ осязательныхъ достижений. Но, повторяю: этотъ первый вариантъ европейской ориентаціи Грузіи гласилъ, по необходимости: Германія, «Срединая Европа».

Отъ этихъ разъясненій перейду къ изложенію второго меморандума (отъ 17 іюня 1918 г.), въ которомъ именно и излагались политическія цѣли Грузіи и намѣчалась схема ея взаимоотношеній съ Германіей.

Послѣ ссылки на причины и послѣдствія присоединенія Грузіи къ Россіи въ началѣ XIX вѣка, въ этомъ документѣ говорится о желаніи грузинскаго народа опереться на такую державу, со стороны которой нѣтъ основанія опасаться поглощенія (анексіи), и интересы которой легко согласуются съ политическими задачами Грузіи.

Каковы же эти задачи?

Прежде всего, упроченіе своей государственности; организациія властей и отраслей управленія, военныхъ силъ, финансовъ; признаніе другими державами и установленіе съ ними правильныхъ международныхъ сношеній.

Во-вторыхъ, созданіе союзническихъ связей между Грузіей и ея сосѣдямъ, христіанами и мусульманами, какъ въ Закавказьи такъ и на Сѣверномъ Кавказѣ и, затѣмъ, подготовка *Кавказской Конфедераціи*, призванной играть важную роль въ будущей политической системѣ, имѣющей установиться въ этихъ краяхъ въ результатъ мировой войны.

Эта конфедераціія будетъ нейтрализована и достаточно устроена въ военномъ отношеніи, чтобы защищать свой нейтралитетъ отъ нападений извнѣ.

Однако, прежде всего надлежитъ обезпечить будущность Грузіи, поддержавъ ея независимость: независимая Грузія сдѣлается краеугольнымъ камнемъ Кавказской Конфедераціи, черезъ Грузію же политическое и экономическое вліяніе П

маніи найдеть болѣ легкій доступъ въ сосѣднія страны. Это -- въ будущемъ; но Германія отнынѣ-же получить участіе... въ разработкѣ богатствъ Грузіи въ связи съ предоставленіемъ послѣдней займа.

Изъ этихъ посылокъ дѣлается заключеніе, что взаимоотношенія Грузіи и Германіи должны строиться на началахъ союзническихъ, съ полнымъ, признаніемъ независимости и суверенитета Грузіи и съ предоставленіемъ Германіи фактически привилегированнаго положенія, на основаніи совокупности договоровъ и конвенцій, опредѣляющихъ участіе ея, главнымъ образомъ, въ экономическомъ строительствѣ и, въ частности, въ организации военныхъ силъ для обороны Грузіи.

Особо оговаривалось германское содѣйствіе въ дѣлѣ международнаго признанія Грузіи; заемъ въ Германіи для созданія денежной системы и т. д.

На изложенныхъ основаніяхъ — заключалъ меморандумъ — могло-бы возникнуть плодотворное и длительное сотрудничество между Грузіей и Германіей. Грузія получила-бы, вмѣстѣ съ возможностью экономическаго расцвѣта, гарантію своей государственной независимости. Германія извлекла-бы изъ этого сотрудничества не меньшія выгоды: оно облегчило-бы ей защиту и развитіе ея интересовъ на Востокѣ.*)

35.

Уже изложеніе подписанныхъ въ Поті временныхъ соглашеній (см. гл. IX) показало, какое значеніе Германія придавала развитію экономическихъ связей съ Грузіей.

Здѣсь, въ Берлинѣ, на эту сторону дѣла приходилось обращать такое-же вниманіе, какъ на чисто дипломатическіе переговоры. При тѣсной связи крупной промышленности и банковъ съ правительствомъ достиженіе результатовъ въ области экономическихъ интересовъ открывало путь къ скорѣйшему завершенію и политическихъ нашихъ задачъ. Въ самомъ дѣлѣ, намъ пришлось договариваться съ наиболѣ мощными и, слѣдовательно, вліятельными предпріятіями германскаго торгово-промышленнаго мира.

*) Особая записка объ экономическихъ выгодахъ для Германіи союза съ Грузіей и о природныхъ богатствахъ послѣдней была тогда-же составлена Н. Н. Николаеве, и сообщена германскому правительству одновременно съ изложенными въ текстѣ двумя меморандумами. Эти три документа и явились, можно сказать, основой нашихъ переговоровъ въ Берлинѣ.

Главный предмет этих переговоров определялся без затрудненія. Не надо было его ни изобрѣтать, ни навязывать. То былъ Чиагурскій марганецъ, гдѣ у германскихъ фирмъ уже давно были свои интересы, и значеніе котораго для европейской металлургіи стали вообще очень велико.*)

На этомъ «черномъ камнѣ» (шави-ква — такъ называется по-грузински марганецъ) воздвигнется знаніе германо-грузинскихъ отношеній, думалось не безъ основанія.

Къ переговорамъ приступили немедленно, послѣ предварительнаго свиданія съ министромъ народнохозяйственнаго вѣдомства (Reichswirtschaftsamt) барономъ фонъ-Штейнъ, и велись они въ помѣщеніи этого министерства, принимавшаго въ нихъ извѣстное участіе. Что же касается нашихъ германскихъ контрагентовъ, то здѣсь была вся такъ называемая «тяжелая индустрія»: акціонерное общество Фридрихъ Круппъ (Эссенъ), Гельзенкирхенское горнопромышленное акц. общество, Deutsch-Luxemburgische... Aktiengesellschaft (Bochum), Gewerkschaft Deutscher Kaiser и т. д. — одно упоминаніе которыхъ говоритъ о шахтахъ доменныхъ печахъ, дивидендахъ и рабочемъ вопросѣ въ масштабѣ циклопическомъ. Руководящую роль въ переговорахъ съ этой стороны игралъ Фрицъ Тиссенъ.**)

Рѣшено было упорядочить вывозъ марганца за границу (а онъ обыкновенно вывозился полностью въ Европу и Америку) посредствомъ созданія особаго акціонернаго общества (по грузинскимъ законамъ), получавшаго монополію вывоза марганца. А для того чтобы экспортъ былъ въ техническомъ отношеніи оборудованъ «по послѣднему слову», и для созданія, впрочемъ, извѣстнаго единства и планомѣрности въ этомъ дѣлѣ, рѣшено было учредить одновременно еще два акціонерныхъ общества: одно для эксплуатаціи желѣзнодорожнаго подъѣзднаго пути Чиагури—Шорепани***), по которой перевозится марганецъ, чтобы, затѣмъ, по главной линіи, достигнуть Поти; а другое — для эксплуатаціи Потійскаго порта.

Дѣловое руководство всѣми тремя обществами обезпе-

*) См. все свидѣнія въ книгѣ *D. Ghambashidze, F. R. G. S. Mineral resources of Georgia and Caucasia. Manganese industry of Georgia.* London 1919.

**) При занятіи Рура французами въ началѣ 1923 г. его, за неисполненіе ихъ требованій, посадили въ тюрьму, и имя этого крупнейшаго промышленника было тогда очень популярно въ Германіи.

***) Чиагури — средоточіе добычи марганцевой руды; Шорепани — станція на магистральной линіи Тифлисъ—Поти.

чивалось за группою вышеозначенныхъ предприятий. Съ германской стороны выражалось горячее желаніе получить все это дѣло полностью въ свои руки, т. е. сдѣлать эти общества по составу акціонеровъ чисто-германскими, но одновременно установить въ пользу грузинскаго правительства весьма существенныя отчисленія и вообще финансовыя выгоды. На дѣлѣ же была принята, въ виду настояній грузинскихъ делегатовъ, другая схема, а именно: паритетное участіе въ акціонерномъ капиталѣ грузинской группы, наряду съ германской; предоставленіе грузинской группѣ одной (изъ трехъ) директорскихъ вакансій въ правленіи, и предсѣдательствованія (при равенствѣ членовъ) въ Совѣтѣ каждаго изъ трехъ акціонерныхъ обществъ. Словомъ, германская группа получала преимущество въ активной администраціи, грузинская — въ надзорѣ, при полномъ равенствѣ въ участіи.

Составленные на этихъ основаніяхъ три договора были подписаны 12 Іюля, такъ же какъ особое соглашеніе съ министерствомъ народнаго хозяйства (Reichswirtschaftsamt) — въ лицѣ товарища министра д-ра Гепперта*) — о возможности предоставленія тѣмъ же т. е. германскимъ промышленнымъ кругамъ и на тѣхъ же основаніяхъ эксплоатаціи одной еще не существующей въ Чіатури «марганцевой» отрасли, а именно, выплавки ферромангана и другихъ соединеній, съ примѣненіемъ водной силы; о разверсткѣ министерствомъ акцій (германской половины) между заинтересованными группами и т. д.

Въ этотъ же протоколъ былъ внесенъ слѣдующій (6 ой) пунктъ: «грузинское правительство признаетъ эти договоры окончательными лишь послѣ заключенія финансоваго соглашенія (переговоры по которымъ ведутся) и послѣ выясненія политическихъ отношеній между Грузинской республикой и Германской Имперіей».

Подписаніе этихъ договоровъ ознаменовано было (16 Іюля) торжественнымъ обѣдомъ, хозяиномъ котораго былъ министръ баронъ ф. Штейнъ. Присутствовали здѣсь вице-канцлеръ von Raueg, имперскій министръ финансовъ и многіе другіе.**)

*) Старшимъ братъ того д-ра Гепперта (м-ство иностранныхъ дѣлъ), о которомъ уже не разъ упоминалось.

***) По болѣзни Чхенкети отсутствовать, и меня посадили рядомъ съ вице-канцлеромъ: онъ далъ за меня хлѣбца купоны (у меня не было съ собой) метръ-догодъ, который я только послѣ этого поспѣлъ вытѣ на тарелочку дочитки чернаго хлѣба.

Финансовое соглашеніе о займѣ съ группой главнѣйшихъ банковъ Германіи было нами подписано довольно скоро (15 августа) такъ что для осуществленія «марганцевыхъ» договоръ надо было выжидать лишь исхода нашей дипломатической кампаніи — т. е. прежде всего формальнаго признанія со стороны Германіи.

На дѣлѣ договорамъ этимъ вовсе не суждено было осуществиться. Теоретически-же они, какъ мнѣ кажется — и съ этой именно цѣлью я надѣ ними много работалъ — открывали дѣйствительно передъ Грузіей тотъ путь сотрудничества съ иностраннымъ культурнымъ капиталомъ,*) которымъ достиглось-бы быстрое развитіе природныхъ богатствъ, расширеніе хозяйственныхъ горизонтовъ, вносились-бы дѣловые навыки, создавались-бы заработки и для рабочихъ, разрѣжая тѣмъ самымъ чрезмѣрную гущу крестьянства, и для «интеллигентныхъ» пролетаріевъ. А послѣднее очень важно въ Грузіи, какъ и въ другихъ отсталыхъ странахъ Востока, гдѣ приобщеніе къ разнымъ «идейнымъ течениямъ Запада» умножило далеко свыше необходимости политикановъ, агитаторовъ и т. д., при массовомъ невѣжествѣ и при отсутствіи необходимыхъ кадровъ лицъ, нужныхъ для хозяйственнаго роста и для развитія и удовлетворенія потребностей страны.

Мы были въ Берлинѣ въ такое время, когда, подъ влияніемъ военной «экономики» и преобладавшихъ общихъ теченій, Германія переживала чуть-не психозъ «сырья». Какъ обезпечить себя — не только на время войны, но и вообще, для бу-

Такова была строгость военно-продовольственныхъ регламентовъ.

Вице-канцлеръ, симпатичный старикъ — вюртембержецъ, спрашивалъ, между прочимъ, о своихъ землянкахъ-колониствахъ, поселенныхъ въ Грузіи при Александрѣ I, выходцахъ изъ Вюртемберга.

Говорили о русской революціи, о революціяхъ, о мартѣ 1848 года. «Мы сами не знаемъ, замѣтилъ фонъ-Пайеръ, какъ мы счастливы. Примѣръ Россіи показывать, какъ мы должны жить блага правопорядка. Нарушенія гражданской свободы всегда волнуютъ нашъ Рейхстагъ, и эта его чуткость — лучшая странъ законности».

Послѣ банкета сидѣли долго за стаканомъ вина. Въ 12 часъ пришли, согласно правиламъ военнаго времени, гасить электричество: общество безпрекословно разошлось, а здѣсь было министра и много высшихъ чиновъ разныхъ вѣдомствъ.

*) Т. е. то «развитіе производственныхъ отношеній», котораго грузинскіе марксисты не безъ благодушія ожидали отъ «объяснимаго хода исторіи».

дущей хозяйственной конкуренции, нужным сырьем? Чудовищная промышленность Средней Европы должна располагать неизмеримым количеством руды, шерсти, хлеба, нефти, кожи и т. д. Когда на восточном фронте разжато было кольцо блокады, Германия с вождельным потянулась ко всем запасам, недрам, возможностям, которые внезапно там открылись...

Такое настроеніе служило почвой не только для практических плановъ, но и для фантазіи. Какъ часто здѣсь расчетъ возбуждалъ мечту, или мечта окрыляла статистику! Изъ эту Wahrheit und Dichtung сырья, въ эти призывы къ экономическимъ просторамъ и мы внесли свою долю: собенно Н. Я. Николадзе. Вполнѣ естественно и неизбѣжно зерно положительныхъ переговоровъ, о которыхъ рассказано выше, обволакивалось пеленою гаданій, предположеній, соображеній, гдѣ неистощимость дѣйствительныхъ или мнимыхъ ресурсовъ шла навстрѣчу безграничной жадѣ достиженія и обладанія.

Рѣки и потоки Кавказа превращались въ миллионы ретивыхъ коней (HP) въ стальной упряжи, готовыхъ двинуть колесницу германскаго капитализма въглубь Азіи; древесина пихтовыхъ, еловыхъ и иныхъ лѣсовъ въ горныхъ ущельяхъ претворялась въ бумагу; нечего и говорить о мѣди! нечего и говорить о шерстяныхъ продуктахъ!

Долженъ оговориться— что кое-что изъ этихъ «сырьевыхъ» и иныхъ разговоровъ имѣло подъ собою основаніе. Но у насъ не было времени для болѣе практической постановки этихъ вопросовъ. Впрочемъ, вѣдь все — какъ «положительное», такъ и «фантастическое»— одинаково предназначалось къ небытію... И въ самой «положительной» части мы, какъ оказалось, «фантазировали» больше всего— правда, въ обществѣ самого вышколаемого правительства въ мірѣ, самыхъ мощныхъ дѣловыхъ людей Европы и наиболѣе «современныхъ» банковъ.

36.

Послѣ сдѣланнаго ф. Кюльманомъ въ Рейхстагѣ заявленія по грузинскому вопросу и подписанія договоровъ съ германскими промышленниками, ближайшая цѣль нашего пріѣзда въ Берлинъ могла считаться достигнутой.

Независимая Грузія устраивалась тамъ на мѣстѣ, какъ могла и какъ умѣла, преодолевая внѣшнія и внутреннія затрудненія. Присутствіе въ Тифлисѣ генерала Кресса и небольшого германскаго отряда дѣйствовало благопріятно, удерживая турокъ въ опредѣленныхъ рамкахъ.

Въ концѣ юня 1918 года, во главѣ грузинскаго правительства сталъ Ной Жорданіа, и этимъ достигнута была известная координація правительственной машины и разныхъ партійныхъ и революціонныхъ организацій, руководителемъ которыхъ онъ считался. Въ небольшомъ масштабѣ грузинскихъ отношеній было избѣгнуто то раздвоеніе «правительства» и «совѣта», которое оказалось столь роковымъ для Россіи въ 1917 году. Но однимъ этимъ объединеніемъ, конечно, еще не обезпечивалось государственное искусство, ни твердость, ни дальновидность въ государственномъ управленіи.

Трудныя, отвѣтственныя, но и чрезвычайно интересныя задачи возникали передъ тифлисскимъ правительствомъ. Надо было установить нормальныя отношенія между Грузіей и сосѣдними республиками. На пути къ этому лежало много препятствій: но выбора не было. Сближеніе съ сосѣдями должно было осуществиться — или все строилось на пескѣ. Каждый мѣсяць былъ дорогъ; откладывая трудные вопросы, лишь отсрочивали.. приговоръ надъ собою.

Между тѣмъ, грузинскій министръ иностранныхъ дѣлъ изнывалъ отъ бездѣйствія въ Берлинѣ, сокрушаясь надъ формализмомъ и медлительностью (такъ ему казалось) германской дипломатіи — какъ разъ въ то время, когда его упорство и прилежаніе могли быть полезны въ Тифлисѣ! А тамъ отсутствующаго министра замѣняли совсѣмъ случайные люди, крестуры партійныхъ вожаковъ.

Чхенкели никакъ не мирился съ желаніемъ германскаго правительства получить сперва согласіе на то Россіи и ужъ затѣмъ признать независимость Грузіи. Онъ упрямо повторялъ, что положеніе Грузіи особое, что ея государственная независимость никогда не была формально отмѣнена, а потому можетъ быть признана теперь Германіей, помимо согласія на то Московскаго правительства. Наконецъ, рѣшено было получить по этому вопросу заключеніе какого-либо именитаго германскаго юриста, мнѣніе котораго могло бы (какъ надѣялся Ч.) повліять на германское правительство и преодолѣть формализмъ д-ра Криге. Такое заключеніе и было, по нашей просьбѣ, дано известнымъ ученымъ, криминалистомъ и международникомъ, берлинскимъ профессоромъ, Францемъ фонъ-Листъ*).

*) Prof. Dr. Franz v. Liszt, Geheimer Justizrat. Die völkerrechtliche Stellung der Republik Georgien. Ein Gutachten. Berlin 1918. Отпечатано особою брошюрою.

Въ своемъ превосходно написанномъ разсужденіи Листъ беретъ, конечно, за основаніе не положеніе Грузіи до 1783 года (когда былъ заключенъ договоръ о протекторатѣ между Иракліемъ II и Екатериною II), и не положеніе предшествующее присоединенію къ Россіи (1801), — позиціи, погашенныя «нормативною силою факта» — а положеніе вещей въ 1918 году. Онъ приходитъ къ выводу, что не имѣется *юридическихъ* препятствій къ формальному признанію Германіей независимости Грузіи.*)

Но и политическія помѣхи были уже устранены въ моментъ, когда фонъ-Листъ писалъ свое заключеніе. Уже въ серединѣ іюля 1918 г. мы знали, что московское правительство готово допустить признаніе Грузіи Германіей. Германо-русскій *добавочный договоръ* (къ Брестъ-Литовскому) послѣ разныхъ проволочекъ и послѣ поѣздки совѣтскаго представителя Іоффе изъ Берлина въ Москву, былъ, наконецъ, подписанъ въ Берлинѣ, 27-го августа 1918 года.**) Въ ст. 13 здѣсь говорилось: «*Россія заявляетъ свое согласіе на то, что Германія признаетъ Грузію самостоятельнымъ государственнымъ организмомъ*».

Теперь всѣ правила соблюдены, всѣ сомнѣнія устранены: Германія безпрепятственно дастъ Грузіи свое формальное, «дипломатическое» признаніе. Такъ казалось. Но произошло иное. Повернулось «колесо фортуны», и «признаніе» съ такимъ трудомъ подготовленное, такъ нетерпѣливо ожидаемое, — германское признаніе такъ и не состоялось!

Впрочемъ не стану забѣгать впередъ: пока что, въ концѣ

*) Вотъ, впрочемъ, въ переводѣ, вырочда проф. ф. Листъ (иной уже покойнаго; онъ умеръ въ 1919 году):

1) Грузія является уже индѣ (августъ 1918) самостоятельнымъ и совершенно независимымъ, тѣмъ самымъ сувереннымъ государствомъ и, какъ таковое, имѣетъ международно-правовое притязаніе на признаніе другими державами. 2) Грузинская республика уже признана, въ качествѣ существующаго de facto новаго члена совокупности государствъ Германской Имперіи и ея союзниками, открыто либо черезъ конклюдентныя дѣйствія. 3) Противъ формальнаго признанія не имѣется *юридическихъ* возраженій. Оно не было-бы и «недружелюбнымъ дѣйствіемъ» по отношенію къ Россіи, открыто и торжественно провозгласившей право свободного самоопредѣленія народовъ, «включая отдѣленіе и образованіе самостоятельнаго государства».

**) Договоръ этотъ, получившій нѣсколько позже ратификацію, подписанъ былъ съ германской стороны г-омъ фонъ-Тинне (который замѣнилъ ф.-Кюльмана въ м-ствѣ иностранныхъ дѣлъ) и д-ромъ Крине; съ русской — Іоффе.

лѣта 1918 года все, казалось, было готово для полного выясненія грузино-германскихъ отношеній и приданія имъ, одновременно съ признаніемъ независимости Грузіи, опредѣленной формы. Специально объ этой формѣ приходилось говорить ввремя отъ времени на Wilhelmstrasse. Но съ этимъ не такъ спѣшили.

37.

Раньше требовалось разрѣшить затрудненія съ Турціей. Рѣчь идетъ не объ однихъ затрудненіяхъ грузино-турецкихъ. Они были разнообразны. Турецкіе происки обнаруживались въ Абхазіи (турки даже высадили войска въ Сухумѣ въ самомъ началѣ іюля), въ Борчалинскомъ уѣздѣ и пр. Эти сравнительно мелкія угрозы, приводившія однако въ неописуемое волненіе нѣкоторыхъ изъ грузинскихъ государственныхъ мужей, недостаточно хладнокровныхъ и выдержанныхъ, легко устранились благодаря противодѣйствію грузинскаго правительства, а особенно вліяніемъ германской миссіи въ Тифлисі. Важнѣе было выясненіе границы между Турціей и Грузіей къ предъстоящей константинопольской конференціи. До официального посредничества Германіи въ этомъ дѣлѣ такъ и не дошло; и какихъ уступокъ въ пользу Грузіи добивалась въ дѣйствительности Германія у Турціи, этого я не знаю. Но общія мысли между ними происходили.

Въ разговорахъ же по этому вопросу, которые пришлось имѣть въ Берлинѣ, намѣчалась, естественно, граница *компромиссная* между границей Брестъ-Литовскаго договора (тогдашнее грузинское требованіе!) и границей Батумскаго трактата 4-го іюня 1918 года (турецкая точка зрѣнія). Эта средняя линия возвращала-бы Грузіи Ахалцихъ и Понзовскій участокъ Ардаганскаго округа.*)

Германія, несомнѣнно, собиралась настаивать на превращеніи Батума (который она не бралась «выцарапать» въ пользу Грузіи у турокъ) въ вольную гавань и на облегченіи связи его съ Грузіей.

Однако, главныя затрудненія между союзниками — Гер-

*) Удалось-ли бы Германіи навязать такую границу Турціи, если-бы конференція состоялась? Во всякомъ случаѣ, это было-бы нелегкимъ дѣломъ, такъ какъ еще въ августѣ мѣсяцѣ 1918 г. *Энвер-паша* предлагалъ одному изъ грузинскихъ делегатовъ въ Константинополь территориальную уступку въ другомъ районѣ, лишь бы Грузія отказалась отъ Абастумана и Ашкура, т. е. пунктовъ въ Ахалцихскомъ уѣздѣ, оставленныхъ Грузіи по Батумскому трактату 4-го іюня (см. выше стр. 94).

маніей и Турціей — на Кавказѣ относились, какъ кажется, не къ Грузіи, а къ восточному Закавказью. Турки явно отвлекались отъ военныхъ задачъ въ Сиріи и Месопотаміи своей диверсіей въ Азербайджанѣ, гдѣ ихъ вліяніе утвердилось, какъ мы видѣли, параллельно германскому вліянію въ Грузіи. Но Баку, главный городъ и нефтяная сокровищница Азербайджана, источникъ многихъ бѣдъ для него, еще не находился въ рукахъ азербайджанской республики. Турки устремились на эту добычу по многимъ и весьма понятнымъ основаніямъ. Московское, же правительство, въ своихъ переговорахъ съ Германіей лѣтомъ 1918 г., настаивало на установленіи въ Закавказьи (т. е. въ Азербайджанѣ) демаркационной линіи, восточнѣе которой турки не должны были производить военныхъ операций, и которая, именно, исключала Баку изъ сферы турецкой окупаціи. Германіи приходилось бы такимъ образомъ какъ бы придерживать турокъ за шиворотъ — задача нелегкая, когда рѣчь идетъ о захватѣ Баку.

Такое обязательство Германія дѣйствительно на себя взяла въ ст. 14 добавочнаго договора 27 августа. Если въ ст. 13 московское правительство говорило: «признавайте себѣ, сколько угодно, независимость Грузіи», то въ ст. 14 оно прибавляло: «только турокъ въ Баку не пускайте».

Однако, турокъ старались не допустить въ Баку не столько германцы, сколько... англичане, какъ разъ въ это время, т. е. въ концѣ августа 1918 года высадившіеся въ Баку. Только ничего изъ этой высадки не вышло (см. выше стр. 75) и турки, вслѣдъ за азербайджанскими добровольцами, вступили въ Баку 15 сентября 1918 г.!

Всѣ эти затрудненія и вопросы, требовавшіе, но не получавшіе предварительнаго разрѣшенія между союзниками,*¹⁾ были причиною постоянного откладыванія константинопольской конференціи. Делегаты разныхъ народовъ и различныхъ республикъ ждали у моря погоды, въ Константинополь

А «погода» эта все не прояснялась

*¹⁾ Кстати, упомяну еще о произведенномъ турками въ июль 1918 г. референдумѣ въ Ватумской области. Протесты противъ этого референдума и нѣкоторые другіе дѣйствія Турціи въ трехъ предшествовавшихъ санджаканахъ зашли были и грузинскимъ правительствомъ въ Тифлисѣ и нами въ Берлинѣ. Въ концѣ августа въ Берлинъ пріѣхали даже особые депутаты отъ грузинъ-мусульманъ Зиа-бегъ Абашидзе и Радири-бегъ Пирванидзе. Они собирались участвовать въ константинопольской конференціи на турецкій референдумъ. Конечно, турки показали-бы своего депутата, который говорилъ-бы иное.

ГЛАВА XIV.

БЕРЕЖЕНАГО И БОГЪ БЕРЕЖЕТЪ !

38.

Формальное признаніе Грузіи германскимъ правительствомъ близилось. Вопросъ о будущихъ грузино-германскихъ взаимоотношеніяхъ съ достаточной откровенностью освѣщался въ переговорахъ, а состоявшееся уже подписаніе дѣловыхъ соглашеній также дѣйствовало ускоряюще. Константинопольская конференція, правда, откладывалась неопредѣленно «на осень»; но ожидавшійся въ сентябрѣ 1918 г. пріѣздъ въ Берлинъ великаго визиря Талаатъ-паши давалъ надежду на улаженіе и нашихъ спорныхъ съ турками вопросовъ. Забота же *текущаго дня* перестала быть столь гнетущей: благодаря политической поддержкѣ Германіи и собственнымъ силамъ грузинская республика стала не на шутку устраиваться.

Этой паузою въ берлинской нашей работѣ я рѣшилъ воспользоваться для попытки «соприкосновенія» съ правительствами великихъ державъ, бывшихъ въ войнѣ съ Германіей.

Грузія была въ это время отдѣлена отъ державъ запада не только фронтомъ великой войны, тянувшимся поперекъ всей Европы и передней Азіи, но и огромными непроницаемыми пространствами революціонной Россіи, Украины и т. д. Тифлисъ былъ отрѣзанъ также отъ Баку и Тавриза, что лишало возможности связаться какъ нибудь съ англичанами въ Сѣверной Персіи. Впрочемъ, дѣлались-ли изъ Тифлиса попытки этого рода? Мы о нихъ не слышали въ Берлинѣ.

Пора была серьезно подумать объ установленіи такой связи, особенно-же въ виду общихъ перспективъ международ-

ной политики, какъ онѣ намѣчались во второй половинѣ лѣта 1918 года.

Мы пріѣхали въ Берлинъ въ тѣ дни, когда результаты германскаго наступленія во Франціи предвѣщали, какъ казалось общественному мнѣнію въ Германіи и въ многихъ другихъ странахъ, скорый конецъ войны и побѣду Германіи.*) Марна появилась снова въ бюллетеняхъ, Парижъ обстрѣливался изъ дальнобойныхъ орудій. Увѣренность — сдержанная, твердая увѣренность въ успѣхъ наблюдалась всюду.

Германія искала теперь рѣшенія на Западѣ, послѣ того какъ подъ ударами ея рухнулъ русскій фронтъ, и длиннымъ рядомъ трактатовъ и соглашеній «Срединная Европа» закрѣпляла свои позиціи на огромномъ пространствѣ отъ Финляндіи до Персіи.*)

Кажется, до конца лѣта, а можетъ быть до середины сентября 1918 г., увѣренность огромнаго большинства германцевъ въ успѣхъ не колебалась. Самое худшее, что имѣли въ виду, это миръ почетный, съ признаніемъ все-же за Германіей равныхъ новыхъ выгодъ и пріобрѣтеній. Въ этой атмосферѣ и намъ довелось работать.

Катастрофа пришла неожиданно для всѣхъ. Вопросъ въ томъ когда сталъ явно примѣтенъ поворотъ колеса Фортуны.

Мнѣ лично такой поворотъ особенно почувался послѣ рѣчи Кюльмана 24-го іюня («война не можетъ быть рѣшена одною силою оружія»).

Въ теченіе іюля постепенно крѣпло впечатлѣніе, что Германія войны не выиграетъ, и что съ германо-грузинскимъ трактатомъ... не слѣдуетъ торопиться; что надо выжидать и, въ то же время, поскорѣе расширить кругъ дипломатическихъ связей за предѣлы «Срединной Европы». Но какъ это сдѣлать? Въ моемъ положеніи члена грузинской делегаціи въ Берлинѣ практическое исполненіе задачи было вовсе нелегкимъ. Съ конца іюля представился къ счастью формальный поводъ (частнаго характера) для поѣздки въ нейтральное мѣсто — въ Христианію, и я рѣшилъ туда поѣхать, для оповѣщенія за-

*) 27 мая 1918 г. германцы начали знаменитое нашествіе на Chemin des Dames. 30 мая они достигли Марны.

*) Эта работа продолжалась, но ширеи и тогда, когда успѣхъ началъ явно ускользать изъ рукъ Германіи: только катастрофа положила этой работѣ пределъ, сразу превративъ ее изъ-бы въ безплодную суетню...

падныхъ правительствъ о нашихъ дѣлахъ, черезъ ихъ представителей въ норвежской столицѣ.

Осуществленіе плана пришлось отложить, изъ-за дѣлъ въ Берлинѣ. Кромѣ того, глава нашей делегаціи Чхенкели противился сначала этой поѣздкѣ, считая ее преждевременной, неудобной по отношенію къ германскому правительству (1) и т. д. Чхенкели, какъ и Николадзе, подъ вліяніемъ германской среды, были совершенно непоколебимы въ своей вѣрѣ въ германскій успѣхъ. Николадзе, ссылаясь на отчеты о дѣлѣ французскаго министра Мальви, увѣрялъ даже, что Франція вотъ-вотъ рухнетъ. Указанія на то, что дѣло теперь не въ Мальви, а въ Фошѣ, въ единомъ командованіи, и въ поразительномъ ростѣ американскаго участія въ войнѣ — не дѣйствовали. Но Николадзе все-же одобрялъ затѣю; палъ наконецъ, свое благословеніе и Чхенкели, и, послѣ недѣльныхъ хлопотъ по полученію паспорта и визъ, я выѣхалъ въ Норвегію 28-го августа, т. е. на другой день послѣ подписанія въ Берлинѣ германо-русскаго добавочнаго договора, говорившаго о независимой Грузіи.

39.

Быстро мчался поѣздъ по направленію къ морю. Всюду молотба въ полномъ ходу — каждое зерно на учетѣ. Въ Sassnitz'ѣ основательный контроль, для меня облегченный. На пароходѣ уже Швеція — кроны, хлѣбъ, сахаръ и т. д. Все на славу. Пароходъ называется «Король Густавъ V»; имѣется здѣсь и «королевская комната».

Гляжу вокругъ себя на шведовъ — прочный, кряжистый народъ. Каждое лицо — единица. Нѣтъ, какъ въ иныхъ мѣстахъ, множества несложившихся личностей, съ нулевыми фізіономіями.

29 августа прибылъ въ Христіанію, но сначала долженъ былъ поѣхать дальше въ Лиллехамерь. Привлекательное мѣсто: славится воздухомъ и благоустройствомъ поселенія; природа свѣжая, зеленая, луговая, лѣсная и полугорная — снопы хлѣбовъ на поляхъ, въ оврагѣ изъ скалъ и хвои, а рядомъ озеро и потокъ съ могучимъ водопадомъ.

Паспорта не спросили ни здѣсь, ни позже, въ Христіаніи. Въ воюющей Европѣ сохранились и такія мѣста! Но война кажется далекой, когда съ высоты Хольменколлена, ранимъ

осеннимъ утромъ глядишь внизъ: фіордъ слегка затуманенъ, но все его вырѣзы видны, сквозь рѣшетку елей у балкона.

7 сентября посѣтилъ французскаго посланника г-на Бапста*) и вручилъ ему ноту о провозглашеніи независимости Грузіи. Онъ бывалъ на Кавказѣ --- даже въ такихъ захолустьяхъ, какъ Сигнахъ!

Познакомилъ его съ главными событіями, послѣдовавшими за распаденіемъ кавказскаго фронта и объяснилъ неизбежность нашего обращенія къ Германіи. Такъ какъ посланникъ торопился въ англійское посольство, то я просилъ его сообщить сэру Мансфельдту К. Финдлей о моемъ намѣреніи быть у него. Съ г. Бапстомъ условились снова встрѣтиться на слѣдующій день --- онъ просилъ меня «не ходить въ англійское посольство до второго нашего свиданія».

Второе посѣщеніе у французскаго посланника было очень основательное. Пришлось отвѣчать на самые разнообразныя вопросы. Разговоръ коснулся также провинцій С. Кавказа, Дона и т. д. Это была эпоха высадокъ въ Архангельскѣ, на Мурманскомъ побережьи, и я былъ не совсѣмъ неправъ, доказывая г. Бапсту, что Германія на югѣ, а воюющіе съ нею союзники на сѣверѣ дѣлаютъ въ сущности, одно дѣло: содѣйствуютъ локализациі большевизма въ предѣлахъ Московской Руси и возстановленію государственнаго порядка въ отдѣльных частяхъ бывшей Имперіи. Мой собесѣдникъ согласался съ тѣмъ, что Грузія не могла дѣйствовать иначе, чѣмъ она поступала, и что было-бы неправильно въ провозглашеніи независимости Грузіи видѣть «германскую махинацію».

8 сентября былъ принятъ англійскимъ посланникомъ, въ присутствіи совѣтника посольства, г. Esmond Ovey.

Время было незаурядное, а потому посланникъ вполне хладнокровно и привѣтливо встрѣтилъ человека, пріѣхавшаго прямо изъ непріятельскаго Берлина, и сообщившаго, въ официальномъ тонѣ, какъ о самой естественной вещи, о провозглашеніи независимости Грузіи и о надеждѣ этой республики получить признаніе Великобританіи, державы, которая и т. д. Фактическія обстоятельства --- географіи и политики --- за-

*) Онъ былъ скоро послѣ того назначенъ постомъ въ Токио.

ставили насъ начать работу съ Берлина — съ помощью Германіи мы стараемся создать противовѣсъ турецкому нашествію на Кавказъ; но, по существу, скорѣе дѣло и призваніе Англии намъ помочь и т. д.

Финдлей высказалъ увѣренность въ дружественномъ расположеніи Англии къ Грузіи; онъ лично такъ много слышалъ объ этой странѣ отъ Оливера Уордропъ*)... Но едва-ли Германія, союзница Турціи, можетъ оказать помощь Грузіи противъ ея вѣкового врага!

Отвѣтъ: не слѣдуетъ, конечно, преувеличивать вассальнаго положенія Турціи. Последняя имѣетъ свои основанія для политики на Кавказѣ... Фактически, однако, движеніе турокъ къ Тифлису удалось задержать.

Финдлей. Все-же изъ того, что вы сообщаете о батумскомъ договорѣ 4-го іюня, видно, что турки захватываютъ позиціи, господствующія надъ Грузіей и остальнымъ Закавказьемъ!

Отвѣтъ. Къ сожалѣнію это такъ. Но мы не считаемъ этого положенія постояннымъ. Да и договоръ 4-го іюня не получилъ ратификаціи. Наша ближайшая цѣль была не допустить турецкой оккупации. Она достигнута. Признаніе-же независимости Грузіи Берлиномъ, Константинополемъ и Москвою — намъ нужно было и для скорѣйшей консолидаціи правительства внутри страны, и прѣсѣченія принципіальнымъ: независимость Грузіи есть цѣль, выходящая за предѣлы случайныхъ военныхъ обстоятельствъ.

Финдлей. Но само русское правительство не представляетъ русскаго народа, и что значило-бы его признаніе!

Заговорили о Баку. По мнѣнію сэра М. Финдлея, «это, очевидно, Германія толкнула Турцію въ сторону Баку».

— Едва-ли. Германія только что обѣщала совѣтскому правительству удержатъ турокъ отъ занятія Баку. Ей приходится все-же считаться съ желаніями Россіи, чтобы не вызывать осложненія на восточномъ фронтѣ! Движеніе турокъ на Баку объясняется достаточно и привлекательностью этой близкой добычи, и весьма важнымъ обстоятельствомъ: сближеніемъ Турціи и Азербайджана, на почвѣ тюркской солидарности... Въ общемъ, прибавилъ я, закавказскія дѣла, интриги и увлеченія приковали къ нашимъ краямъ много турецкихъ

*) О. Уордропъ (имя съестъ О. У.) былъ такъ развѣ въ это время британскимъ генеральнымъ консуломъ въ Берлинѣ. Сомнѣніе весьма для насъ благоприятное!

войскъ и вниманія. Въ результатѣ вы только выиграли отъ этого — и въ Палестинѣ, и въ Мессопотаміи.

Ф. Было-бы очень важно, чтобы вы составили письменный обзоръ всѣхъ этихъ предметовъ. Изучивъ вашъ мемуаръ, я попрошу васъ снова побесѣдовать со мной... Отвѣтъ: Съ Удовольствіемъ исполню ваше желаніе. Но не правда-ли, мы будемъ считать, что мною, отъ имени грузинскаго правительства, уже сдѣлано официальное заявленіе англійскому правительству о провозглашеніи независимости Грузіи... Ф. Да, я смотрю на прочитанную вами ноту, какъ на официальный документъ. Я немедленно сообщу въ Лондонъ о вашемъ шагѣ.

Таково было первое соприкосновеніе независимой Грузіи съ официальной британской дипломатіей.

На слѣдующій день я получилъ записку французскаго посланника, который просилъ сообщить ему данныя о русско-германскомъ добавочномъ соглашеніи; онъ увѣдомлялъ, что о моемъ посѣщеніи и заявленіяхъ онъ уже телеграфировалъ въ Парижъ м-ру иностранныхъ дѣлъ Пишону. Я постарался, конечно, всячески удовлетворить любопытству г. Бапста.

Скандинавскія столицы были во время войны центрами развѣдки и контръ-развѣдки воюющихъ державъ. Въ небольшомъ смирительно городѣ, какъ Христіанія, слѣдовало быть очень осторожнымъ, такъ какъ мнѣ предстояло вернуться очень скоро въ Берлинъ.

Для необходимыхъ формальностей пришлось побывать у германскаго генеральнаго консула. Когда я снова завернулъ къ нему за бумагами, онъ передалъ просьбу германскаго посланника посѣтить его.

Г. фонъ-Муціусъ недавно занялъ постъ въ Христіаніи, освободившейся лѣтомъ, вслѣдствіе назначенія г. фонъ-Гинце министромъ иностранныхъ дѣлъ. Онъ служилъ въ Россіи (во время японской войны), въ Турціи — въ первые годы міровой войны, и былъ тѣсно связанъ со всѣми, кто на Wilhelmstrasse имѣлъ отношеніе къ нашимъ дѣламъ. Въ очень деликатной формѣ онъ намекнулъ на желательность, въ виду враждебнаго отношенія Норвегіи къ Германіи — помѣщенія въ норвежской печати статьи, освѣщающей безкорыстное содѣйствіе Германіи дѣлу свободы Грузіи и т. д. Желаніе вполне естественное! Какъ однако, его выполнить? Выходъ удалось найти: накануне я снабдилъ фактическими данными относительно турецко-кавказскаго фронта одного старого

знакомаго (еще по Петербургу, гдѣ онъ былъ корреспондентомъ англійскихъ газетъ) г. Норрегоръ, виднаго норвежскаго военнаго обозрѣвателя, статьи котораго часто цитировались въ европейской печати. Онъ держался скорѣе лагеря «Средней Европы», и я былъ увѣренъ, что онъ найдетъ случай похвалить Германію. Но это было ужь его дѣло.

Меморандумъ, о которомъ просилъ англійскій посланникъ, былъ изготовленъ и сообщенъ представителямъ великихъ державъ Согласія. Послѣ этого оставалось только спѣшить обратно въ Берлинъ, куда меня торопилъ телеграфно, застрявшій тамъ дальше всѣхъ сроковъ, министръ иностранныхъ дѣлъ Грузія.

ГЛАВА XV.

НА ПОВОРОТЪ.

40.

Вернувшись послѣ трехнедѣльнаго отсутствія въ Берлинъ, я не нашель большихъ переменъ въ настроеніяхъ тѣхъ, съ кѣмъ сталкивался. По инерціи, все дѣлалось и говорилось, какъ еслибы не предстояло никакихъ разочарованій; несмотря на явный ущербъ военнаго положенія, существовала, какъ мнѣ кажется, еще увѣренность въ томъ, что Германія, перейдя на оборону, способна очень долго держаться, и что ужъ во всякомъ случаѣ она выйдетъ изъ войны съ честью, не потерявъ лица.

Положеніе нашихъ собственно дѣлъ было слѣдующее: на основѣ сообщеннаго мною какъ то въ августѣ схематическаго проекта грузино-германскаго договора былъ составленъ трудами германскаго министерства проектъ, который намъ предстояло теперь разсмотрѣть. Что-же касается вопроса о границѣ между Турціей и Грузіей, то этой темѣ, вмѣстѣ со многими другими, коснулись въ совѣщаніяхъ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ съ турецкимъ великимъ визиремъ Талаатъ-пашею, только что прибывшимъ въ Берлинъ.

Цѣль этого пріѣзда заключалась, конечно, не въ одномъ разрѣшеніи текущихъ вопросовъ, но и вообще въ выясненіи того, какъ Германія могла-бы выручить Турцію въ эту трудную минуту, когда англичане стали серьезно тѣснить турокъ на главномъ теперь для нихъ — палестинскомъ фронтѣ. Германія-же нуждалась особенно остро въ томъ, чтобы турецкій союзникъ не дрогнулъ именно теперь, когда отъ твердости и устойчивости зависѣлъ весь исходъ войны.

15 сентября турки и азербайджанцы заняли Баку, заставивъ англійскій десантъ вернуться въ Персію. Эта неудачная попытка англичанъ оправдывала, въ сущности, турецкую опе-

рацію. и облегчала положеніе Германіи по отношенію къ Совѣтскому правительству: послѣднее, очевидно, не могло ожидать, чтобы Германія, находящаяся въ войнѣ съ Англійей, какъ и Турція, удерживала послѣднюю отъ военныхъ дѣйствій противъ общаго (для турокъ и германцевъ) непріятеля, за- нявшаго Баку.

Но въ Палестинѣ дѣла принимали плохой оборотъ. Почти одновременно съ успѣхомъ турокъ въ Баку, главныя ихъ силы, подъ командой ген. Лиманъ-фонъ-Сандерсъ, отряжали наступленіе ген. Алленби на сѣверѣ отъ Іерусалима. 20-го сентября былъ занятъ Назаретъ, главная квартира турокъ. Англійскіе всадники изъ метрополии и колоній проходили практической курсъ библейской географіи. Турки начали непоправимо слабѣть.

Въ такой моментъ естественно было ждать, что Турція съ большей готовностью, чѣмъ раньше, выслушаетъ совѣты Германіи — не требовать на Кавказѣ больше того, что она, Турція, имѣла въ силу Брестъ-Литовскаго договора. Въ министерствѣ говорили, что есть шансы на это, но увѣренности пока нѣтъ. Турки обѣщали-де равнымъ образомъ очистить и Азербайджанъ, гдѣ должны были остаться только мѣстныя татарскія части, правда, подъ командою турецкихъ офицеровъ.

Съ другой стороны, изъ германскихъ-же круговъ намъ стало извѣстно, что Талаатъ упрекалъ Германію за то «предпочтеніе», которое она оказывала Грузіи, и послѣдствіемъ котораго было упоминаніе одной Грузіи въ русско-германскомъ добавочномъ договорѣ 27 августа (см. выше стр. 111). Германіи будто-бы пришлось даже обѣщать великому визирю — назначить немешленно консуловъ въ Азербайджанъ и Арменію.

24-го сентября состоялось свиданіе наше съ Талаатомъ: для этого надо было всего только перемѣститься изъ одного этажа гостиницы «Адлонъ» въ другой. Въ кабинетѣ великаго визиря былъ еще молодой человекъ кавказско-османскаго обличія, съ иголки одѣтый, весь глянцовитый -- отъ помаженыхъ волосъ до лакированныхъ ботинокъ: сынъ турецкаго наследника, слѣдовательно, племянникъ султана Фаррухъ-Эфенди. Онъ присутствовалъ при нашемъ разговорѣ, не про- ронивъ слова.

Знаменитый триумвиръ, изъ мелкихъ почтовыхъ чиновниковъ достигшій визирства и ставшій по этому «высо- комъ», принялъ насъ съ откровенною любезностью. Этотъ молодой смуглый помикъ (отуреченный болгаринъ) съ пламе-

чемъ въ глазахъ и вовсе не сентиментальнымъ выраженіемъ лица повторялъ на разные лады: «мы все устроимъ, всё спорные вопросы уладимъ къ обоюдному удовольствію... Мы должны держаться вмѣстѣ на Кавказѣ. Вотъ еще сегодня Гоффе, русскій посольскій, говорилъ мнѣ, что они, русскіе, не признаютъ даже Грузіи, хоть и согласились на признаніе ея Германіей! Вы видите, мы должны быть союзниками: и затѣмъ, мы займемся совмѣстно тамъ на Востокѣ большою политикою... какъ мы говорили съ г. Николадзе».

Подъ этой «большой политикой» разумѣлась кавказская конфедерация, но особенно — политическая организація тюркскаго востока, отъ Анатолиі до Туркестана.

«Бросьте германцевъ — будьте съ нами» такъ слѣдовало понять Талаата.

— Ваше высочество не считали-бы возможнымъ подтвердить, что въ вопросѣ о нашихъ границахъ усвоена какая нибудь опредѣленная формула, напримѣръ — указанія Брестъ-Литовскаго договора? — «Я не могу войти сейчасъ въ подробности. Но могу васъ увѣрить, что все будетъ сдѣлано... Приѣжайте въ Константинополь, и все устроится».

«Мы не можемъ ѣхать въ Константинополь, не зная, что насъ тамъ ожидаетъ. Г. Чхенкели могъ-бы взять на свою отвѣтственность лишь такое рѣшеніе, которое не нарушало-бы нашихъ жизненныхъ интересовъ. Въ противномъ случаѣ, было-бы, пожалуй лучше оставить вопросъ открытымъ...»

— «Я постараюсь убѣдить въ Константинополь моихъ товарищей. Я доложу Султану. Я поставлю васъ въ извѣстность о моихъ попыткахъ, и вы будете знать о результатахъ передъ поѣздкой въ Константинополь».

На прощанье еще порція взаимныхъ любезностей, упоминаніе о сосѣдствѣ, братствѣ по Востоку, и чуть-ли не родствѣ и свойствѣ...

Вечеромъ того-же дня мы (Чхенкели, Николадзе, я) были на Anhalter Bahnhof въ числѣ провожавшихъ Талаата, вмѣстѣ съ армянскимъ делегатомъ д-ромъ А. Оганджанияномъ. Вся Wilhelmstrasse была тамъ, въ блестящихъ цилиндрахъ, съ напряженнымъ, серьезнымъ выраженіемъ лицъ.

«Ты не измѣнишь намъ... Не правда-ли, ты намъ не измѣнишь?» читалось въ нихъ. Условная учтивость маскировала надежды и сомнѣнія.

Большой визирь еще разъ позторчалъ намъ свои обещанія; онъ обошелся съ нами какъ со «своими». «Здѣсь холодно, съ

Берлинъ! говорилъ онъ: «у насъ въ Константинополь тепло, хорошо»... «Да, мы будемъ тамъ чувствовать себя какъ дома, у себя».

«Конечно... вѣдь всѣ мы дѣти одного Востока».

— Балканскій поѣздъ поплылъ.

На слѣдующій день мы узнали въ министерствѣ, что Талаатъ ничего не подписалъ въ Берлинѣ. Но имѣется протоколъ, составленный и оглашенный въ его присутствіи, въ который внесено, между прочимъ, заявленіе великаго визиря о согласіи его съ необходимостью для Турціи придерживаться на Кавказѣ границъ Брестъ-Литовскаго договора.

По словамъ д-ра Гепперта: Талаатъ ѣхалъ сюда съ полною увѣренностью, что получить санкцію Германіи по всѣмъ предметамъ батумскихъ договоровъ 4-го іюня 1918 г., уѣхалъ же съ твердымъ намѣреніемъ удовлетворить какъ можно болѣе желанія Грузіи и другихъ кавказскихъ республикъ.

Однако, все это были намѣренія и обѣщанія — подъ давленіемъ Берлина... или Палестины. Требовалась большая опредѣленность. Мы получили завѣреніе въ томъ, что германское правительство поддержитъ насъ и дальше въ вопросѣ о грузино-турецкомъ разграниченіи на Кавказѣ. Рѣшено было, что я одинъ отправлюсь въ Константинополь: если результатъ будетъ успѣшный, тогда Чхенкели пріѣдетъ «подписать».

Подписать, подписать! Теперь, когда дѣло доходитъ до подписей, почва начинаетъ колебаться.

41.

Прежде чѣмъ отправляться въ Константинополь надо было подготовить въ Берлинѣ къ «подписи» нѣчто болѣе важное: проектъ договора между Грузіей и Германіей. 23 сентября я былъ по этому дѣлу у д-ра Криге. Онъ казался очень довольнымъ: съ своей точки зрѣнія формалиста, онъ полагалъ, что теперь, послѣ того какъ Россія изъявила согласіе на признаніе Грузіи Германією, ничто уже не можетъ помѣшать этому признанію. Онъ поздравилъ меня съ успѣхомъ и передалъ выработанный имъ, на основѣ моего первоначальнаго проекта, текстъ договора между Грузіей и Германіей.

Послѣ представленія съ нашей стороны замѣчаній и нѣ котораго препирательства, проектъ въ окончательной формѣ былъ установленъ и парафированъ 3-го октября.

Во вступленіи говорилось о желаніи сторонъ, въ виду провозглашенія самостоятельности и независимости Грузіи, установить на твердомъ основаніи дружескія отношенія между обѣими странами и содѣйствовать, такимъ путемъ, политическому и хозяйственному развитію Грузіи.

Первая изъ восьми главъ проекта («дружественныя отношенія между Германіей и Грузіей») содержала, прежде всего, признаніе независимости Грузіи, и обѣщаніе содѣйствовать признанію ея другими державами (ст. 1). Далѣе, здѣсь же говорится о желаніи сторонъ пребывать въ мирѣ и дружбѣ (ст. 2) и о примѣнимости къ ихъ взаимоотношеніямъ постановленій Брестъ-Литовскаго договора, поскольку не постановлено иное въ настоящемъ договорѣ (ст. 3).

Глава вторая касается установленія дипломатическихъ и консульскихъ сношеній (ст. 4-6). Глава третья — примѣненія германо-русскихъ государственныхъ договоровъ (бывшихъ въ силѣ до войны 1914 г.). Здѣсь же предусматривалась ихъ замѣна новыми соглашениями, «отвѣчающими измѣнившимся взглядамъ и отношеніямъ». (ст. 7-8).

Въ главѣ 4-ой содержится нѣсколько общихъ постановленій о хозяйственныхъ отношеніяхъ между Грузіей и Германіей. Предусмотрѣно заключеніе особаго торговаго договора (ст. 9-10).

Въ 5-ой главѣ говорится о размѣнѣ военнопленныхъ и интернированныхъ гражданскихъ лицъ (ст. 11-12).

Гл. 6-ая посвящена колонистамъ германскаго происхожденія въ Грузіи: Если они приобрѣли германское подданство до 31 декабря 1920 года, то должны получать увольненіе изъ грузинскаго подданства, даже оставаясь въ Грузіи (ст. 13). Имъ должны быть возвращены отнятыя въ силу русскихъ законовъ во время войны недвижимости, горныя права и т. д. (ст. 14). Имъ обеспечивается равенство съ остальными жителями въ отношеніи занятій, промысловъ и пр., а также въ отношеніи налоговъ и повинностей (ст. 15).

Седьмая глава выговариваетъ нѣкоторыя гарантіи въ пользу германскихъ церковныхъ общинъ, школъ и ученыхъ установленій (ст. 16-18). Германскимъ ученымъ разрѣшено будетъ производить археологическія раскопки въ Грузіи. Въ ихъ распоряженіе поступитъ половина предметовъ, добытыхъ ихъ раскопками, причемъ послѣднія производятся по соглашенію съ мѣстными установленіями (ст. 19).

Наконецъ въ «заключительныхъ постановленіяхъ» восьмой главы говорится о порядкѣ ратификаціи договора (ст. 20).

Договоръ этотъ дополнялся слѣдующими болѣе специальными взаимными обязательствами, изложенными въ особыхъ нотахъ, которыми стороны должны были обмѣняться при подписаніи вышеизложеннаго договора:

Германія должна была оказать помощь грузинскому правительству предоставленіемъ послѣднему, по его желанію, совѣтниковъ для содѣйствія въ дѣлѣ устройства различныхъ отраслей управленія въ Грузіи. Въ частности давалось обѣщаніе облегчить условія снабженія необходимыми матеріалами грузинской арміи и желѣзныхъ дорогъ.

Съ другой стороны, грузинское правительство обѣщало, не отказываясь отъ общихъ рамокъ государственнаго надзора, признавать за германскими, церковными общинами, школами и учеными установленіями право полного внутренняго самоуправления, не стѣснять ихъ въ отношеніи языка, плановъ преподаванія и т. д.

Таково было существо постановленій, которыя, вмѣстѣ съ раніше изложенными соглашеніями о монополіи вывоза марганца, о «марганцевой» желѣзной дорогѣ, о Потійскомъ портѣ и о займѣ, должны были содѣйствовать упроченію государственной независимости Грузіи и помочь ея экономическому развитію.

3 октября 1918 года все было готово. Оставалось лишь «подписать». Чхенкели только этого и жаждалъ: ради этого онъ томился съ 2 іюня въ Берлинѣ. Но вотъ на бѣду, «другая сторона» не могла-бы этого сдѣлать. Старый канцлеръ (графъ Гертлингъ) и статс-секретарь иностраннаго вѣдомства (фонъ-Гинце) ушли въ отставку. Новыхъ еще не было. И не до Грузіи имъ будетъ теперь!

Германія шла быстро отъ канцлерскаго кризиса къ парламентскому, отъ парламентскаго—къ революціи. Оказалось, что не такъ то легко перейти на «короткій фронтъ» и тамъ обороняться. Могучая стальная пружина германской государственности—германской воли, вмѣсто того чтобы упруго сжаться — неожиданно сломилась.

Если не ошибаюсь, германское министерство иностранныхъ дѣлъ впервые получило опредѣленное извѣстіе о предстоящемъ отпаденіи Болгаріи — 25 сентября, т. е. наканунѣ отъѣзда

изъ Берлина Талаатъ-паши. Когда, въ ближайшіе дни, объ этомъ всё заговорили, то при всей тревогѣ, вызванной извѣстіями изъ Софіи, общее настроеніе въ Берлинѣ нисколько не было унылымъ. Имѣю, при этомъ, въ виду не народную массу, которая извѣстіями этого рода, кажется, не интересовалась, но людей служилыхъ и дѣловыхъ высокаго разряда, съ которыми приходилось такъ часто бесѣдовать въ послѣднія числа сентября и въ первые дни октября 1918 года.

Дѣло въ томъ, что такъ сильна была вѣра въ военную мощь Германіи, что вопросъ о болгарской брешѣ разрѣшался просто: туда будетъ отправлено... уже отправлено столько то дивизій! Вотъ и все.

На западномъ фронтѣ — оборона на короткомъ фронтѣ; одновременно — внутри, отступленіе на фронтѣ «парламентаризма».

Эти два отступленія дадутъ возможность ждать и добиться сноснаго мира.

Повторяю: всё ждали, что пружина сожмется. А она — сломалась.

Впрочемъ, это произошло — или сдѣлалось явнымъ — спустя мѣсяць. Пока — только начинался сдвигъ массовой психологіи, началось политическое шатаніе — главнымъ образомъ вслѣдствіе трудности положенія на западномъ фронтѣ. Конечно, болгарскія событія особенно ярко показывали всю перемену сравнительно съ іюнемъ мѣсяцемъ, когда мы сюда пріѣхали!

29 сентября.

... Въ это свѣжее, осеннее воскресенье, какое оживленіе, какая толпа въ Берлинѣ! Какъ всё спокойны, какъ обыкновенно выглядятъ, а между тѣмъ... «Срединная Европа» дала несомнѣнную трещину! Дрогнула Болгарія — и въ эту дверь вольется голодавшаяся по успѣху желѣзная рать!

Здѣсь еще надѣются, что трещина будетъ задѣлана. Все же, наступаютъ разительныя перемены и неожиданности.

Мы окажемся здѣсь отрѣзанными отъ нашей страны. Возможенъ и уходъ германцевъ изъ Грузіи...

30 сентября.

Всѣ разрѣшенія и визы для поѣздки въ Константинополь «Балканскимъ поѣздомъ» получены. Надо только, чтобы по-

ѣздъ этотъ отправился — и чтобы онъ, миновавъ Софію, попалъ въ Константинополь. Кто за это поручится?

Вильгельмъ согласился на «народное правительство» — болгарскіе делегаты въ Салоникахъ — сербы около Ускюба — англичане въ Камбрэ...!

Неужели у самаго финиша мы спотынемся съ нашимъ признаніемъ. Педанты изъ Auswärtiges Amt тянули, колебались — и вотъ теперь эффектъ германскаго признанія будетъ совсѣмъ другой.

Вся обстановка мѣняется. Но намъ нечего бояться, и не отъ чего отречься: «признають» насъ и другіе, лишь бы твердо желали своей независимости и защищали ее у себя.

«

3 октября.

Послѣнее свиданіе съ однимъ изъ помощниковъ д-ра Крига: окончательно установленъ текстъ нашего договора, протокола и нотъ...

Въ корридоръ нашей гостиницы наткнулся на... сундуки фельдмаршала ф. Гинденбурга. Онъ въ городѣ, также какъ Императоръ.

Шейдеманъ (с. д.) — статс-секретарь Имперіи; о, Umsturzgesetz!*)

*) Знаменитый исключительный законъ, изданный при Бисмаркѣ въ 1878 г. противъ социалстовъ.

ГЛАВА XVI.

ПОСРЕДИ КРУШЕНІЯ.

43.

Въ пятницу, 4-го октября 1918 г. я отправился, наконецъ, Балканскимъ поѣздомъ*) въ Константинополь. Трудно было ждать теперь толку отъ этой поѣздки, въ круто измѣнившихся условіяхъ: однако, казалось интереснымъ оцѣнить обстановку съ новаго наблюдательнаго пункта.

Товарищъ мой по купѣ, отставной турецкій генераль, по имени Мехмель-паша пугливо разговаривалъ о политическомъ положеніи; поздравлялъ съ независимостью Грузіи; угощалъ хлѣбомъ и сахаромъ; познакомилъ тутъ-же въ поѣздѣ съ генераль-адъютантомъ недавно умершаго султана Магометъ-Решада, Салехъ-пашею; зтотъ тоже съ сокрушеніемъ покачивалъ головою.

Вообще, въ поѣздѣ преобладали турецкіе офицеры разныхъ ранговъ, гражданскіе турки (левантинцы высшей марки), а также германскіе офицеры турецкой службы.

До Бѣлграда ѣхали съ точностью, по распisanію: здѣсь-же, въ ночь на воскресенье, задержались нѣсколько часовъ. Благодаря загроможденію пути воинскими поѣздами, опозданіе наше все возростало, и въ Нишъ мы пріѣхали въ 5 час. пополудни вмѣсто 5 часовъ утра.

*) «Балканскій поѣздъ», связывавшій во время войны столицы четвернаго союза скорымъ сообщеніемъ (два раза въ недѣлю) былъ своего рода чудомъ организаціи и пунктуальности. Его маршрутъ былъ: Берлинъ-Прага-Вѣна-Будапешть-Бѣлградъ-Софія-Константинополь. Мнѣ случилось быть пассажиромъ послѣдняго «балканскаго поѣзда». Переустройство Средней Европы послѣ 1919 г. сдѣлало ненужнымъ, т. е. невозможнымъ «балканскій поѣздъ». Вмѣсто него возстановился «Восточный экспрессъ» (Парижъ-Константинополь).

Огромное здание у вокзала — не то арсеналъ, не то казармы — занято подъ госпиталь. Движеніе небольшихъ частей, обозиковъ взадъ и впередъ. Непроницаемо-сѣрое небо, неперестающій дождикъ; налетъ чего-то свинцоваго на всей странѣ, — а въ то же время чувствуется, какъ слабое пламя надежды уже затеплилось въ сердцахъ жителей — они какъ будто приободрились — уже передаютъ другъ другу на ухо извѣстія о томъ, что такъ долго казалось невозможнымъ; а временные властители начинаютъ терять свою увѣренность; и вотъ вотъ станутъ готовиться къ отходу.

— Непріятель въ 80 километрахъ отъ Ниша — таинственно сообщаетъ вагоновожатый.

Что должны чувствовать сербы, ступившіе на родную почву?

...Однако, мы основательно застряли въ Нишѣ! Въ вагонъ-ресторанъ узнаемъ объ отреченіи Фердинанда Болгарскаго, о восшествіи на престолъ сына его Бориса и объ условіяхъ болгарскаго перемирія! Вотъ такъ брешь пробита!

Довольно поздно намъ говорятъ, что балканскій поѣздъ дальше Ниша не поидеть, что завтра утромъ будетъ другой поѣздъ — на Софію, для желающихъ, а также обратный — на Бѣлградъ. Любопытно было видѣть всеобщее волненіе при извѣстіи о такомъ «безпорядкѣ». Германскіе офицеры всѣ исчезли въ комендантуру; турки совѣщались отдѣльно, какъ имъ быть; «штатскіе» стали просить обратно билеты и багажъ, забѣгали безъ толку.

Я рѣшилъ ѣхать на Софію и преспокойно улегся спать. Мой турокъ сообщилъ, что всѣ они возвращаются въ Будапештъ и поѣдутъ на Констанцу. Германцы и вообще всѣ почти пассажиры также возвращаются — изъ опасенія быть задержанными въ Болгаріи.

На слѣдующее утро (7-го октября), простившись съ удобствами экспреса (нѣтъ больше «балканскихъ поѣздовъ»!), выѣхалъ изъ Ниша съ немногими, рискнувшими пробраться въ Софію, какимъ-то сомнительнымъ поѣздомъ, неясно какого вѣдомства. Позже подѣло множество демобилизованныхъ болгарскихъ солдатъ. Вспомнилась Россія.*)

*) Заключенное 30 сентября 1918 года перемиріе вступило въ силу 10-го октября. Тогда-же былъ отставленъ болгарскій генералиссимусъ Желъко. Но демобилизація началась, пошито-мому, самолично.

По шоссе тянулись без конца обозы, груженные чѣмъ угодно: сѣномъ, снопами, скарбомъ, дровами. Болгары, видимо, не желали возвращаться домой изъ Сербіи съ пустыми руками! Вотъ подлинная война «хозяйственныхъ мужичковъ».

Послѣ семи часовъ пути прибыли въ Софію. Не безъ сходства съ русскими губернскими центрами, напр. Харьковомъ, чему, конечно, помогаетъ шрифтъ выѣсокъ. Вокругъ вокзала неопишущая слякоть. Сравнительно нарядный кварталъ около дворца, гдѣ на дняхъ завершилась, довольно безславно, одна изъ самыхъ необычныхъ политическихъ карьеръ крнца XIX-го вѣка.

Въ гостинницѣ *Grd Hôtel de Bulgarie* живетъ не дурно. Здѣсь уже края, неспособные къ самоотверженности и педантизму германскаго постничанія!

Грубоватыя, жесткія лица прочной фактуры: тонкости ни малѣйшей. «Тонкое» и не выдержало-бы грубости вѣкового турецкаго рабства.

Софія теперь тупикъ, изъ котораго никуда не выскочишь, и гдѣ нечего дѣлать. Правда, вопросъ о турецко-грузинской границѣ теперь и не столь... злободневенъ; да и рѣшеніе его не будетъ зависеть отъ Грузіи съ Турціей; все же лучше продолжать путь на Константинополь.

Турція еще въ войнѣ: каждую минуту болгаро-турецкая граница можетъ быть закрыта, поэтому надо торопиться.

8 октября.

Въ 5 час. отойдетъ поѣздъ на Филиппополь (болгарскій *Пловдивъ*) и Кулели Бургасъ. Съ невѣроятными затрудненіями, благодаря помощи комиссіонера, получаю пропускъ и даже устраиваюсь въ офицерскомъ купѣ (1). Вагонъ основательно набитъ солдатами.

Демобилизація и отреченіе Фердинанда успокоили народъ; большевицкое движеніе погашено, говорятъ, при самомъ возникновеніи. Объ этомъ не могу судить, но вижу, какъ солдаты съ пѣснями спѣваютъ по домамъ, поезда отходятъ отъ станцій при громогласномъ ура! Народъ въ очевидномъ восторгѣ — отъ конца войны.

Спутники офицеры объясняютъ все происшедшее угоненіемъ народа. «Какъ можемъ мы вынести тяжести войны въ теченіе столькихъ лѣтъ, мы, примитивный земледѣльческій

народъ безъ всякой промышленности, которому навязали цѣлый фронтъ! Вдобавокъ, къ прежнимъ непріятелямъ прибавилась еще Греція! И какъ намъ теперь быть съ миллиардами нашего военного долга!?»

Ночью ѣхали безъ огней — говорятъ, изъ опасенія аэроплановъ. Въ Софіи германцевъ было еще много, но, казалось уже, что они на отлетѣ, — и горничная въ гостиницѣ многозначительно сообщала, что «у насъ поселился французскій майоръ» (!).

Проѣхали Филиппополь. Населеніе поѣзда стало рѣдѣть; остались кому надо было въ Дедеагачъ, Гюмюрджину и тому подобныя милыя мѣста.*)

9 октября.

Утромъ подползли къ Адрианополю — буйволы пасутся въ степи, а за ними вдали минареты знаменитой мечети — и достигли, наконецъ. *Кулели-бургаса*. Здѣсь пересѣлъ въ турецкій вагонъ, очень удобный, но ѣзда отвратительная. А ѣды вовсе никакой! все какъ саранчею уничтожено. Выручили запасливые спутники — единственные, поѣхавшіе въ Константинополь, изъ состава нашего, печальной памяти, экспресса: купецъ изъ «салоникскихъ», венгерскій офицеръ съ денщикомъ («не желаете-ли? онъ вамъ платье почистить»), да австріецъ, директоръ Союзнаго Вѣнскаго банка въ Константинополѣ. Этотъ австріецъ, г. Ш., былъ лѣтомъ въ Тифлисѣ, въ качествѣ «экономическаго» совѣтника при австро-венгерской миссіи. Онъ толково и съ симпатіей говорилъ о нашихъ дѣлахъ, выражалъ желаніе вернуться туда и поработать, какъ слѣдуетъ («Славная публика нѣкоторые наши министры, генералы и др.: но романтики, и по-дворянски недѣловые: совсѣмъ какъ у насъ и въ Венгріи лѣтъ 50-60 тому назадъ!»). Ну, насчетъ «романтизма» онъ заблуждался.

Спаньоль рассказывалъ о своихъ дѣлахъ, спрашивалъ, можно-ли достать въ Грузіи отбросовъ шелка (его специальность) — если-бъ онъ только зналъ, сколько тамъ всякихъ «отбросовъ!» — и ругалъ сіонистовъ: не Палестина нужна евреямъ, а просторъ и возможность работать всюду!

На одной изъ станцій жандармъ сообщилъ о паленіи

*) Центръ Болгаріи связывался съ этимъ, тогда (1918) болгарскими городами фельдшамъ путемъ черезъ турецкую территорию.

правительства Талаат-паши*) и о предстоящемъ назначеніи великимъ визиремъ Тевфик-паши (это — мирь!). Не везетъ намъ съ министрами — они тахутъ межъ пальцевъ какъ комья снѣга. Ной Жорданія оказался пока прочнѣе Кюльмана, Гинце и Талаата! Впрочемъ, зачѣмъ ему падать — никто въдъ его и не толкаетъ.

Глубокой ночью, теплою, южною, пріѣхаль въ Константинополь. «Фазетонъ» — и гайда въ Перу! Еще кое-гдѣ открыты фруктовыя лавки — дыня теплымъ оранжевымъ пятномъ ютится окопо яблокъ и винограда. Пахнетъ свѣже-испеченнымъ хлѣбомъ. Югъ, мягкій, богатый плодами и овощами, наполовину уличный, беззаботный, чувствовался съ остротою — пара крѣпконогихъ лошадей цѣпко взбиралась на Перу — вотъ и Pera-Palace. Добрался таки до Константинополя.

44.

10 октября.

Только попалъ сюда съ опозданіемъ въ цѣлыхъ 64 часа! Опять надо отвыкать отъ точности. Нашъ константинопольскій делегатъ П. Гвазава**) — онъ оставался здѣсь одинъ; остальные члены делегаціи, прибывшей сюда еще лѣтомъ (!) вернулись во-своѣя — чувствовалъ себя какъ на дачѣ.

Отъ него видъ на Золотой рогъ, прямо на мечеть султана-Завоевателя; на-лѣво — акведукъ; направо — византійская крѣпостная стѣна, мечеть Эюба. Небо голубое, солнце яркое — радовали послѣ берлинской осени, послѣ балканской слякоти! Опрокинутыя чаши куполовъ, острія минаретовъ, веретена кипарисовъ, груды развалинъ и неожиданныя плѣши посреди густо застроенныхъ кварталовъ — весь эгогъ знакомый ка-вардакъ зданій и улицъ, ослившійся на древнихъ холмахъ въ законченную форму огромнаго города подъ божьимъ солнцемъ, между водъ трехъ морей и двумя материками — вотъ онъ, такъ долго грозный, такъ долго хитроумный, теперь ослабѣвшій, наивный въ своей старости Константинополь!

*) Онъ вышелъ въ отставку 8 октября, спустя двѣ недѣли послѣ своего отъѣзда изъ Берлина.

**) Тифлисскій адвокатъ, б. членъ Закавказскаго Сейма, Грузин. Нац. Собора. Миред. Собр. и т. д.; нац.-дем. Былъ въ составѣ закавказской делегаціи на Транскавказской конференціи.

Изъ моего окна видъ на городской саль, на «малыя поля», на вдовствующій пока флагштокъ англійскаго посольства, на водораздѣльный кряжъ между Босфоромъ и Золотымъ рогомъ.

...Внизу, все знакомыя по батумской конференціи лица; вотъ Расуль-заде; вотъ П. — отуреченный грузинъ, примкнувшій теперь къ азербайджанцамъ (и на здоровье!); вотъ Гайдаръ-бей Бамматъ и другіе. Но дальше-дальше — казанскіе татары, туркмены, сарты и другіе туркестанцы — своеобразная окрошка! и въ этомъ растворѣ наша делегация марिनровалась столько времени!

Познакомился съ «мехмандаромъ» т. е. приставомъ кавказскихъ делегаций. Это — особа. Но при каждой делегации состоитъ еще свой т. сказать «мехмандарчикъ».

...Зато кормятъ здѣсь великолѣпно. Сахаръ; кофе, бѣлый хлѣбъ, масло — все что въ Берлинѣ изалось рѣдкостью и роскошью — здѣсь на каждомъ шагу. Дороговизна значительная, но нѣтъ переулка, гдѣ не пестрѣла-бы груды овощей; круги сыра и фрукты рядомъ съ тушами мяса, — а окна кондитерскихъ забиты всякими сластями.

Германія и въ военный постъ этихъ лѣтъ старалась вносить всю строгость кантовскаго «категорическаго императива»; но отказаться отъ сладостей было-бы превыше силъ константинопольскихъ. Впрочемъ, уже въ Венгріи чуялась большая вольность по части яствъ — кое-гдѣ мелькали какія-то легкомысленныя булочки и г. д.

Въ Берлинѣ чуть-ли не каждое яблоко глотаютъ съ чувствомъ грѣховности, здѣсь-же и сливы, и персики, и фиги, и виноградъ — каждый день.

Армянскіе делегаты живутъ въ отелѣ Токатліана. Видѣлъ тамъ Аветиса Агароняна*) Пападжанова и другіихъ.

12 октября.

Посѣтили насъ члены здѣшней грузино-католической конгрегации, во главѣ съ Піо, молодымъ еще человекомъ, брюнетомъ черноты непостижимой. Все это коренные *месхи*, народъ простой, добрый, вѣрующій, большіе патриоты.

Позже у генерала фонъ-Лоссова, въ германскомъ посольствѣ. Изъ приѣмной обширный видъ на Скутари и Босфоръ. На стѣнѣ, между прочимъ, гравюра, сдѣланная по эскизу

*) Даровитый армянскій писатель, позже председатель делегации въ Парижѣ.

императора Вильгельма: нѣкто въ «блестящемъ вооруженіи» безмолвно оберегаетъ входъ въ чертогъ, гдѣ мирно играютъ дѣти и работаютъ жены; а извнѣ ползеть всякая нечисть. Автографъ кайзера, въ Іерусалимѣ.

Лоссовъ говорилъ о нашихъ уѣздахъ съ Иззетъ-пашею и совѣтуетъ скорѣе закончить дѣло. Но все это теперь такъ устарѣло!

• 13 октября.

Здѣсь все еще нѣтъ правительства; но визиремъ видимо будетъ Иззетъ-паша. А между тѣмъ, какія времена, какія обстоятельства! Положительно, исторія пустилась вскачь! Гдѣ то время, когда въ Петроградѣ насмѣшливо вопрошали (по поводу затяжной траншейной войны): Ахъ, messieurs, ужъ не assez-ли, вамъ сидѣть у Лабассэ? или въ этомъ родѣ.

Теперь вопрошателей давно уже обкарнали большевики, Россія въ войнѣ больше не участница, а «сидѣльцы» у Лабассэ готовятъ Германію чуть ли не капитуляцію и уже заставили центральныя державы стать подъ знамя демократіи.

Сообщенія съ Софіей прерваны: тамъ уже французы; въ Нишѣ сербы. А Германія согласилась очистить занятыя части Бельгіи и Франціи — близится миръ.

Новый министръ иностранныхъ дѣлъ Азербайджана Али-Марданъ-бекъ Топчибашевъ*) собирается въ Германію и вообще въ Европу. Онъ сторонникъ полной независимости Азербайджана и союза его съ Грузіей. Здѣсь также министръ юстиціи Хасмамедовъ (тоже чл. депутатъ Г. Думы). По его словамъ, порядокъ теперь въ Азербайджанѣ образцовый — съ тѣхъ поръ какъ Нури-паша (братъ Энвера) появился въ Ганджѣ (Елисаветполѣ). Турція вообще во многомъ ихъ поддержала. Теперь тамъ уже 20000 войска (своего), скоро будетъ и сто. Съ Россіей и Грузіей возобновился товарообмѣнъ; въ народѣ дисциплина болѣе строгая, чѣмъ, напримѣръ, въ Грузіи, скоро будетъ созданъ парламентъ и т. д.

Слишкомъ ужъ все хорошо обстоитъ тамъ, если послушать Х.! Между тѣмъ, сколько трудностей представить тамъ хотя-

*) Б. членъ 1-ой Госуд. Думы, видный дѣятель, позже председатель делегаціи Азербайджанской республики въ Парижѣ.

бы вопросъ о формѣ правленія...*). Оба мои собесѣдника — люди хорошей русской университетской выучки.

Въ другомъ родѣ — Расуль-заде. Персидскіе дѣятели, мелькомъ видѣнные въ Берлинѣ, — оказывается, его старые друзья. Съ ними вмѣстѣ онъ работалъ въ Тегеранѣ, издавая газету на персидскомъ языкѣ. Позже Расуль-заде перенесъ свою дѣятельность въ Константинополь, а затѣмъ — въ Баку. Свое нарѣчіе, турецкій и фарсійскій онъ знаетъ одинаково хорошо. У него широкіе взгляды на необходимость націонализированія и демократизированія культуры на востокѣ. Несчастье Персіи онъ видитъ (и не онъ одинъ!), напримѣръ, въ томъ, что тамъ выродившійся иранскій югъ держится тюркскимъ сѣверомъ, свѣжимъ и жизнеспособнымъ, которому навязанъ чуждый персидскій языкъ отрывающей тамъ верхи отъ массы. По мнѣнію Р. должно произойти раздѣленіе Персіи на двое, причѣмъ сѣверъ вмѣстѣ съ закавказскимъ Азербайджаномъ можетъ образовать одну единицу, а иранскій югъ — другую, способную развиваться въ сторону Афганистана, Белуджистана, Индіи. Эти двѣ единицы могли-бы соединиться въ унію — а въ дальнѣйшемъ, войти въ болѣе сложную систему, вмѣстѣ съ другими государствами передней Азіи!

Все это очень интересно; однако, различеніе сѣвера и юга можетъ привести и къ простому различенію сферъ вліянія — какъ это и было еще недавно! Прежде всего, необходимо чтобъ данъ былъ показательный примѣръ жизнеспособнаго самостоятельнаго мусульманскаго государства!

Въ общемъ, у нашихъ татаръ наилучшія надежды. Пріѣхавъ сюда, они вдругъ почувствовали себя въ блестящей, знатной столицѣ большого родственнаго государства, почувствовали себя членами обширной тюркской семьи; сознание

*) Въ 1918 году почва въ Азербайджанѣ была довольно благопріятна для учрежденія эмиратовъ. Это, вѣроятно, вполне соответствовало взглядамъ и чувствамъ большинства населенія: и не говорю, конечно, о промышленномъ, рабочемъ Баку.

На эмираты этотъ были, повидимому, и турецкіе претенденты (совершенно аналогично германскимъ привилегіямъ на короны Финляндіи, Венгріи, Балтикима и пр.). И какъ то, помню, συμβουля азербайджанцамъ посылать въ известномъ каталогѣ мусульманскихъ династій Stanley Lane-Poole (Mahomedan Dynasties, 1891) предлажать для определенія названнаго имъ «потомка». Впрочемъ, они и безъ меня знали, что въ Остѣ-Индіи найдется близкіе имъ по крови и по традиціи Тимуриды.

этой связи должно было подкрѣпить ихъ духъ, ихъ самоувѣренность. Последнія неудачи Турціи задержали нѣсколько полетъ ихъ намѣреній, но не уменьшили пока ни ихъ оптимизма, ни ихъ надеждъ.

Да, турецко-азербайджанское сближеніе — фактъ немалого историческаго значенія: и послѣдствія его будутъ разнообразны. Что выростетъ изъ этихъ сѣмянъ 1918 года — трудно еще сказать.

Положеніе нашихъ горцевъ здѣсь, конечно, иное. Но связи у нихъ огромныя — на каждомъ шагу, повсюду въ Турціи, у нихъ родичи. Кто этого не знаетъ?

Какъ удивился-бы Шамиль, если-бы увидѣлъ въ 1918 году министра иностранныхъ дѣлъ горской республики (Баммага), воспитаннаго по европейски и говорящаго по французски!

Когда, проѣздомъ изъ Калуги... въ Мекку, Шамиль остановился въ Константинополь, султанъ Абдуль-Азизъ на приемѣ поцѣловалъ ему руку — знакъ необычайнаго уваженія мусульманскаго міра къ знаменитому Иمامу. Спустя полвѣка провозглашеніе независимости горскихъ народовъ встрѣчено было съ радостью на всемъ Востокѣ — даже такими давними выходцами съ Кавказа, какъ знатные черкесскіе роды Египта.

Но надеждъ на *практическую* помощь Турціи, несмотря на всѣ эти чувства и традиціи, наши горцы, мнѣ кажется, не должны питать. Впрочемъ, не мѣсто здѣсь углубляться въ эту тему.

...При всемъ опасномъ ихъ географическомъ положеніи горцы С. Кавказа живутъ тамъ у себя, на родинѣ.

Насколько тяжелѣе положеніе тѣхъ, которые и здѣсь, въ Турціи, не могутъ отречься отъ сознанія своей породы, а въ то-же время видятъ, что нѣтъ здѣсь *своего* будущаго. Такіе попадаются еще между потомками массовой эмиграціи 60 и 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, вызванной такъ наз. замирненіемъ и покореніемъ Западнаго Кавказа. И остается у нихъ, кромѣ тоски и недовольства, только черкеска, гордая поступь — и нѣсколько гортанныхъ или свистящихъ звуковъ — и то у тѣхъ лишь, кто еще сопротивляется срывающейся ихъ волнѣ исторіи.

14 октября.

Отправились съ визитомъ къ Махмутъ-пашѣ, такъ наз. Чуруксули, изъ грузинскаго рода Тавдгирилзе. Приняты были крайне привѣтливо въ домѣ полуевропейскаго устройства, на одномъ изъ подъёмовъ отъ площади Топ-хане. Паша, бывавшій и раньше министромъ, долженъ былъ войти въ правительство Тевфикъ-паши, если-бы оно сформировалось. По его словамъ, онъ все готовъ сдѣлать для Грузіи, въ предѣлахъ, совмѣстныхъ съ интересами Турціи. Теперь отъ послѣдней можно ожидать болѣе сдержанной и умѣренной политики. Самъ онъ не разъ уже внушалъ, кому надо, необходимость сохраненія связи между Батумомъ и Грузіей. Онъ обѣщаль поговорить съ новымъ великимъ визиремъ о желательности разрѣшенія спорныхъ между нами и Турціей вопросовъ немедленно, нынѣ же. Послѣ традиціонной чашечки чернаго кофе, поданнаго слугою-матросомъ, мы откланялись любезному хозяину. Голова и хвостъ бѣсѣды были грузинскія, тѣло — французское.

Странно, гуляя въ Перѣ, видѣть въ эти скрытыя за рѣшетками и покинутыя посольства. Вотъ, на примѣръ, старое владѣніе Франціи: любопытна его оймляющая съ одного бока «Польская» улица; а вотъ благородный фасадъ дворца Россіи — нынѣ ея государственныя эмблемы на зданіи задернуты чернымъ флеромъ.

Турція становится на колѣни — она уже на колѣняхъ передъ «западными демократіями»: ее непременно попросятъ вонъ и изъ Батума. Какъ бы, однако, при этомъ не произошло путаницы! И какъ сообщить этимъ демократіямъ о нашихъ желаніяхъ? Отправились къ посланникамъ нидерландскому, а затѣмъ — шведскому. Оба посольства, какъ водится, укрыты внутри двора и сада; кавасы, прислуга въ должномъ количествѣ. Нидерландецъ отстаиваетъ здѣсь интересы Франціи и Англіи, шведъ — С. Штатовъ. Оба были очень озадачены, услышавъ отъ насъ просьбу: нельзя-ли довести до свѣдѣнія Западныхъ державъ, что, при очищеніи турками территорій, занятыхъ ими по Брестъ-Литовскому договору, — а такого очищенія у нихъ, конечно, потребуютъ — Батумъ и батумская область могли бы немедленно быть заняты грузинскимъ правительствомъ?

Вѣроятно же всего, эти державы сами «изволятъ» занять Батумъ: все таки полезно имъ сообщить, что мы считаемъ это добро своимъ и можемъ имъ управлять.

Посланники общались «поцумать»... о способах исполненія нашей просьбы. Но они видимо находили такую просьбу эксцентричною.

«Какъ могу я, замѣтилъ одинъ изъ нихъ, выступать противъ интересовъ правительства, при которомъ я аккредитованъ?» «Но Ваше П-ство аккредитованы теперь при всѣхъ народахъ, стремящихся къ благамъ мира!» и т. д.

...Видите, говорю я своему любезному спутнику Г. на обратномъ пути: почтенные люди, почтенныя державы, а какая чувствуется робость! Какимъ же тономъ будемъ говорить мы, такіе, можно сказать, оборванцы, сравнительно съ Швеціей, Нидерландами? Впрочемъ, всѣ эти «независимости» для нихъ нѣчто непредусмотренное, и Готскій альманахъ еще молчитъ о насъ! Вотъ они и въ смущеніи.

15 октября.

Заѣхали къ болгарскому посланнику Голушеву — съ тою же просьбою. Этотъ былъ въ курсѣ вопроса и общался телеграфировать своему правительству — для передачи американскому представителю въ Софіи, что такъ и такъ, Грузія добивается чтобы и т. д.

Сидимъ у него долго, обсуждаемъ шансы мира. Болгаринъ не вѣритъ ни въ лигу народовъ, ни въ искорененіе войны, но готовъ все это «попробовать».

Случайно, былъ представленъ въ гостинницѣ новому великому визиру, Къзетъ-пашѣ. Завтра онъ насъ принимаетъ.

Въ армянской делегаціи. Обсуждаемъ наши общія дѣла. Теперь у нихъ возрождаются всѣ надежды, и скоро забудутся «александропольскіе» и другіе черные дни. Рано или поздно турки очистятъ все что занято ими въ Арменіи и Грузіи. Но гдѣ кончается одна, гдѣ начинается другая? Неужели разграниченіе не подготовлено еще тифлисскимъ и эриванскимъ правительствами?

16 октября.

Патеры заходятъ къ намъ чуть не ежедневно, передають городскія новости: правительствомъ всѣ недовольны, турокъ всѣ проклинаятъ, въ субботу ядуть сюда англичанъ (!). Вѣ

турецкой печати все заговорило ласково о «децентрализации», «автономіяхъ» и т. д. Готовятся къ суду не безъ страха, что

Quidquid latet apparebit

Nil inultum remanebit...

Позже, изъ Галаты, отправляли 6. плѣнныхъ обратно въ Грузію, а затѣмъ поѣхали въ Высокую Порту. Иззеть-паша безъ обвиняковъ заявилъ — это, впрочемъ, теперь и не могло быть иначе — что все занятое ими въ Грузіи сверхъ границъ Брестъ-Литовскаго договора будетъ очищено. Что касается провинцій, полученныхъ въ силу этого договора (Батумъ) то, если возвращеніе ихъ окажется необходимымъ (въ силу такъ наз. принциповъ президента Вильсона), они ихъ вернутъ. О подробностяхъ намъ слѣдуетъ условиться съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Наби-беємъ (который, по вызову великаго визиря, присутствовалъ при нашей бесѣдѣ).

На слѣдующій день, 17-го октября мы имѣли дальнѣйшій разговоръ съ министромъ и съ товарищемъ министра Решадъ-Хикметъ-беємъ.*)

По вопросу объ очищеніи Ахал ихскаго и др. уѣздовъ (т. е. что «сверхъ» Б.-Литов. мира) они подтвердили свое согласіе ихъ немедленно очистить, хотя и сдѣлали замѣчаніе о мусульманскомъ характерѣ «Ахаски», объ истинныхъ желаніяхъ населенія и пр. «Тѣмъ не менѣе, заявилъ Решадъ-Хикметъ, мы отказываемся отъ того, что выходить за линію Брестъ-Литовскаго договора и желаемъ жить въ наилучшемъ сосѣдствѣ съ грузинами, наиболѣе на Кавказѣ и т. д.), тутъ пошли «сладости». Мы обсудили затѣмъ, въ подробностяхъ, вопросъ о порядкѣ очищенія этихъ территорій и получили обѣщаніе, что обо всемъ сдѣлано будетъ телеграфное распоряженіе.**)

Затѣмъ перешли къ батумскому вопросу, и, сосредоточились на вчерашнемъ, очень условно выраженномъ тезисѣ Иззеть-пашы, что «если Турція будетъ вынуждена очистить три санджака (Батумъ, Ардаганъ, Карсъ), то грузинскую часть

*) Этотъ дипломатъ, нынѣ уже умершій, пользовался большою репутациею.

***) Действительно, очищеніе турками территорій, о которыхъ здѣсь говорится началось 18-го октября 1918. Тогда-же произошли первая армяно-грузинскія столкновенія изъ-за невыясненности взаимныхъ границъ. См. изданный груз. правительствомъ сборникъ: *Изъ исторіи армяно-грузинскихъ отношеній. 1918 годъ*. Тифлисъ, 1919.

этой территории она готова уступить Грузию». По этому предмету наши собеседники были уклончивы и выражались не без угрозы. Они, кажется, надеются сохранить «по Вильсону», то что получили «по Бресть-Литовску». Это с их стороны остроумно.

Оттуда, подъ щедрымъ октябрьскимъ солнцемъ, скачемъ въ германское посольство, къ генералу фонъ-Лоссову, по его просьбѣ. Тамъ-же былъ и А. Агаронянъ. Лоссовъ, равнымъ образомъ, видѣлся съ Иззетъ-пашею и получилъ тѣ-же завѣренія, что и мы. Теперь онъ совѣтовалъ намъ отправиться къ великому визирю совмѣстно съ армянами, и подтвердить, между прочимъ, что внутреннее размежеваніе очищаемыхъ территорій между Грузіей и Арменіей мы произведемъ сами. Мы съ удовольствіемъ приняли этотъ совѣтъ.

...Оставшись одни съ генераломъ, мы продолжаемъ бесѣду. Онъ находитъ, что надо шадить самолюбіе турокъ. Не слѣдуетъ, поэтому, чрезмѣрно торопиться съ разрѣшеніемъ набратумскаго вопроса, который въ свое время получить свое разрѣшеніе.

Въ заключеніе, ф. Лоссовъ высказалъ увѣренность, что дѣло независимости Грузіи и Арменіи поставлено прочно, возможность-же осуществленія самостоятельности Сѣвернаго Кавказа и Азербайджана — сомнительна.

И это — точка зрѣнія. Правильная-ли, и въ какой части правильная — это вопросъ другой.

Позже отправились къ армянамъ, поговорить о совмѣстномъ шагѣ, согласно совѣту, данному при Агаронянѣ. Оказалось, однако, какъ сообщилъ намъ ихъ секретарь, что они уже поѣхали... къ великому визирю и министру иностранныхъ дѣлъ.

18 октября.

Сегодня, въ мусульманскій праздникъ, въ день селямлика, при радостномъ солнцѣ и полныхъ народомъ улицахъ, около полудня внезапно загремѣли орудія, затрещали пулеметы. «Аэропланы, аэропланы» — раздалось всюду. Надъ Золотымъ Рогомъ видны были хлопья — черныя и бѣлыя — отъ разрывовъ, а затѣмъ разглядѣлъ и аэропланы — до шести — быстро пронесившіяся надъ Стамбуломъ. Раздавался грохотъ и отъ взрывовъ — въ одномъ мѣстѣ, надъ гребнемъ холма поднялся

огромный черно-сѣрый столбъ дыма. Неожиданность налета, смѣлость воздушныхъ наѣздниковъ, низко спустившихся, прежде чѣмъ подняться, смятеніе однихъ, любопытство другихъ — все это при залпахъ, стукахъ сверху, снизу, вокругъ...

Спустя два-три часа налетъ повторился — бросали прокламаціи, которыя блестящими точками, какъ-бы каскадами блѣдныхъ искръ, носились высоко въ воздухѣ.

20 октября.

Происходитъ какая-то комедія: уже нѣсколько дней, какъ на всѣ лады повторяется и подтверждается о переговорахъ, которые ведутся съ Англійей смирнскимъ вали Рахми-беємъ, съ участіемъ Рауфъ-бея. *) Официозно свѣдѣнія эти опровергаются — но въ формѣ, ихъ подтверждающей.

Лилль, Рубэ, Дуэ очищены германцами, послѣ 4-лѣтняго занятія.

Турція плошаеть, и наши мусульмане, естественно и неизбежно, возвращаются въ орбиту «кавказской конфедераціи»..

Для горцевъ кавказское объединеніе теперь все. Мысль правильная — придется лишь уточнить данныя о горской республикѣ, и говорить объ этомъ тамъ, на мѣстѣ.

Но и татары пригорюнились. Ворчатъ на Германію, которая предала-де Азербайджанъ большевикамъ (въ вопросѣ о признаніи независимости), нарушила интересы Турціи и т. д. Реакція вполне понятная!

21 октября.

Здѣсь рѣшительно нечего дѣлать. Дальнѣйшіе разговоры были-бы явно безплодны. Ни изъ Тифлиса, ни изъ Берлина отъ Чхенкели, нѣтъ извѣстій. Кавказскія делегаціи возвращаются обратно въ Батумъ. Ъхать-ли съ ними или отправиться въ Брайлу?

И двухъ недѣль нѣтъ моему здѣсь пребыванію, между тѣмъ уже не въ ногу стало. А всѣ остальные «мурахаclar» уже 4 мѣсяца въ Константинополѣ!

Нашъ «мехмандарчикъ» совѣтуетъ ъхать не завтра, а 26-го, съ пароходомъ «Решадъ-паша», болѣе быстроходнымъ.

*) Рауфъ-бей, выдающийся морникъ, предсѣдатель турецкой делегаціи на Трабзандской конференціи весной 1918 г. Позже одинъ изъ главныхъ дѣятелей анатолійскаго движенія. Родомъ абхазецъ изъ Сухумскаго округа.

22 октября.

Сегодня погрузилось и отплыло большинство азербайджанцев и горцевъ съ пароходомъ, который, Богъ вѣсть, когда доберется до Батума.

23 октября.

Всѣ наши берлинскіе труды на смарку? Генераль фонъ Лоссовъ не смотритъ такъ: ему кажется, что кому нибудь изъ насъ слѣдуетъ поскорѣе отправиться въ Гаагу и подготовить державы «того» лагеря къ одобренію нашихъ берлинскихъ договоровъ.*)

Что-же, Чхенкели это легче сдѣлать изъ Берлина, чѣмъ мнѣ — отсюда. Константинополь сейчасъ отосвюду отрѣзанъ; и мнѣ лучше-бы вернуться въ Тифлисъ. По прежнему — безъ извѣстій.

Поѣхали, въ сопровожденіи брата Петре изъ грузинской конгрегациі, къ апостольскому делегату, монсиньору Анджело Дольчи, въ Панкальди. Домъ благороднаго итальянскаго общиня, на спускѣ въ переулкѣ.

Монсиньоръ съ крайней привѣтливостью вышелъ къ намъ въ богатый салонъ — полнокровный, сияющій здоровьемъ прелестъ, въ полномъ расцвѣтѣ. Говорили о Грузіи, о католицизмѣ въ Грузіи, объ интересѣ къ ней папскаго престола, о войнѣ, о Германіи. Въ чемъ разница между православіемъ и католицизмомъ? *Filioque etc.*? Этого даже теологи никогда не могли уловить. Еще часъ, и мы бы вышли на улицу католиками.

24 октября.

Встрѣчаю Фарухъ-бека Визирова*) вчера отплывшаго съ другими на пароходѣ. Изъ-за сильнаго шторма они не могли выйти въ открытое море и вернулись въ Босфоръ. Онъ кое-какъ выбрался на берегъ и очень тому радъ. Качка неописуемая! Разъѣздъ начинается въ неуютныхъ условіяхъ.

Константинополь окончательно прислѣл передъ Западными демократіями. Печать только и говоритъ объ особомъ

*) Теперь (1923) кажется невѣроятнымъ, что серьезный человекъ могъ на это надѣяться!

*) Крупный татарскій промышленникъ и хлопководъ, нынѣ покойный.

призваніи Турціи къ усвоенію и приложенію «принциповъ президента Вильсона» и т. д.

25 октября.

Перемиріе приближается. Отсюда спѣшно отправляются германскія и австрійскія части. Вѣроятно, мы наканунѣ открытія проливовъ; англійскій флотъ войдетъ въ Черное море. Германцы, пожалуй, удалятся изъ Грузіи; но это, думаю, не опасно въ новыхъ условіяхъ.

«Решидъ-паша» опять задержится. Ужъ не кардифскаго-ли угля дожидаются для него? Тѣмъ временемъ, сегодня новый налетъ аэроплановъ и пальба по нимъ. Все небо было испещрено хлопьями отъ разрывовъ.

26 октября.

Отходъ парохода отложенъ на неопредѣленное время. Въ теченіе столѣтій владѣть морями и не умѣть теперь наладить сообщенія между Константинополемъ и Батумомъ! Неужели и эта война ихъ не исправитъ?

...Германское посольство сообщает телеграмму Чхенкели изъ Берлина (отъ 18-го!) Проситъ меня немедленно вернуться въ Берлинъ. Прибавляетъ обычную свою сентенцію о томъ, что «теперь мы должны энергично работать» и т. д.

Правду сказать, какъ меня ни тянетъ въ Тифлисъ, придется, дѣйствительно, возвращаться въ Берлинъ и направиться отсюда на Западъ. Послѣ моей лѣтней поѣздки въ Христианію, мнѣ это легче сдѣлать. Отъ Чхенкели ждать такого перемѣщенія не приходится! Теперь надо все передѣлывать. Словомъ, соображался въ Батумъ, а поѣду въ Берлинъ!

28 октября.

Заколебался тронъ Вильгельма II; ушелъ въ отставку ген. Людендорфъ. Конецъ войнѣ?

29 октября.

Завтра плыву на Tigris въ Браилу; сегодня мой послѣдній вечеръ въ этомъ неправдоподобномъ городѣ, въ невѣроятное время. Г. рѣшилъ ѣхать со мною — ему сообщили, что «Решидъ-паша» не отправится. Ожидается подписаніе перемирія, и всѣ теряютъ голову.

30 октября.

Вот я на Tigris. Дрянной транспортъ, но выбора теперь нѣтъ! да и сюда мы попали по сильной «протекціи». Какую для насъ нѣтъ; пришлось сложить вещи на верхней палубѣ. Было холодно, дождливо, сурово: мой Г. палъ духомъ и отказался ѣхать въ такихъ условіяхъ. Можно и заболѣть! Онъ съѣхалъ обратно на берегъ. Добрый патеръ Пю выполнилъ за меня формальности, безъ которыхъ нельзя было уѣхать, привезъ бумаги и затѣмъ простился.

Отошли очень поздно, но скоро стало темнѣть, и бросили якорь... въ Босфоръ.

Дождь не переставалъ. Это уже не Pera-Palace!

1 ноября.

Судовый поваръ уступилъ за хорошее вознагражденіе свою каюту; но кормить меня онъ не можетъ — у нихъ нѣтъ и лишней унціи! На борту у насъ нѣсколько офицеровъ, нѣсколько десятковъ солдатъ — все авіаторы изъ Дарданелли, 5-6 «вольныхъ». Капитанъ и помощникъ — нѣмцы; экипажъ — греки.

Вчера весь день дождь. Сегодня — солнце выглянуло — и опять дождь. Вечеромъ подошли къ устью Дуная — что за печальная картина! Въ Сулинѣ простоишь всю ночь, а завтра пустимся вверхъ по Дунаю.

При видѣ радуги солдаты говорили: вотъ вѣстникъ мира! Бѣдные: не сладко быть безпрестанно образцомъ дисциплины и исполненія долга.

Брайла, 3 ноября.

Поездка изъ Константинополя на этой малой Tigris длилась не три, а пять дней, и вмѣсто двухъ ночей я провелъ въ моей случайной каютѣ — четыре.

Утромъ, 2 ноября, погода прояснилась. Мы вошли въ гирло, вслѣдъ за быстро насъ обогнавшей... «Минна Хорнъ»! и поплыли противъ течения. Было солнечно, кругомъ — довольно пустынно. Машина наша капризничала и вдругъ остановилась какъ бы въ параличъ. Позже, нагналъ М. Нортъ, стоявшію почему-то на якорѣ. Прошли мимо, но насъ повер-

нули обратно: капитанъ, старый знакомый по рейсу Потти-Констанца, прокричалъ въ рупоръ, что у него для насъ телеграмма. Оказалось: приказъ всѣмъ пересаживаться на «Mippa Horn», а Тигрису — возвращаться куда-то. Всеобщее изумление, послѣшние сборы, переноска вещей...

Стали бортомъ къ борту: всѣ палубы Mippa Horn переполнены были солдатами. Ихъ везли изъ Потти (значить, уходя въ Грузію!). Внезапно — новое распоряженіе: оставаться всѣмъ на Tigris-ѣ, который по состоянію своей машины и за немѣнѣемъ угля не можетъ начинать новаго плаванія. Потерявъ много времени, проделжали путь. Утромъ, на разсвѣтѣ, проходили Тульчу, довольно красиво расположенную. День выдался отменный. Странно было смотрѣть на бессарабскій берегъ и на знать, что тамъ за государство. Мимо прошелъ пароходъ «Лучъ» подъ украинскимъ флагомъ. Въ Рени нѣсколько строеній, разрушенныхъ огнемъ: у станціи много вагоновъ.

Въ Галацѣ огромная рѣчная флотилія: много баржъ съ греческими названіями или буквами. Тамъ же какіе-то колесные пароходы, приведенные, повидимому, изъ Сербіи, а также новенькій австрійскій мониторъ. Въ Брайлѣ цѣлый часъ понадобился пароходу, чтобы причалить, и успѣло совершенно стемнѣть. Съ берега данъ былъ приказъ «штатскимъ» сойти съ парохода, остальнымъ остаться — завтра ихъ направить на Николаевъ. Иными словами, сообщеніе на Будапештъ-Берлинъ прервано! О моемъ приѣздѣ было сообщено изъ Константинополя, и я немедленно получилъ билетъ на комнату въ Hôtel Français.

Здѣсь, за обѣдомъ, подъ звуки румынскаго оркестра, узналъ о революціи въ Буда-Пештѣ, объ убійствѣ графа Тиссы. Въогъ еще одна старая монархія споткнулась, да какъ!

Брайла, 4 ноября.

Недурной городъ, много зелени, замѣтно богатство, приносимое Дунаемъ: рѣка «крупно-буржуазная!». Обычное этимъ льгомъ сообщеніе Брайла-Потти прекратилось. Встрѣтилъ знакомыхъ застрявшихъ здѣсь — они собираются въ Грузію черезъ Одессу. Этимъ же путемъ возвращается большая партія военнопленныхъ.

Еще одна встрѣча: капитанъ «Минны Х.» Отъ него узналъ, что ген. Крессъ еще въ Тифлисъ, съ нимъ немного войска.

«Какъ все изменилось съ той нашей поѣздки!» говорилъ капитанъ. Дѣйствительно, изменилось.

Можетъ-быть и мнѣ слѣдовало-бы ѣхать на Одессу и Киевъ? Почему-то я предпочелъ отправиться въ Бухарестъ, чтобы попасть въ Берлинъ черезъ Венгрію.

5 ноября.

Съ трудомъ выѣхалъ изъ Брайлы; слишкомъ ужъ людно, но поѣзда подъ военнымъ германскимъ управленіемъ ходятъ пока точно. Ночью прибыли въ Бухарестъ. Въ густомъ туманѣ искалъ убѣжища, объѣзжая всѣ гостиницы въ какой-то тѣлѣтъ, — тщетно. Въ прихожей одного отеля продремалъ до утра, потомъ нашелъ съ трудомъ логовище въ другомъ на Calea Victoriei.

На каждомъ шагу германскія военныя учрежденія. Штабъ Макензена въ Атенеумъ-палатахъ. Однако, у румынъ видъ радостный. Повоевали, а теперь имъ повалился въ ротъ все готовое. Объединеніе всея Румыніи — вотъ къ чему идти.

Наряду съ парижскимъ лоскомъ многочисленнаго городского слоя «приличной публики» — смушковые шапки, картузы и тому подобные, не «латинскіе», а скорѣе русскіе (украинскіе) атрибуты «простонародья». А между сихъ крайностей — просто румыны, черные, усатые.

Символично соединеніе Парижа съ молдаванщиной въ наименованіи табачныхъ лавокъ — *débit de tutun*.

Въ газетахъ сообщенія о прекращеніи войны Венгрію, о передачѣ австро-венгерскаго флота южнымъ славянамъ (!) и т.п.

Прямо поразительно. Турція подписала перемиріе 30-го ноября: Батумъ и Баку поступаютъ въ «распоряженіе» побѣждающихъ державъ.

Но какъ теперь доѣхать до англичанъ и французовъ? Въ Берлинъ частныхъ телеграммъ не принимаютъ. Въ политическомъ отдѣленіи штаба Макензена взялись послать мою депешу. Обѣщали также запросить, будетъ-ли отправленъ еще пароходъ въ Поті за остающимися въ Грузіи частями — съ этимъ пароходомъ я-бы отправился туда, если нельзя проскочить черезъ Венгрію.

«Вотъ ужъ, говорю дежурному офицеру: — не ожидалъ застрѣть здѣсь на Calea Victoriei». «Да вѣдь вы же ны здѣсь застрѣли».

6 ноября.

Выправляю бумаги на въездъ въ Германію. Всѣ военныя правила примѣняются пунктуально. Въ одномъ изъ N N Paster Lloyd прочелъ полностью условия турецкаго перемирія. Они пріятны для Арменіи, но и для Грузіи благопріятны. Азербайджанъ пожалѣетъ о туркахъ.

Патетическія свѣдѣнія о венгерской революціи. Духъ Кошута — но также разгромъ вокзаловъ, тюремъ; кое-гдѣ совѣты солдатскихъ депутатовъ. Это уже изъ другой оперы.

Сербія вся освобождена. Генераль д'Эсперэ, кажется, уже въ Бѣградѣ.

7 ноября.

Надо спастись отсюда! Не сегодня-завтра движеніе прекратится — Венгрія не пропускаетъ угля. Въ 9 час. вечера есть поѣздъ на Оршову, до венгерской границы. Бумаги въ порядкѣ. Вду.

...Невъроятная толпа на вокзалѣ. Германскіе часовые и румынская полиція съ трудомъ по держиваютъ порядокъ. У кассы уже толпа — за три часа до отхода поѣзда: да и билеты, говорятъ, уже всѣ разобраны. Вещей не принимаютъ на храненіе — багажная комната переполнена! какъ прикажете «маневрировать» и какъ быть? О чьей-либо помощи и помину нѣтъ.

...Вздоръ, будто-бы не бываетъ чудесъ. Чудеса бываютъ. Я получилъ билетъ и занялъ мѣсто въ переполненномъ купѣ. Ничего не подѣлаешь — Провидѣніе или святой Георгій явно мнѣ помогаютъ.

...Румынское общество: деликатная дама и такой-же джентльменъ бесѣдуютъ по французски о томъ, какъ при первой возможности они поѣдутъ въ Парижъ: въ Румыніи оставаться прямо невозможно. Пѣвички изъ Вѣны, по здѣшнія, угощаютъ всѣхъ виномъ и бутербродами — очень удобно. Молодой пѣмецъ-офицеръ начинаетъ съ рѣшительныхъ движеній и диктаторскихъ замашекъ, но — быстро дѣлается шелковимъ. Позже сваливается румынъ-инженеръ, автомобильюваный капитанъ. Сообщаетъ новости, которыя съ жаромъ обсуждаются пассажирами. Провидѣніе Марселомана шло: во главѣ новата — генераль Коанда. (Кстати, война по румынски — «разбой»). Буковина уже занята румынскими войсками, скоро будетъ взята и Трансильванія. «Съ Бесѣ-

рабией, получится Румынія въ 18 милліоновъ населенія! самая смѣлая надежда наши превзойдены» и т. д.

Германская оккупация вызываетъ, конечно, жалобы. Но теперь — конецъ ихъ владычеству. Золотое дно, эта Румынія, и не разъ еще германцы будутъ съ сожалѣніемъ о ней вспоминать. «Но не забудется ихъ грубость — говоритъ инженеръ, питомецъ Дармштадскаго техникума. Они увезли отсюда и сырье, и все, что угодно; много станковъ, двигателей предоставили болгарамъ — «нашимъ вѣрнымъ союзникамъ», ха, ха! А что сказать объ офицерѣ, который у меня въ домѣ, къ моимъ картинамъ прибилъ, для просушки, шкуры застрѣленныхъ имъ волковъ и лисицъ»... въ такихъ разговорахъ проходитъ ночь, безъ сна и отдыха. Проѣзжаемъ Питешти, Крайову.

8 ноября.

Изъ газетъ узнаю подробности венгерской революціи. Каковъ приемъ Карольи и другихъ въ Бѣлградѣ генераломъ Franchet d'Espereay! Хуже тѣлеснаго наказанія.

...Вотъ Дунай, Желѣзные Ворота, островъ Ада-кале — кусочекъ Турціи, живое и живописное напоминаніе о дняхъ оттоманской славы... румынская граница (Верчѣорова) — а затѣмъ и венгерская, въ Оршоувѣ.

Проверка паспортовъ; венгерскій офицеръ говоритъ любезности уроженцу Грузіи, спрашиваетъ, хорошо-ли я сижу.

Тронулись по территоріи новой республики. Со мною въ купѣ — венгерскіе чиновники. У нихъ чудное настроеніе. «Конецъ войнѣ, всякой войнѣ — говоритъ славный старикъ, инспекторъ дунайскаго пароходства. И свобода всѣмъ народамъ! И земля всѣмъ! Не будетъ больше въ Венгріи крупной собственности» и т. д.

Сестры милосердія (скорѣе «заурядъ-фельдшерлицы» — такъ кто-то въ Россіи предлагалъ ихъ называть), вѣнки. Универсальный типъ «барышень», устроившихся около войны. Для нихъ война была большимъ, длительнымъ развлеченіемъ. Съ ними какой-то военный чиновникъ, который еще на послѣднихъ румынскихъ станціяхъ пораспродавъ предметы своего снаряженія.

Вваливаются все новыя лица. Венгерскій офицеръ гусарскаго облика, — оказался затѣмъ врачомъ...

Наступаетъ ночь. Сплю какъ камень — зыбкій, шаткій, валкій камень — сидя.

9 ноября

Демобилизация дает себя чувствовать. Опаздываем, немилосердно. На всех станциях обезоруженные солдаты, возвращаемые родине. Воображаю, что за сумятица на бывшем итальянском фронте, откуда в разные стороны отхлынули солдаты разных пород — по своим домам.

Всё здесь украсили себя кокардами с национальными цветами:

...Поздно вечером прибыли в Будапешт. Во всем городе ни одной свободной комнаты — стереотипно отвечают в двадцати местах. Проливной дождь. Возвращаюсь на вокзал (уже другой). Узнаю, что в 12 час. ночи отойдет поезд на Одерберг. Поезд подан в 3 часа. Устраиваюсь в неосвященном вагоне 3 класса, с разбитыми стеклами. Попутчики — германский санитарный отряд из Македонии. Окна завесили одеялами, пытались спать в сильный холод.

10 ноября.

Поезд галопирует недурно. Влемя по гористой местности, между отрогов Татр и Бескид. Часам к четырем приехали в Рукку, где конец Венгрии. Не успев установить с точностью, какое государство начиналось по ту сторону границы, ибо на станции, сверх массы освобожденной «живой силы», обнаружился также буфет, к которому я почувствовал невольное влечение: после моего последнего обеда в Бухаресте, в Hotel du Boulevard прошло трое суток.

...поезд был сейчас же взят приступом, солдатами, возвращающимися в Германию или в Галицию (через Краков). Я весьма успешно захватил позицию и оказался в обществе польского солдата, комично рассказывавшего, как они «утекали» из Сербии, и молодых германских пехотинцев...

В 3 часа ночи нас разбудили: «Одерберг». Ну, подумал, пожалуй доберусь до Берлина.

11 ноября.

В Одерберг полный порядок. У меня отобрали книги и бумаги, обещали выслать в Берлин. В 5 час. утра отправился бреславльским поездом: билета до Берлина не выдали, туда не пропускают — там происходит нечто чрезвычайное.

...Сижу съ офицерами, явно сбитыми съ толку. «Были, конечно, говорят они, преувеличенія въ дисциплинѣ, но въ общемъ вѣдь все шло хорошо». Что собственно происходитъ — имъ неизвѣстно. Но ясно, что въ Германіи революція.

Въ Оппелнѣ узнаемъ объ отреченіи Вильгельма, о республикѣ, объ условіяхъ перемирія, уже принятыхъ.

Бреславль. Здѣшній вокзалъ — нѣчто образцовое. Показана точная, чистая работа. Завтракъ — немного мозговъ и шината, съ тонкимъ ломтикомъ хлѣба — знакъ дисциплины и самоограниченія большого народа. Въ Берлинѣ пропускаютъ теперь. Запасаюсь газетами и продолжаю путь. Начинаемъ впаздывать — постепенно вхожу въ курсъ здѣшнихъ событій и не удивляюсь, когда кто-то воскликнулъ, при въѣздѣ въ вокзалъ Alexanderplatz: слышите, пулеметная стрѣльба! Дѣйствительно, что-то тьякало — но скромно.

Пріѣхали. Въ гостиницу Adlon нельзя — по дорогѣ туда неблагополучно. Отправляюсь съ носильщикомъ въ Continental. Солдатъ съ красной повязкой спрашиваетъ паспортъ: я въ революціонномъ Берлинѣ.

ГЛАВА XVII.

КОНЕЦЪ ГЕРМАНСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ.

46.

Пострѣляли, для приличія, денекъ — другой, и прини-
лись — кто за дѣло, кто за говореніе. На бульварѣ «Подъ ли-
пами» кое гдѣ стекла разбиты пулеметами; бѣлыя пятна на
камняхъ многихъ домовъ — но революція, пока-что, была
здѣсь «безкровная», т. е. ... малокровная. Разложеніе во фло-
тѣ, моральная капитуляція главной квартиры, предложив-
шей непріятелю перемиріе, («нервы не выдержали») отреченіе
Императора, подъ давленіемъ западныхъ демократій, — вотъ
нервъ этого переворота. Теперь большинство думаетъ въ Гер-
маніи объ одномъ — какъ бы не повторить большевиковъ.

... Выраженіе лицъ — куда долѣе будничное, чѣмъ въ
Петербургѣ, въ февралѣ или въ октябрѣ 1917 г. Но что за
волшебный поворотъ исторіи — германцы очищаютъ лѣвый
берегъ Рейна, французы вступаютъ въ Эльзась, — безъ боя,
съ распущенными знаменами, союзники занимаютъ Кельнъ,
Кобленцъ и Майнцъ. Конецъ Гогенцоллерновъ, Габсбурговъ,
Австро-Венгрии, генералитетовъ и канцлеровъ. Но что еще
впереди?

Въ Берлинѣ я не имѣлъ времени для размышленія о всей
глубинѣ «паденія», послѣдовавшаго такъ стремительно, за «ве-
личіемъ» Срединной Европы: надо было дѣйствовать. «Дѣйстви-
вать», въ этотъ моментъ, значило, для меня, *передвигаться* съ
возможною быстрою, по направленію къ столицамъ побѣ-
доносныхъ нынѣ державъ. Цѣль-же этого передвиженія за-
ключалась, очевидно, въ «установленіи контакта» съ правитель-
ствами англійскимъ и французскимъ, главными отнынѣ рас-
порядителями Европы.

Участокъ пути, требовавшій наибольшаго спортивнаго напряженія (по условіямъ ноября 1918 г.), а именно, — Константинополь — Берлинъ, я уже, такъ сказать, «покрылъ». Теперь надлежало повторить мою лѣтнюю поѣздку въ Христианію и тамъ пожать плоды моего тогдашняго поѣзда, въ видѣ полученія визы на проѣздъ въ Лондонъ, въ качествѣ грузинскаго эмиссара.

Что касается А. Чхенкели, то теперь — но только теперь — и онъ убѣдился, что пребываніе его въ Берлинѣ... нѣсколько затянулось. Понадобилось полное пораженіе Германіи и революція чтобы его въ этомъ убѣдить; и потребовалась шальная революціонная пуля, разбившая съ улицы окно въ его помѣщеніи, чтобы онъ, наконецъ, рѣшился его очистить. Впрочемъ маршрутъ перваго его передвиженія былъ несложенъ: Ч. переѣхалъ въ другую комнату — въ томъ же отелѣ Адлонъ, только окнами во дворъ.

Рѣшено было отправиться мнѣ авангардомъ въ Лондонъ и Парижъ. Одновременно посланы были для работы на «флангахъ» Мих. Церетели — въ скандинавскія столица, М. А. Сумбатовъ — въ Швейцарію: они подвергли методическому обстрѣлу своей пропаганды дипломатовъ «согласія» въ этихъ нейтральныхъ странахъ,* т. е. продолжали работу, начатую въ Христианіи.

Что касается соглашеній нашихъ съ Германіей, политическаго и экономическаго, о которыхъ въ подробности изложено выше (п. п. 35 и 41) то вся ихъ совокупность такъ и осталась — въ проектѣ. Политическое соглашеніе (готовое въ началѣ октября 1918 г.) никогда и не было подписано; вслѣдствіе этого, *никогда не вступали въ силу* и подписанныя нами 12-го іюля 1918 г. специальныя экономическія соглашенія. Даже само формальное признаніе независимой Грузіи германскимъ правительствомъ (противъ чего Россія заранѣе обязалась не возражать, согласно ст. 13 добавочнаго къ Брестъ-Литовскому договору) уже не могло состояться, въ виду кореннымъ образомъ измѣнившагося политическаго положенія.

Какъ ни глубоко было политическое униженіе Германіи послѣ принятія условій перемирія 11-го ноября 1918 г. и

*) Нѣсколько позже переѣхалъ въ Швейцарію и А. Чхенкели. Министромъ иностранныхъ дѣлъ Грузіи былъ (въ началѣ ноября) назначенъ Е. Гегечкори. Другихъ эмбасей въ личномъ составѣ грузинскаго правительства въ связи съ войною не было.

послѣ революціи, дѣйствительная мѣра этого униженія не была еще ясна и не сознавалась даже самѣми вдумчивыми людьми. Напримѣръ, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ дѣрили (или дѣлали видъ, что вѣрятъ!) еще въ возможность осуществленія грузино-германскихъ проектов! «Но постарайтесь поскорѣе склонить на вашу сторону державы согласія. Это будетъ для васъ дѣломъ труднымъ такъ какъ державы эти, въ стремленіи поскорѣе возстановить единую Россію, будутъ противъ в. окраинъ. Кромѣ того, армяне сдѣлаются теперь естественно любимцами «Антанты». Имъ постараются утереть слезы — и претензіи ихъ на ваши уѣзды — Борчалинскій, Ахалкалакскій будутъ теперь для васъ опасны» — таковы были предположенія, высказанныя д-ромъ Геппертъ въ послѣдней моей съ нимъ бесѣдѣ (14-го ноября 1919 г.)

По словамъ Г., грузинское правительство еъ этотъ тяжелый для Германіи моментъ показало генералу Крессу въ Тифлисѣ много деликатности и вниманія.*)

«Смутное время и у насъ» — замѣтилъ Г. «Да, утѣшилъ я его, «теперь вы займетесь тою задачею, которую, въ скромномъ масштабѣ, старалось разрѣшить грузинское правительство: демократія и социализмъ — безъ «большевизма». Заднимъ числомъ, вы, можетъ быть, воздадите теперь Грузіи должное.**)

Съ своей стороны, Грузія уже воздала должное Германіи: ея поддержка несомнѣнно облегчила первые мѣсяцы грузинской независимости. Но то, что называлось «германской ориентаціей» Грузіи не имѣло уже подъ собою почвы въ измѣнившихся политическихъ условіяхъ Европы.

47.

Брестъ-Литовскій договоръ, со всѣми дополнительными къ нему соглашениями, признанъ былъ утратившимъ силу (п. XV условій перемирія съ Германіей, подписанныхъ 11 ноября 1918 г.) какъ съ точки зрѣнія союзниковъ, такъ и въ

*) Въ Тифлисѣ вѣстѣ съ германской миссіей оставалось еще 500 человекъ германскихъ войскъ, эвакуированныхъ нѣсколько позже. Всѣхъ германцы пробыли въ Грузіи около пяти мѣсяцевъ (июль-ноябрь 1918 г.).

**) Въ официальныхъ германскихъ сужденіяхъ о Грузіи 1918 г. несомнѣнная симпатія смѣшивалась съ ужасомъ, образцовыхъ чиновниковъ, при видѣ разныхъ революціонныхъ неурядицъ и недостаточной дѣловитости грузинскихъ правителей. Но откуда бы они ее взяли, эту дѣловитость!

отношениях между Германией и советской Россіею. (Московское правительство сообщило германскому ноябрь, что не считает себя болѣе связаннымъ Брестъ-Литовскимъ договоромъ); и хотя тѣмъ самымъ, на благо Грузіи и Арменіи, наносился ударъ вновь приобретеннымъ правамъ Турціи на три санджака (Батумъ, Карсъ, Ардаганъ), но, съ другой стороны, уничтожалось и постановление ст. 13 «добавочнаго» русско-германскаго договора 27-го августа, содержащей замаскированное признаніе грузинской независимости Советскимъ правительствомъ (см. выше, п. 36); и это былъ несомнѣнно шагъ назадъ въ дѣлѣ международнаго упроченія независимости Грузіи.

Центръ всѣхъ признаній, рѣшеній, поддержекъ и поощреній перемѣщался на Западъ, въ Парижъ, гдѣ долженъ былъ собраться конгрессъ или конференція побѣдителей. Путь же въ Парижъ лежалъ для насъ черезъ Лондонъ, не только по географическимъ условіямъ тогдашнихъ сообщений, но и политически: перемирие съ Турціей, главнымъ непріятелемъ на азиатскомъ Востоку, было дѣломъ рукъ великобританскихъ и закавказскія страны принимались въ соображеніе, какъ одинъ изъ театровъ кончавшейся войны, именно въ конвенціи о перемиріи съ Турціей, подписанной британскимъ адмираломъ Артуромъ Колсорпъ (Calthorpe) 30 октября 1918 г.*) Кроме того, и по условіямъ дислокаціи союзныхъ войскъ на Востоку, и въ виду особаго положенія, которое Англія явно стремилась тамъ занять, слѣдовало ожидать въ гости въ Закавказье именно англичанъ, а не кого другого. Представлялось, поэтому, необходимымъ какъ можно скорѣе вступить въ непосредственное сношеніе съ британскимъ правительствомъ въ Лондонѣ, чтобы подготовить съ этой стороны «приспособленіе» независимой Грузіи къ новой международной обстановкѣ, въ особенности когда сама эта «обстановка», въ видѣ англійскихъ войскъ, собиралась вступить въ наши предѣлы.

Вступали они туда, конечно, въ качествѣ «войскъ сокаменныхъ державъ» — на мѣсто уходящихъ теперь съ Кавказа

*) Конвенція эта, подписанная на борту «Агамемнона», въ портѣ Мудросъ (на остр. Лемносъ) и составленная на англійскомъ языкѣ, носитъ съ турецкой стороны подпись Рауфъ-бей (позднѣе, въ 1923 г., главы авторскаго правительства) и Ревидъ-Хивизетъ, эту же выше уже упомянутыхъ. Текстъ см. напр., въ *London Times* A History of the Peace Conference of Paris ed. by J. W. F. Tenbrinkley. I. 1920, 14. 195-7.

германо-турковъ. Но никакой опредѣленной союзной политики въ кавказскихъ дѣлахъ не могло еще, конечно, сложиться; у англичанъ-же такая политика могла быть, и выясненіе этой политики, согласованіе съ нею, или, по-просту говоря, использование ея въ интересахъ охраненія и укрѣпленія грузинской независимости становилось основной очередной задачей; тѣмъ болѣе что самый текстъ мудросской конвенции совершенно игнорировала закавказскія государственныя но-вобразованія.

Это не значитъ, что конвенція это игнорируетъ Закавказье. Напротивъ, она разсматриваетъ его какъ добро, поступающее нынѣ подъ контроль союзниковъ. Ст. XI касается очищенія закавказскихъ провинцій (какъ и сѣверо-западной Персіи) турецкими войсками. Ст. XV говоритъ рѣчь установленіи союзнаго контроля по закавказскимъ желѣзнымъ дорогамъ, вмѣсто турецкаго. Дороги переходятъ въ «свободное и полное» распоряженіе союзниковъ (съ принятіемъ во вниманіе нужды населенія). Батумъ будетъ занятъ союзниками. Турція соглашается и на занятіе ими Баку*).

Ни Грузія, ни Азербайджанъ при этомъ не упомянуты: официально въ это время время они не существуютъ еще для союзниковъ. Кавказская Армения также не упомянута. Зато есть многозначительный намекъ въ ст. XXIV, предоставляющей союзникамъ право занимать части *шести армянскихъ вилайетовъ*, въ случаѣ безпорядковъ.

Когда Турція поставлена на колѣни, а всесильный побѣдитель дѣластъ такой намекъ, то для большинства нѣтъ сомнѣній: армянамъ *объщаны шесть вилайетовъ*. Небольшое усиленіе «толкованія», и выводъ ясенъ: «союзники рѣшили создать независимую Армению — съ отнесеніемъ къ ней шести турецкихъ вилайетовъ».**) Какъ не воспрянуть духомъ — эриванскимъ армянамъ, сжавшимся подъ турецкимъ нажимомъ лѣта 1918 г.? Конецъ турецкой оккупации, вмѣсто нея — британская оккупация и «шестъ вилайетовъ». Наша взяла — теперь

*) Это «согласіе» Турціи на занятіе союзниками не принадлежавшаго вовсе туркамъ Баку упомянуто было, вѣроятно, безъ особаго заднихъ мыслей. Позже въ этомъ усмотрѣли направленную противъ Россіи англійскую интригу. См. напр. письмо хороша освѣдомленнаго автора V. M. въ Times, 10 апрѣля 1920 г. (The Future of Baku, Turkey and Azerbaijan).

**) Это соответствовало не только традиціи армянскихъ политическихъ дѣятелей, но и чисто кабинетнымъ взглядамъ многихъ арменофиловъ въ Европѣ и Америкѣ.

можно и разжаться: Грузія почувствует на себѣ всю энергію этого настроенія, когда, въ декабрѣ 1918 года, эриванское правительство дастъ своимъ войскамъ приказъ занять Борчалинскій и Ахалкалакскій уѣзды 6. Тифлисской губ. Но это эпизодъ сравнительно маловажный.

Гораздо хуже было то, что теорія «шести вилайтеовъ» вкрапленная очень неосторожно въ текстъ чисто военнаго документа создало «настроеніе» и среди турокъ: не одинъ ножъ зажался въ мускулистой рукѣ.

Догойнымъ образомъ начиналось одно изъ самыхъ отвратительныхъ проявленій политическаго дилеттантизма новаго времени: разрѣшеніе армянскаго вопроса великими западными демократіями.*)

*) Сводку заявленій, болѣе или менѣе официальныхъ, и во всякомъ случаѣ очень отвѣтственныхъ, сдѣланныхъ, преимущественно въ 1918 г., руководящими государственными людьми, канцъ президентъ Вильсонъ, Ллойд Джорджъ, Клемансо, Бальфуръ и др. по армянскому вопросу (въ томъ смыслѣ, что освобожденіе Арменіи составляетъ одну изъ цѣлей войны) можно найти въ изданіяхъ армянскихъ организацій, напр. въ брошюрѣ *The Case of Armenia*, изданной въ 1919 г. Армянскимъ національнымъ союзомъ въ Америкѣ (The Armenian National Union of America). Отмѣчу особенно резолюцію, внесенную въ Сенатъ С. А. С. Штатовъ извѣстнымъ сенаторомъ Ладжъ (Lodge) 10 декабря 1918 г., согласно которой будущая независимая Арменія должна включатьъ Турецкую Арменію (въ составѣ шести вилайетовъ и Киликію), русскую Арменію и сѣверную часть перс. Азербайджана (персидская Арменія). Приложенная къ цитируемому изданію карта будущей Арменіи проводитъ с.-в. границу ея по р. Куръ (прибл. ось Елисаветполь до впаденія въ Каспійское море). Арменія омывается (на этой картѣ) тремя морями: Чернымъ, Средиземнымъ и Каспійскимъ.

ГЛАВА XVIII.

КУРСЪ НА ЗАПАДЪ.

48.

19 ноября 1918 г., т. е. спустя какую-нибудь неделю послѣ капитуляціи Германіи, я выѣхалъ изъ Берлина въ Христіанію, куда прибылъ 21-го. Англійскій посланникъ былъ въ отсутствіи, и просьба моя о разрѣшеніи вѣзда въ Лондонъ была передана туда повѣреннымъ въ дѣлахъ г. Овей, съ которымъ какъ впрочемъ и съ французскимъ посланникомъ г-омъ Эдмондомъ Бастъ, я продолжалъ теперь начатая лѣтомъ бесѣды на кавказскія темы. Г. Овей сообщилъ, между прочимъ, что въ отвѣтъ на донесеніе о моемъ сентябрьскомъ разговорѣ съ сэромъ Мэнсфильдъ Финдлей, британской миссіи поручено было изъ Лондона запросить отъ меня свѣдѣнія по цѣлому ряду вопросовъ, касающихся фактическаго положенія въ Закавказьи и на Сѣверномъ Кавказѣ. Свѣденія эти не могли быть тогда-же отъ меня получены, вслѣдствіе моего возвращенія въ Берлинъ: теперь я поспѣшилъ удовлетворить любознательность лондонскаго министерства.

Ходатайство мое — о разрѣшеніи пріѣзда въ Лондонъ, по порученію грузинскаго правительства, въ связи съ вопросомъ о признаніи послѣдняго, не было очевидно ходатайствомъ совершенно обычнымъ. Оно было, по моей просьбѣ, поддержано передъ англійскимъ правительствомъ г. Оливеромъ Уордропъ*)

*) Джонъ-Оливеръ Уордропъ (иниѣ сэръ Д. О. У.), видный представитель великобританской консульской службы и англійской университетской культуры, также какъ сестра его, миссъ Марджори Уордропъ (умер. 1909), посвятили много времени и труда исторіи и литературѣ Грузіи. Изъ работъ его въ этой области упомяну здѣсь только блестяще написанное предисловіе къ (сдѣланному его сестрою) прозаическому англійскому переводу

изъ Бергена; а въ Лондонѣ объ ускореніи этого разрѣшенія долженъ былъ хлопотать Д. Гамбашидзе, имѣвшій нѣкоторыя связи въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ. И съ однимъ, и съ другимъ я снесся немедленно по прибытіи въ Норвегію. Въ самомъ началѣ декабря разрѣшеніе было получено, и «согласно инструкціи Главнаго Секретаря Е. В. по внѣшнимъ дѣламъ» — таковымъ былъ тогда Бальфуръ — «дипломатическая виза» украсила мой паспортъ — первое проникновеніе независимой Грузіи въ тотъ лагерь, — послѣ пятидесятичлаго прохода сквозь «огонь и мѣдныя трубы» Средней Европы. «Проникалъ» пока я одинъ, и этому не помѣшало столь грѣшное пребываніе въ Берлинѣ. Единственная оговорка, сопровождавшая допущеніе мое въ Лондонъ, заключалась въ томъ, что «предоставленіе мнѣ льготной визы не означаетъ, однако, еще признанія грузинскаго правительства». Въ этомъ, конечно, и сомнѣнія не было: я и ѣхалъ-то въ Англію, чтобы «подготовить почву» для такого признанія.

Морскія сообщенія Норвегіи съ Англіей находились подъ строжайшимъ военнымъ контролемъ. Прибывъ въ Бергенъ 7-го декабря, я обезпечилъ себѣ мѣсто на пароходѣ, отходящемъ въ Англію 9-го числа. Тогда - же, т. е. 7-го декабря мнѣ удалосъ свидать и впервые познакомиться съ Оливеромъ Уордропъ, британскимъ генеральнымъ консуломъ въ Бергенѣ. Это былъ впрочемъ, послѣдній день его тамъ пребыванія: онъ возвращался теперь съ семьей въ Англію.

Что «эmissаръ» Грузіи у самого порога въ предѣлы Великобританіи долженъ былъ встрѣтить и получить поддержку стараго испытаннаго друга грузинскаго народа — въ этомъ было нѣчто провиденціальное. О. Уордропъ былъ, вѣроятно, очень огорченъ грузино-германскимъ сближеніемъ 1918 го-

знаменитой поэмы Руставели «Человѣкъ въ барсовой кожѣ» (*The Man in the Panther's Skin. A Romantic epic by Shota Rustaveli. A close rendering from the Georgian attempted by Marjory Scott Wardrop. London. 1912.* Изданіе Королевскаго Азіатскаго Общества) и на сдѣланный имъ переводъ *Visramiani*, т. е. древне-грузинской версіи чрезвычайно важнаго памятника до-мусульманской литературы Персіи, не сохранившагося въ пехлевійскомъ подлинникѣ, но дошедшаго до насъ въ персидской (стихотворной) и грузинской (прозаической) редакціяхъ. (*Visramiani. The story of the loves of Vis and Ramin. A romance of ancient Persia. Translated from the georgian version by Oliver Wardrop. L. 1911.*)

да; однако, его глубокая привязанность къ Грузіи говорила въ немъ сильнѣе всего. Мы могли рассчитывать на его мощь и въ Лондонѣ.

...Бергенъ расположенъ красиво подъ утесами, у фіорда. «Нѣмецкая пристань», въ ганзейскомъ духѣ, очень характерна. Во всемъ чувствуется соленый запахъ моря, точнѣе — океана, на другомъ концѣ котораго — Америка; — зажиточность, предприимчивость, вмѣстѣ съ непоколебленной еще простою жизненнымъ укладомъ и легкою обзоримостью всей жизни — преимущество небольшихъ культурныхъ народовъ и такихъ же городовъ.

9-го декабря, темною ночью, пустились въ плаваніе по морю, такъ недавно еще страшному, благодаря рыскавшимъ по нему подводнымъ лодкамъ, и еще полному минъ.

Раннимъ утромъ, когда всѣ еще спали, при полномъ спокойствіи внезапно услышали короткій отрывистый трескъ, грохотъ: что-то ударило въ пароходъ или пароходъ обо-что ударился. Движеніе сразу замедлилось. Первая мысль — это мина! «Мина, мина» закричали въ корридорѣ. Всеобщее отчаяніе. Забѣгали, завопили по всѣмъ угламъ. «Ясное дѣло, тонемъ». Стали одѣвать спасательные пояса. А пароходъ уже накренился такъ, что трудно было стоять. «На верхъ, всѣмъ на верхъ!» скомандовалъ кто-то. Словомъ, пережили все, что полагается пережить при «попаданіи» мины въ пароходъ. Это, однако, не была мина; мы напоролись на острый, непоказанный на картѣ, рифъ — и съѣли на него. Приказано было спуститься въ шлюпки, которыя и высадили насъ въ Копервикѣ.

...На слѣдующее утро вышли въ открытое море и сразу попали въ бурю — ими славится Сѣверное море зимою. Волны кругомъ парохода ходили огромныя, черныя, съ бѣлыми гребнями и подпалинами. Качка все время была неопи-суемая. Лежа на кѣлкѣ, можно было видѣть свои ноги то сверху внизъ, то снизу вверхъ. А когда качка дѣлалась килевою, вторая, параллельная койка была все время то надъ вами, то подъ вами.

Наконецъ, вечеромъ 12 декабря, вошли въ каналъ и под-нялись къ Ньюкестлю (въ переводѣ на грузинскій — Ахал-цихъ). Плоскыя фабрики, доки, дымовыя трубы — царство угля, желѣза и дѣловитости, одинъ изъ жизненныхъ пунктовъ удивительнаго острова, охраняемаго пловучими батареями и цитаделями! Утромъ 13-го декабря высадились. Просма-

трывая мою визу, одинъ изъ чиновниковъ замѣтилъ: «Георгія, это, кажется, около Румыніи».

Понесли по зеленой Англии, всюду встрѣчая военныхъ съ довольными, свѣжими лицами побѣдителей, и прибыли на вокзалъ Кингскроссъ.

Мнѣ не трудно было угадать въ толпѣ Давида Гамбашидзе,*) предупреденнаго телеграммою о моемъ прїѣздѣ. Начи-
налась лондонская глава «хожденія по дѣламъ Грузіи».

49.

Я не собираюсь передавать въ подробностяхъ переговоры или разговоровъ, которые велись въ Лондонѣ на тему о независимости Грузіи.

Сравнительно съ Берлиномъ, главная особенность политическаго положенія заключалась теперь въ томъ, что какъ для главныхъ державъ Европы, такъ и для С. А. С. Штатовъ получалъ огромное значеніе вопросъ о возстановленіи государственнаго порядка въ Россіи (на совѣтскій режимъ, продолжавшійся тогда уже свыше года, многіе смотрѣли какъ на аномалію, затянувшуюся сверхъ ожиданія). Это было время диктатуры адмирала Колчака въ Сибири, организациі добровольческихъ силъ на югѣ, время, усиленной работы недавно еще авторитетныхъ представителей россійской дипломатіи въ главныхъ центрахъ въ пользу вооруженнаго вмѣшательства, или же помощи деньгами и оружіемъ генераламъ и организаціямъ, спасавшимъ Россію съ разныхъ концовъ.

Что теченіе это относилось вполнѣ отрицательно**) къ идеѣ независимости бывшихъ окраинъ Россіи, что такое отрицательное отношеніе внушалось русскими дѣятелями правительствамъ Западныхъ державъ, — вчерашнимъ союзникамъ —

*) Братъ упомянутого выше д-ра Вахтауга Г., Давидъ Г-дъ былъ раньше секретаремъ Русско-британской торговой палаты въ Лондонѣ. Имъ было сдѣлано много для популяризаціи въ англійскихъ правительственныхъ и дѣловыхъ кругахъ идеи независимости Закавказскихъ республикъ. См. о немъ любопытную статью у Lieut.-col. *Repington*. *The first World War*. 1914-1918. Vol. II. p. 182.

**) Въ этомъ я вижу одно изъ самыхъ глубокихъ и ровныхъ недоразумѣній русской противоборствующей политикѣ.

что новоявленные республики подвергались огульнымъ и систематическимъ нападкамъ, осмѣянію и сарказмамъ — извѣстно всякому. Атмосфера эта, конечно, затрудняла работу и въ вопросѣ о признаніи независимости Грузіи.

Однако, и эта работа не была столь безнадежной, какъ многимъ казалось. Очень скоро выяснилось — и мы были вовсе не послѣдними, открывшими это — что объ тенденціи могутъ быть согласованы; что, въ частности, Великобританія превосходно можетъ, разъ это ей угодно, поддерживать всячески стремленія русскихъ восстановить Россію, а, одновременно, отнестись съ должнымъ вниманіемъ и къ вновь образовавшимся республикамъ. Я буду, кажется, правъ, если скажу, что въ англійской политикѣ *преобладало* въ этотъ моментъ стремленіе помочь восстановленію Россіи; но что тамъ, имѣлась почва и для симпатій по отношенію къ новымъ республикамъ какъ по принципіальнымъ основаніямъ (*вѣра* либераловъ, трудовиковъ и др. въ право самоопредѣленія, въ начала демократіи и пр.) такъ, отчасти, и вслѣдствіе специальной заинтересованности. Для балтійскихъ республикъ получалъ значеніе вопросъ о морскихъ интересахъ державъ въ Балтійскомъ морѣ; Грузія могла нащупать стѣну, отчасти заброшенное русло былыхъ такъ наз. Биконсфильдовыхъ идей о необходимости ставить барьеръ русскому проникновенію въ Передней Азіи и т. д.

Словомъ, наряду съ основнымъ теченіемъ политики, благоприятнымъ восстановленію единой Россіи, существовали мотивы и интересы хоть и второго плана, однако достаточно отчетливые, чтобы служить основой для защиты независимости крайнихъ государствъ.

Попытка *преодолѣнія* этой двойственности заключалась въ отвлеченной идеѣ федераціи, т. е. восстановленія русскаго единства путемъ федеративнаго объединенія отдѣльно существовавшихъ частей бывшей Имперіи. Идея эта, въ видѣ намековъ и внушеній, играла съ самого начала свою роль въ сношеніяхъ крайнихъ делегатовъ съ Англійей (позже ее стали усваивать, стараясь попутно обезвредить, и въ нѣкоторыхъ русскихъ кругахъ); однако, двойственность, о которой сказано выше, проникла всю политику Англійи въ теченіе всего 1919 года.

Впрочемъ, въ этотъ моментъ «единая Россія» была всего лишь программой, независимая-же Грузія (чтобы вернуться

къ ней) — дѣйствительностью, фактомъ, съ которымъ приходилось считаться... хотя-бы при установленіи желѣзнодорожной связи между Батумомъ и Баку (въ силу Мудросскаго перемирія). Все это придавало вопросу определенное жизненное значеніе, и мы имѣли возможность обсудить его восторонне съ представителями великобританскаго правительства. Разумѣется, мы говорили и за Азербайджанъ, не имѣвшій еще въ Лондонѣ своего представителя, а темы нашихъ бесѣдъ выходили далеко за предѣлы Закавказья.

Итакъ, «возстановленіе единой Россіи» было однимъ изъ главныхъ навожденій этихъ дней; намъ-же было естественно, привѣтствуя это объединеніе, выражать въ то же время пожеланіе, чтобы Грузія и вообще Закавказье были изъ этого плана исключены.

Мотивировка такого пожеланія. письменная и устная, не представляла особыхъ затрудненій и, такимъ образомъ, англійское правительство могло познакомиться обстоятельно съ политическими стремленіями Грузіи и ея осядей, съ ихъ конечными дѣлями, — какъ разъ въ то время, когда начали размѣщаться въ различныхъ пунктахъ Закавказья британскіе военные отряды, занимавшіе ихъ согласно Мудросской конвенціи 30-го октября.

Начало нашихъ дипломатическихъ сношеній въ Лондонѣ совпало, такимъ образомъ, съ началомъ практическаго ознакомленія англичанъ съ новыми закавказскими республиками, на мѣстѣ, въ концѣ 1918 года.

Намъ предоставлена была возможность сноситься телеграфно съ Тифлисомъ; грузинское правительство оповѣщено было своевременно о пріѣздѣ моемъ въ Лондонъ, и скоро вслѣдъ за тѣмъ мы могли уже извѣстить его о «благопріятномъ пріемѣ, о надеждѣ получить признаніе *de facto*, а позже — и формальное признаніе», а также о томъ, что «распространяемые слухи о возстановленіи единой, нераздѣльной Россіи не имѣютъ отношенія къ Грузіи, независимость которой имѣетъ твердые шансы».

Наконецъ, 31-го декабря 1918 года мы (т. е. я и Д. Гамбашидзе) получили изъ Foreign Office'а ноту, за подписью сэра Луиса Маллетъ (товарища министра иностранныхъ дѣлъ), въ которой сообщалось, что *правительство Е. В. съ симпатіей отнеслось къ провозглашенію неза. симей грузинской респуб.*

лики и готово отстаивать ее признаніе на мирной конференціи*.

Такъ совершился — спустя какихъ нибудь десять недѣль послѣ окончательнаго принятія нами въ Берлинѣ проекта грузино-германскаго трактата — переводъ грузинской политики на новыя рельсы, сообразно измѣнившимся обстоятельствамъ. Моя обязанность и роль «стрѣлочника» была выполнена: теперь отъ грузинскаго правительства въ Тифлисѣ зависѣла «эксплуатація успѣха».

* Существо этой ноты было передано по телеграфу грузинскому правительству, и вызвало отзывную благодарственную телеграмму грузинскаго мин. иностр. дѣлъ Гегечкори (январь 1919 г.).

ГЛАВА XIX.

НОВАЯ ВАРИАЦІЯ НА ПРЕЖНІЮ ТЕМУ.

50.

Наши телеграммы о «благожелательномъ приѣмѣ» въ Лондонѣ получены были въ Тифлисъ въ очень критическій для грузинскаго правительства моментъ и пришлось весьма кстати.

Словами «критическій моментъ» я вовсе не желаю сказать, что положеніе правительства Н. Жорданія внутри страны было сколько нибудь шаткимъ — оно было, напротивъ, совершенно прочнымъ — а имѣю лишь въ виду осложненія вызванныя почти одновременно, армяно-грузинскимъ пограничнымъ столкновеніемъ декабря 1918 г. т. е. наступленіемъ армянскихъ войскъ въ Борчалинскомъ уѣздѣ б. Тифлисскаго губерніи — и прибытіемъ англійскихъ отрядовъ и союзныхъ миссій въ предѣлы Закавказья.

Распространялись разными недоброжелателями слухи о намѣреніяхъ побѣдоносныхъ союзниковъ *упразднить* возникшія тамъ республики, слухи фантастическіе, но тревожные: англійскіе военачальники не могли такъ легко и быстро приспособить свою политическую терминологию ни къ сложившимся въ Закавказь въ послѣднее время порядкамъ (совсѣмъ не то, что было при Вел. Кн. Николаѣ Николаевичѣ!), ни къ щепетильности молодыхъ правительствъ. Были, конечно, вліянія, стремившіяся, особенно, повредить грузинскому правительству во мнѣніи англичанъ неумными ссылками на зазорную будто-бы дружбу ихъ съ германцами и чуть не съ турками. Не стану углубляться въ этотъ предметъ. Въ общемъ, британскіе генералы скоро освоились съ фактомъ существованія независимаго грузинскаго правительства тамъ, гдѣ формально полагалось быть лишь Закавказской провинціи Россійскаго

государства; а грузинское правительство не сочло нарушением грузинской независимости прибытие и пребывание в Грузии английского отряда, ибо происходило это, согласно общему плану умиротворения Европы... на «вилльсоновских» началах и по желанию всей совокупности держав — умиротворительницы. Кое-какъ, на этихъ основаніяхъ, намѣтился *modus vivendi*.

Съ помощью англійской и французской миссій было прекращено грузино-армянское столкновение — какъ разъ въ моментъ, когда армянскія части, вторгшіяся далеко въ глубь Борчалинскаго уѣзда, перешли въ отступленіе. Заключительная часть этого столкновения (длившагося, къ счастью, не болѣе 10 дней) стала намъ извѣстной въ Лондонѣ изъ слѣдующаго сообщенія газ. Times (отъ 10-го января 1919 г.): Багдадъ. 1 января. «Начиная съ 19 декабря произошло три сраженія между армянскими и грузинскими войсками: на границѣ Ахалкалакскаго уѣзда, у Екатериненфельда (въ Борчалинскомъ уѣздѣ) и у станціи Садахло (жел. дор. Тифлисъ-Александрополь). Всѣ сраженія окончились полнымъ пораженіемъ армянъ, причемъ, грузины захватили множество плѣнныхъ и орудій.— По послѣднимъ извѣстіямъ грузины наступаютъ и заставили армянъ отойти къ Аллаверды. При этомъ захвачены броневики и плѣнные, въ ихъ числѣ русскіе офицеры.»

О занятіи же уѣзловъ Ахалцихскаго и Ахалкалакскаго грузинскими частями (послѣ ухода турецкихъ вооруженныхъ силъ и очищеніи этихъ провинцій отъ оставшихся «бандъ») намъ было и раньше извѣстно изъ сообщенія британскаго военнаго министерства.

Военныя дѣйствія, по обоюдному соглашенію, были прекращены съ 31 декабря 1918 г. *) Армяне вернулись къ своему исходному положенію — которое они занимали фактически на южной окраинѣ Борчалинскаго уѣзда, по уходѣ отсюда турокъ, (т. е. съ осени 1918 г.) и откуда они повели свое наступленіе. Между этой территоріей и сѣверной частью уѣзда, остававшейся подъ грузинскимъ управленіемъ, установлена была нейтральная зона. Въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ сохранялась грузинская администрація.

Этотъ компромиссъ былъ принятъ по соглашенію грузинскаго правительства съ союзными миссіями, принятому за

*) Дѣйствія эти сдѣланы можно считать «обиточными». Въ военномъ случаѣ, большія жертвы геноцида они не потребовали. Темъ лучше для «обиточности»!

тѣмъ и армянскимъ правительствомъ, несмотря на представленныя имъ возраженія.

Въ общемъ, моментъ былъ довольно тяжелый; союзныя миссиі погребовали было даже очищенія грузинами Ахалцихскаго уѣзда, что категорически было отвергнуто грузинскимъ правительствомъ; и, несмотря на благоприятный для Грузіи исходъ столкновенія съ армянами, чувствовалось появленіе новаго могущественнаго фактора, намѣренія котораго далеко не были ясны, и въ отношеніи Грузіи явно предубѣжденнаго. «Мы оцѣзаны, говорилъ Гегечкори въ грузинскомъ парламентѣ 3-го января 1918 г., дѣлая сообщеніе о положеніи, созданномъ нападеніемъ армянъ и приходомъ союзниковъ: отъ Европы, мы лишены средствъ довести до Европы и ея демократіи о всѣхъ тѣхъ несправедливостяхъ, которыя здѣсь совершаются и которыя могутъ еще совершиться, но до насъ уже доходятъ отдаленные голоса, предвѣщающіе намъ скорый разсвѣтъ». Такимъ «отдаленнымъ голосомъ» была въ даномъ случаѣ полученная грузинскимъ правительствомъ наканунѣ (т. е. 2 января) телеграмма наша отъ конца декабря, о которой сказано выше (см. стр. 164). Сообщеніе это вызвало «горячіе апплодисменты» парламента; министръ иностранныхъ дѣлъ Грузіи имѣлъ большой успѣхъ въ этотъ день.

Горло, однако, очень прискорбно, что не осуществилась сначала же, т. е. въ концѣ 1918 г. созванная грузинскимъ правительствомъ конференція кавказскихъ республикъ по общимъ ихъ дѣламъ, (включая и вопросъ о границахъ). Предложеніе въ этомъ смыслѣ было сдѣлано еще въ концѣ октября 1918 года, но въ формѣ, которая вызвала неудовольствіе со стороны армянъ. И, дѣйствительно тонъ «пригласительной» ноты, подписанной Н. Рамишвили (исполняющимъ, по назначенію Гегечкори, обязанности министра иностранныхъ дѣлъ) нѣсколько неломинантъ... циркуляръ по министерству внутреннихъ дѣлъ. Однако, само-то намѣреніе было прекрасное, и армянамъ, конечно, надлежало договориться съ грузинскимъ правительствомъ о конференціи, а не ... переходить въ наступленіе.

Досадно было не только то, что не состоялась проектированная тогда конференція, но въ еще большей степени то откладываніе дѣла въ долгій ящикъ, которое естественно вытекало изъ послѣдняго пункта компромисса, принятаго 25 декабря 1918 года Н. Жорданіа, великобританскимъ генералъ-майоромъ Райкрофтомъ и полковникомъ французской службы Шардиньи, а именно: «представители обоихъ государствъ

Грузіи и Арменіи, будутъ въ скоромъ времени отправлены въ Европу, *едь весь вопросъ относительно границъ будетъ рѣшенъ Великими Державами*. Этимъ путемъ очень лекомысленно создавалась и очень легковѣрно воспринималась иллюзія, будто-бы великія державы или — какъ выражался Гегечкори — «демократія Европы» стануть торопиться съ разрѣшеніемъ вопроса... о Борчалинскомъ или Ахалкалакскомъ уѣздѣ. До вопроса этого никому не было ни малѣйшаго дѣла: онъ, «принимался къ свѣдѣнію» съ «подшитіемъ къ дѣлу» въ тѣхъ бюро, кого онъ могъ касаться. Вообще-же, вопросъ этотъ не имѣлъ ни малѣйшихъ шансовъ заинтересовать кого-бы то ни было въ Европѣ въ 1919 году, и отказавшись отъ усилій, труда и напряженія, необходимыхъ для рѣшенія его и другихъ подобныхъ вопросовъ прямыми между собою переговорами, закавказскія республики беззаботно и непредусмотрительно подготавливали себѣ новыя затрудненія и бѣды въ будущемъ.*)

51.

Одновременно съ полученіемъ нами въ Лондонѣ первыхъ извѣстій о всѣхъ этихъ недоразумѣніяхъ, сдѣлалась извѣстной программа независимой Арменіи, которую собирався защищать передъ мирной конференціей, отъ лица цѣлокупной Арменіи, Богосъ Нубаръ-паша, глава такъ называемой національной делегаціи, назначенной армянскимъ католикосомъ и выступившей въ Европѣ еще въ тоху балканскихъ конференцій въ Лондонѣ 1912-1913 г. г. Программа эта была подробно изложена на страницахъ Times'a (31 декабря 1918 г.), съ приложеніемъ карты.

Предѣлы такъ наз. русской Арменіи показаны были на картѣ явно неправильно (съ преуменьшеніемъ) и, несомнѣнно было, что почтенный авторъ программы не въ курсѣ того, что происходило въ Закавказьи. Зато въ предѣлахъ Турціи границы будущей Арменіи показывались съ большимъ размахомъ:

*) Документы, касающіеся грузинско-армянскаго конфликта конца 1918 года и армянскаго вторженія, напечатаны въ послѣдней части сборника «Документы и матеріалы» и т. д. Въ частности, переписка объ основаніяхъ компромисса въ N N 251-255. Подробная данная о переговорахъ между Грузіей и Арменіей въ теченіе всего этого періода и объ усиліяхъ грузинскаго представительства въ Эривани С. Р. Мдивани предостеречь столпоука, т. е. обращеніе армянъ къ силѣ, см. въ другомъ сборникѣ издаваемомъ грузинскімъ правительствомъ въ 1919 г.: *На исторію армяно-грузинскихъ отношеній, 1918 годовъ*.

Сивась, Мерсина, Адана, Александретта, Дярбекирь, не говоря уже о Битлисѣ и Ванѣ, включались въ Арменію. На Черномъ морѣ она получала большую часть побережья между Самсуномъ и Батумомъ и т.д. Разумѣется, то были максимальныя требованія.*) Приходилось все же считаться и съ официальнымъ положеніемъ автора всей схемы, и съ заявленіемъ его о надеждѣ Арменіи получить поддержку (временную) Англии, Франціи или Америки («мандатъ») и даже съ завѣреніемъ его, что это новая Арменія *станетъ реальностью черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.*

Такая Арменія переставала быть кавказскою Арменіею. Вопросъ кавказскаго объединенія приходилось въ этомъ случаѣ ставить совершенно по-новому. Возможность появленія по сосѣдству съ нами державы-носительницы армянскаго мандата давала, въ свою очередь, пищу для политическихъ «спекуляцій». Наконецъ, неизбежное, въ случаѣ осуществленія армянской программы, возвращеніе Азербайджана въ орбиту кавказскую послѣ турецкихъ увлеченій 1918 года, давала, вмѣстѣ съ остальными открывавшимися «возможностями», достаточно матеріала для разныхъ догадокъ и размышленій.

Не знаю, вѣрили ли авторы этого проекта новой Арменіи въ его осуществимость; полагаю, что они — какъ впрочемъ и многіе другіе, далеко переоцѣнивали силу, могущество и ресурсы державъ — устроительницъ мира. Было-бы печально, сказалъ я себѣ, если бы наши стремленія упрочить независимость кавказскихъ республикъ оказались — или показались людямъ свѣдущимъ и осторожнымъ — такою-же мечтой, такой-же химерой — какой представлялась многимъ идея независимой Арменіи, какъ она была изложена въ деклараціи Нубара.

Но повторяю: съ этимъ планомъ трудно было согласовать привычное представленіе объ Арменіи, какъ странѣ обращенной преимущественно къ Закавказью. Въ противоположность гаданіямъ о Киликии и «шести вилайетахъ», Эриванская или «ардратская» Арменія была *живою дѣйствительностью*: возникло армянское государство и строилось, трудами самихъ армянъ. Можно было и слѣдовало ожидать теперь серьезнаго приращенія территоріи этой Арменіи со стороны Турціи: но, по убѣжденію моему, не въ такихъ размѣрахъ чтобы колебался планъ союзнаго единенія Грузіи, Арменіи и Азербайджана,

*) Если, конечно, не считать триединой (русско-турецко-персидской) Арменіи американскихъ резолюцій. См. в. в. стр. 157

какъ единственная формула разрѣшенія кавказскаго вопроса, согласуемая съ болѣе широкими перспективами политики и исторіи.

Увлекательный миражъ Великой Арменіи съ выходомъ въ Средиземное море, поощряемый, казалось, великими державами, получившій благословленіе всемогущаго — такъ думалось — президента Вильсона не могъ не отвлечь живыхъ стремленій армянскаго народа въ сторону отъ кавказской ориентации, и, во всякомъ случаѣ, ослабилъ — въ теченіе всего 1919 и большей части 1920 г. г. — стимулы и мотивы такой ориентации. Армянамъ показалось — хотя съ самаго начала это было неправильно и неосновательно — что «Европа и Америка», «конференція» и, вообще, всѣ рѣшители судебъ отнесутся къ нимъ совершенно по-особенному, и что ихъ вопросъ не можетъ быть смѣшиваемъ напр. съ грузинскимъ и т. п. Словомъ, по разнымъ причинамъ и обстоятельствамъ, вполне объясняющимъ армянскую политику, она естественно направилась по пути, отходившему прочь отъ торной дороги, единственно сулившей успѣхъ: союзнаго объединенія кавказскихъ республикъ, необходимо завершающаго процессъ государственной ихъ консолидации, начатый въ концѣ мая 1918 года.

Конечно, такое объединеніе могло осуществиться лишь въ опредѣленной международной обстановкѣ.

52.

Основная мысль по этому вопросу изложена была мною еще весною 1918 года, въ статьѣ, посвященной Брестъ-Литовскому договору, на которую я уже неоднократно ссылаюсь. «И на кавказскій перешеекъ — говорилось тамъ — можетъ перекинуться та идея охаймленія *новой русской границы новыми-же государственными образованиями*, которая составляетъ какъ-бы систему брестскаго договора».

«Буферное государство въ Закавказьи, прибавлялъ я, — скорѣе всего, сложнаго построения, разрѣшая задачу устройства этого края, представляла-бы свой смыслъ и съ точки зрѣнія прочности германскаго вліянія въ Анатолиі, и для «брестской» системы обезпеченія подступовъ къ Индіи и охраны путей Каирь-Калькутта».

Уже тогда давалась, такимъ образомъ, формула о дву-

концах, рассчитанная на тот или другой исход мировой войны.

Независимая Грузія и кавказскій союзъ — таковъ былъ одинъ изъ главныхъ пунктовъ грузинской политики въ Берлинѣ лѣтомъ 1918 г.; теперь предстояло развить и примѣнить ту же идею, но *mutatis mutandis* — примѣняя къ условіямъ, въ которыхъ, послѣ пораженія Германіи, парижской конференціи предстояло переустроить Европу и части Азіи.

Кавказъ какъ естественный барьеръ, раздѣляющій сферы двухъ империализмовъ — россійскаго и британскаго, — эта тема не должна была быть встрѣчена равнодушно въ Лондонѣ въ моментъ когда затѣвались и проектировались самые разнообразныя переустройства въ Европѣ, возводились новые фасады, и когда груды пригодныхъ матеріаловъ лежали готовыми, въ ожиданіи искусныхъ зодчихъ — такъ и не явившихся.

Союзъ кавказскихъ народовъ, какъ изолирующая прослойка между Россіей и странами передней Азіи (Турція и Персія), уничтожающая одну изъ главныхъ плоскостей международныхъ трений и устраняющая, тѣмъ самымъ, шансы военныхъ столкновеній между державами — вотъ другой «аспектъ» той же мысли, но согласованный не съ тревогами и нѣсколько устарѣлыми предразсудками людей, воспитанныхъ въ воспоминаніяхъ о соперничествѣ Россіи и Англій въ Передней или Средней Азіи, — а съ замыслами и чаяніями тѣхъ, кто собирался практически работать надъ осуществленіемъ *Лиги Націй*.

Наконецъ, организациа Закавказья какъ единой области для международного свободнаго транзита во всѣхъ направленіяхъ и обезпеченіе этимъ путемъ свободы сношеній, открытых для всѣхъ безъ различія, — съ Персіей, закаспійскими странами, Арменией, было главной темой *экономическаго* трактованія все того же предмета.

Таковъ былъ «репертуаръ» политическихъ положеній, развернутый въ Лондонѣ въ концѣ 1918 года представителями грузинской республики.

Многое требовалось для того, чтобы такая программа

осуществилась: согласованная работа новых кавказских республик — это прежде всего; деятельная поддержка великих держав; наконец, благоприятная общая обстановка.

Благожелательныя завѣренія Англии казались въ этомъ отношеніи уже определеннымъ успѣхомъ. Армяно-грузинскій конфликтъ былъ дурнымъ предзнаменованіемъ. Все остальное было въ туманѣ.

ВЪ ЛОНДОНЪ НАКАНУНЪ ПАРИЖСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ.

ГЛАВА XX.

Огромное страшилище «большевизма» господствовало въ центрѣ Россіи, въ ея жизненномъ узлѣ. Этотъ призракъ не давалъ покою. Политика Западныхъ державъ — по крайней мѣрѣ официальная — только что получила форму: то была политика «проволочнаго огражденія» или «экономическаго кольца» (блокалы).

Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Пишонъ въ рѣчи, произнесенной въ Палатѣ Депутатовъ 29 декабря 1918 г., коснулся, наряду съ другими вопросами, также пребыванія союзныхъ войскъ въ Батумѣ, Одессѣ, Румыніи. Онъ огласилъ при этомъ инструкцію, данную Клемансо французскимъ генераламъ, по смыслу которой задача союзниковъ заключалась въ защитѣ Украины, Кавказа (разумѣлся Сѣверный Кавказъ) и Восточной Россіи отъ нашествія большевиковъ и въ созданіи, *оборонительнаго* фронта. *Наступленіе* противъ большевиковъ предоставлялось самимъ русскимъ: но союзники обеспечивали ихъ матеріальными средствами для такой операціи. Пишонъ особо остановился на вопросѣ о созданіи боепособной украинской арміи.

Такъ возвѣщалась политика 1919 года, политика непосредственнаго и непрямаго вмѣшательства въ дѣла Россіи, и такъ намѣчалась «тактическая обстановка», съ которой и намъ приходится сообразоваться.

Однако Грузія твердо держалась въ 1918 году нейтралитета по отношенію къ гражданской вонѣ, раздиравшей уже нѣкоторыя части Россіи. Не было ни принципиальныхъ основаній, ни практическихъ побужденій къ отказу отъ этой политики. Поэтому, никогда и рѣчи не было да и не могло быть — объ участіи Грузіи, какъ звена, въ томъ кольцѣ, которое должно было сжать совѣтскую Россію.

Закавказскія республики, заслоненныя кавказскимъ хребтомъ, стояли пока, можно сказать въ сторонѣ отъ военно-политической системы, которая складывалась или сколачивалась на окраинѣ совѣтской Россіи. Если что вызывало безпокойство въ Тифлисѣ или Баку, такъ это скорѣе накопленіе на Сѣверномъ Кавказѣ противосовѣтскихъ силъ Добровольческой арміи.

«Вотъ почему, главное вниманіе и можно было обращать на основные вопросы: о признаніи независимости Грузіи, о кавказскомъ объединеніи и объ исключеніи новыхъ республикъ изъ схемы возстановленія единой Россіи, составлявшаго конечную цѣль русскихъ «оставшихся вѣрными своимъ союзникамъ», а также и самихъ этихъ союзниковъ. Приходилось доказывать и пріучать умы къ воспріятію той мысли, что возстановленіе Россіи вовсе не требуетъ включенія въ нее Грузіи и, вообще, Закавказья. Важно было внушать эту мысль именно тѣмъ, съ чьей помощью собственно и дѣлались попытки возстановленія Россіи. А каковы были находившіеся въ нашемъ распоряженіи доводы, объ этомъ уже сказано выше.

Вскорѣ послѣ разъясненій, данныхъ Пишономъ французскому парламенту, въ англійской печати оглашена была *англійская* версія тѣхъ причинъ, по которымъ британскія войска посланы были въ Закавказье. Вотъ эти причины: необходимость принудить турокъ къ очищенію страны и прекратить столкновенія между грузинами, армянами и другими національностями, начавшіяся съ уходомъ турокъ; и, во вторыхъ, необходимость обезпечить сообщенія съ англійскими войсками въ Закаспійской области черезъ Баку и Красноводскъ (раньше они могли снабжаться только изъ Багдада черезъ Хамаданъ — Энзели)*).

*) Официальнымъ основаніемъ для посланки англійскаго отряда въ Закаспійскую область (еще въ томъ 1918 году) указывалось желаніе помѣшать тому, чтобы туркестанскій хлопощъ попалъ въ руки германцевъ. См. Times. 10 января 1919.

Всѣ эти объясненія и «верси» обращались къ такъ наз. общественному мнѣнiю т. е. приноровлялись къ нему. По существу же важно было одно: въ началѣ 1919 года сообщенiя между Чернымъ моремъ и странами Средней и Передней Азии очутились подъ прямымъ контролемъ Англии.

Правительствамъ закавказскихъ народовъ давалась теперь возможность продумать исподволь и до конца вопросъ о томъ, надлежитъ-ли имъ освободиться отъ этого контроля или, наоборотъ стараться извлечь изъ него пользу для своихъ политическихъ цѣлей.

54.

Все еще было рыхло, неопредѣленно, расплывчато въ области политики великихъ державъ на Ближнемъ Востоке. Недоумѣнiе по поводу того, что будетъ или какъ быть съ Россiей, неизбежно влекло за собою недоумѣнiя по всѣмъ смежнымъ вопросамъ. Какъ раздѣлить наследiе Османской Имперiи — и на этотъ счетъ державы были далеки отъ ясныхъ и связанныхъ рѣшенiй. Для насъ основное значенiе имѣлъ, конечно, вопросъ армянскiй. Кто, въ концѣ концовъ, займется Арменiей? Вѣдь если безбрежныя «аспираци» Нубаръ-паши и «попавшихъ его» вредили дѣлу независимой Арменiи, въ смыслѣ народнаго армянскаго государства (а основанiе такому и было заложено въ Эривани въ 1918 г.), то вся эта схема великой Арменiи не такъ уже была наивна и безвыгодна, если разсматривать ее такъ объектъ экономическаго использованiя, подъ флагомъ мандата или другимъ.

Францiя, несомнѣнно, интересовалась въ это время возможнымъ протекторатомъ надъ Арменiей. Въ этой связи говорилось и о Закавказьи. Американская кандидатура была отъ нея серьезной. Со всѣми этими «возможностями» приходилось считаться; а, въ то же время, сознавать, что по всѣмъ главнымъ вопросамъ, исходомъ которыхъ какъ-бы предопредѣлится судьба кавказскихъ народовъ, рѣшенiя не скоро будутъ достигнуты; во-первыхъ вслѣдствiи залутанности самихъ вопросовъ. (Россiя! Турцiя!) а затѣмъ, въ виду затрудненiй въ главномъ дѣлѣ, предпринятомъ державами: замиренiи Европы. Въ этомъ отношенiи картина въ началѣ января 1919 г. была непривлекательной. Истекало уже два мѣсяца со времени заключенiя перемирiя, а спокойствiя и увѣренности было мало; все казалось такимъ зловѣщимъ, угрожающимъ. Большеви-

ки наступали въ Балтикѣ, на Литвѣ; положеніе русскаго фронта на Уралѣ и на югѣ казалось очень неопредѣленнымъ. Польша была въ полномъ разстройствѣ, въ бывшей Австро-Венгрии границы проводили какъ придется, *de facto*; въ Германіи развивалось сильнѣйшее броженіе. Все это не только не слушало директивъ союзниковъ — побѣдителей, но, наоборотъ, какъ бы торопилось предупредить ихъ рѣшенія. Рѣшеній-же этихъ еще не было и не видно было, когда они созрѣютъ.

А между тѣмъ, въ каждомъ углу, въ каждой странѣ, взбудораженной войной, были свои «вопросы», свои болячки, казавшіяся особо острыми, особо неотложными; и всякому мнилось, что новая могущественная инстанція, конференція *величайшихъ державъ* мира (выше и сильнѣе которой ничего нѣтъ!) всё эти вопросы разрѣшитъ и, прежде всего, именно... каждый данный вопросъ. Лишь бы только не рѣшили безъ насъ... противъ насъ!

Такое чувство должны были испытывать особенно тѣ правительства, народы или группы, которыя по географической удаленности своей и въ убѣжденіи, что «тамъ, въ Парижѣ, уже рѣшаютъ... уже рѣшили», особенно боялись, чтобы не «рѣшили безъ насъ».

Находившіяся въ Закавказьи союзныя военныя миссіи, очевидно не могли знать (въ декабрѣ 1918 г.) что конференція займется, *когда-нибудь*, напр. вопросомъ о проведеніи... границы между Грузіей и Арменіей въ Борчалинскомъ уѣздѣ. Тѣмъ не менѣе, и миссіи эти торопились, какъ мы видѣли, «отправить» — именно съ этой цѣлью — делегаціи закавказскихъ республикъ въ Парижѣ, а тамъ, — «конференція все рѣшитъ».

Когда я съ такой поспѣшностью и, преодолевая всякія затрудненія, устремился изъ Константинополя въ Лондонъ, я, главнымъ образомъ, дѣлалъ это въ предвидѣніи, что грузинскому правительству понадобится очень много времени для посылки въ Европу регулярной делегаціи, и что послѣдняя не окажется особенно быстроходной. Долго, думалось мнѣ, будутъ обсуждать, кому ѣхать; быть можетъ, созовутъ совѣщаніе «свѣдущихъ людей», чтобы выяснить, какимъ путемъ ѣхать; чего добраго, кто нибудь предложитъ ѣхать... на Пекинъ!

и т. д. Мало-ли, какія могутъ быть проволоочки! Вотъ мнѣ и пришлось, безъ уговора съ грузинскимъ правительствомъ, въ порядкѣ, можно сказать «фактическомъ», проѣхать въ Англию и начать тамъ работу вмѣстѣ съ Д. Гамбашидзе. Съ начала января присоединился къ намъ еще К. Г—дзе, въ ноябрѣ прибывшій изъ Тифлиса въ Берлинъ и считавшійся до того товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ. Чхенкели старался изъ Швейцаріи пробить «проволочное загражденіе» французскихъ предубѣжденій, дабы проникнуть въ Парижъ, — но безуспѣшно. Между тѣмъ и онъ былъ включенъ въ составъ грузинской делегаціи, о выѣздѣ которой (въ декабрѣ 1918 г.) изъ Тифлиса мы освѣдомились въ Лондонѣ къ срединѣ января. Делегація эта составлена была такъ, чтобы быть въ состояніи «авторитетно рѣшать» всѣ вопросы отъ имени Грузіи; въ ней представлены были всѣ партіи, при ней состояли совѣтники, специалисты и т. д. Во главѣ ея находились Н. Чхендзе и И. Церетели. Дальше Константинополя эта громоздкая организація не могла передвинуться, и большинство ея членовъ или чиновъ вынуждены было вернуться въ Грузію.

ГЛАВА XXI.

ПОДЪ СОЛНЦЕМЪ КОНФЕРЕНЦИИ.

55.

16 января мы прибыли въ Парижъ: бывший еще на военномъ положеніи. Великій городъ какъ бы протираля глаза послѣ столь долгаго и грознаго видѣнія войны. Конецъ бомбардировкамъ, налетамъ, смертельной тревогъ. Побѣда пришла такъ рано и такую полную, какъ никто того не ожидалъ.

Рационированъ сахаръ, хлѣбъ — но послѣдняго, кажется, вдоволь. Рано гаснетъ электричество. Бульвары кишатъ американцами и англичанами. Французовъ еще мало вернулось изъ арміи. Много траурныхъ нарядовъ. Неслышное стеланіе въ воздухъ. Трофеи тянутся отъ площади Согласія до триумфальной арки — вотъ видимые знаки войны.

Возстановленіе единой Россіи, федерация — объ этомъ столько слышали въ Лондонѣ отъ англичанъ. Опытные представители старой и Молодой (1917 г.) русской дипломатіи, съ огромными связями и средствами, работали въ Парижѣ и Лондонѣ, согласуя усилія генераловъ, сражавшихся тамъ, въ Россіи — съ общимъ планомъ политики союзниковъ. Сазоновъ, въ качествѣ представителя Кубанскаго и Сибирскаго правительствъ, былъ въ Парижѣ. Всѣ эти дѣятели боролись за недопущеніе на конференцію большевиковъ, въ чемъ они встрѣтили поддержку французскаго правительства, между тѣмъ какъ Англія стояла за приглашеніе всѣхъ образовавшихся въ Россіи правительствъ, начиная съ совѣтскаго. Повидимому, составлялся даже списокъ или инвентарь этихъ правительствъ.

Въ первый же день, 16 января, мы отправились въ секретариатъ конференціи. Начальникъ кабинета г. Дюгаста *) — г. Арнавонъ выслушалъ насъ съ видомъ человека соболъзующаго. «Вопросъ о Россіи и частяхъ ея, объяснилъ онъ намъ у подножія гобеленъ, изображающихъ бракосочетаніе Генриха IV и Маріи Медичи, выдѣленъ. Вамъ слѣдуетъ поговорить въ политическомъ отдѣлѣ (м. и. д.) съ г. Л., или еще лучше, съ г. К. который специализовался въ этихъ вопросахъ».

На слѣдующій же день (т. е. 17 января) мы были у г. К. — въ такихъ случаяхъ очень интересно начинать со «специалистовъ». И хотя въ Лондонѣ я имѣлъ случай бесѣдовать очень подробно съ французскимъ посломъ г. Полемъ Камбонъ, принявшимъ насъ съ откровенною любезностію, но, конечно, только теперь мы получали возможность составить себѣ представленіе о действительномъ къ намъ отношеніи французскаго правительства. Отношеніе это (въ 1919-21 г. г.) можетъ быть выражено «кривою», начальный пунктъ которой мнѣ и хочется установить, и я позволю себѣ изложить этотъ первый разговоръ съ подробностію — тѣмъ болѣе, что позже мнѣ уже почти и не приходилось бесѣдовать съ представителями французскаго правительства**). Вотъ существо этого разговора:

А. Изъ Грузіи отправлена сюда делегація. Мы имѣемъ свѣдѣнія о прибытіи ея въ Константинополь. Англійскія власти предоставили имъ свободный проѣздъ, и они ожидали лишь разрѣшенія французскаго правительства. Дано-ли имъ разрѣшеніе прибыть въ Парижъ?

К. Намъ ничего объ этой делегаціи неизвѣстно. Такое прошеніе до насъ не доходило. Впрочемъ мы должны знать, съ кѣмъ имѣемъ дѣло — есть грузины, скомпрометировавшие себя съ Германіей... Стало-быть, эта делегація привезена англичанами (sic)?

А. Вѣроятно она прибыла на англійскомъ суднѣ.

К. Какія политическія партіи представляетъ она?

А. Она не представляетъ партій; она представляетъ Грузію — грузинское правительство — грузинскую республику.

Мы сообщили, что знали, о составѣ делегаціи, и получили обѣщаніе, что Чхендзе и Церетели будутъ пропущены («пусть только подадутъ прошеніе»). Но затѣмъ, К. общалъ таки

*) Генеральный секретарь конференціи.

***) Вслѣдствіе прибытія болѣе меня уполномоченныхъ делегатовъ.

протелеграфировать въ Константинополь о пропускѣ Чхейде и Церетели.

К. Грузія заключила договоръ съ нашими врагами: Турціей и Германіей. Грузинскій вопросъ далеко не такъ простъ и ясенъ, какъ, напримѣръ, вопросъ Эстоніи. Намъ неизвѣстны ни дѣйствительныя границы Грузіи, ни отношенія ея къ сосѣдямъ или къ Россіи; не знаемъ и того, что грузины думаютъ о своемъ будущемъ или, напр., каково ихъ мнѣіе о русскомъ государственномъ долгѣ... Повидимому у Грузіи серьезныя разногласія съ армянами и татарами...

Не трудно было дать тутъ же объясненія по всемъ этимъ пунктамъ: мы совершенно не собирались садиться на скамью подсудимыхъ.

... К. (смягчаясь и въ легкомъ замѣшательствѣ). Въ концѣ концовъ мы вовсе не желаемъ сказать *нѣтъ*. Намъ необходимо лишь составить себѣ болѣе ясное представленіе о вопросѣ, чтобы дать затѣмъ инструкцію нашимъ делегатамъ на конференціи.

Условлено было, что мы представимъ министерству иностранныхъ дѣлъ теперь же а) историческій очеркъ нашихъ сношеній съ Турціей и Германіей, б) изложеніе вопроса о нашихъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ, в) изъясненіе позиціи Грузіи по отношенію къ Россіи (южной) и Кубанскому правительству.

Всѣ эти матеріи были изложены въ рядѣ документовъ, которыя вскорѣ послѣ этого были представлены французскому правительству, а также делегаціямъ всѣхъ великихъ державъ, участницъ конференціи: дѣло «Грузія» было завелено въ ихъ канцеляріяхъ.

56.

Но болѣе злободневный вопросъ, насъ касавшійся и поставленный какъ разъ въ эту начальную эпоху Парижской Конференціи гласилъ конечно: *Принципы*.

22 января 1919 г. Верховнымъ Совѣтомъ, по предложенію президента Вилсона, рѣшено было созвать особую конференцію всѣхъ правительствъ и партій, возникшихъ въ предѣлахъ б. русской государственной черты или боровшихся внутри ея — на одномъ изъ Принцевыхъ острововъ, что около Константинополя.*) Въ случаѣ если бы между ними нест-

*) Дѣйствительный починъ этой конференціи принадлежалъ Ллойдъ Джорджу. Вопросъ о существованіи этой несуществующей конференции возникъ изъ одной литературы, особенно много разобла-

вошло соглашеніе, представители «объединенной» Россіи встрѣтились бы затѣмъ съ представителями Союзниковъ.

Признаться мало такта было обнаружено при выборѣ для такой конференціи именно этого мѣста — многимъ изъ русскихъ поневолѣ напоминавшего о «Крестѣ на св. Софій» и о видахъ Россіи на Константинополь. (Здѣсь имъ предлагался просто — видъ на Константинополь!) И можно было, при желаніи, усмотрѣть какой то злой юморъ въ самой мысли собрать въ одномъ мѣстѣ представителей враждовавшихъ между собою въ Россіи группъ — по сосѣдству, быть можетъ, какъ разъ съ тѣмъ необитаемымъ островкомъ того-же архипелага, куда, послѣ гурецкой революціи 1908 года, свезены были и предоставлены взаимостреленію знаменитыя бездомныя собаки стараго Стамбула.

По поводу проекта Принкипо, мы обратились къ конференціи съ заявленіемъ, что въ виду цѣли предложеннаго совѣщанія русскихъ партій и группъ на Принкипо — возстановить утраченное національное единство русскаго народа, Грузія, не будучи частью послѣдняго и добиваясь международнаго признанія своей независимости, не имѣетъ основанія принять участіе въ проектируемомъ совѣщаніи (28 января 1919 г.).

Въ одинаковомъ положеніи были по этому вопросу и нѣкоторые другіе бывшіе инородцы, нынѣ народы; нами произведилась совмѣстная «развѣдка» относительно истиннаго смысла «принкипскаго» замысла конференціи; и, особенно французы, охотно признавали, что приглашеніе ѣхать въ Принкипо составлено въ крайне неясныхъ выраженіяхъ*) и не скрываетъ

сдѣланныхъ (въ сентябрѣ 1919 г.) перъ къ комитетомъ высшихъ дѣлъ С. А. Сената бывшимъ сотрудникомъ американской делегаціи г. William Bullitt.

Первоначально предполагалось, собственно, пригласить въ Парижъ делегатовъ отъ всѣхъ правительствъ, возникшихъ въ пределахъ Россіи, не исключая и совѣтскаго. Отрицательно отнеслась къ этому (англійскому) предложенію Франція. Нота г. Пинтона по этому поводу была «сенсационно» оглашена въ *Наша нѣтъ*. Пинтонъ былъ противъ приглашенія большевиковъ, но за допущеніе «разныхъ русскихъ національностей». Это было незадолго до официальной открытіи конференціи (18-го января 1919 г.)

*) Изъ неясности этого предложенія нѣтъ ничего удивительнаго: оно вѣдь исходитъ отъ президента Вильсона — такое замѣчаніе не стѣсняется сдѣлать одинъ изъ высшихъ чиновниковъ секретариата Конференціи!

вали, вообще, своего нежеланія бесѣдовать съ большевиками.*)

Съѣздъ на Принкипо былъ назначенъ довольно опрочметчиво, на 15-ое февраля, но не состоялся — изъ за нежеланія однихъ вступить вообще въ переговоры, а другихъ (совѣтниковъ) — приостановить военныя дѣйствія. Вся эта исторія славы не прибавила конференціи.**)

...Выяснилось, что до такъ наз. «разсмотрѣнія русскаго вопроса» и связанныхъ съ нимъ далеко. Надо было запастись терпѣніемъ и работать «тихою сапою». Все, что необходимо было для освѣщенія грузинскаго вопроса, для объясненія и защиты независимости Грузіи нашло свое выраженіе въ рядъ нотъ, излагавшихъ предметъ въ связи съ тѣми общими началами, какія могли интересовать конференцію. Начиналась вокругъ и около послѣдней та своеобразная жизнь или возня, которая не лишена была своего политическаго значенія, хотя участники ея имѣли отношеніе не столько къ вопросамъ, которыми конференція дѣйствительно занималась, сколько къ вопросамъ, которыми она могла, чего добраго, заняться — въ зависимости отъ разныхъ обстоятельствъ.

57.

Въ виду такого положенія, вопросъ о прибытіи изъ Грузіи делегации, специально снаряженной грузинскимъ правительствомъ не имѣлъ уже практическаго значенія. Прибытіе ея въ Парижъ — въ томъ составѣ какъ она выѣхала изъ Тифлиса, т.е. съ совѣтниками, специалистами и пр., — было бы необходимо и желательно, если бы кавказскіе вопросы, на какомъ либо основаніи, сдѣлались предметомъ обсужденія на конференціи. Этого, однако, не имѣлось въ виду. Съ другой стороны, по особымъ

*) По поводу зазорности всякаго соприсношенія съ большевиками, о чемъ охотно кричали въ это время, недурно успокаивалъ Палату Общій Ллойдъ Джорджъ, напоминая, что вѣдь и на сѣверо-западной (нидѣльской) границѣ перѣздо приходится въ интересахъ достиженія порядка входить въ соглашенія... съ разбойниками и убійцами. Позже (въ 1920 г.) онъ доказывалъ, зашипан торговое соглашеніе съ Россіей: «вѣдь торговали-же съ каннибалами».

**) Планъ Принкипо проводился съ крайней небрежностью, безъ всякаго единенія между формально принявшими его державами. Говорили даже о «саботажѣ». См. интересную главу Light on Princkipo въ *Journal Sisley Huddleston. Peace-making at Paris. L. 1919.*

условіямъ этого времени, возможны были и всякія неожиданности. Важно было, поэтому, чтобы — на всякій случай — въ Парижѣ были на лицо представители грузинской республики, спеціально уполномоченные для того ея правительствомъ: мы вѣдь съ Д. Гамбашидзе были здѣсь лишь какъ-бы «предтечами».

Въ качествѣ такихъ представителей и прибыли, наконецъ, съ большимъ опозданіемъ, посидѣвъ въ разныхъ карантинахъ, Чхеидзе и Церетели (въ самомъ концѣ февраля 1919).

Имена ихъ были еще многимъ памяты (я говорю здѣсь о французахъ, не социалистахъ) въ виду положенія занятаго ими въ Петроградѣ въ первый періодъ русской революціи. Помнили, преимущественно, что они были противники большевиковъ. Отсюда собственно и ихъ политическая благонадежность въ глазахъ французскихъ властей. Что они-же были тѣсно связаны съ грузинскимъ правительствомъ «скомпрометировавшимъ себя съ германцами и турками», въ этомъ себѣ отчета не отдавали, по недостаточному еще знанію предмета. Они-же были въ 1917 году за миръ безъ аннексій и т. д.; за созывъ стокгольмской конференціи — это было уже сомнительнѣе, съ французской официальной точки зрѣнія; но въ такія времена никто теперь серьезно не вникалъ. Ободоряюще дѣйствовала именно ихъ слава борцовъ съ большевиками; успокаивающе дѣйствовала именно ихъ репутация социалистовъ умѣренныхъ, *минималистовъ*.

Съ другой стороны, самая извѣстность ихъ именъ, связанная съ политическими раздорами русскихъ партій, сбивала съ толку. Зная ихъ какъ русскихъ дѣятелей, выступавшихъ на огромной и отовсюду видимой эскадрѣ русской революціи, (сколько здѣсь возникло и сколько погубило репутаций!) не легко объясняли себѣ появленіе ихъ въ качествѣ дѣятелей *грузинскихъ*. Тѣ немногіе изъ иностранцевъ — англичанъ, французовъ — которые старались вдумываться въ вопросъ политической независимости Грузіи, могли даже усумниться въ серьезности этого лозунга — при видѣ столь внезапнаго превращенія; другіе, русскіе, получали поводъ кричать объ измѣнѣ, о скандалѣ. Недоразумѣніе усугублялось преувеличенною ролью, которая имъ приписывалась особенно русскими кругами въ государственныхъ дѣлахъ Грузіи: иные говорили даже о «тифлисскомъ правительствѣ Чхеидзе и Церетели», разумѣя грузинское правительство. На самомъ-же дѣлѣ, если ужъ упоминать лица, несравненно больше основанія было-бы гово-

рять о правительствѣ Жорданіа, Рамишвили, Тегенкори. Но суть была, конечно, въ самой Грузіи, подъ знамя которой всѣ эти дѣятели вынуждены были стать — вопреки имъ самимъ.

Отправляя въ Европу этихъ именитыхъ представителей грузинской социаль-демократіи,^{*)} правительство Грузіи навѣрно рисовало себѣ (въ декабрѣ 1918 г.) — и оно не было въ этомъ отношеніи одинокимъ — парижскую конференцію въ видѣ ареопага, призваннаго насадить миръ благостный и справедливый. Въ этомъ ареопагѣ — говорили себѣ — первую скрипку будетъ играть президентъ съ 14 пунктами, а вмѣстѣ съ нимъ — «интернациональ» — «международная демократія», представители организованнаго пролетаріата и т. д. И вотъ, когда «нашъ Карлъ» (Чхеидзе)^{**)} и «нашъ Ираклій» (Церетели) выступятъ передъ этимъ ареопагомъ, кто устоитъ тогда? у кого не потекутъ слезы, и кто не бросится ихъ обнимать? кто откажетъ имъ въ «независимости Грузіи»?

Такъ, вѣроятно, выборъ этотъ понимался въ «широкихъ слояхъ» грузинской демократіи. И пониманіе это, конечно, было-бы правильно, если бы, напримѣръ, интересы Британской Имперіи отстаивались на конференціи К. Каутскимъ, а Франция пригласила для заключенія справедливаго мира съ Германіей посредникомъ Брантинга... и еслибы Грузіи не грозило нападеніе ни съ чьей стороны. Словомъ, я хочу сказать, что подъ обаяніемъ одного изъ движущихъ миеовъ текущей исторіи, правительство Грузинской республики пришло въ Парижъ Чхеидзе и Церетели.

Теперь нѣсколько словъ о каждомъ изъ нихъ.

Чхеидзе непременно войдетъ въ «галерею портретовъ» дѣятелей мартовской русской революціи. Историческая школа, которая, въ будущемъ, займется словословіемъ зари этой революціи (и только зари), остановится съ вниманіемъ на живописной фигурѣ перваго предсѣдателя Совѣта Р. С. Д. Др. школы отнесутся къ нему по-иному. Какойнибудь фабрика-конфектъ несомнѣнно включитъ и Чхеидзе въ число тѣхъ чьими ликами украсятся (не знаю въ точности — когда) жесты ни «монпансье». А какойнибудь специалистъ будетъ дока-

^{*)} Вышедшей изъ состава русской с.д. партіи уже *после* провозглашенія независимости Грузіи.

^{**)} Чхеидзе въ Грузіи именуется «Карло», что не мешаетъ ему быть, одновременно, Николаемъ Семеновичемъ.

вать, что все «недоразумѣніе» заключалось лишь въ томъ, что Чхеидзе съ давнихъ поръ рисовалъ себѣ (ошибочно) революцію приблизительно такъ: сна: ла, огромное потрясеніе, смѣняемое скоро всеобщимъ умиленіемъ; производственная отношенія развиваются стремительно и самопроизвольно; Интернаціональ разрѣшаетъ шутя всѣ затрудненія; послѣ чего всѣ — и великодушные пролетаріи, и пристыженные буржуа — и даже бывшіе дворяне, о семи десятинахъ*), сядутъ за общій столъ, уставленный яствами и питіями; польются доброе кахетинское — а ему, Чхеидзе, быть тамъ «толумбашемъ», чередуясь съ другими и т. д.

Историкъ (критической школы) прибавить, что Чхеидзе, происходя изъ страны, не имѣвшей еще промышленности, олицетворяя можно сказать «социализмъ виноградарей», неспособный проникаться истинно-пролетарскимъ революціоннымъ духомъ и... чуждый истинно-русскому пониманію революціи. Историкъ этотъ прибавить, наконецъ, что первый предсѣдатель С. Р. и С. Д., далеко не безъ хитрости проникшій въ 3-ю и 4-ю Г. Думу, во многомъ повторялъ — уже на вершинѣ своей карьеры — главныя черты перваго предсѣдателя Временнаго Правительства (какъ его рисуютъ знающіе люди) — буддійское непротивленіе злу и растерянное благодушіе.

Мѣсто Черетели въ «пантеонѣ русской революціи» и даже высшая санкція славы въ видѣ изображеній на коробкахъ монпансь**), тоже, конечно, обезпечены. Но въ его карьерѣ было что-то особенное: внезапное «явленіе» во 2-ой Государственной Думѣ — ораторская ошибка со Столыпинымъ; исчезновеніе, на десять лѣтъ, въ Сибирь; столь-же внезапное, но съ триумфомъ, возвращеніе въ Петроградъ, сразу на «курульное кресло» революціи; безплодность при всей горячности, стремленіе одновременно къ войнѣ, миру, углубленію социальной розни — все въ тактическомъ союзѣ съ буржуазіей и подъ предлогомъ научнаго веденія революціи, по Марксу; заключительный жестъ Кассандры въ Учредительномъ собраніи — по адресу другихъ революціонеровъ, тоже научныхъ и тоже по Марксу. И вдругъ затѣмъ, послѣ нѣкоторой паузы: «демократія Закавказья не позволитъ турецкому империализму»... а

*) Норма землевладѣнія въ Грузіи въ 1918-21 г. г.

***) Впрочемъ, и припоминаю, что въ 1904 году вышущая была настила «Куропатинскія», новобладе «Теневичъ» и т. д.

еще позже — «стратегическая граница для Грузии въ Борчалинскомъ уѣздѣ»...

Я съ нимъ впервые познакомился теперь въ Парижѣ. Впрочемъ въ 1917 г., въ бытность мою сенаторомъ I-го Департамента, я по должности тамъ присутствовалъ, когда праводили къ присягѣ передъ сенатомъ только-что тогда назначенныхъ министровъ Временнаго Правительства (второго состава), въ ихъ числѣ и Церетели (другіе были: Прокоповичъ, Пѣшеховъ, Черновъ, Скобелевъ).

Лицо страдальческое, аскетическое — совсѣмъ съ полотно Греко; подходящая модель для св. Франциска, пріемлющаго стигматы, или для какого-нибудь св. Себастьяна, пронизаннаго стрѣлами, въ византійскомъ духѣ; но, приглядываясь лучше, вы замѣчаете глаза, глядящія совсѣмъ изъ подлобья, по волчьему.

Пресимпатичные дѣятели эти принадлежали, очевидно, къ школѣ государственныхъ людей, столь распространенной въ Грузіи, — но и далеко за ея предѣлами, которую имѣетъ въ виду грузинскій писатель С. Сулханъ Орбелиани въ одной изъ притчъ «Книги мудрости и лжи».*) Собака и пѣтухъ побратались и сказали: «построимъ деревню»; собака спросила: «какъ же мы ее построимъ», а пѣтухъ отвѣтилъ: «ты будешь лаять, а я — пѣть, — и построится».

...Увы, увы! Когда надъ святой Русью, послѣ долголѣтняго «перекликанія пѣтуховъ», возвѣщавшихъ разсвѣтъ, запылала заря революціи, не «розоперстрою, свѣторожающей Эосъ» явилась она, но скуластой могучей фурией съ кистенемъ въ окровавленной рукѣ! Тогда и задорнымъ пѣтухамъ, разсвѣтъ возвѣщавшимъ, и псамъ, протяжнымъ заунывнымъ восемъ сопровождавшимъ паденіе умирающаго порядка, а, за тѣмъ, залившимся радостнымъ лаемъ при восхожденіи революціонной Авроры — оставалось одно: уступить мѣсто другимъ, болѣе хищнымъ, болѣе приспособленнымъ представителямъ политическаго звѣринца!

Да забудется сказанное у Дарвина и Маркса.

...Однако, довольно этого панегирика двумъ сановникамъ русской революціи, высвободившимся теперь изъ вынужденной грузинской тѣноты на европейскій просторъ.

*) Есть переводъ англійскій, а также русскій (Книга мудрости и лжи, Грузинскія басни и сказки XVII-XVIII столѣтій, С. Сулханъ Орбелиани, Пер. проф. Цагарели, Спб. 1878).

Если бы состоялась «Принкильская конференция»... и эти «лидеры русской революции» (такъ ихъ именовали парижскіе хроникеры), приняли въ ней участіе, они могли бы тамъ вернуться въ привычномъ для нихъ обществѣ. Въ Парижѣ, въ тѣхъ условіяхъ въ которыхъ на дѣлѣ протекала работа, я не видѣлъ, какое собственно практическое примѣненіе могли получить ихъ таланты.

Что Чхеидзе замкнется въ позиціи недѣланія*) и покорности року, это легко было предвидѣть. Отъ Церетели можно было ожидать большой активности въ области личнаго сближенія съ руководителями социалистическихъ партій въ Европѣ (что имѣло, конечно, свое значеніе); къ сожаленію у него не было ни малѣйшаго интереса къ кавказскимъ вопросамъ по существу, и недостаточное пониманіе ихъ *общаго* значенія.

Оба они легко и прочно привлекали къ себѣ и къ Грузіи симпатіи демократическихъ круговъ европейской политики: борьба за національную независимость Грузіи въ столкновеніяхъ враждующихъ Имперій была для нихъ задачей и неожиданной, и чуждой, и непосильной.

*) Это не исключало, конечно, притязанія и само-тверженнаго обхода имъ всѣхъ делегаций и «персонажей», авторитетнаго и часто многостраднаго «предѣлительствованія» въ грузинскій делегации и т. д.

ГЛАВА XXII. ГЕНЫ РОССИИ.

58.

«Делегация Грузинской республики» подвизалась в Парижѣ, въ видѣ организованнаго установленія, начиная съ марта 1919 г. по конецъ 1920 г. Она являлась главнымъ представительствомъ Грузіи за границею и занималась, сверхъ политическихъ вопросовъ, также нѣкоторыми дѣлами экономическаго характера, выполняла фактически консульскія обязанности, довольно много работала въ области пропаганды и информирования — была, словомъ, однимъ изъ тѣхъ «нерегулярныхъ» національно-политическихъ учреждений, которыя иззойливыми планами обвиняли древо конференцій, и изъ которыхъ одни были вполне эфемерны, другіе увянули медленно, а третьи превратились въ регулярные органы дипломатическаго представительства.

Я, однако, вовсе не собираюсь излагать, даже вкратцѣ, исторію грузинской делегации въ Парижѣ. Остановлюсь лишь на наиболѣе важныхъ шагахъ ея, предпринимавшихся со отвѣтственно колебаніямъ и измѣненіямъ въ международно-политической обстановкѣ этого времени.

Обстановка эта для всего Кавказа въ 1919—1920 г. г. определялась преимущественно, если и не исключительно, русскимъ вопросомъ*), т. е., во первыхъ, положеніемъ, шансамъ и возможнымъ исходомъ гражданской войны въ Россіи, и во-вторыхъ, политикою великихъ державъ въ этомъ вопросѣ.

*) Не странно развѣ, что русскій національный вопросъ для Владимира Соловьева вопросъ о достоинствѣ существованія сдѣланой, вѣдь революція, вопросъ о ея существованіи? Небольшое время.

Что касается самой Грузии, то *внутренняя* ее устойчивость дѣлалась постепенно, для всѣхъ очевидной. Въ мартѣ 1919 г. временный парламентъ уступилъ мѣсто Учредительному Собранію. Начали возстановляться хозяйственныя связи съ Европою. При всѣхъ многочисленныхъ недочетахъ и ошибкахъ жилось въ Грузіи, повидимому, сносно.

Въ виду твердости режима независимости въ самой странѣ, формальная задача парижской делегаціи заключалась очевидно въ подготовкѣ международнаго ея признанія.

Фактически же, по крайней мѣрѣ для тѣхъ изъ насъ, кто продумывалъ будущность независимой Грузіи критически, съ точки зрѣнія всей совокупности международныхъ условий, — вопросъ сводился (какъ и лѣтомъ 1918 г.) не къ одному лишь формальному признанію независимости Грузіи державами Европы, но еще болѣе къ согласованію этой независимости съ дѣйствующими факторами международной политики, къ ея *обезпеченію, упроченію* путемъ такого согласованія.

Въ этомъ отношеніи кое-что уже дѣлалось, было сдѣлано не только въ Лондонѣ, но и въ Парижѣ. Методы-же работы были испробованы и примѣнены еще раньше — въ Берлинѣ.

Парижская делегація 1919 г. по необходимости *продолжала дѣятельность*, этапами которой являлись: Батумъ — Поті — Берлинъ — Лондонъ. И не случайно было, что предсѣдатель делегаціи, окруженный въ Константинополь выдающимися специалистами и имѣвший много времени въ своемъ распоряженіи, не удосужился, однако, подготовить для парижской конференціи хотя-бы краткую формулировку требованій и запросовъ Грузіи. Не случайно задача эта была возложена на меня: этимъ именно и обезпечивалась необходимая преемственность работы.*)

Съ другой стороны, прибывшіе въ Парижъ выдающіеся представители грузинской социаль-демократіи, Чхеидзе и Церетели, не могли, конечно, не внести своихъ личныхъ, точнѣе, партійныхъ нотъ въ работу. Это и обнаружилось, преимущественно за предѣлами того, что дѣлалось и должно было дѣлаться для прямой нашей задачи — отстаиванія независимости Грузіи. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого было расхожденіе между тѣмъ, что официально заявлялось (западнымъ

*) И быть единственнымъ членъ делегаціи, «продѣлавшимъ» всѣ указанныя «этапы». Подъ формулировкой запросовъ Грузіи я разумно здѣсь представленный парижской конференціи 14 марта 1919 г. основной нашъ меморандумъ. См. стр. 191.

правительствамъ), устно и письменно, — и тѣмъ, что высказывалось на тѣ-же темы въ средѣ социалистическихъ организаций. Большой бѣды въ этихъ противорѣчяхъ могло и не быть — все это было довольно микроскопично «въ европейскомъ масштабѣ». Но въ этой двойственности обнаружился конечно, органической порокъ, не предвѣщавшій Грузин добра.

Началось это съ первыхъ же дней работы вновь прѣхавшихъ нашихъ «чемпионовъ». Въ естественной рѣзвости своихъ начальныхъ движеній они сразу-же нѣсколько вышли изъ проложенной для нихъ-же колеи. Въ получившихъ огласку заявленіяхъ сдѣланныхъ ими французскимъ социалистамъ, говорилось, на примѣръ, что въ Грузіи парламентъ и Учредительное Собраніе находятся подъ контролемъ Совѣта рабочихъ депутатовъ, и что вся сила — въ послѣднемъ. Высказано было также положеніе, что Грузія есть республика «социалистическая»; что она вернется въ лоно Россіи — въ случаѣ если тамъ восторжествуетъ доктрина меньшевизма (sic); но что съ другой стороны, «мы воспротивимся иностранному вмѣшательству въ дѣла Россіи» и т. д.*)

Все это было, конечно, превосходныя мысли. Въ частности, идея комбинированія «парламента» съ «совѣтомъ» могла бы послужить при случаѣ защитнымъ цвѣтомъ — но въ совершенно другомъ мѣстѣ. Только не въ Парижѣ, въ дни конференціи, и не въ устахъ официальныхъ депутатовъ. «Мы воспротивимся» — давало матеріалъ для здороваго юмора, но относилось въ сущности къ сферѣ взаимоотношеній Европы и Россіи и къ гражданской войнѣ въ Россіи — а, согласно официальной доктринѣ грузинскаго правительства, Грузія въ этомъ отношеніи вѣдь держалась нейтралитета.

Касаюсь вкратцѣ этого эпизода, главнымъ образомъ чтобы показать какъ съ самаго начала партійная позиція грузинскаго правительства обрекала его представителей на маневры и выступленія, стоявшіе въ противорѣчьи не только съ прямыми интересами этого правительства и Грузіи, но и съ его официальными шагами. Мы еще встрѣтимся съ примѣрами этого раздвоенія, которое вовсе въ данныхъ условіяхъ не означало работы для одной цѣли разными путями, но скорѣе являлась источникомъ недоразумѣній и разочарованій и на одномъ пути, и на другомъ.

*) См. Le Journal du Peuple, 13 марта 1919 г.; La France Libre, 13 марта; ср. Petit Parisien, 8 марта того-же года.

Главнымъ предметомъ нашей работы въ 1919 г. была, въ порядкѣ отвлеченномъ, защита независимости Грузіи (и другихъ кавказскихъ республикъ) въ виду предпринятаго *возстановленія единой Россіи*, служившаго знаменемъ Деникина, Колчака и всѣхъ боровшихся съ ними противъ Москвы, при полномъ сочувствіи, по разнымъ мотивамъ и съ разными отъѣнками, главнѣйшихъ кабинетовъ Европы и правительства С. А. С. Штатовъ. Въ порядкѣ-же практическомъ, надлежало помочь тифлисскому правительству въ его стараніяхъ оградить Грузію отъ возможнаго «нечаяннаго» вторженія русскихъ войскъ.

59.

Официальное ученіе *советской власти* относительно такъ наз. инородческихъ окраинъ сводилось, въ сущности, къ доктринѣ свободнаго самоопредѣленія народовъ (вплоть до отдѣленія отъ Россіи), представляющей нѣкоторую аналогію съ извѣстнымъ ученіемъ идеолога южныхъ штатовъ, эпохи войны Сѣвера съ Югомъ, Кальгуна о свободѣ американскихъ штатовъ выходить изъ состава федераціи.

Взгляды *бѣлыхъ русскихъ* нашель выраженіе въ деклараціи,*) съ которой *русская политическая конференція* въ Парижѣ выступила какъ разъ въ эпоху принкипскаго проекта т. е. въ январѣ 1919 года. Здѣсь очень опредѣленно заявлялось, что новая Россія *добровольно* вернула Польшѣ ея національную территорію, но затѣмъ, баста! она не можетъ допустить дальнѣйшихъ нарушеній государственнаго единства. «Политическое положеніе национальностей въ рамкахъ государства (т. е. единаго русскаго государства) будетъ зависетьъ отъ степени ихъ культуры и отъ ихъ историческихъ традицій», объяснялось въ этомъ документѣ; однако не указывалось, кто собственно будетъ судьей культурности («А судьи кто?»), и о какихъ *историческихъ традиціяхъ* здѣсь говорится (германорыцарскій строй въ балтійскихъ земляхъ? гетманщина? царство Грузинское?). Несомнѣнно было лишь, что даже Финляндія не признается независимой. О другихъ фактически образовавшихся въ предѣлахъ бывшей Имперіи государствахъ не упоминается. — Такіе документы не могли не облегчать борьбу окраинъ за свое *государственное* бытіе.

Каково же было отношеніе къ вопросу европейскихъ пра-

*) Обозначеніе «бѣлые» удобно по краткости. Текстъ дѣла рани въ Temps, 30. I. 1919.

вительство? Въ бесѣдахъ французовъ, англичанъ постоянно выдвигался вопросъ о федеративной связи вѣровъ образовавшихся окраинныхъ государствъ съ Россіей, какъ рѣшеніе среднее между полнымъ отдѣленіемъ и возстановленіемъ единого т. е. *одного* всероссійскаго государства.

Тутъ было нѣсколько теченій. Новыя республики, фактомъ своего существованія, постепенно сами дѣлались однимъ изъ слагаемыхъ, все же далеко не нулевого значенія; онѣ могли рассчитывать на нѣкоторыя симпатіи и нѣкоторую поддержку; возникали или могли возникнуть и немаловажныя новыя *экономическія* связи съ отдѣльными великими державами; наряду и съ возможной заинтересованностью *политической*.

Однако, существовали по каждому пункту и сомнѣнія, контръ-доводы; значеніе для Европы сильной Россіи*) оставалось несомнѣннымъ, хотя-бы для борьбы съ повсемѣстнымъ хаосомъ; традиція ей благоприятная была очень живуча; возвращеніе ея въ концертъ державъ въ сущности ожидали — слѣдовательно, въ общемъ, въ эту сторону очень тянуло всѣхъ. Вотъ и казалось, что формула «федерации» всѣхъ примирить.

Всѣ эти вопросы получали острое значеніе съ того момента, какъ военные успѣхи адм. Колчака, а позже ген. Деникина, позволили многимъ предвидѣть паденіе совѣтской власти и замѣну ея новымъ правительствомъ.

Къ этому времени, новыя республики (балтійскія и закавказскія) уже достаточно были извѣстны державамъ. Парижская конференція въ точности знала, въ чемъ ихъ желанія и надежды. Раньше и лучше чѣмъ въ Россіи, тамъ удалось устроить государственный порядокъ на началахъ народнаго представительства. Агенты державъ воочью и на мѣстахъ могли въ этомъ убѣждаться, сравнивая и сопоставляя.

«Отдать» всѣ эти молодыя и чисто народныя республики въ распоряженіе правительства возстановлявшейся Россіи въ видѣ ея неотъемлемаго достоянія, безъ всякихъ гарантій и обязательствъ съ ея стороны, было-бы мѣрой, которая несомнѣнно вызвала-бы ропотъ и недовольство.

Не стану судить, кто былъ ближе къ цѣли съ военной точки зрѣнія, и кто дѣйствовалъ съ большимъ политическимъ

*) Мысль, что «сильная Россія» можетъ построиться и изъ совѣтской Москвы, получаетъ значеніе годомъ позже, т. е. въ 1920 г.

благоразуміємъ, Колчакъ-ли (весною 1919 г.) или Деникинъ (осенью того-же года) — разумью, конечно, имена этихъ вождей какъ обозначенія собирательныя: въ эпоху парижской конференціи высшей точкой въ развитіи «русскаго вопроса» и главнѣйшимъ показателемъ коллективной политики державъ въ дѣлахъ Россіи было изложеніе условій, на которыхъ державы эти (Британская Имперія, С.-Американскіе С. Штаты, Франція, Японія, Италия) соглашались дать свое признаніе т. наз. правительству адмирала Колчака.*)

Условія эти, формулированныя Верховнымъ Совѣтомъ въ концѣ мая 1919 г. предусматривали, между прочимъ, (п. 5) «опредѣленіе взаимоотношеній» между Россіей и государственными новообразованиями на ея окраинахъ въ порядкѣ договорномъ, съ помощью великихъ державъ, а позже — Лиги Націй.

Это было, несмотря на неясность относящихся сюда текстовъ и заявленій,*¹⁾ на мой взглядъ, шагъ впередъ и большой успѣхъ молодыхъ, окраинныхъ правительствъ: окраинный вопросъ, изъ сферы внутренней политики и усмотрѣнія — въ лучшемъ случаѣ, «народа російской державы» — дѣлался вопросомъ международнымъ. Великія державы, оказывая содѣйствіе возстановленію Россіи и понимая, въ то же время, что уровень государственнаго развитія объединителей Россіи не обезпечиваетъ ни мудрости, ни справедливости, ни миролюбія въ разрѣшеніи окраинной проблемы, указали совершенно новый путь для достиженія въ этой области прочныхъ результатовъ.

«Я думаю, говорилъ мнѣ какъ разъ въ это время одинъ изъ экспертовъ британской делегаціи, что Грузія и другія страны, находящіяся въ аналогичномъ положеніи, будутъ довольны поставленными нами условіями». Замѣчу, что хотя это и не выразилось съ полной точностью въ вышеприведенномъ текстѣ союзнической ноты, но въ виду имѣлось собственно утвержденіе государственной автономіи новыхъ республикъ съ международной гарантіей. Таково было толкованіе англи-

*¹⁾ Этому предшествовала энергичная «боевая» подготовка въ европейской печати, съ Times во главѣ.

*²⁾ По вопросу «окраинной» политики великихъ державъ въ 1919 г. полезныя данныя у *Gaston Gaillard. Le Mouvement Panrusse et les Allogènes. P. 1919.* Тамъ же изложены и разныя «лице шани» окраинныхъ делегацій.

чанъ. Такъ же смотрѣли на дѣло и американцы. А вся постановка вопроса и была, въ сущности, англо-американская.

Въ американской делегаціи мнѣ подтвердили: въ нотѣ Колчаку державы стали на точку зрѣнія (не полной независимости, а) автономіи окраинъ съ международнымъ контролемъ взаимоотношеній ихъ съ Россіей. Къ этому прибавляли въ видѣ утѣшенія: «непоследовательность и принципиальная сомнительность рѣшенія не можетъ быть отрицаема; но что пѣлаты! державы не рѣшаются на расчлененіе Россіи».

Мы хлопотали еще до, того (безуспѣшно) объ учрежденіи при конференціи особой комиссіи «по кавказскимъ дѣламъ» — по образцу балтійской.*) Колчаковская фаза помѣшала этому дѣлу — такъ, по крайней мѣрѣ, меня увѣряли въ американской делегаціи.

«Итакъ, рѣшено «отдать» окраины обратно Россіи», спросилъ я какъ-то американскаго эксперта по Россіи и Польшѣ, проф. Лорда. «Но почему Вы думаете, что Вася отдадутъ на произволъ Россіи? Нѣтъ, вы не будете оставлены одни: державы, а также Лига Націй займутся вашими съ нею взаимоотношеніями».

Таковы, стало быть, были дѣйствительно взгляды наиболѣе для нашего вопроса авторитетныхъ делегацій. Взглядъ этотъ, естественно, влекъ за собою и обсужденіе того, какъ же быть, въ будущемъ, если окрѣпшая и объединенная Россія... воспротивится намѣчавшемуся рѣшенію.

Прибавлю теперь же, что «колчаковская» фаза затормозила временно и рассмотрѣніе вопроса объ американскомъ мандатѣ въ Арменіи (и на Кавказѣ).

Отношеніе окраинныхъ правительствъ къ изложенному (довольно, въ общемъ, зачаточному) плану было отрицательное.

Грузинская делегація, какъ и другія, еще въ мартѣ 1919 года представила Конференціи меморандумъ съ формальнымъ обоснованнымъ ходатайствомъ о международномъ признаніи независимости Грузіи, съ указаніемъ территоріальныхъ притязаній и т. д. Меморандумъ былъ подписанъ председателемъ грузинскаго Учредительнаго Собранія — онъ былъ, одно

*) Въ этомъ уже выразилось все преимуществу, вытекающее для балтійскихъ республикъ изъ ихъ сосѣдства съ Германіей. Или конференція не могла не заняться, коль скоро миръ съ Германіей былъ главнымъ ея дѣломъ. Географическое-же (а потомъ и политическое) положеніе Грузіи было иное.

временно, председателемъ парижской делегаціи. Учредительное Собрание, было открыто съ торжественностью 12 марта въ Тифлисъ, и, первымъ своимъ актомъ, единогласно подтвердило декларацію независимости Грузіи 26 мая 1918 г. 26 мая съ большимъ одушевленіемъ отпразднована была всюду въ Грузіи первая годовщина независимости — шансы которой, видимо, множились, а не уменьшались. Не удивительно, поэтому, что грузинская делегація, уведомляя конференцію о вышеупомянутомъ актѣ Учредительнаго Собранія, заявляла въ нотѣ отъ 26 мая 1919 г., что «въ случаѣ разрѣшенія русскаго вопроса, правомѣрное существованіе грузинской республики должно быть принято во вниманіе» и что «если за какимъ либо правительствомъ державами будетъ признано право представлять Россію, Грузія должна быть формально и опредѣленнымъ образомъ исключена изъ территории этого будущаго русскаго государства».

Опубликованіе документовъ по вопросу о признаніи великими державами правительства адмирала Колчака дало поводъ и къ коллективному заявленію предъ гавителемъ окраинныхъ «новообразованій», въ защиту независимости послѣднихъ. Декларация эта, подписанная Топчибашевымъ (Азербайджанъ), Поска (Эстонія), Чхеидзе (Грузія), Мейеровицемъ (Латвія), Чермоевымъ (Горская республика), де-Луткевичъ (Бѣлоруссія) и Сидоренко (Украина), 17-го іюня 1919 г., отвергала авторитетъ общерусскаго правительства по отношенію къ перечисленнымъ республикамъ и добивалась отъ конференціи признанія ихъ независимости.

Наконецъ, въ особой деклараціи представителей кавказскихъ республикъ, поданной 20 іюня, отъ имени Азербайджана, Грузіи и Горской республики (Арменія въ этихъ шагахъ участія не принимала), кавказскія делегаціи принимали къ свѣдѣнію возвыщенный великими державами порядокъ улаженія «окраиннаго» вопроса и, одновременно, подтверждали конференціи свою вѣрность занятой ими позиціи независимости и полнаго отдѣленія отъ Россіи.

Однако, въ результатѣ неудачъ, постигшихъ бѣлое движеніе подъ водительствомъ Колчака и, позже, Деникина, намѣтившаяся было позднею весною 1919 г. программа разрѣшенія русско-окраиннаго вопроса, столь важная для выясненія архитектурнаго «ансамбля» новой Европы, осталась безъ осуществленія.

ГЛАВА XXIII.

ГРУЗИЯ И ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ.

61.

Какъ ни интересно было такое созерцаніе будущихъ возможностей — съ академическихъ высотъ Парижской конференціи, у насъ, въ теченіе всего 1919 года была острая забота совершенно практическаго характера: какъ уберечь Грузію и Закавказье отъ вторженія тула войскъ Добровольческой арміи?

Армія эта, въ періодъ связанный съ именемъ генерала Деникина, по справедливости считалась однимъ изъ главныхъ — осенью 1919 года она была главнымъ орудіемъ въ борьбѣ съ новомосковскимъ (совѣтскимъ) государствомъ. Армія эта во многомъ зависѣла отъ союзниковъ, снабжавшихъ ее всякимъ добромъ. Благодаря этой связи съ державами, а особенно съ Англійей, державшей въ первой половинѣ 1919 года свои отряды въ Баку, Тифлисъ, Батумъ, имѣлась, казалось-бы, возможность обезпечить какой нибудь *modus vivendi* между «бѣлыми», направлявшими свое оружіе на сѣверъ, и закавказскими республиками, заслоненными отъ нихъ кавказскимъ хребтомъ и находившимися подъ наблюдениемъ тѣхъ-же англичанъ, ментатовъ деникинской арміи. Однако, опредѣленный *modus vivendi* никогда не былъ установленъ; и добровольческая армія, подчиняясь какъ-бы внутреннему закону своего бытія и предназначенія, стихійно влеклась къ тому, чтобы (безъ всякой надобности для прямой своей задачи) какъ нибудь «короткимъ ударомъ» sprokinуть Грузію и Азербайджанъ, независимости которыхъ она, конечно, не признавала.*)

*) 25 сент. 1918 г. въ совѣщаніи представителей Грузинской республики, Кубанскаго правительства и Добровольческой Арміи генералъ Алексѣевъ сказалъ безъ обиняковъ: «Я считаю не обходимымъ заявить, что *Добровольческая Армія никакиъ* не

Я не собираюсь, конечно, воспроизводить здѣсь даже главнѣйшихъ фактовъ изъ исторіи этой запутанной, затяжной и во многихъ отношеніяхъ, нелѣпой распри. Скажу лишь, что сопротивление домогательствамъ добровольцевъ оказалось довольно энергичнымъ. И настойчивость, съ какою вниманіе парижской конференціи, печати и общественнаго мнѣнія Европы привлекалось къ этому конфликту, конечно, не увеличивала симпатій къ объединителямъ Россіи. Думаю, впрочемъ, что всѣ признають теперь ошибочность вообще кавказской политики генерала Деникина.

Но если добровольческой арміи свойственно было стремиться къ внезапному захвату Грузіи и Азербайджана — въ расчетѣ, что Европа преклонится передъ совершившимся фактомъ, то и грузинское правительство допускало ошибки, которыхъ легко было избѣжать. Здѣсь я имѣю въ виду особенно вступленіе въ Сочинскій округъ и захватъ Туапсе (лѣтомъ 1918 года). Для чего это дѣлалось? Чтобы «заработать» лишнюю территорію? Этотъ путь вель неизбѣжно къ спору не только съ Добровольческой арміей и вообще съ русскими группами, возлагавшими на нее надежды, но и съ Кубанскими автономистами: дружба которыхъ для грузинъ особенно цѣнна; а также и съ горцами, которые — другой вопросъ съ какими шансами! — тоже притязали на эту землю. Словомъ, не только въ Туапсе, но и въ Сочи грузинамъ нечего было дѣлать. Резолюціи различныхъ мѣстныхъ организаций о «временномъ присоединеніи къ Грузіи» ничего въ этомъ отношеніи не измѣняли. Вопросъ оставался чисто политическимъ: присоединеніе Сочинскаго Округа къ Грузіи создало новую плоскость тренія — а ихъ и безъ того было достаточно.*) Зарвавшись, куда не слѣдуетъ (въ бытность грузинскимъ премьеромъ Н. Рамишвили), потомъ уже считали, вѣроятно, неудобнымъ, для престижа демократической республики, уходить изъ Сочи. Въ концѣ сентября 1918 года, для улаженія этого неприятнаго дѣла съ Добровольческой Арміей (еще при жизни генерала

политическій на самостоятельность Грузіи не дѣлаетъ и признаетъ «въ полной мѣрѣ, и пусть знаетъ она, что съ этой стороны она вполне обеспечена». Документы и матеріалы, стр. 391. Этотъ заветъ былъ впоследствии основательно забытъ.

*) Некоторые указывали на значеніе Сочинскаго округа для грузинской колонизаціи. Такая тина туда, дѣйствительно, набивалась. Но, повторяю: въ положеніи Грузіи слѣдовало избѣгать осложненій, не называемыхъ необходимою.

Алексева) и Кубанскимъ правительствомъ (предсѣдатель Бычь), выѣзжалъ въ Екатеринодаръ представитель Е. Гегечкори, вмѣстѣ съ генераломъ Мазніевымъ: имъ пришлось защищать въ корнѣ неправильное дѣло («Сочи временно должно остаться за Грузіей»).*)

Вопросъ остался тогда неразрѣшеннымъ. Позже, уже въ англичанахъ, дѣло дошло до столкновеній. Послѣ разныхъ перипетій Грузія заняла границу (въ Сочинскомъ округѣ по р. Мехадырѣ, т. е. сохраняла обладаніе Гагринскимъ округомъ. Генералъ-же Деникинъ требовалъ очищенія грузинскихъ и этого округа (лишь въ 1905 году отнесеннаго къ Кубанской области изъ состава Сухумской) т. е. куска Абхазіи, вошедшей теперь въ составъ Грузіи. Англійское командованіе установило демаркаціонную линію, которой не должны переходить войска генерала Деникина, требовало (11 мая 1919 г.) отхода грузинъ за р. Бзыбь: «Неисполненіе этого условія, писалъ по этому поводу генералъ Корнъ грузинскому правительству, повлечетъ за собою прекращеніе добрыхъ расположеній Великобританіи (къ Грузіи) и поставитъ правительство Е. В. въ невозможность противодействовать генералу Деникину въ случаѣ его продвигенія къ югу за эту черту». На это приглашеніе грузинское правительство отвѣтило проектомъ временной нейтрализаціи Гагринскаго округа, съ выставленіемъ по Мехадыри и Бзыби (заключавшихъ спорное пространство) союзныхъ претензій — впредь до разрѣшенія вопроса о границѣ Парижской конференціей (опять «Конференціей!»)

Необходимость занятія болѣе выгодной для обороны границы по Мехадыри (въ то же время не вышедшей изъ рамокъ разумныхъ территоріальныхъ домогательствъ Грузіи) оправдывалась несомнѣнною угрозой всему Закавказью со стороны добровольческихъ войскъ въ этотъ моментъ. Только что передъ тѣмъ ими занятъ былъ Петровскъ и Дербентъ, раздавлена Горская республика на С. Кавказѣ и начато движеніе по территоріи Азербайджана.

Установленіемъ демаркаціонной черты британское командо-

*) Очень интересные во многихъ отношеніяхъ отчеты о событіяхъ по этому и другимъ вопросамъ, происходившихъ 25 и 26 сентября 1918 г. см. въ «Документахъ и матеріалахъ». Неоднѣжды въ одномъ изъ этихъ записокъ В. Шульгинъ упрекаетъ Гегечкори за его оппозиционную работу въ 3-ей Госуд. Думѣ, забывши, что называлъ-то Николай II все-же не Гегечкори, а оиъ, Шульгинъ.

пованіе пыталось положить преѣль этому проникновенію въ Закавказье добровольцевъ и стремленію ихъ обойти съ фланговъ естественную границу — кавказскій хребеть. При всемъ значеніи и авторитетности этого распоряженія союзной военной власти, Грузія и Азербайджанъ приняли, повидимому, и собственные оборонительныя мѣры. Въ частности между ними былъ заключенъ военно — оборонительный союзъ (16 іюня 1919 г.).

Возбужденіе во всей Грузіи въ видѣ грозившей опасности было чрезвычайное: проявлялось оно самымъ бурнымъ образомъ въ печати, въ парламентскихъ рѣчахъ, въ резолюціяхъ и прочемъ.

Я напоминаю о всѣхъ этихъ фактахъ лишь чтобы указать, что, слѣдуя въ этомъ отношеніи всенародному импульсу, грузинская делегация дѣлала все-что могла, чтобы убѣдить европейскія правительства, или точнѣе Верховный Совѣтъ, въ необходимости умѣрить добровольческое стремленіе въ преѣлы Закавказья.

Въ коллективномъ заявленіи трехъ кавказскихъ республикъ отъ 20-го іюня 1919 г. (уже упоминавшемся по другому поводу: см. стр. 195) говорилось особо (п. 6) о помѣхахъ, чинимыхъ дѣлу внутренняго устроенія этихъ республикъ и возвращенію къ нормальнымъ условіямъ жизни, благодаря военнымъ поискамъ и угрозѣ со стороны арміи генерала Деникина.

Заявляя свой протестъ по поводу агрессивныхъ дѣйствій и угрозъ добровольцевъ, делегации Грузіи, Азербайджана и Горской республики просили Верховный Совѣтъ «предписать арміи добровольцевъ, которая содержится и поощряется Союзниками вовсе не для борьбы съ кавказскими народами, очистить захваченныя территоріи и уважать права кавказскихъ республикъ».

Изъ числа непосредственныхъ шаговъ, предпринятыхъ съ тою же цѣлью, упомяну лишь о посѣщеніи нами въ американской делегации извѣстнаго совѣтника президента Вильсона полковника Хаузъ (House), который именно къ этому ходатайству (приудержать добровольцевъ) отнесся съ полнымъ сочувствіемъ.

Демаркаціонная линия, нарушеніе которой возбранялось ген. Деникину союзнымъ командованіемъ, была самымъ ося-

зательнымъ указаніемъ на существованіе военно-политическаго контроля Верховнаго Совѣта на Кавказѣ въ эту эпоху.

Какъ уже упомянуто, грузинское правительство не увело своихъ частей за р. Бзыбь, какъ слѣдовало-бы, по буквѣ англійскаго т. е. союзнаго предложенія. Но это было, въ сущности, лишь небольшимъ отступленіемъ отъ указанной генераломъ Кори демаркаціонной линіи. Что касается добровольцевъ, они продолжали сидѣть въ Дербентѣ, т. е. далеко южнѣ демаркаціонной линіи, подходившей къ Каспійскому морю въ пяти километрахъ ниже Петровска. Въ началѣ іюля 1919 генераль Деникинъ увѣдомилъ правительство Азербайджана, что, если послѣднее не откроетъ противъ него военныхъ дѣйствій, то добровольческія войска не перейдутъ границы Дагестана, т. е. рѣки Самуръ; и несмотря на переписку Азербайджана съ англійскимъ командованіемъ по поводу явнаго нарушенія іюньской демаркаціонной линіи, новая линія — по Самуру — была впоследствии признана формально.

Тогда-же, т. е. при увѣдомленіи о намѣреніи своемъ не переходить на Каспійскомъ побережьи Самура, генераль Деникинъ заявилъ, что считаетъ Азербайджанъ частью Россіи, но будетъ признавать его независимость — впредь до разсмотрѣнія вопроса... Всероссийскимъ Учредительнымъ собраніемъ.*) Конечно, это не совпадало съ намѣреніями Верховнаго Совѣта, какъ они выразились въ предъявленныхъ имъ условіяхъ признанія Колчаковскаго правительства, но нѣкоторый шагъ впередъ, заключался въ отказѣ отъ непосредственныхъ дѣйствій.

Позже, съ развитіемъ военныхъ операций генерала Деникина противъ совѣтскихъ войскъ, въ отношеніяхъ его съ закавказскими республиками замѣтно стало нѣкоторое успокоеніе, чему способствовали также пріѣздъ въ Тифлисъ британскаго главноуполномоченнаго Оливера Уордлоупа и, по видимому, миссія генерала Баратова въ Баку и Тифлисъ.

Въ срединѣ 1919 года, въ разгаръ парижской конференціи, мы, какъ изложено выше, достигли уже нѣкоторыхъ результатовъ — мы могли рассчитывать на *поддержку* державъ въ дѣлѣ *обозначенія* если не полной независимости, то въ всякомъ случаѣ — самой широкой автономіи.

*) Это было, вѣроятно, еще болѣе далекимъ чѣмъ — маршированіемъ конференціи разрываніемъ.

Осуществилось объединение России теми силами, которые шли съ Колчакомъ и Деникинымъ, тогда обезпеченіе автономіи окраинъ, съ помощью великихъ союзныхъ державъ было-бы, вѣроятно, крайнимъ предѣломъ достижимаго и возможнаго. Только допустила-ли бы окрѣпшая и объединенная Россія въ этомъ вопросѣ контроль державъ, при всей своей отъ нихъ зависимости? Безплодно было-бы гадать, но полагаю — на основаніи напр. разговоровъ съ однимъ изъ видныхъ сотрудниковъ генерала Деникина, проф. К. Н. Соколовымъ, прѣхавшимъ въ Парижъ въ іюль, 1919 года (вмѣстѣ съ главнымъ делегатомъ генераломъ Драгомировымъ) — что если правительство Деникина и не возражало въ принципѣ противъ такихъ вещей какъ автономія или федерация («лишь-бы въ рамкахъ российской державы и съ соизволенія всероссийскаго Учредительнаго Собранія»), все же главная его надежда заключалась въ арміи («Европа демобилизуетъ — мы мобилизуемъ») и «соотношеніи силъ», — которое позволить Россіи рѣшать всѣ вопросы по своему.

Я получилъ впечатлѣніе, что въ предвзвѣженіи этого поворота событій, правительство ген. Деникина недооцѣнивало всѣхъ вѣсомыхъ и невѣсомыхъ величинъ, входящихъ въ составъ грузинскаго и вообще кавказскихъ и другихъ окраинныхъ вопросовъ.

Вообще же обостреніе этой распри, и всѣ угрозы и непріятности, чинившіяся Грузіи (блокада!) и Азербайджану со стороны Добровольческой арміи, представлялись мнѣ политическою ошибкой, проистекавшей въ существѣ изъ нежеланія отказаться отъ стараго взгляда на подневольное положеніе окраинъ и вникнуть въ измѣненія, внесенныя въ этотъ вопросъ революціей.

Такъ какъ со стороны, въ частности, Грузіи предпріятіямъ генерала Деникина не грозило, очевидно, никакой опасности, и такъ какъ попытка *незначай* овладѣть этой страной въ 1919 году могла кончиться непріятно для Добровольческой Арміи (хотя-бы благодаря зависимости ея отъ европейскихъ правительствъ, къ которымъ и представители Грузіи имѣли доступъ), то мнѣ и представлялось, что возможно было-бы сторонкамъ (т. е. закавказскимъ республикамъ и Добровольческой арміи) обходиться вообще безъ столкновеній и излишнихъ трений. Я даже находилъ, что слѣдовало воспользоваться пріѣздомъ деникинской делегации въ Парижъ и обсудить во-

прось объ установленіи чисто фактическаго сосѣдства между Грузіей и ея сосѣдомъ на сѣверѣ (сообразно позиціи нейтралитета). Но грузинская делегация этой мысли не раздѣляла, полагая, что такіе разговоры съ представителями «реакціонныхъ силъ» не къ лицу грузинской демократіи. Но еще и нѣсколько раньше въ виду оглашенія условій возможнаго признанія правительства Колчака*) мною были поставлены вопросъ о томъ, чтобы заблаговременно выяснять дѣйствительное отношеніе русскихъ круговъ къ вопросу о двустороннемъ опредѣленіи нашихъ взаимоотношеній съ Россіей. «Лучше сдѣлать это теперь, говорилъ я, когда правительство адмирала Колчака аморфно, чѣмъ позже, когда оно усилится. Если у Колчака — Деникина есть будущее, мы только выиграемъ, взявъ починъ переговоровъ; если у нихъ будущаго нѣтъ, мы ничего не проиграемъ, зондируя почву. По отношенію къ Конференціи мы свое положеніе лишь укрѣпимъ, такъ какъ будемъ держаться ея-же возвышенныхъ принциповъ. Ссылаясь на очевидность волеизъявленія Грузіи о независимости (Учредительное Собраніе), мы попытаемся объясниться дружески» и т. д.

Съ этимъ, однако, не согласился Церетели и другіе. Церетели находилъ, что «дѣйствуя такъ, мы бы такъ-сказать признали Колчака, укрѣпили его (sic) и разошлись-бы съ оцѣнкою всеевропейской демократіи».

Практическаго значенія это разногласіе тогда, къ счастью, не получило. Но оно показало мнѣ фатальное нежеланіе нашихъ с.-д. при все ихъ политической опытности, считаться серьезно съ дѣйствительными факторами положенія, т. е. прежде всего съ Россіей (въ 1919 г. это Деникинъ и Колчакъ; въ 1920 — совѣты; меньшевицкой Россіи не предвидѣлось!).

Независимость Грузіи требовала разнообразныхъ и гибкихъ пріемовъ защиты. Худшій-же ея способъ заключался въ томъ, чтобы избѣгать серьезныхъ переговоровъ сегодня съ «бѣлыми», завтра съ «красными» (изъ за недюби къ этимъ окраскамъ) — не умѣть ладить съ западными «империалистами» — способными однако облегчить переговоры съ Россіей. — и въ то же время возлагать упованія на «всеевропейскую демократію», болѣе или менѣе легендарную.

*) По какому-то капризу исторіи именно послѣ этого военное счастье отвернулось отъ Колчака. Слать возвышаться зато генералъ Деникинъ.

Въ видѣ иллюстраціи къ главному предмету этой главы, позволяю себѣ привести разговоръ съ однимъ виднымъ русскимъ дипломатомъ, въ Парижѣ въ октябрѣ 1919 года (когда успѣхъ генерала Деникина казался особенно прочнымъ).

Рѣчь шла о процессѣ восстановления Россіи. «Теперь говорилъ мой собесѣдникъ, 90 шансовъ изъ ста, если не вѣсто, что восстановление Россіи съ юга закончится успѣшно (осторожнѣе будетъ считать шансовъ 30,» замѣтилъ я).

— Украинскій вопросъ какъ то исчезаетъ — самостоятельность сходитъ на нѣтъ. Умѣренные тяготеютъ тамъ къ Деникину. О Бѣлороссіи можно не говорить... Граница съ Польшею? Это вопросъ будущаго. Пока какъ нибудь обойдемся. Собретяся Россія съ силами, и будетъ видно. Независимость Финляндіи будетъ нами признана, надѣюсь, теперь-же. Что касается балтійскихъ государствъ, то хотя многіе тамъ дѣйствуютъ такъ какъ если бы Россія окончательно сгинула, но и тамъ вѣдь имѣются люди, знающіе дѣйствительную Россію. Бесарабія? Мы допускаемъ плебисцитъ въ южной части. Румынскую точку зрѣнія мы все-же провалили здѣсь, въ Парижѣ... «Ну а въ Грузіи, допустили-ли бы вы плебисцитъ?» «Я лично не вижу оснований къ обратному». «Это очень интересно».

Я высказалъ, что восстановление державы Россійской не будетъ единымъ актомъ, а скорѣе процессомъ длительнымъ и сложнымъ; что настоящей, русской Россіи надлежитъ еще найти свое социальное равновѣсіе, свое национально-этническое единство (цѣлыхъ три Руси!) и соответствующую этому явному и очень глубокому расщепленію политическую форму; что во всемъ этомъ «окраинныя» республики, въ частности Грузія, *не желаютъ, не могутъ и не должны* участвовать.

Затѣмъ коснулись желательности и возможности неформальнаго, официальнаго обмѣна мнѣній между нами (новыми республиками) и ими на тему о добрососѣдскомъ сосуществованіи. Но этого не пришлось осуществить: бѣлое движеніе пошло быстро на ущербъ.

ГЛАВА XXIV.

АНГЛІЯ МЕЖДУ РОССІЕЙ И КАВКАЗОМЪ.

Взаимоотношенія между Грузіей и русскими «реставраторами съ юга» тѣсно переплетаются съ вопросомъ о роли Англіи во всѣхъ этихъ дѣлахъ — юга Россіи и Кавказа.

Англія, какъ извѣстно, довольно энергично поддерживала предпріятіе генерала Деникина. Какъ, собственно, эта *противосовѣтская* линія («Черчилевская») совмѣщалась съ линіей; Принкипо — миссія Баллита въ Москвѣ*) — возрожденіе идеи «Принкипо» въ ноябрѣ 1919 г. которая приведетъ, въ 1920 году г. Красина въ Лондонъ и вызоветъ заключеніе англо-русскаго соглашения въ 1921 г. — тема эта очень интересна, но насъ здѣсь не касается.

Намъ зато существенно имѣть въ виду другую «бифуркацію» англійской политики, довольно понятную, если не забывать объ огромномъ разнообразіи традицій, интересовъ и стремленій, объемлемыхъ словомъ: «Британская Имперія».

Помощь добровольцамъ въ борьбѣ съ большевиками диктовалась глубокими и довольно общими побужденіями западныхъ державъ, въ томъ числѣ и Англіи; *поддержка новыхъ охранительныхъ республикъ* могла, въ свою очередь, отвечать некоторымъ серьезнымъ интересамъ или ходячимъ понятіямъ.

Но Великобританія не только выступала, вмѣстѣ съ другими державами, какъ бы арбитромъ въ вопросѣ о б. окраинахъ Россіи. Въ силу условій, въ которыхъ закончилась въ ноябрѣ 1918 г. война, она въ лицѣ своихъ миссій и, благодаря оккупационнымъ отрядамъ, дѣлалась важнымъ факторомъ и мѣст-

*) Мр. Вилли Фаллихъ въ Москву (съ вѣдома англичанъ и американцевъ) въ мартѣ 1919 г. для развѣдки относительно ус-
ловій мира съ московскимъ правительствомъ.

**) Объ этой двойственности см. еще выше, въ § 60.

наго значенія, способнымъ вліять весьма существенно на фактическое положеніе, какъ оно сложилось къ концу 1918 г., хотя бы на томъ же Кавказѣ.

Отъ этого «фактора» каждая изъ сторонъ, напр. въ грузино-добровольческой распрѣ ожидала поддержки; и въ поддержкѣ, оказываемой другой сторонѣ, видѣла нарушеніе данныхъ обѣщаній. Одни возмущались, напр., тѣмъ что «поощряютъ окраины, содѣйствуютъ расчлененію Россіи, союзной Россіи» и т. п.; а другіе съ сокрушеніемъ находили, что «поощряютъ русскую реакцію въ Россіи, вопреки волѣ демократіи, а здѣсь, въ Грузіи, поддерживаютъ враговъ самоопредѣлившейся народности» и пр.

Английскіе генералы, пріѣхавшіе на Кавказъ, очутились поэтому между двухъ огней; не легко приспособляясь къ политическимъ манерамъ молодыхъ демократій революціоннаго происхожденія, они нерѣдко впадали въ ошибки, допуская «перелеты» и «недолеты»; въ общемъ же дѣйствовали сообразно упомянутой выше двойственности или, лучше сказать, двойкости английской политики на Кавказѣ.

На первыхъ порахъ положеніе было особенно неприятнымъ. Въ концѣ ноября 1918 г., послѣ прибытія англичанъ въ Баку опубликована была, на примѣръ, прокламація командующаго союзными войсками, генерала Томсона, гдѣ говорилось: «симъ доводится до свѣдѣнія населенія Кавказа, что цѣлью послыки союзныхъ войскъ на Кавказъ является водвореніе общественной безопасности на этой *россійской* территоріи, расположенной между Чернымъ и Каспійскимъ морями» и т. д.

Указаніе, что Кавказъ расположенъ «между Чернымъ и Каспійскимъ морями», возраженій, конечно, не вызывало. Но въ означеніи этой территоріи, какъ «россійской» усмотрѣли зловѣщее предзнаменованіе того, что «насъ хотятъ отдать Россіи». А «мы» считали себя независимыми, суверенными государствами. И затѣмъ, гдѣ же тутъ право на самоопредѣленіе, президентъ Вильсонъ, «война за право мелкихъ народовъ» на существованіе и пр.?

Въ Грузіи упомянутая прокламація не могла быть опубликована. Правительство Жорданія заявило прибывшей въ Тифлисъ британской миссіи, что для поддержанія общественнаго порядка въ Грузіи нѣтъ необходимости въ присылкѣ английскихъ войскъ, такъ какъ порядокъ достаточно охраняется грузинскимъ правительствомъ — что соответствовало дѣй-

ствительности. Но, какъ впрочемъ уже было указано раньше (стр. 166), легко было найти болѣе подходящее объясненіе прібытію въ разные пункты Закавказья англійскихъ частей. А послѣ формальнаго изъявленія симпатій великобританскаго правительства дѣлу независимости Грузіи (см. выше стр. 163-4), развитіе грузино-британскихъ отношеній вообще облегчалось. Англичане тогда же стали признавать грузинское правительство фактически (задолго до т. наз. «фактическаго признанія»). И, въ бытность свою въ Тифлисъ, въ маѣ 1919 г., генераль Милль, командующій союзными силами въ районѣ Чернаго моря, повторно привѣтствовалъ «отъ имени союзниковъ» Н. Жорданія, какъ главу грузинскаго правительства.

• Полноты взаимнаго пониманія все же не было.

• Возможно, что англійскіе генералы на Кавказѣ чувствовали себя, социальнo и политически, все же ближе къ русскимъ генераламъ юга Россіи. А эти не забывали всякій разъ напоминать имъ о *россійской территоріи* между двумя морями. Съ другой стороны, то что англійскіе генералы говорили и особенно то, какъ они говорили, могло иногда вовсе и не выражать дѣйствительныхъ намѣреній англійскаго правительства. Въ разнообразныхъ заявленіяхъ ихъ грузинамъ порою трудно было и разобраться. Они предпочли рассуждать упрощенно: Ген. Деникинъ угрожаетъ Грузіи, а Англія поддерживаетъ ген. Деникина; слѣдовательно, «британскій имперіализмъ» есть союзникъ «всероссійской реакціи». И въ бурномъ отвращеніи отъ «всероссійской реакціи», проникались недовѣрjemъ и къ «британскому имперіализму».

Грузинское правительство, стремясь ограждать свое достоинство (что конечно, было очень похвально!) и свой авторитетъ въ глазахъ народа, вообще слишкомъ прямолинейно налегало на свой суверенитетъ, на свою независимость, обращая меньше вниманія на необходимыя международныя предпосылки этой независимости. А демагогически руководимое, общественное мнѣніе и улица, придавая уже и вовсе топорное выраженіе даваемымъ лозунгамъ, не разъ открыто возставали противъ союза «британскаго имперіализма и всероссійской реакціи».

Что по отношенію къ Добровольческой арміи и *противъ* Добровольческой арміи, Англія играла въ Грузіи (въ 1919 г.) ту-же роль, что Германія въ 1918 г. по отношенію къ Турціи — недостаточно при этомъ сознавалось молодой республикой.

И кажется не будет ошибкою сказать, что въ 1919 г. грузинская демократія, въ «дѣтской рѣзвости» уже «колебала треножникъ» болѣе сложныхъ дипломатическихъ расчетовъ, а ея правительство, быть можетъ, уже нарушало заповѣдь: «не плюй въ колодець, пригодится воды напиться».

64.

Давленіе Добровольческой Арміи на Грузію вызвало единодушный кличъ: «долгой русскую реакцію въ Закавказьи!», который неизбѣжно сопровождался другимъ: «долгой Западныхъ имперіалистовъ!» Естественнымъ союзникомъ Грузіи въ этомъ движеніи былъ, очевидно, международный социализмъ, съ которымъ грузинское с.-д. правительство имѣло прочныя личныя связи. Европейскіе социалисты не отказали, конечно, своимъ грузинскимъ друзьямъ въ (словесной) поддержкѣ ихъ противъ «русской реакціи», но заодно выступали и противъ «Западныхъ имперіалистовъ», т. е. противъ Англии*).

На международный социализмъ возлагались однако въ Грузіи и болѣе общія надежды. Думали, что этимъ путемъ облегчится и укрѣпленіе ея независимости.

Спрашивается: могъ ли Интернаціональ быть полезенъ въ дѣлѣ признанія независимости Грузіи и въ созданіи условій, эту независимость обезпечивающихъ?

Въ эпоху Парижской конференціи не нужны были ни изысканія, ни размышленія, чтобы видѣть, что пользы отъ Интернаціонала въ этомъ дѣлѣ не могло быть, потому что влияние его на правительства великихъ державъ побѣдительницъ было чрезвычайно невелико. Версальскій договоръ тому показательствомъ.

Съ «безполезностью» можно-бы примириться — лишь-бы не было «вреда». Къ сожалѣнію, бывалъ и вредъ. Я не говорю, конечно, о разныхъ мелкихъ эпизодахъ, скорѣе комическихъ, вродѣ, получившаго огласку въ печати**) и совершенно ненужнаго (для дѣла Грузіи) заявленія «грузинскаго министра Чхенкели» на Люцернской конференціи въ февраль 1919 года о томъ, что «мы отняли у помѣщиковъ землю безъ вознагражденія — поэтому независимость наша должна быть признана».

* См. сборникъ: *La Géorgie indépendante*. Ed. du Parti Soc. Dém. de Géorgie. Koutaïssi 1919.

** *Lecho de Paris*, февр. 1919.

Можетъ быть, для соц.-дем. партіи очень важно было сказать въ своемъ кругу: «вы не думайте — у насъ вѣдь тоже... безъ вознагражденія». Какъ способъ отстаиванія независимости Грузіи передъ Клемансо, Вильсономъ и Ллойд-Джоржемъ это, какъ будто... слабовато.

Но возьмемъ болѣе важную вещь — резолюцію о признаніи независимости Грузіи, принятую, по просьбѣ Церетели, на Амстердамскомъ съѣздѣ 28-го апрѣля 1919 г.

Она рѣшительно подтверждаетъ независимость Грузіи, но требуетъ полной независимости, которая «исключала-бы опеку со стороны одной или нѣсколькихъ державъ и всякій иностранный контроль ея демократическихъ учреждений»^{*)}. Это означало, что Интернаціональ высказывался противъ всякой системы, которая обезпечивала-бы Грузіи сотрудничество какой-либо великой державы въ видѣ мандата (на срокъ)—что, въ извѣстной мѣрѣ, неизбѣжно заключало-бы въ себѣ элементъ опеки. Между тѣмъ, очень скоро грузинскому правительству (да и самому Церетели) пришлось проситься подѣ «мандатъ» (см. ниже). Здѣсь была, слѣдовательно, уже не одна «безполезность»: здѣсь былъ и вредъ, преимущественно, моральный.

Во всѣхъ вопросахъ имѣвшихъ важное практическое значеніе для будущности Грузіи «Интернаціональ» или примыкавшія къ нему вліятельныя рабочія организациі фатально и неизбѣжно становились и должны были становиться на путь, противоположный государственнымъ интересамъ Грузіи: такъ будетъ въ вопросѣ объ «интервенціи» (вообще), въ вопросѣ о снабженіи оружіемъ для самозащиты, въ вопросѣ о «скорѣйшемъ выводѣ (англійскихъ) войскъ» изъ Грузіи.

Наконецъ, когда, позже, обострится противоположеніе 2-го и 3-го Интернаціоналовъ, чрезмѣрная связанность грузинскаго правительства со 2-ымъ Интернаціоналомъ сдѣлаетъ Грузію мишенью, а затѣмъ и добычею — 3-го Интернаціонала. Но до этого еще далеко.

Дѣло независимости Грузіи окажется крѣпче, чѣмъ... черепъ пустытника въ баснѣ, и не смотря на увѣсистые булыжники бросаемые время отъ времени медвѣдемъ — Интернаціоналомъ, всегда въ наилучшихъ намѣреніяхъ, независимость Грузіи будетъ признана европейскими державами.

^{*)} Текстъ этой резолюціи можно найти въ томъ же сборникѣ «La Georgie indépendante».

ГЛАВА XXV.

ТРИ СОСѢДА.

65.

Въ общихъ выступленіяхъ — кавказскихъ и другихъ «окраинныхъ» делегаций (выше п. 60) *Арменія* не участвовала. Непосредственной угрозѣ съ сѣвера республика эта пока не подвергалась; выступать же совместно, особенно съ Азербайджаномъ, *противъ* Добровольческой арміи, вовсе не соответствовало ея видамъ: въ близорукомъ расчетѣ она могла, пожалуй, ждать себѣ даже помощи отъ тѣхъ, отъ кого сосѣди ея ждали лишь разрушенія и смуты. Къ тому же *Арменія* надеялась именно теперь на осуществленіе своихъ долготѣльных надеждъ въ Турціи, съ помощью великихъ союзныхъ державъ, и впутываться въ такой моментъ въ раздоры своихъ сосѣдей съ другимъ «протеемъ» тѣхъ же великихъ державъ — ген. Декинскимъ ее, очевидно, не прельщало.*)

Напротивъ, Азербайджанъ опасался вторженія съ сѣвера такъ же или еще больше чѣмъ Грузія. Это конечно, приводило къ политическому сближенію этихъ двухъ республикъ, вообще естественному, объяснимому многими причинами, мотивами и интересами, а въ 1919 г. тѣмъ легче осуществимому, что съ пораженіемъ турокъ и уходомъ ихъ изъ Азербайджана послѣдній возвращался къ своей *кавказской* орбитѣ.

16 июня 1919 г. былъ заключенъ въ Тифлисѣ между двумя сосѣдними республиками союзный договоръ, по силѣ котораго онѣ обязывались (ст. 1) «отражать совместно, всѣми сво-

*) Представителемъ эриванскаго правительства при Добровольческой Арміи былъ б. членъ 3-ей Государственной Думы *Савителанъ*.

ими вооруженными силами и всеми, имѣющимися у нихъ средствами, всякое нападеніе, угрожающее независимости или территоріальной цѣлости одной или обѣихъ договаривающихся республикъ». Договоръ заключался на 3 года (ст. 5). Стороны обязывались разрѣшать полюбовно или посредствомъ арбитража могушія возникнуть между ними пограничные споры (ст. 4). Оговаривалось право Арменіи заявить, въ двухнедѣльный срокъ, о желаніи своемъ приступить къ этому договору (ст. 10).*)

Сообщая Парижской конференціи текстъ изложеннаго договора, делегаціи грузинская и азербайджанская выражали надежду, что «конвенція эта, преслѣдующая цѣли чисто оборонительныя, не получитъ примѣненія въ части, касающейся предусмотрѣнныхъ въ ней совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій, и что Закавказье будетъ ограждено отъ всякаго нападенія извне, благодаря контролю союзныхъ державъ надъ операціями генерала Деникина». Вместе съ тѣмъ обращалось вниманіе на ст. 4 соглашения, благодаря которой открывалась возможность скорѣйшаго размежеванія территорій Грузіи и Азербайджана.**)

Столкновенія конца 1918 года не могли конечно содѣйствовать сближенію — столь желательному и такъ же естественному, — между Грузіей и Арменіей.

Легковѣрная надежда, что Парижская конференція «все рѣшитъ и все разберетъ», и, между прочимъ, потрудится установить государственныя границы въ Закавказьи — ослабила и въ Тифлисъ, и въ Эривани, какъ, впрочемъ, и въ Баку — стимулъ къ скорѣйшему разрѣшенію, собственными силами, всѣхъ пограничныхъ и другихъ разногласій. Сверхъ того Арменія могла (добросовѣстно заблуждаясь) считать, что положеніе ея особое; что по отношенію къ ней имѣются на державахъ — побѣдительницахъ обязательства, какихъ нѣтъ по от-

*) Договоръ былъ подписанъ, за Грузію, *Гегечкори*, *Рамишвили*, генералами *Одишелидзе* и *Гедеванишвили*; за Азербайджанъ — *Джафаровымъ*, генералами *Мехмандаровымъ* и *Сулѣймановымъ* (послѣдній — мусульманинъ, родомъ изъ литовскихъ муръзъ, поступившій на службу Азербайджану).

**) Къ сожалѣнію «возможность» не означаетъ еще «осуществленія». Договоръ 16 июля оказался неспиритивеннымъ и въ 1920 г. когда противъ Азербайджана (а, следовательно, и Грузіи!) выступила уже другая сила, не находившаяся подъ контролемъ союзныхъ державъ.

ношенію къ ея сосѣдямъ; что ей, слѣдовательно, «дадутъ» благопріятныя границы и т. д.

Прибавить надо еще, что 28 мая 1919 г. (въ первую годовщину провозглашенія независимости Эриванской республики) особымъ актомъ было объявлено *соединеніе въ одно цѣлое армянскихъ территорій расположенныхъ въ Закавказьи и въ Турецкой Арменіи*. Такимъ образомъ, Армянская республика уже и формально выходила изъ сферы чисто кавказской политики въ полное опасностей и подводныхъ скалъ море турецкаго вопроса, куда, очевидно, ни Грузія, ни Азербайджанъ не могли вслѣдъ за нею отважиться.

По этой-же причинѣ затруднилось опять таки дѣло закавказскаго разграниченія. Въ случаѣ значительнаго расширенія Арменіи за счетъ Турціи, сосѣди Арменіи не усматривали основанія къ одновременному расширенію ея за счетъ Азербайджана и Грузіи. И неизвѣстность того, сдѣлается ли Арменія большой или останется маленькой, вызвала проволочки въ дѣлѣ размежеванія трехъ республикъ, къ ихъ общей пагубѣ.

По существу, вопросъ объ установленіи границъ между Грузіей и ея сосѣдями не могъ считаться слишкомъ труднымъ для разрѣшенія, или-же недостаточно изученнымъ. И не было, конечно, недостатка ни въ добрыхъ намѣреніяхъ, ни въ самыхъ либеральныхъ заявленіяхъ! Требовалось, однако, другое: упорство, большой кропотливый трудъ и терпѣніе, словомъ, серьезная воля. Ея не было обнаружено. Въ 1919 году ничто не мѣшало, напротивъ, все благопріятствовало, напр. разграниченію Грузіи съ Азербайджаномъ. Ничего однако не было сдѣлано. Съ Арменіей достигнуть соглашенія было труднѣе. Но и здѣсь, при настойчивости, можно было, вѣроятно, добиться установленія разумной и справедливой границы, конечно при условіи отказа Грузіи отъ мысли объ обезпеченіи ей «стратегической границы».*) — и отказа Арменіи отъ такихъ несерьезныхъ идей, какъ напр. «вознагражденіе Азербайджана за уступку армянами грузинамъ трети (грузинскаго) Борчалинскаго уѣзда другими частями... грузинской-же тер-

*) Удобныхъ для обороны границъ Грузіи должна была желать не *противъ* Арменіи, а *совмѣстно* съ Арменіей и Азербайджаномъ. Впрочемъ, обсужденіе этого вопроса даже бы мѣняла далеко.

ритории». *) Да и чрезмѣрное настаиваніе на *этническомъ принципѣ* (по отношенію къ грузинскимъ территориямъ: это значило: гдѣ армяне поселились хотя-бы въ XIX вѣкѣ, тамъ — Армения) было опасно всего для самихъ-же армянъ: недалеко уѣхали-бы они на этомъ конѣ въ Турцію! Очень скоро шаткость ихъ предположенія, что союзники — побѣдители о нихъ особенно позаботятся, должна была обнаружиться. И *чрезвычайная* ихъ заинтересованность въ сохраненіи добраго мира съ Грузіей, *единственной изъ соседнихъ территорий, не занятой кровью «рѣзни» и «избиеній»*, — не могла-бы не дѣйствовать умѣряюще на армянскихъ главарей. Словомъ, и здѣсь, если не ошибаюсь, *можно было*, уже въ 1919 г., добиться разграниченія; которое и тогда, и раньше многими мыслилось на основѣ уступки въ пользу Арменіи пресловутой южной части Борчалинскаго уѣзда и отказа ея отъ притязаній на столь-же пресловутый уѣздъ Ахалкалакскій.

66.

Но что съ армянской стороны замѣчалась крайняя несговорчивость, въ этомъ я могъ убѣдиться въ Парижѣ, присутствуя при опытѣ разрѣшенія армяно-грузинскаго пограничнаго спора социалистическими средствами.

Въ началѣ мая 1919 г. бюро Интернаціонала (ставшаго позже 2-ымъ Интернаціоналомъ) разсматривало жалобу или, скорѣе, доносъ Микаэля Варандяна**) на правительствѣ Грузіи которое-де угнетаетъ армянъ, занимается «империализмомъ» и завѣдомо нарушаетъ принципы, принятыя передъ тѣмъ социалистической конференціей въ Бернѣ***). Въ виду этой жалобы, бюро привлекло къ отвѣту обѣ стороны. Оно выслушало однихъ и другихъ; послѣ чего въ грузинской делегаціи про-

*) См. въ сборникѣ: *Изъ исторіи армяно-грузинскихъ отношеній*. 1918 годъ. Тифлисъ. 1919. Стр. 11.

**) Известный армянскій дѣятель и патриотъ, много вращавшійся въ европейскихъ социалистическихъ кругахъ. Позже — представитель Арменіи въ Римѣ.

***) На этой конференціи Чхенкели подписала резолюцію, по смыслу которой, при разграниченіи въ спорныхъ мѣстностяхъ, никакія соображенія эволюцiонскія, историческія, военныя и т. д. не могутъ быть приводимы. Все рѣшается этническимъ началомъ и голосованіемъ населенія. Но булавъ этого постановленія разпрямяне возбуждаютъ споръ, напр., объ Ахалкалакскомъ уѣздѣ Тифлисской губ., гдѣ армяне (выходцы изъ Турецкой Арменіи) составляютъ большинство, и, следовательно, «этническая» мери-

исходило совѣщаніе съ армянами (10-го Мая), на которомъ, однако, къ соглашенію не пришли. Былъ здѣсь *Агаронянъ* — котораго я оставилъ въ Константинополь, *Оганджянъ* — котораго я оставилъ еще раньше въ Берлинѣ, *Варандянъ* и др. Всѣ трое могли бы съ честью фигурировать на какомъ-либо ассиро-вавилонскомъ барельефѣ.

Ихъ взглядъ былъ очень простъ: они выражали лишь недоумѣніе по поводу того, что грузины, социаль-демократы вообще держаютъ притязать на земли, гдѣ грузинъ вовсе нѣтъ и никогда не было.

На слѣдующій день пренія происходили передъ «судьями», каковыми являлись: А. Гендерсонъ, Р. Макдональдъ*), еще одинъ именитый социалистъ-англичанинъ, К. Гюисмансъ, Ренодель, Ж. Лонгъ**)

Пренія эти были не изъ краткихъ и не безъ страстности. Армяне повторяли свое — о насиліяхъ, чинимыхъ грузинами, о захватѣ ими спорныхъ провинцій съ помощью германскихъ штыковъ и т. д. Церетели угостилъ ихъ ссылкой на вѣроломное нападеніе армянъ въ декабрѣ. Словомъ, разговоръ былъ «доброе-здоровый».

Затѣмъ, внесено было, съ грузинской стороны, предложеніе армянамъ о томъ, чтобы немедленно была избрана арбитражная коммиссія, которая, на основѣ бернскихъ постановленій, занялась бы разрѣшеніемъ всѣхъ вопросовъ и разногласій, связанныхъ съ плебисцитомъ въ спорныхъ областяхъ; и чтобы, одновременно, объ делегаціи, грузинская и армянская, уведомили объ этомъ соглашеніи Парижскую конференцію.

Мысль эта, видимо понравилась «судьямъ» (предсѣда-

вировка имѣется на лицо, то остается лишь организовать плебисцитъ, и дѣло рѣшено. Если при этомъ нарушены жизненные интересы сосѣда — тѣмъ хуже для него. Конечно, эта процедура была-бы убійственной прежде всего для самихъ армянъ — какъ въ Турціи, такъ и въ разныхъ районахъ Закавказья гдѣ арміе смѣшаны съ мусульманами. Но въ рамкахъ армяно-грузинскаго спора объ уѣздахъ Борчалинскомъ и Ахалцалкскомъ такая процедура являлась-бы для армянъ выиграннымъ.

*) Нынѣ (1921) — М-ръ Внутр. Дѣлъ и Премьеръ Великобританіи.

**) Бюро Интернаціонала пользовалось въ эти дни для своихъ заботъ вообще гостеприимствомъ грузинской делегаціи. Миръ такъ и не удался тогда вынести, кто кому поврительствовать, Интернаціональ-ли Грузин, или Грузія Интернаціоналу? По-сѣднему плохо приходилось въ 1919 г.

тельствовавль Гендерсонъ, съ большою флегмою, и не безъ нѣкотораго недоумѣнія перелъ картиною «южныхъ страстей» — изъ за пустяковъ). Гюисмансъ, привыкшій къ дракамъ фламанцевъ и валлонцевъ, формулировалъ, наконецъ, на основѣ грузинскаго предложенія, пункты, склонивъ армянъ къ ихъ принятію. Трудно было возражать; но они внезапно заговорили о привлеченіи къ трибуналу виновниковъ армяно-грузинскаго столкновенія и потребовали принятія, сверхъ пунктовъ формулированныхъ Гюисмансомъ, еще одного: объ удаленіи грузинскихъ войскъ и администраціи изъ спорныхъ районовъ передъ плебисцитомъ. Мы же, выстъ съ Гюисмансомъ, полагаемъ, что зтоты и другіе подобныя вопосы должны бытъ, именно, предоставлены усмотрѣнію арбитражной комиссіи.

Однако упорство армянъ (особенно Барандяна) было таково, что Гюисмансъ прямо упрекнулъ ихъ въ нежеланіи договориться.

Такъ ничего изъ этой попытки не получилось. Но любопытно было видѣть игру сталкивающихся національныхъ страстей, здоровыхъ, можетъ быть, и очень простыхъ, подъ ярлыками интернаціонализма и социализма.*)

*) Въ общемъ, между Грузіей и Арменіей отношенія въ 1919 г. установились сноспныя (хотя господствовавшія въ этихъ странахъ партіи, грузинскіе с.-д. и армянскіе давшаны не очень жаловали другъ друга). Постъ несостоявшейся конференціи ноября 1918 года (см. выше стр. 167), грузинское правительство созывало конференцію для разсмотрѣнія общихъ дѣлъ закавказскихъ республикъ еще въ маѣ 1919 г. Программа ея была прелеводна, но работъ помѣшала угроза Закавказью со стороны Добровольческой арміи. Юзже, въ августъ 1919 года, въ виду кровавыхъ столкновеній между армянами и мусульманами, занити конференціи, по почину грузинскаго правительства, возобновились.

ГЛАВА XXVI.

ВЪ ПОИСКАХЪ МАНДАТАРІЯ.

67.

Однимъ изъ самыхъ интересныхъ и важныхъ вопросовъ Парижской конференціи былъ вопросъ о мандатахъ.

Положеніе о Лигѣ Націй упоминаетъ *болѣе специально* о мандатахъ двоякаго характера: взятіе въ управленіе бывшихъ германскихъ владѣній въ колоніяхъ; и сотрудничество — опека по отношенію къ нѣкоторымъ странамъ, входившимъ въ составъ подлежащей полному расчлененію Османской Имперіи. Но эти категоріи, согласно тексту ст. 22 *The Covenant of the League of Nations* являются частными, хотя и наиболѣе важными приложеніями болѣе общей программы международной политики, выраженной такъ:

«По отношенію къ колоніямъ и территоріямъ, которыя вслѣдствіе войны перестали находиться подъ суверенитетомъ государствъ, ранѣе ими управлявшихся, и которыя населены народами, не способными еще существовать самостоятельно*) въ тягостныхъ условіяхъ современнаго міра (*under the strenuous conditions of the modern world*), должно примѣняться то начало, что благоденствіе и развитіе такихъ народовъ образуютъ священную задачу цивилизаціи, и что гарантіи осуществленія этой задачи должны быть включены въ настоящее положеніе.

*) «To stand by themselves»; французскій текстъ гласитъ нѣсколько иначе: «non encore capables de se diriger eux-mêmes».

Лучшій способъ практическаго выполнения этого начала заключается въ томъ, чтобы опеканіе такихъ народовъ доверилось передовымъ націямъ, которыя благодаря своимъ средствамъ, опытности или географическому положенію, могутъ наилучшимъ образомъ взять на себя эту отвѣтственность, и которыя согласны принять ее; и чтобы опека эта осуществлялась ими въ качествѣ мандатаріевъ отъ имени Лиги.

Характеръ мандата долженъ различаться сообразно степени развитія народа, географическому положенію территории, экономическимъ условіямъ и другимъ подобнымъ обстоятельствомъ»...

Такова была официальная доктрина, усвоенная конференціей по вопросу о мандатахъ. Она происходила изъ благороднаго (если считать слова серьезными!) предположенія, что передовыя (побѣдоносныя, богатыя, сильныя!) націи распределять между собою трудъ по скорѣйшему приобщенію однихъ народовъ — къ благамъ хорошей администраціи (колоніальныя, «черныя» мандаты), другихъ — къ благамъ независимаго, свободнаго, культурнаго существованія («бѣлыя» мандаты).

Закавказья близко касался, конечно, мандатъ въ *Арменіи*. Даже если бы мандатъ этотъ коснулся одной только Турецкой Арменіи, появленіе тамъ, въ качествѣ мандатарія, одной изъ великихъ державъ имѣло бы большое значеніе для сосѣднихъ республикъ. Тѣмъ болѣе въ случаѣ — казавшагося тогда неизбѣжнымъ — соединенія турецкой Арменіи съ Эриванскою республикою, т. е. съ бывшею русскою Арменіею, которое и вовсе ввело-бы мандатарія въ кругъ кавказской политики.

О глубокой заинтересованности Грузіи въ этомъ вопросѣ будетъ сказано дальше, Теперь же уместно указать, что несмотря на болѣе специальное ограниченіе сферы возможныхъ мандатовъ бывшими германскими колоніями и частями б. Оттоманской Имперіи (Арменія, Палестина, Месопотамія) на дѣлѣ, въ эпоху Парижской конференціи, возникала рѣчь о мандатахъ и *внѣ* указанныхъ выше двухъ категорій, какъ это, впрочемъ, и соответствовало общей идеѣ этого учрежденія. Имѣю въ виду именно Закавказье. Однако, прежде чѣмъ осветить эту сторону дѣла, надо сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ Грузія, или точнѣе, грузинское правительство смотрѣло на этотъ вопросъ. Это тѣмъ болѣе важно знать, что безъ опре-

дѣленной инициативы со стороны грузинскаго правительства вопросъ о мандатѣ, конечно, не могъ-бы быть и поставленъ въ Парижѣ.

Официальный взглядъ, выраженъ былъ, очевидно, въ *актѣ независимости Грузіи* 26 мая 1918 г., единогласно утвержденномъ ея Учредительнымъ Собраніемъ 19 марта 1919 г. Здѣсь говорилось опредѣленно о независимости и суверенитетѣ. Общественное мнѣніе въ Грузіи только такъ и понимало вопросъ. Однако тѣ, кто взяли на себя отвѣтственность за веденіе дѣлъ Грузіи, не могли, конечно, ограничиваться такимъ формальнымъ лозунгомъ. Надо было вѣдь не только создать самостоятельный государственный порядокъ внутри Грузіи, но еще добиться согласія Россіи на совершившійся выходъ Грузіи изъ состава Имперіи и позаботиться, на первыхъ порахъ, пока страна получить прочную организацію, о той поддержкѣ *извне*, которая подкрѣпляла бы независимость,

Въ 1918 г. сдѣлана была попытка разрѣшить именно эти задачи съ помощью Германіи. Какъ показала опытъ, правильно было объ эти задачи связать: кто можетъ и желаетъ, помочь дѣлу независимости Грузіи, тотъ, прежде всего, долженъ помочь ей получить признаніе со стороны Россіи. И если ему по силамъ послѣднее, послышно будетъ и первое.

Въ 1919 году, при довольно распространенной пѣрѣ въ Парижскую конференцію, Вильсоновы начала и т. д., могло казаться, что все дѣло лишь въ полученіи формальнаго признанія; и что остальное приложится. Такъ, повидимому, и смотрѣли въ Грузіи. Но это было, конечно, неправильно. Надо было заблаговременно думать о чьей-либо помощи, въ предвидѣннн неизбѣжнаго стремленія Россіи (бѣлой или красной) возстановить свое положеніе на Кавказѣ. Безъ посторонней помощи *ни одно* новое государство не могло бы построиться «въ тяжелыхъ условіяхъ современнаго міра»^{*)}; а въ началѣ 1919 г. «самоопредѣлившіеся народы» всѣ безъ исключенія пользовались такой помощью, хотя формы ея иногда и маскировались.

Сама Россія не могла бы обойтись безъ помощи болѣе богатыхъ и удачливыхъ націй: не естественно ли было добиться не только признанія, но и дѣятельной поддержки,

^{*)} Глубокой и многообразной смѣлой въ этомъ меланхолическаго амьчаніи (см. стр. 215) не для *Альба* оказался истинный.

ограждения у этой высшей инстанции, у держав устроительниц Европы?

Надлежало вообще держаться—я лично держался— того взгляда, что страна, занимающая географическое положение Грузии (между Россіей и Турціей) и не имѣвшая до революціи государственной организаци (какъ напр. Финляндія), обязательно нуждается сверхъ формальнаго признанія, въ болѣе опредѣленной, болѣе специальной поддержкѣ какой-нибудь великой державы. Побѣжденная Германія уже не могла выполнить этой задачи. Могъ-ли кто-нибудь ее замѣнить?

Разумѣется, ни Чхеидзе, ни Церетели не могли ставить вопросъ такъ. Противоположеніе имперіализмъ — пролетаріату, революціонной демократіи, оставалось для нихъ въ силѣ. Они были крѣпко связаны путами этихъ формулъ и передъ своими европейскими товарищами, и передъ «паствой» въ Грузіи, воспитанной именно на этихъ безпомощныхъ и упрощенныхъ формулахъ. Они были, поэтому, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, мало подходящими лицами, какъ разъ для работы по обезпеченію Грузіи дѣятельной поддержки какой-либо великой державы; а если почему либо — хотя-бы, на примѣръ, по природному ихъ благоразумію, которое вдругъ взяло бы верхъ надъ заученой фразой — они стали бы на путь прямого «соглашательства» съ «имперіализмъ» — они неизмѣнно оказывались въ двойственномъ, фальшивомъ положеніи.

Вопросъ о «мандатѣ» грузинская делегація впервые обсуждала при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Меморандумъ нашъ съ ходатайствомъ о признаніи независимости Грузіи былъ представленъ конференціи. Делегаты (преимущественно Чхеидзе) посѣщали по списку «персонажей», и визиты эти имѣли явно характеръ обязательной и скучной формальности. Не занимая официальнаго положенія въ делегаціи*), но являясь на дѣлѣ ея сотрудникомъ (мною только-что былъ составленъ напр. основной, вышеупомянутый меморандумъ, представленный съ имени Грузіи Парижской конференціи), я, конечно, желалъ знать, въ чемъ, собственно, заключаются планы и мысли грузинскихъ полномочныхъ. Въ виду этого, 23 марта (1919 г.) Чхеидзе пригласилъ меня въ частное совѣщаніе делегаціи, гдѣ произошелъ слѣдующій обменъ мнѣній.

*) Позже, въ мѣс. 1919 г. я былъ «своипированъ» въ ея составѣ.

Ав. Необходимо выяснить главный вопрос. Чего мы здесь добиваемся? формального признания независимости и «принятия въ семью цивилизованных націй», подобно такимъ новымъ государствамъ, какъ Чехія, Югославія? или же мы нуждаемся въ посторонней помощи на первыхъ порахъ и будемъ ждать ее отъ «мандатарія»? — Повидимому, всѣ согласны съ тѣмъ, что своими силами Грузія не можетъ обезпечить себя въ ближайшее время отъ всѣхъ виѣшнихъ нападений. А разъ нужна поддержка какой-либо великой державы, то нѣтъ основанія отворачиваться отъ института «мандата», тѣмъ болѣе, что мандатъ осуществляется по порученію и подъ наблюденіемъ Лиги Націй, т. е. высшей инстанціи, — онъ ограничивается опредѣленнымъ срокомъ — содержаніе же его можетъ быть предварительно нами обусловлено прямыми переговорами съ мандатаріемъ. *По существу, этотъ мандатъ могъ бы соответствовать нашей прошловодной схемѣ грузино-германскихъ взаимотношеній.* Но конечно, инициатива въ эту дѣль должна исходить отъ насъ и т. д.

Слѣдовало изложение практической программы, вытекавшей изъ изложеннаго

И. Церетели. Мы стоимъ на точкѣ зрѣнія независимости. Нашъ народъ такъ свыкъ съ этой мыслью, что трудно преподнести ему что-нибудь другое. Во всякомъ случаѣ начинать съ мандата или протектората едва-ли слѣдуетъ. Будемъ просить о признаніи нашей независимости — а, потомъ, взявши все, договоримся, скажемъ, съ Англіей. Спросимъ ее, что она думаетъ дѣлать съ войсками, расположенными у насъ. будемъ просить ее не уводить ихъ.

Чхейдзе. Дипломатія — трудное дѣло вообще, а сейчасъ и вовсе головоломное. Взять, на примѣръ, этотъ «мандатъ»: совместима или нѣтъ съ нимъ независимость? и т. д.

Конечно, много сомнѣній возникало въ связи съ этими терминами «мандатъ» и «Лига Націй», но я все-же находилъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ и, особенно, въ странѣ, доказавшей способность къ политическому самоуправленію, «мандатъ» можетъ, лучше чѣмъ гдѣ-либо, соответствовать своему назначенію: быть *временною помощію новому государству, въ періодъ его организаціи.*

«Не забывайте главнаго, прибавлялъ я: намъ нельзя опаздывать и выжидать — нужно заблаговременно обезпечить Грузію отъ неожиданностей.»

Въ общемъ, наши главные делегаты, какъ оказывалось, вовсе не были принципиальными противниками «мандата». Но они желали выждать. А пока что, амстердамская резолюція 28 апрѣля 1919 года, «проведенная» тамъ Церетели, съ присутствіемъ ему искусствомъ, высказывалась очень недвусмысленно *противъ всякаго ограниченія* «полной независимости» Грузіи какимъ-бы то ни было контролемъ или «опекою» со стороны европейскихъ державъ (см. выше). Возможно, что такая позиція была необходима для личнаго положенія грузинскихъ социалистическихъ лидеровъ въ Интернаціоналѣ. Дѣлу Грузіи здѣсь оказывалась плохая услуга.

Двусмысленность этой позиціи обнаружилась очень скоро — когда угроза со стороны Добровольческой арміи далъ грузинскому правительству въ Тифлисѣ и его подномочнымъ въ Парижѣ наглядный урокъ того, что одной «независимости» недостаточно для самообороны, и что поддержка какой-либо изъ «имперіалистическихъ» державъ не такъ уже безразлична.

Выше уже изложено, какъ въ самой Грузіи успѣли испортиться отношенія съ англичанами (главными имперіалистами). Грузинскій фронтъ противъ Деникина понимался, какъ «соціалистическій»; а глава грузинскаго правительства не рѣшался проститься съ краснымъ знаменемъ, развѣвавшимся надъ дворцомъ въ Тифлисѣ, какъ ребенокъ не желаетъ разстаться съ любимой игрушкой. Все это были показанія, мало благоприятныя для сближенія съ какою-либо великою державою!

А вотъ, потребность въ такомъ сближеніи чувствовалась теперь остро. Однако, когда Церетели, сопровождаемый, на этотъ разъ, по его просьбѣ, мною, заговорилъ въ британской делегаціи о желательности установленія болѣе тѣсныхъ связей между «демократической республикой» и «британскимъ имперіализмомъ», ствѣтъ получился болѣе чѣмъ уклончивый. Пришлось даже выслушать отъ лица, за чьей подписью мы получили, въ декабрѣ 1919 г., выраженіе симпатій Грузіи, признаніе, что «симпатіи были», но теперь ихъ... «меньше». (Разговоръ съ сэромъ Луисъ Маллетъ, 26 іюня 1919 года).

Было-бы впрочемъ, ошибочно въ этомъ «охлажденіи» британскаго правительства видѣть только послѣдствіе «несо-

ответствующаго», враждебнаго «западному империализму» настроенія въ самой Грузіи. Были и болѣе общія причины отказа Великобританіи отъ активной политики въ Грузіи (и вообще въ Закавказьи), въ 1919 г., а именно: затруднительность дѣятельнаго отстаиванія независимости Закавказскихъ республикъ (въ смыслѣ окончательнаго отдѣленія ихъ отъ Россіи) — одновременно съ политикой возстановленія единства Россіи, переобремененность британскаго льва всякаго рода заботами и ответственностью, — наконецъ, необходимость экономій, на которыхъ общественное мнѣніе Англіи настаивало очень повелительно съ момента окончанія войны.*)

Да и вообще, созданіе англійской позиціи въ Закавказьи, согласованной съ ея независимыми республиками, хоть и могло представить *большой интересъ* для Британской Имперіи — съ разныхъ точекъ зрѣнія не имѣло для нея *жизненнаго* значенія.

Этого достаточно, чтобы объяснить, почему идея британскаго мандата не могла имѣть практическаго успѣха въ серединѣ 1919 года.

69.

Между тѣмъ, грузинское правительство, встревоженное извѣстіями о предстоящемъ уходѣ изъ Закавказья англичанъ, и не желая оставаться въ пріятномъ tête-à-tête съ добровольцами, было бы вовсе не прочь отъ замѣны англичанъ какими нибудь другими «империалистами». Въ Закавказье на смѣну англичанамъ просились итальянцы, и о предстоящемъ прибытіи итальянскихъ войскъ было даже объявлено официально. Въ извѣстномъ смыслѣ можно даже утверждать, что водвореніе Италии, въ качествѣ мандатарія, на Закавказскомъ перешейкѣ, и было-бы въ то время (1919 г.) самою практическою, согласованною съ очень разнообразными условіями и интересами, формою... британскаго мандата въ Грузіи и Азербайджанѣ!

Италія обдѣлена сырьемъ, и «поиски сырья» были однимъ изъ главныхъ мотивовъ итальянской внѣшней политики въ послѣдніе годы. Съ итальянской стороны выдвигалась даже идея международнаго «перераспределенія сырья», какъ одна изъ задачъ Лиги Націй. При такомъ умоначертаніи, естественно подсказывалась мысль о привлеченіи итальянцевъ къ

*) Ограничившись, съ лѣта 1919 г., оккупацией одного Батума въ Закавказьи, Англія достаточно обезпечивала себя этимъ на случай, если-бы позже она снова рѣшила принять болѣе близкое участіе въ политикѣ закавказскихъ республикъ.

разработкѣ природныхъ богатствъ Кавказа. Особенный интересъ обнаружился при этомъ къ каменному углю — главной заботѣ Италіи.

Я здѣсь ничего не скажу о томъ, въ какой связи «кавказская оріентація» Италіи находилась съ европейской политикой дѣлежа и компенсацій, неизбежной въ условіяхъ 1919 года. Заинтересованность Италіи казалась настолько серьезной, что одно время, намѣтилось и обратное теченіе? — именно *итальянская оріентація грузинскаго правительства*. Обнаружилась она съ остротой, но мимолетно.

Интересъ къ «природнымъ богатствамъ» Грузіи, итальянцы обнаружили при первыхъ же встрѣчахъ съ председателемъ грузинской делегаціи въ Парижѣ, Чхеидзе. «Какъ у васъ насчетъ кам. угля?» былъ главный вопросъ, поставленный бывшему председателю С. С. Р. Д. итальянскимъ полномочнымъ делегатомъ въ Парижѣ, маркизомъ Salvago Raggi, а также маркизомъ della Torretta (тогда делегатомъ-советникомъ) — еще въ мартѣ 1919 года. Скоро послѣ того, изъ англійскихъ источниковъ стало извѣстно, что англійскія войска предполагено замѣнить въ Закавказьи итальянскими. Въ концѣ апрѣля выѣхала въ Тифлисъ итальянская миссія, изъ военныхъ и не военныхъ, предводимая полковникомъ Габба. По этому поводу маркизъ дельла Торетта объяснялъ грузинскимъ делегатамъ (2 мая), что миссія отправляется для ознакомленія съ ресурсами страны и въ видахъ установленія промышленныхъ и вообще экономическихъ связей. «Возможно — прибавлялъ онъ — что англійскія войска будутъ выведены изъ Грузіи и замѣнены итальянскими: въ этомъ случаѣ итальянцы, конечно, не будутъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Грузіи, и само ихъ присутствіе тамъ будетъ обставлено тѣми-же условіями, какъ пребываніе англичанъ. Признанію-же независимости Грузіи на конференціи, Италія всемірно будетъ содѣйствовать». Это официальное заявленіе подтвердило свѣдѣнія, полученныя нами раньше.

10-го мая, предсѣдатель правительства Грузіи (Жорданія) получилъ отъ генерала Томсона (начальника британскихъ войскъ въ Закавказьи) уведомленіе *о предстоящемъ уходѣ этихъ войскъ и о замѣнѣ ихъ итальянскими*. О томъ же было объявлено въ Баку.*)

*) Какъ мы говорили тогда въ американской делегаціи, на конференціи эта заявка нашихъ друзей была условлена соглашеніемъ нашихъ друзей Англии съ Италіей.

Дѣло принимало нешуточный оборотъ, тѣмъ болѣе, что въ это время «деникинская угроза» становилась все болѣе острой.

Уже въ началѣ іюня, полковникъ Габба былъ вызванъ въ Парижъ изъ Тифлиса. Итальянскому правительству приходилось серьезно рѣшать весьма отвѣтственный вопросъ: посылать или не посылать свои войска въ Закавказье? А это было равнозначуще вопросу объ итальянскомъ мандатѣ — въ частности, въ Грузіи.

Идейное его обоснованіе было бы дѣломъ несложнымъ. Помочь молодымъ націямъ, ставшимъ самостоятельными, укрѣпить эту самостоятельность — не отвѣчало-ли благороднѣйшимъ традиціямъ объединенной Италіи, завѣтамъ Гарібальди и т. д.?

Ни съ грузинской, ни съ итальянской стороны не было недостатка въ заявленіяхъ этого рода. Матеріальная подкладка тоже была ясна: Италія получала доступъ къ нужному ей сырью и топливу, и расходы ея по экспедиціи обезпечивались бы концессіями вполнѣ.

Однако надлежало принимать въ расчетъ, казавшееся близкимъ, возстановленіе Россіи. Хронологически «быть или не быть» итальянскаго мандата совпадало какъ разъ съ выясненіемъ политики Конференціи въ русскомъ вопросѣ (условія призванія правительства Колчака) и съ конфликтомъ между Добровольческой арміею и Кавказскими республиками.

Программа конференціи въ русскомъ вопросѣ, въ сущности, не исключала ни посылки итальянскихъ войскъ (взамѣнъ англійскихъ) въ Грузію и Азербайджанъ, ни даже итальянскаго «мандата». Но «тактическая» возможность столкновенія на этой почвѣ съ Добровольческою арміею, все-же оставалась. Вопросъ, значить, сводился — какъ всегда въ такихъ случаяхъ — къ оцѣнкѣ рисковъ.

Сторонники итальянскаго мандата находили, что одного присутствія союзныхъ войскъ было бы достаточно, чтобы обезпечить Грузію и Азербайджанъ отъ всякихъ посягательствъ извнѣ и связывали большія надежды съ посылкой итальянцевъ въ Закавказье, оккупация котораго была бы временною — впредь до общаго «замиренія» и до организациіи мѣстныхъ силъ. Излагая съ большой послѣдовательностью эту точку зрѣнія, хорошо освѣдомленный публицистъ Д. Андриулли писалъ въ «*Corriere della Sera*» — что единственное, чѣмъ Италія

не может и не должна быть на Кавказе — это жандармомъ въ пользу гипотетической русской « федерации » адмирала Колчака.

Скептики же находили, что Италия недостаточно богата капиталами, чтобы браться за развитие производительныхъ силъ, хотя бы одной Грузіи и, что осуществленіе здѣсь мандата приведетъ къ столкновенію съ русскимъ имперіализмомъ и т. д.

Этотъ взглядъ былъ выраженъ выпукло г. Энрико Целли въ миланскомъ «Secolo».

Какъ извѣстно, вопросъ объ итальянскомъ мандатѣ былъ разрѣшенъ правительствомъ Нитти *отрицательно*.*) Здѣсь сыграла роль преувеличенная оцѣнка «бѣлогвардейскихъ» движеній въ Россіи, но большое значеніе имѣло и весьма сильная въ это время въ Италіи тяга къ скорѣйшей демобилизаціи. Вообще Италия 1919-20 г.г. была въ состояніи слишкомъ дрябломъ и расшатанномъ, чтобы «рискнуть» на мандатъ въ Грузію. Возможно, что Италия Муссолини — рискнула бы.

Прибытіе итальянской миссіи въ Грузію въ 1919 г. и пребываніе ея тамъ, имѣло, однако, нѣкоторое значеніе и въ дѣловомъ отношеніи — итальянцы первые послѣ войны устроили пароконное сообщеніе съ Европою, открыли банкъ, дѣятельно торговали и пр. — и въ политическомъ. Въ дѣлѣ признанія грузинской республики державами Европы, сочувствіе Италіи оказалось, конечно, полезнымъ, и оно было подготовлено исподволь въ 1919 году.

*) Итальянская военная миссія въ Тифлисѣ опубликовала официальное сообщеніе о неприбытіи итальянскихъ войскъ 6 августа 1919 г. — Въ своей извѣстной книгѣ Eugora senza pace самъ Нитти ставитъ именно себѣ въ заслугу рѣшеніе отказаться отъ экспедиціи въ Грузію, принятое имъ, какъ только онъ сталъ во главѣ итальянскаго правительства (въ іюні 1919 г.). Въ этотъ моментъ уже готовы были, по его словамъ, къ отпращиванію цѣлый корпусъ (12-й), въ составѣ двухъ пѣхотныхъ дивизій и альпійскихъ частей. Отказомъ отъ этой экспедиціи Нитти навлекъ-де на себя много вранды, но зато спасъ Италію отъ ужасной авантюры и отъ неминуемаго столкновенія съ московскимъ правительствомъ: Гдѣ собственно и какъ произошло-бы это столкновеніе съ советскими войсками — лѣтомъ 1919 г. — Нитти не объясняетъ. Это и не существенно для его тезы. Есть въ его версій и другія несообразности. См. L'Europe sans paix. Стр. 186-188.

ГЛАВА XXVII.

АМЕРИКАНСКІЙ МИРАЖЪ.

70.

Совершенно особое значеніе имѣлъ для Грузіи вопросъ объ американскомъ мандатѣ въ Арменіи. Въ пользу этого предпріятія велась огромная пропаганда; осуществленіе его казалось одно время неизбѣжнымъ; надлежало поэтому и намъ озаботиться выясненіемъ возможнаго отношенія американцевъ къ Грузіи и вообще къ кавказскимъ республикамъ. Въ бесѣдахъ съ экспертами американской делегации (май-июнь 1919 г.), вопросъ этотъ обсуждался мною довольно подробно.

Путь въ Арменію, куда теперь направилось не мало американцевъ, лежалъ черезъ Грузію; въ Тифлисъ и другіе мѣстахъ С. Штаты имѣли консульскихъ представителей; благодаря этимъ агентамъ, а также дѣятелямъ филантропическихъ организаций, американская делегация въ Парижѣ была хорошо освѣдомлена о всемъ, что происходило въ Закавказьи.

Американцы быстро оцѣнили связь вопроса о независимости Грузіи съ осуществленіемъ американскаго мандата въ Арменіи.

«Итакъ, вы желаете полной независимости, сказала мнѣ какъ то одинъ изъ американскихъ экспертовъ: «а вотъ, вашъ министръ финансовъ прямо заявилъ нашимъ, въ Тифлисъ, что безъ посторонней помощи вамъ не обойтись... Неужели признаніе вашей независимости можетъ дать вамъ средства, которыхъ у васъ нѣтъ?»

«Да, намъ нужна помощь въ финансовой и другіихъ отрасляхъ. Признаніе независимости не дастъ намъ, конечно, сразу богатства; но если, одновременно, Грузіи будетъ обезпечена дѣйствительная помощь, возможно будетъ дать толчекъ разработкѣ природныхъ богатствъ. А это дастъ затѣмъ и средства.

Въ какую форму эта помощь отолется — вопросъ другой» — «Мандатъ, что ли? Вѣдь вы не противъ извѣстнаго контроля?» «Нѣтъ! такой мандатъ — какъ напримѣръ: срочное полномочіе оказать намъ содѣйствіе въ организаціи финансовъ — вполне совмѣстимъ съ независимостью».

Особенно, конечно, касались необходимости поддержать Грузію *политически*, какъ одного изъ условій успѣшности работы Америки въ Арменіи.

Въ заключеніе этихъ разговоровъ, пришли къ такому выводу: *въ случаѣ, если* положеніе о Лигѣ Націй получить ратификацію Соединенныхъ Штатовъ С. А*) и *если* Америка приметъ на себя мандатъ въ Арменіи — то не исключается возможность ввѣрія на себя Соединенными Штатами извѣстныхъ обязательствъ и въ Грузіи.

Послѣ такой подготовкѣ состоялось свиданіе грузинскихъ делегатовъ съ полковникомъ House (11 іюня 1919 года), и хотя отъ главной темы мы вынуждены были тогда отвлечься въ сторону «тактической» угрозы — денкинскаго «нашествія» (см. выше стр. 199), все-же вопросъ объ американскомъ мандатѣ былъ поднятъ въ этомъ свиданіи съ главнымъ соратникомъ президента Вильсона**)

Вопросъ ставился условно: «разъ Америка займется Арменіей, пусть заодно поможетъ и Грузіи». Дальше этого мы, очевидно, не могли идти. Но сдѣлать этотъ шагъ было необходимо: приходилось считаться съ возможнымъ выступленіемъ С. Штатовъ на Востокахъ въ роли насадителя мира и порядка, для воспитанія народовъ въ духѣ свободы и дѣловитости.

Осуществившись американскій мандатъ въ Арменіи, Грузія, по необходимости, въ качествѣ главнаго пути, ведущаго въ Арменію, сдѣлалась-бы также предметомъ вниманія С. Шта

*) Версальскій договоръ 28 іюня 1919 года, органической частью котораго явилось Положеніе о Лигѣ Націй, внесенъ былъ на разсмотрѣніе Сената С. Ш. 10 іюля 1919. Всякъ намѣтивъ историческая борьба за принятіе или отверженіе трактата, развѣрнувшаяся тогда въ Америкѣ и разбившая, вмѣстѣ съ живымъ президентомъ Вильсономъ, столько надеждъ въ Европѣ и Азій. Окончательно Версальскій договоръ былъ отвергнутъ Сенатомъ 20 марта 1920 г.

**) Неиздолго передъ тѣмъ (28-го мая) делегаты Азербайджана и Герской республики были приняты президентомъ Вильсономъ.

товъ*). Облегчилось-бы международное признаніе ея независимости, упрочилось-бы вообще ея положеніе и она могла-бы перейти отъ чрезмѣрнаго политическаго броженія къ болѣе плодотворной экономической работѣ (это можно сказать о всѣхъ странахъ, которыя-бы вошли въ этотъ случай въ сферу вліянія американской предприимчивости). Созданіе независимой отъ Турціи армянской полосы въ Восточной Анатоліи влекло-бы за собою прекращеніе непосредственнаго сосѣдства Грузіи съ Турціей и давало бы первой возможность болѣе прочно связать свои мусульманскія провинціи съ христіанскими. Съ постепеннымъ же замиреніемъ «двуединой» Арменіи, можно было ожидать возвращенія обратно во-свои армянскихъ бѣженцевъ, въ большомъ количествѣ находившихъ убѣжище въ Грузіи и грозившихъ искусственно увеличить и безъ того весьма многочисленныя ряды армянскаго меньшинства въ Грузіи и т. д.

Къ сожалѣнію идея армянскаго мандата въ Арменіи встрѣтила многочисленныя помѣхи. Правда, Арменія получила помощь филантропическаго характера въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Верховнымъ совѣтомъ державъ былъ отправленъ въ качествѣ особаго комиссара (съ очень широкими и неопредѣленными полномочіями) американскій полковникъ Хаскель, который оказывалъ, именемъ союзниковъ, особое официальное содѣйствіе всѣмъ лицамъ и организаціямъ, работавшимъ въ Арменіи. Главнымъ образомъ ему, кажется, пришлось быть высокопоставленнымъ «толкачемъ» вагоновъ съ мукою, сгущеннымъ молокомъ и другимъ добромъ, отправляемымъ изъ Батума въ Арменію.

«Сгущенное молоко вмѣсто... мандата» — такъ, кажется, можно выразить вкратцѣ результатъ американскихъ замысловъ и связанныхъ съ ними надеждъ въ области армянскаго вопроса!**)

Упомяну здѣсь же, что единственная официальная бумага, полученная въ 1919 году грузинскою делегаціею отъ Верховнаго совѣта парижской конференціи, за подписью Клемансо,

*) При этомъ, американская помощь Грузіи мислилась исключительно въ видѣ дипломатической поддержки и финансоваго содѣйствія. Для обезпеченія порядка въ Грузіи никакой помощи, конечно, не требовалось. Въ совершенно другихъ условіяхъ рисовался американскій мандатъ въ Арменіи.

***) Конечно, забываемой заст. той американск. въ извѣстн. призрѣніе и воспитаніе десятковъ тысячъ армянскихъ сиротъ.

касалась именно вопроса о транзитѣ грузовъ черезъ Грузію въ Арменію, и вызвана она была жалобами на помѣхи, якобы чинимыя этому транзиту.

Въ ноябрѣ 1919 года, полковникъ Хаскель пріѣзжалъ на время изъ Тифлиса въ Парижъ, для «доклада конференціи» о закавказскихъ дѣлахъ. Быть можетъ, не безынтересно будетъ привести нѣкоторыя заявленія этого комиссара, слышанныя отъ него (5 ноября). Злободневными онъ признавалъ въ это время вопросы объ экономическихъ затрудненіяхъ Закавказья, о «деникинской» опасности, о возстаніи въ Дагестанѣ. «Необходимо, прежде всего, оживить торговыя сношенія: для этого надо организовать подвозъ сырья къ портамъ и т. д. Условія политическія въ Грузіи хороши. Большевиизма нѣтъ. Порядокъ поддерживается. У меня съ грузинскимъ правительствомъ самыя лучшія отношенія. Нѣкоторые американскіе миссіонеры любятъ говорить объ однихъ армянахъ... мы-же, члены военныхъ миссій, относимся съ равной симпатіей ко всѣмъ народамъ Закавказья.

... Я убѣдился въ томъ, что Грузія дѣйствительно желаетъ быть независимою. Но она не противъ того, чтобы имѣть помощь какого-либо хорошаго правительства — напр. англійскаго или американскаго. Лѣтъ черезъ 25-30, Грузія, конечно, можетъ установить какую-нибудь связь съ Россіей.

... Возьметъ-ли Америка на себя мандатъ или нѣтъ, этого я не знаю: это дѣло дипломатовъ. Моя обязанность — разрѣшенію практическихъ вопросовъ, помощь народамъ Кавказа».

71.

Въ виду приближенія времени, когда С. Штаты должны были, наконецъ, рѣшить столь отвѣтственный вопросъ о мандатѣ въ Арменіи, президентъ Вильсонъ рѣшилъ снарядить специальную экспедицію для «осмотра на мѣстѣ» Арменіи и прилегающихъ странъ и для составленія отчета о «политическихъ, военныхъ, географическихъ, административныхъ, экономическихъ и другихъ соображеніяхъ, связанныхъ съ возможными американскими интересами и отвѣтственностью по этой странѣ» (термины президентской инструкціи).

Во главѣ экспедиціи (изъ 14 однихъ старшихъ чиновъ и специалистовъ по разнымъ отраслямъ администраціи и экономикѣ, былъ поставленъ генералъ *Джеймсъ Г. Хирбордъ* (6. 1

чальникъ штаба генерала Першинга). Съ быстротою и стремительностью, которая должнъ были поражать страны «соннаго, дряхлаго Востока», миссія эта пересѣкла Анатолюю отъ Константинополя до Аданы, посѣтила Киликію, сѣверную Сирію, а затѣмъ, на автомобиляхъ, проѣхала черезъ Діарбекиръ, Харпутъ, Сивасъ, Эрзинджанъ, Эрзерумъ и Карсъ — въ Эриванъ, посѣтила Тифлисъ, Баку и Батумъ. Сверхъ этого главнаго маршрута были и дополнительные. Вездѣ опрашивались правительства, группы, организациі всѣхъ попутныхъ народовъ и государствъ. 30 дней длился этотъ необычайный осмотръ отсталыхъ странъ, дождавшихся мецената-мандатарія. Плодомъ удивительной экскурсіи явился отчетъ генерала Харборда, составленный имъ на обратномъ пути въ Америку, на борту корабля «Марта Вашингтонъ» и подписанный 16 октября 1919 г.

Мы не встрѣтились съ генераломъ Харбордомъ въ Парижѣ (передъ его выѣздомъ) по совершенно случайнымъ причинамъ; но члены его миссіи заходили къ намъ за справками. Въ Тифлисѣ эти американцы были приняты полюбавшимъ образомъ, но мастерствѣ грузинъ по части торжественныхъ банкетовъ и застольнаго пѣнія генераль Харбордъ особо упоминалъ позже въ американской печати. Онъ же осипалъ самыми лестными complimentами специально къ нему приставленнаго грузинскимъ правительствомъ чичероне — Д. Гамбашидзе.

... Но конечно, важнѣе всего этого упомянутый уже выше отчетъ и его выводы.*) Отчетъ представляетъ значительный интересъ. Въ немъ много явныхъ ошибокъ и недоразумѣній,

*) Основной отчетъ ген. Харборда, подъ заглавіемъ: «Условія Ближнего Востока» (*Conditions in the Near East. Report of the American Military Mission to Armenia. by Maj. Gen. James G. Harbord. U. S. Army.*) былъ опубликованъ въ качествѣ документа Сенатомъ С. Ш. въ 1920 г., въ Вашингтонѣ. Осталось, если не ошибаюсь, до сихъ поръ неопубликованными 11 приложений, составленныхъ отдѣльными специалистами и трактующихъ: 1) политическіе факторы и проблемы, 2) правительства въ Турціи и въ Закавказьи, 3) Государственные и частныя финансы въ Турціи и въ Закавказьи, 4) Торговли и промышленности тамъ-же, 5) Общественное здравіе и санитарія, 6) Населеніе, промышленныя и другія качества; образъ жизни, 7) Климатъ, природныя богатства, животноводство, земледѣліе; 8) Географія, горное дѣло и рѣчища; 9) Печать въ Турціи и Закавказьи; 10) военная задача мандатарія; 11) транспортъ и сообщенія въ Малой Азіи и въ Закавказьи, 12-ое приложение — библиографія.

но, въ общемъ, это довольно безпристрастная оцѣнка сынами могущественной, богатой, образованной, дѣльной и дѣлеческой Республики — ряда бѣдныхъ, отсталыхъ, разоренныхъ войной, переворотами и дурнымъ управленіемъ странъ.

Американская миссія встрѣтилась въ Сивасѣ съ Мустафой-Кемалемъ и другими дѣятелями турецкаго національнаго движенія, которое тогда — въ сентябрѣ 1919 года — только начиналось. О Мустафѣ-Кемалѣ мало кто зналъ въ Европѣ. Эта встрѣча имѣла большое значеніе для формировавія заключеній ген. Харборда.

... Однако, я вынужденъ ограничиться лишь главными выводами американцевъ, относящимися къ нашимъ республикамъ. Правительства всѣхъ трехъ республикъ разсматриваются какъ совершенно неудовлетворительныя — съ западной точки зрѣнія. Въ частности, въ Грузіи отмѣчается «вліяніе большевизма» — «красное знамя революціи, развѣвающееся надъ національнымъ»; конфискація земель у собственниковъ безъ вознагражденія — и продажа ея за деньги крестьянамъ. Азербайджану недостаетъ образованныхъ людей для управленія, Армения — въ развалинахъ.

Впрочемъ оцѣнки эти, надо сказать, довольно условны, и черныя краски здѣсь сгущены больше, чѣмъ въ извѣстныхъ мнѣ, весьма многочисленныхъ и разнообразныхъ сужденіяхъ другихъ иностранцевъ въ 1918-21 г.г.

Политическое направленіе трехъ странъ опредѣляется такъ: Грузія настаиваетъ на самостоятельности; русская Армения, вѣроятно, голосовала-бы за мандатъ Россіи*); Азербайджанъ влечется къ Турціи и недовѣряетъ христіанамъ — но образованная часть понимаетъ необходимость вишняго еѣго контроля и т. д.

Словомъ, всѣмъ нуженъ мандатарій, но необходимо, чтобы это былъ *одинъ мандатъ для всего Закавказья*.

По главному-же вопросу — о турецкой Армении — выводы генерала Харборда чрезвычайно мрачны. Можно иногда подумать, что его специально послали съ цѣлью опороченія

*) Харбордъ забываетъ прибавить, что если бы Россія (даже если ее понимали) существовала въ 1919 г., ему самому не пришлось-бы увидѣть Армению.

мандата въ Арменіи. Онъ утверждаетъ (хоть это и не ново) — что въ проектированной Арменіи турки были въ большинствѣ еще до насильственныхъ выселеній; и останутся въ большинствѣ, если даже вернуть обратно всѣхъ бѣженцевъ. Армянинъ не увидятъ ладить съ сосѣдями. Харбордъ превозноситъ хорошія качества армянъ; но прибавляетъ, что напр. американскіе миссіонеры предпочитаютъ турокъ армянамъ.

Главный-же выводъ генерала Харборда заключается въ томъ, что достигнуть положительныхъ результатовъ на Ближнемъ Востокѣ можно лишь, объединивъ въ рукахъ одной державы мандатъ, объемлющій все Закавказье, всю турецкую Арменію, вообще Малую Азію, Константинополь и Румелию — словомъ, всю Турцію и Закавказье!

Этотъ планъ вполнѣ отвѣчалъ нашей идеѣ («если Арменія, то и Грузія»); но онъ доводилъ идею «сопутствующихъ» мандатовъ до крайнихъ предѣловъ... почти до абсурда (съ точки зрѣнія установившихся взглядовъ на интересы великихъ державъ на Востокѣ).

Самый планъ осуществленія мандата изложенъ у ген. Харборда довольно интересно. Заканчиваетъ же онъ представленіемъ доводовъ за принятіе С. Штатами мандата (14 пунктовъ) и *противъ* его принятія (13 пунктовъ).

Чрезвычайно широкая постановка вопроса обрекала вопросъ объ армянскомъ мандатѣ на провалъ; да и въ С. Штатахъ уже давно обнаруживалось настроеніе враждебное планамъ и затѣямъ президента Вильсона. Это было чрезвычайно печально — и для Арменіи, и для ея сосѣдей. Дѣло было испорчено съ самаго начала — ни съ чѣмъ не сообразной схемой Арменіи, включающей Эриванскую республику, цѣлыхъ семь турецкихъ вилайетовъ и Киликію. Разъ исходить отсюда — то неизбеженъ былъ выводъ ген. Харборда о включеніи въ мандатъ за-одно *всей* Турціи. Но вѣдь можно было исходить (и слѣдовало) изъ болѣе скромной программы — Эриванская Арменія и части смежныхъ вилайетовъ!

Впрочемъ, заключенія генерала Харборда держались пока въ секретѣ. Вопросъ о мандатѣ ставился теперь въ прямую зависимость отъ болѣе общихъ вопросовъ — о ратификаціи Америкой Версальскаго мира, о принятіи ею «Лиги Націй». Путь обѣщанъ быть долгимъ.

Но еще 20 ноября 1919 года, незадолго до отбытія амери-

канской делегации изъ Парижа*), одинъ изъ чиновъ ея увѣрялъ меня, что отзывы ген. Харборда о Грузіи самые благопріятные, что если С. Штаты возьмутъ мандатъ въ Арменіи, они займутся и Закавказьемъ и т. д.

Незадолго передъ тѣмъ, буквально то-же самое говорилъ мнѣ предсѣдатель армянской делегации Агаронянъ. «Главное, по его мнѣнію, — установить поскорѣе контроль армянскаго правительства, хотя-бы надъ Ваномъ и Алашкертскою долиною — дабы положить основаніе объединенной Арменіи. Наша миссія, отправленная въ Америку была принята комитетомъ Сената С. Ш. въ самый день прибытія ея въ Вашингтонъ. Со всѣхъ сторонъ она получила завѣренія въ томъ, что судьба Арменіи будетъ во всякомъ случаѣ обезпечена. Харбордъ и Хаскель высказывались въ этомъ же смыслѣ. Национальное движеніе Мустафы-Кемала до извѣстной степени bluff и т. д.

Надо признаться, что самый осторожный человекъ могъ повѣрить въ дѣйствительность американскихъ завѣреній. Но удивительно-ли, что съ этимъ «мандатомъ» вышло напоследокъ столь прискорбное недоразумѣніе, когда «недоразумѣніемъ» оказался въ Вашингтонѣ и Версальскій договоръ, и въ частности, положеніе о Лигѣ Народовъ, и проектъ англо-американской гарантіи неприкосновенности Франціи?

А главное: «пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ». Солнце и не взошло.

Къ концу 1919 года вопросъ о матеріальной и политической поддержкѣ закавказскихъ республикъ путемъ мандата осуществляемаго какою-либо великою державою, уже утратилъ значеніе непосредственной, практической возможности: слишкомъ много препятствій мѣшало осуществленію этой мысли. Нерѣшительная политика Великобританіи и Италіи — въ виду казавшагося возможнымъ возстановленія Россіи, какъ «союзной державы», а также въ виду внутреннихъ затрудненій самихъ будущихъ «мандатаріевъ»; несогласован-

*) Незамѣтно, будничное отбытіе! Что осталось отъ несумемыхъ, всенародныхъ триумфовъ президента Вильсона по 1918-началу 1919 г. г., въ Парижѣ, Лондонѣ и пр., которыхъ и, съ миллионами современниковъ, быть свидѣтелемъ!

ность, разнорѣчя въ дѣйствіяхъ закавказскихъ республики; новизна, неожиданность вопроса, неподготовленность къ нему европейскихъ правительствъ, чрезвычайная обремененость Европы болѣе знакомыми, болѣе важными и не менѣе затруднительными задачами; наконецъ, длительная «нанитель» съ американскимъ мандатомъ, все тормозившая и ничего не дававшая — вотъ причины, дѣлавшія невозможнымъ въ 1919 г. международное разрѣшеніе закавказскихъ вопросовъ.

ГЛАВА XXVIII.

ВЪ КОНЦѢ ГОДА (1919).

72.

Какъ видно изъ изложеннаго, вопросъ о способахъ упроченія независимыхъ закавказскихъ республикъ и о согласованіи ихъ независимости съ общими теченіями европейской и азиатской политики побѣдителей, все-же занималъ, въ нѣкоторой мѣрѣ, вниманіе Англии, Италіи, С. Штатовъ.

Что касается *Франціи*, она, въ общемъ, болѣе твердо и болѣе опредѣленно стояла на почвѣ необходимости скорѣйшаго возстановленія Россіи (путемъ пораженія совѣтской власти «бѣлыми»). Эта доктрина заставляла Францію смотрѣть съ большимъ скептицизмомъ и опаскою на новыя республики. Грузинская делегация въ Парижѣ довольно прилежно работала въ разнообразныхъ политическихъ кругахъ, чтобы преодолѣть предрасудки, казавшіяся непоколебимыми. Нельзя сказать, чтобы успѣхъ нашъ въ этомъ отношеніи былъ великъ; это видно изъ нижеслѣдующаго эпизода.

Различныя перипетіи практическаго вопроса объ усиленіи товарообмѣна между Франціей и Закавказьемъ (этимъ дѣломъ грузинская и азербайджанская*) делегации занимались въ Парижѣ совмѣстно) потребовали выясненія официальнаго взгляда французскаго правительства на двѣ союзныя республики. По разнымъ обстоятельствамъ, которыхъ можно не упоминать, способомъ для выясненія этого взгляда былъ избранъ письменный вопросъ, поставленный министру иностранныхъ дѣлъ виднымъ депутатомъ (нынѣ — сенаторъ) *де-Монзи*.

*) Членами ея сверхъ председателя Топчибашева, являлись: Гаджинскій (въ 1919 г.), Мехмедъ, Шейхъ-уль-Исламъ-Заде, Гаджибековъ, Магерамовъ.

Отвѣтъ г. Пишона, появившійся въ Journal Officiel 4-го сентября 1919 г., заключался въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ (соотвѣтственно заданнымъ вопросамъ):

1. Кавказскія республики не признаны юридически французскимъ правительствомъ;

2. Французское правительство не признало этихъ республикъ фактически. Положение на Кавказѣ довольно смутно и неустойчиво. Такъ, существованіе Закавказской республики представляется въ настоящее время шаткимъ. Что касается Грузіи, она находится въ борьбѣ съ русскими и армянами;

3. Французское правительство не переставало свидѣтельствовать величайшую симпатію кавказскому населенію, согласно традиціямъ и интересамъ Франціи въ этихъ странахъ. Делегациямъ различныхъ кавказскихъ народовъ было разрѣшено прибыть въ Парижъ. Французское правительство продолжаетъ имѣть представителей въ Баку, Батумѣ и въ Тифлисѣ. Въ послѣднемъ пребываетъ равнымъ образомъ военная миссія, посланная до того, намъ началось сепаратистское движеніе.

Наконецъ, въ н. 4-омъ говорится о готовности правительства Республики содѣйствовать товарообмѣну между Франціей и кавказскими странами.

Въ отвѣтъ Пишона, интереснѣе всего было указаніе на то, что французская военная миссія была послана въ Тифлисъ еще до «сепаратизма» — подразумевалось, въ отличіе отъ миссій англійской, итальянской и другихъ, отправленныхъ туда, дѣйствительно, послѣ провозглашенія независимости закавказскихъ республикъ. Этотъ оттѣнокъ имѣлъ свое значеніе въ виду тогдашней русской политики Франціи, вовсе не поощрявшей «сепаратизмовъ».

Грузинская делегация отвѣтила на эти разъясненія французскаго министра особымъ письмомъ, въ которомъ, прежде всего указывалось, что «Закавказской республики», положеніе которой по мнѣнію г. Пишона, столь «прекарно», вообще въ природѣ не существуетъ (еще съ 26 мая 1918 г. !); что «несмотря на нѣкоторыя разногласія между Грузіей и Арменіей, страны эти не находятся въ борьбѣ (!); что, какъ всегда, Грузія служить убѣжищемъ для армянъ, преслѣдуемыхъ въ другихъ мѣстахъ, и черезъ Грузію Арменія сообщается съ Европой; что среди сосѣдей Арменіи нѣтъ во всякомъ случаѣ нации, съ которой армяне находились-бы въ столь благопріятныхъ отношеніяхъ, какъ съ грузинами».

Характеристика «смутности и неустойчивости» не могла быть, по нашему мнѣнію, одиноково простираема на страны

Сѣвернаго Кавказа, бывшія тогда театромъ либо гражданской войны, либо завоевательныхъ стремленій Добровольческой арміи, и на закавказскія республики. Ссылаясь далѣе на факты, подтверждавшіе постепенное устройство государственной жизни Грузіи и на условія, въ которыхъ въ дѣйствительности протекалъ начавшійся уже тогда товарообмѣнъ съ Франціей, мы указывали, какое отрицательное вліяніе могло имѣть на французскую предпримчивость отношеніе къ Грузіи французскаго правительства, нежеланіе его признать ее ни фактически, ни юридически. Въ заключеніе выражалась все-же увѣренность, что «не будетъ отказано въ признаніи демократіи, показавшей свою устойчивость въ самыхъ трудныхъ условіяхъ».

Ближайшее будущее показало, что мы не заблуждались.

73.

Многообразная работа грузинской делегаціи въ Парижѣ имѣла свое значеніе для пропаганды вопроса о Грузіи и Кавказѣ передъ сложной и многоликой аудиторіей «культуровъ» Конференціи; трудами всѣхъ вообще окранныхъ делегацій создавался противовѣсъ недопускавшему никакихъ послабленій централизму русской неофициальной дипломатіи. Рѣшающее значеніе все-же принадлежало фактамъ; а послѣдніе все громче возвѣщали неудачу военно-государственныхъ предпріятіи Колчака и Деникина. Съ другой-же стороны, множились свидѣтельства разнообразныхъ наблюдателей объ устойчивости и жизнеспособности грузинскаго государства.

Къ концу лѣта 1919 года англійскихъ войскъ уже не оставалось въ Закавказьи, за исключеніемъ Батума. Представители англійскаго командованія разстались съ грузинскимъ правительствомъ весьма дружескимъ образомъ; а пріѣздъ въ Тифлисъ, въ качествѣ великобританскаго главнаго комиссара Оливера Уордропъ (нынѣ сэръ О. У.) отразился очень благопріятно на взаимоотношеніяхъ Англійи и закавказскихъ республикъ. Уже самое назначеніе на эту должность человека столь популярнаго въ Грузіи, а въ то же время завѣдомаго друга Россіи, говорило и о вниманіи Англійи къ общественному мнѣнію въ Грузіи и сопредѣльныхъ странахъ, и о стремленіи ея къ возможному уменьшенію треній съ Россіей. Встрѣча устроенная О. Уордропу въ Тифлисъ, куда онъ прибылъ въ концѣ августа 1919 г., показала, съ какой чуткостью относятся въ Грузіи къ этому назначенію.

Большое значеніе имѣло, нѣсколько позже, соглашеніе между Арменіей и Азербайджаномъ, которымъ дѣлалась попытка положить предѣлъ острому конфликту между ними изъ за границъ. Многое было сдѣлано британскимъ комиссаромъ и, спеціально, американскимъ полковникомъ Рей въ пользу этого соглашенія, подписаннаго 17-го ноября 1919 г. Хати-сяномъ и Усубековымъ, при дѣятельномъ сотрудничествѣ министра иностранныхъ дѣлъ Грузіи Гегечкори. Закавказскія республики стояли тутъ на единственно правильномъ пути; спрашивалось лишь, найдется-ли у ихъ правительствъ достаточно твердости, изобрѣтательности и... трудоспособности, чтобы добиться неотложно необходимыхъ вещей: территоріальнаго разграниченія и установленія на дѣлѣ добраго сосѣдства между тремя республиками, какъ предпверія къ согласованію ихъ политическихъ стремленій и къ экономическому ихъ союзу: безъ этого у нихъ не могло быть будущности.

Но въ концѣ 1919 г. всѣ предзнаменованія были благоприятны, и не признавать дальше фактическаго — фактическимъ становилось невозможнымъ. Какъ только сдѣлалось очевиднымъ, что возстановленіе Россійской Имперіи посредствомъ русскихъ военныхъ экспедицій, поддержанныхъ западными державами, потерпѣло неудачу, не могло не послѣдовать *фактическаго признанія* закавказскихъ республикъ, которое задерживалось именно вслѣдствіе ожидавшагося возстановленія русскаго единства. Съ отпаденіемъ этого задерживающаго условія, «признаніе» вытекало естественно, почти автоматически изъ всей совокупности дѣйствительныхъ фактовъ, интересовъ дня и настойчивости нашихъ стремленій.

ГЛАВА XXII.

«ФАКТИЧЕСКОЕ» ПРИЗНАНИЕ.

74.

«Скоро-ли конференція положить конецъ нашему томленію? Сейчасъ 20-е ноября (1919) — полное побѣдоносное движеніе російскихъ большевиковъ на Д-армію. Ихъ побѣда уже предпрѣшаетъ на долгіе годы гражданскую войну не только въ Россіи, но несомнѣнно они огнемъ и мечомъ будутъ насаждать «совѣты» по всему земному шару, а прежде всего, конечно, вторгнутся къ намъ... Итакъ, намъ грозитъ завоеваніе большевиковъ. — Если-же фортуна повернетъ свое кровавое лицо къ ген. Деникину, и ему удастся «покорить подъ ножи» свой коммунизмъ, то также несомнѣнно, что онъ направитъ свой побѣдоносный мечъ на насъ и покоритъ насъ силою, сколько бы союзники ни вліяли на него! *Вотъ мы и не понимаемъ: чего хочетъ конференція?»*

Такъ писалъ мнѣ въ частномъ письмѣ вдумчивый наблюдатель, благородный и даровитый, безвременно погибшій въ 1923 г. кн. Константинъ Абхази.*)

Въ самомъ дѣлѣ: чего собственно желала конференція?

*) Племянникъ главнаго въ XIX стол. выразителя національнаго сознанія Грузин, кн. Ильи Чагчавадзе (1837-1907), Конст. Абхази, членъ Государственнаго Совѣта по выборамъ, съ честью и достоинствомъ завершилъ въ 1917 г. рядъ предводителей дворянства восточной Грузіи, столѣтіемъ слѣшкомъ раньше начатый княземъ Гарсеваномъ Чагчавадзе (до 1801 г. — министромъ царей грузинскихъ при Россійскомъ дворѣ). — Въ маѣ 1923 г., обвиненный по дѣлу о подготовкѣ вооруженнаго возстанія противъ Совѣтовъ, палъ, въ числѣ 15 другихъ доблестныхъ воиновъ и патриотовъ, смертью храбрыхъ.

Въ концѣ 1919 года дѣло освобожденія Россіи отъ владычества коммунистовъ вооруженными силами «бѣлыхъ» было уже почти проиграно. Попытка генерала Юденича овладѣть Петроградомъ только что окончилась полною неудачею; адмиралъ Колчакъ былъ отброшенъ въ самую глубь Сибири. Военное счастье отвернулось и отъ генерала Деникина, войска котораго оттѣснялись все далѣе къ югу.

Правда, еще 18 декабря Ллойдъ-Джорджъ, говоря о русскихъ дѣлахъ, допускалъ теоретическую возможность новаго поворота фортуны, благоприятнаго для южныхъ войскъ. Онъ, однако, напоминалъ при этомъ Палатѣ Общинъ, что «въ настоящее время нѣтъ ни одного правительства, могущаго говорить отъ имени всей Россіи».

Многое, дѣйствительно, измѣнилось съ того времени, какъ обсуждались условія признанія Европою правительства адмирала Колчака, какъ правительства Россіи!

Быстрое теченіе событій помѣшало, съ другой стороны, и осуществленію новой попытки созвать конференцію всѣхъ фактическихъ правительствъ б. Россіи, которая намѣтилась было, робкимъ намекомъ, въ ноябрѣ 1919 года.*)

«Политика невмѣшательства» таково было официальное обозначеніе программы, усвоенной союзниками по русскому вопросу — на совѣщаніи премьеровъ въ Лондонѣ, въ декабрѣ 1919 г.

Дополненіемъ-же ея служила система «проволочнаго загражденія», т. е. допущеніе, въ принципѣ, помощи, со стороны державъ, тѣмъ окраиннымъ государствамъ, которыя пожелають и способны обороняться отъ нападенія совѣтскихъ войскъ. Стали болѣе ясно различать двѣ вещи: внутреннюю гражданскую войну въ самой Россіи (война бѣлыхъ и красныхъ) — въ которую рѣшено было не вмѣшиваться; и самооборону новыхъ республикъ, возникшихъ послѣ войны и національно нерусскихъ — отъ завоевательныхъ стремленій совѣтской власти.

Было-бы, однако тщетно, искать вслѣдъ за тѣмъ послѣдовательности и опредѣленности въ политикѣ союзниковъ. Великія державы, разочарованныя неудачами русскихъ генераловъ и обремененныя множествомъ другихъ заботъ, не знали въ точности, какъ поступить. Еще не теряли надежды какъ

*) Ср. рѣчь Ллойдъ-Джорджа на банкетѣ у лондонскаго лорда-мера, 8 ноября, и вызванные ею толки.

нибудь согласовать дѣйствія генерала Деникина и окраинныхъ государствъ. Командировка на югъ Россіи, въ качествѣ британскаго комиссара, члена парламента Макиндера должна была, повидимому, этому помочь. Но правительство генерала Деникина по прежнему не мирилось съ независимостью окраинъ. Если оно и высказалось (17 декабря 1919 г.) за начатіе съ ними переговоровъ, то лишь съ каждымъ «новообразованиемъ» въ отдѣльности, и не допуская при этомъ участія *представителей иностранныхъ державъ* (См. The Times, 22. XII.)

.... Дѣла Добровольческой арміи ухудшались непрерывно. Въ началѣ января 1920 года Совѣтское правительство обратилось къ Грузіи (и Азербайджану) съ формальнымъ предложеніемъ заключить военную конвенцію о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ добровольцевъ. Е. Гегечкори отвѣтилъ (12 января) ссылкой на невозможность для Грузіи принять участіе въ гражданской войнѣ, раздиравшей Россію.

Такъ скрещивалось стремленіе красной Россіи отвлечь къ себѣ отъ Европы симпатіи закавказскихъ республикъ — и забота Европы объ упроченіи шатавшагося «бѣлаго» фронта на югъ Россіи.

Что Грузія и Азербайджанъ не стануть бороться *амгьстъ* съ ген. Деникинымъ за него — это сомнѣній не вызывало.*) Но себя-то эти республики будутъ-ли оборонять отъ большевиковъ? Теперь уже выдвигался именно этотъ вопросъ, далеко не мѣстнаго лишь значенія.

Съ занятіемъ красными войсками Закаспійской области и успѣхами ихъ на Сѣверномъ Кавказѣ, Закавказью грозитъ вторженіе совѣтскихъ силъ, которымъ открылся-бы оттуда путь въ Персію и т. д.. Вся Передняя Азія пришла-бы въ этомъ случаѣ въ броженіе. Напротивъ, подкрѣпивъ закавказскія республики, давъ имъ средства обороны противъ совѣтскаго наступленія, можно оградить отъ опасности и сосѣднія страны на югъ.

Грузія и Азербайджанъ привлекаютъ на мгновеніе общее вниманіе. Чего добраго, эти республики, прикрытыя Кавказомъ, окажутъ сопротивленіе, столь для всѣхъ полезное и желательное. Но онѣ... какъ-же это? вѣдь еще и не признаны! Признаніе ихъ пожалуй, ободрить, поощрить! Оно и практи-

*) Еще въ декабрѣ 1919 г. успѣлъ вновь разгорѣться конфликтъ между добровольцами и Грузіей, на этотъ разъ по поводу захвата первыми судовъ подъ грузинскимъ флагомъ.

чески необходимо: какъ помогать правительствамъ непризнаннымъ? Кромѣ того признаніе ихъ — de facto — будетъ, въ сущности, именно признаніемъ того, что дѣйствительно есть...

Кто станетъ теперь возражать противъ такого признанія? Доктринеры единства и нераздѣльности Россіи? Ихъ авторитетъ сильно поколебленъ послѣ всего, что произошло съ 1917 г.

12 января 1920 года Верховнымъ Совѣтомъ великихъ союзныхъ державъ было постановлено признать правительства Грузіи и Азербайджана правительствами de facto. Я получилъ сообщеніе объ этомъ на слѣдующее-же утро, частнымъ образомъ, отъ одного изъ членовъ великобританской делегаціи.*) Письменнаго официального увѣдомленія мы тогда не получили. Но немного позже, 15 января, делегаты Грузіи и Азербайджана были приглашены по телефону на Орсейскую набережную, къ г-ну Камбону. Происходило все это, надо сказать, въ порядкѣ весьма спѣшномъ и крайне безформенномъ. Въ сущности, мы и не знали въ точности, для чего насъ вызываютъ.

Итакъ, ровно годъ послѣ перваго посѣщенія этого мѣста (когда «непризнанность» почувствовалась довольно опредѣленно, см. выше, стр. 179), пришлось явиться сюда-же, въ этотъ разъ вмѣстѣ съ Иракліемъ Церетели, и делегатами Азербайджана: Топчибашевымъ и Магерамовымъ, чтобы выслушать отъ имени конференціи сообщеніе о состоявшемся признаніи.

Г-нъ Жюль Камбонъ принялъ насъ не безъ торжественности, имѣя на право отъ себя г. Филиппа Керръ (слышавшаго однимъ изъ главныхъ вдохновителей Ллойд-Джорджа), а на дѣло — маркиза де-ла Торрета.

Привѣтствуя делегатовъ закавказскихъ республикъ, г. Камбонъ заявилъ, что постановленіемъ Верховнаго Совѣта правительства республикъ Грузіи и Азербайджана признаны независимыми de facto. Отнынѣ конференція имѣетъ возможность вступить въ правильныя сношенія съ делегаціями этихъ

*) Извѣстіе о состоявшемся признаніи de facto было передано въ Тифлисъ съ чрезвычайной скоростью. Уже 12 января г. О. Уордропъ увѣдомилъ грузинское правительство отъ имени лорда Керзона, что по почину послѣдняго въ Верховный Совѣтъ внесено предложеніе о признаніи de facto республикъ Грузіи и Азербайджана, и что предложеніе это встрѣчено единодушнымъ чувствомъ Франціи и Италиіи.

республик, а делегация, съ своей стороны, ... могут представить конференции необходимые материалы, ноты и пр.*) Въ заключеніи г. Камбонъ предложилъ г. г. делегатамъ высказывать особыя замѣчанія, если таковыя имѣются.

Царетепи выразила благодарность делегаций Верховному Совѣту за послѣдовавшее всемілостивѣйшее признание, а также надежду, что державы окажутъ закавказскимъ республикамъ необходимую имъ поддержку, политическую и финансовую. Въ частности, Грузія очень нуждается въ продовольственной помощи, въ виду продолжительной оторванности отъ внѣшняго міра.

Толчибаевъ обращаетъ вниманіе на первую попытку созданія республики на мусульманской почвѣ, осуществленную въ Азербайджанѣ, и отмѣчаетъ демократизмъ его учреждений, а также предоставленіе избирательнаго права женщинамъ.

Послѣ этого нѣсколько замѣчаній было представлено мною. Главное изъ нихъ относилось къ необходимости болѣе точнаго выясненія смысла того акта признанія, о которомъ намъ только что сообщилъ г. Камбонъ, отъ имени Верховнаго Совѣта. «Признаніе правительствъ de facto» очевидно означаетъ не одно лишь признаніе грузинскаго и азербайджанскаго правительствъ — фактическими правительствами; нѣтъ, признаніе это относится къ самимъ государственнымъ организациямъ, т. е. къ новымъ республикамъ, чьими органами упомянутыя правительства являются. Иными словами, Верховнымъ Совѣтомъ признаны de facto новыя независимыя государства, новыя республики, чьи территоріи раньше входили и больше не входятъ въ составъ Россійской Имперіи. А отсюда вытекаетъ фактическое признаніе всего того, всѣхъ тѣхъ органическихъ мѣропріятій, которыми осуществляется и при посредствѣ которыхъ упрочивается независимая государственность Грузіи и Азербайджана.

Отвѣчая на мое замѣчаніе, г. Камбонъ высказалъ, поясняя свою первоначальную декларацию о «признаніи правительствъ de facto», что мое толкованіе акта Верховнаго Совѣта правильно; что, дѣйствительно, признаніе имѣеть въ виду новыя республики, независимое существованіе которыхъ признано отнынѣ de facto великими державами.

*) Мы однако уже весь 1919 годъ занимаемся такимъ предметомъ ноты, матеріалами и т. п. Такъ что признаваемая нами теперь прерогатива мало чѣмъ намъ обобщаема!

Выдвинуть значение состоявшегося признания, как признания государственной независимости Грузии и Азербайджана — было тем более необходимо, что эта сторона дѣла — благодаря злободневному тогда страху передъ проникновениемъ воинствующаго коммунизма въ страны передней Азии — оставалась въ тѣни.

Остальная часть нашего свиданія съ представителями Верховнаго Совѣта была посвящена вопросамъ и отвѣтамъ (элементарнѣйшаго свойства, относительно обороноспособности закавказскихъ республикъ. Главнымъ вопрошателемъ явился г. Ф. Керръ.

75.

Теперь всё какъ-то внезапно почували, что надо помочь Грузии и Азербайджану не стать легкой добычей наступающихъ съ сѣвера и грозившихъ съ востока (изъ за Каспія) большевиковъ.

Степенный Тетръ писалъ 14-го января 1920 года..

«Невозможно, чтобы союзники допустили разрушение посредствомъ нападенія или путемъ большевицкихъ загоновъ — фактической независимости, уже два года высь приобретенной народами, живущими вопругъ Россіи въ советическомъ смыслѣ. Это признаніе не только въ национальности балтійскимъ. Начало это относится также къ народамъ закавказскимъ, чья позиция чрезвычайно важна и чрезвычайно открыта въ моментъ, когда замѣчается устремленіе большевиковъ въ сторону Турціи, Персіи и Индіи. Съ отрадою узнаемъ мы, что верховный совѣтъ призналъ фактическую независимость Арменіи^{*)}, Грузии и Азербайджана»..

На слѣдующій день (15-го января) официально сообщено было въ Лондонѣ о тревожномъ положеніи на Востоку, въслѣствіе военныхъ приготовленій большевиковъ въ Туркестанѣ и упроченія ихъ въ Закаспійской области. Особенно угрожаемыми признавались закавказскія республики; и правительства, и населеніе враждебны тамъ большевикамъ, но вооруженныя ихъ силы недостаточны-де для отраженія нашествія.

Въ тотъ же день вечеромъ неожиданно вызваны были изъ Лондона и выѣхали въ Парижъ (гдѣ Верховный Совѣтъ имѣлъ очередную сессію) британскій военный министръ Черчилль, фельдмаршалъ сэръ Генри Вильсонъ, первый лордъ адмиралъ.

^{*)} На дѣлѣ, признаніе Арменіи провозгласило немого войны, 18 января 1920.

тейства У. Лангъ и адмиралъ лордъ Битти. На слѣдующій день вся англійская и французская печать отражала вызван- ные этими сообщениями переполохъ и тревогу.

«Не лишено въ этой связи значенія, отмѣчать *The Times* (16 января), сообщаемое нами сегодня признаніе союзниками *de facto* республикъ Грузіи и Азербайджана. Батумь, на Черномъ морѣ, единственное мѣсто въ Закавказьи, гдѣ имѣются британскія войска, есть портъ Грузіи, а Баку, на Каспійскомъ морѣ, есть портъ и столица Азербайджана» и т. д.

Вслѣдъ за этимъ заговорили о предстоящей отправкѣ на Кавказъ союзныхъ войскъ (называли до 200.000!), вообще о серьезныхъ и рѣшительныхъ мѣрахъ военнаго характера. А еще позже, столь-же неожиданно, забили отбой: тревога и угроза были признаны преувеличенными, о посылкѣ арміи уже не говорили, и все вошло въ обычную колею.

Позволю себѣ сообщить нѣсколько подробностей этой исторіи — шумихи, многимъ еще памятной и столь показательной для нашего неуравновѣшеннаго времени, когда невозможность и верхоглядство способны порою проникать въ руководящія круги самыхъ здоровыхъ и прочныхъ державъ.

Ненапрасно въ наши дни такъ часто напоминаетъ мизантропическое замѣчаніе стараго канцлера Оксенштерны: *nescis, mi fili, quantilla prudentia homines regantur* или, въ вольномъ переводѣ: не вѣдаешь, сынъ мой, какъ неумно правятъ людьми.*)

Въ субботу 17-го января утромъ, насъ пригласили на совѣщаніе къ фельдмаршалу сэру Г. Вильсону**), въ гостиницу Клариджъ, что на Елисейскихъ поляхъ. Азербайджанская делегація имѣла тамъ-же свое комфортабельное мѣстопробыванія.

Въ совѣщаніи, сверхъ фельдмаршала, присутствовали адмиралъ Битти, а отъ англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ — г. Робертъ Ванситартъ. Было еще нѣсколько штабныхъ офицеровъ арміи и флота.

Предметомъ продолжительнаго обсужденія было выясне-

*) Лат.: *quam parva sapientia regitur mundus*. О. — знаменитый соратникъ Густава-Адольфа.

**) Отецъ генералъ, признаваемый однимъ изъ крупнейшихъ военнахъ дѣятелей Британской имперіи, вышелъ позже въ отставку, сдѣлавъ членомъ Парламента и назъ отъ руки полнагоческаго 3-башни въ 1922 г.

не материальной помощи, какая могла бы понадобиться Грузии и Азербайджану на случай наступления советских войск.

О посылке союзных войск на Кавказ не говорилось; не упоминалось и о каких либо иных действиях Грузии и Азербайджана, кроме чисто оборонительных. Выдвигалась (съ нашей стороны) важность помощи продовольственной.

Мы старались осветить и общее политическое положение на Кавказе — вероятно эти разъяснения представляли большой интерес для наших собеседников, чем чисто военные данные, которые, навёрное, им были известны гораздо лучше, чем намь.

Въ политическомъ отношеніи, мы придавали значеніе союзному единенію трехъ республикъ и высказались за необходимость, въ виду этого, немедленнаго признанія державами независимости Армянской республики. Въ сущности, мы исходили изъ плана тѣснаго союза трехъ закавказскихъ республикъ, при непремѣнномъ условіи оказанія имъ дѣйствительной матеріальной помощи великими державами. Мы выражали даже надежду на возможность, при такомъ единствѣ фронта, известнаго соглашенія съ Советскою Россіей и признавали такое соглашеніе единственною альтернативою другого, т. е. «интервенціоннаго» рѣшенія вопроса (посылки въ Закавказье крупныхъ европейскихъ силъ).

На вопросъ адмирала Битти, можетъ-ли Азербайджанъ организовать дѣло своей *военно-морской обороны* (на Каспійскомъ побережьи) безъ посторонней помощи — отвѣтъ Топчибашева гласилъ: нѣтъ, не можетъ.

19 января насъ опять позвали на Орсейскую набережную, на этотъ разъ въ пленарное засѣданіе Верховнаго Совѣта. Предсѣдательствовалъ Клемансо — это были послѣдніе дни пребыванія его у власти. Вокругъ, все знакомыя (по «иллюстраціямъ») лица удачниковъ «Великой» войны и великихъ неудачниковъ мира: Ллойдъ-Джорджъ, лордъ Керзонъ, Черчилль, Жюль Камбонъ, Нитти, Фошъ, Битти, сэръ Генри Вильсонъ и многіе другіе.

Маршалъ, фельдмаршалъ и «первый морской лордъ» сидятъ за особымъ столомъ, за нами. Какое количество орудіевныхъ жерль, штыковъ, сабель, торпедъ и пр. у насъ въ тылу? спрашиваю я сосѣда.

Делегатовъ «молодыхъ республикъ»*) помѣстили прямо противъ председателя. Чхеидзе и Церетели могли теперь лицезрѣть вершавшій дѣла Европы «Интернациональ» великихъ державъ, нѣсколько отличный отъ благостнаго «Интернационала» ихъ грузино-русскихъ мечтаній!

Старый кельтъ, съ такимъ талантомъ и огнемъ олицетворявшій многочисленную поколѣнія пожилыхъ коренастыхъ Французовъ, видѣвшихъ въ войнѣ 1914-1918 г. г. лишь эпилогъ войны 1870-71 г. г., произнесъ нѣсколько словъ привѣтствія....

Рѣчь шла о томъ-же: каковы силы кавказскихъ республикъ и какая имъ нужна помощь дабы подкрѣпить ихъ оборону въ случаѣ нападенія. «Военныя» объясненія давались Церетели отъ Грузіи, Магерамовымъ отъ Азербайджана. За компетентность ихъ въ этомъ дѣлѣ не поручусь. Но вопросы ставились несложные.

Засѣданіе это не представляло — пока мы въ немъ присутствовали — ни малѣйшаго интереса. Снова заявлено было о необходимости скорѣйшаго признанія независимости Арменіи; больше чѣмъ слѣдовало испрашивались помощь Кубани и горшамъ и т. д. Никакихъ предложеній военно-политическаго характера представителямъ Грузіи и Азербайджана не было сдѣлано.

Между тѣмъ, въ печати еще упорнѣе заговорили объ обширномъ десантѣ союзниковъ на Кавказъ, о привлеченіи тамошнихъ республикъ къ участію въ священной войнѣ противъ советскихъ войскъ и т. д. Делегации Грузіи и Азербайджана вынуждены были даже выступать съ печатнымъ опроверженіемъ этихъ слуховъ (см. Т е т р с, 31 января 1920 г.).

Впрочемъ, очень скоро послѣ того, какъ столь внезапно поднятъ былъ весь этотъ шумъ вокругъ вопроса о новой экспедиціи на востокъ, англійскимъ газетамъ сообщено было официально, что *никакихъ войскъ не предполагается отправлять въ Закавказье* (27 января). Шумъ оказался изъ за пустяковъ. Весь переполохъ (поднимая его, не желали-ли припугнуть Москву?) былъ вызванъ, кажется, стремленіемъ однихъ англійскихъ дѣятелей (сторонниковъ «военнаго рѣшенія») затормозить попытки другихъ, англійскихъ-же дѣятелей перейти на стезю мирнаго соглашенія съ советскимъ правительствомъ.

*) Отъ Грузіи это были Чхеидзе, Церетели и я. Отъ Азербайджана — Топчибашиевъ и Магерамовъ.

«Соглашатели» одолѣли «военную партію». И тѣ, и другіе интеллигентно, однако, преимущественно русскимъ вопросомъ, относясь не безъ скептицизма къ закавказскимъ республикамъ. Но о послѣднихъ пришлось все-же заговорить — ничего не подѣлаешь съ географіей! Зато немногіе, понимавшіе дѣйствительное значеніе ихъ независимости для болѣе прочнаго устройства дѣлъ Ближняго Востока, получили теперь возможность, пользуясь благоприятной «тактической» обстановкою, добиться, наконецъ, отъ Верховнаго Совѣта признанія независимости *de facto* Грузіи, Азербайджана и б. русской Арменіи.*) Лордъ Керзонъ**) былъ въ этомъ дѣлѣ призваннымъ инициаторомъ; а осуществленіе его облегчалось, конечно, и отпаденіемъ главной задержки: надежды на скорое восстанвленіе единой Россіи — справа. Къ тому-же въ Италіи незадолго передъ тѣмъ парламентъ высказался въ пользу вступленія въ сношенія со всеми фактическими правительствами б. Россіи; и даже Франція, вмѣстѣ съ другими, допускала въ данную минуту значеніе признанія, какъ способа нравственнаго и политическаго укрѣпленія новыхъ республикъ, не признавшихъ у себя власти Совѣтовъ.

Это признаніе *de facto* было, несомнѣнно, важнымъ событіемъ и въ исторіи государственнаго сознанія народовъ Грузіи и сосѣднихъ ей республикъ, и въ исторіи европейской политики по вопросу о русскомъ единствѣ. Въ ученіе объ этомъ единствѣ событіями вносилась еще одна поправка, отвѣчавшая новому положенію вещей, справедливости и — практическимъ интересамъ державъ.

76.

Въ тѣхъ русскихъ кругахъ, гдѣ будущей Россіи не могли представлять себѣ иначе какъ въ видѣ единаго централизованнаго государства «какъ встарь», признаніе независимости закавказскихъ республикъ было встрѣчено, конечно, недружелюбно.

*) Что при этомъ Грузія и Азербайджанъ получили признаніе раньше чѣмъ Арменія — было лишь кажущимся парадоксомъ исторіи.

**) Онъ получилъ портфель иностранныхъ дѣлъ послѣ Бальфура, 24 октября 1919 г., при послѣдней перестройкѣ кабинета Ллойд-Джорджа.

Однако, главному поборнику этихъ идей генералу Деникину все-же приходилось считаться съ постановленіемъ великихъ державъ (сыграли, кажется, нѣкоторую роль и совѣты англійскаго комиссара).

На казачьей конференціи состоявшейся въ Екатеринодарѣ (въ концѣ января 1920 г.), генералъ заявилъ, что онъ ратуетъ, прежде всего, за Единую Россію; но что имъ сдѣланы союзникамъ заявленія относительно окраинныхъ народностей, въ смыслѣ, во-первыхъ, признанія независимости *de facto* окраинныхъ правительствъ, находящихся въ борьбѣ съ большевиками, а во-вторыхъ, опредѣленія будущихъ взаимоотношеній между окраинными народами и Россіей посредствомъ трактата, заключаемаго ими съ всероссійскимъ правительствомъ, причемъ союзныя великія державы могутъ дѣйствовать въ качествѣ посредницъ.*)

Сравнительно съ декабрьскимъ заявленіемъ, гдѣ, правда, уже допускалось двустороннее, договорное установленіе взаимоотношеній между Россіей и окраинами, но еще отвергалась посредническая дѣятельность западныхъ державъ (см. выше, стр. 240), это серьезный шагъ впередъ, въ духѣ предположеній Парижской конференціи конца мая 1919 г. (т. наз. условія признанія правительства адмирала Колчака; см. выше гл. XXII).

Однако, генераломъ Деникинымъ тутъ-же сдѣлана была оговорка, лишавшая вышеизложенную мысль его всякой ясности. «Въ виду того, заявляетъ онъ, что позиція, занятая конференціей 14 января, по отношенію къ Азербайджану и Грузіи, дала послѣднимъ поводъ думать, что рѣчь идетъ о признаніи *независимости* этихъ новыхъ организмовъ, я заявилъ протестъ, но сегодня я получилъ официальное разъясненіе, что державы признали *самостоятельность правительства de facto*, но не независимость окраинныхъ государствъ, именно въ смыслѣ моего предложенія. Это не терпимость — это есть охрана высшихъ интересовъ русскаго государства, и возраженіе это вовсе не исключаетъ возможности дружескихъ и добрососѣдскихъ отношеній на этой основѣ».**)

Актомъ 12 января правительства Грузіи и Азербайджана

*) The New Russia, N 1. 1920. 1, 157.

**) См. The Times, Feb. 17, 1920. Cp. The New Russia, v. I, 126-7.

были признаны de facto именно въ смыслѣ признанія фактической государственной независимости этихъ новыхъ республикъ.

Когда одинъ изъ грузинскихъ делегатовъ, 15 января, просилъ г. Жюля Камбонъ точнѣе изложить постановленіе конференціи и подтвердить, что рѣчь идетъ именно о независимости новыхъ республикъ отъ Россіи, то дѣлалось это, конечно, въ предвидѣніи попытокъ такого «разъясненія», которымъ умалялось-бы значеніе признанія. Предосторожность, какъ оказалось, была вовсе не лишней.

Японское правительство не замедлило присоединиться къ постановленію Верховнаго Совѣта 12 января*); о неприсоединеніи Соединенныхъ Штатовъ къ этому акту генералъ Леникинъ, къ великому его утѣшенію, была извѣщена состоявшимся при Добровольческой арміи американскимъ адмираломъ Mc Cully 6 февраля 1920 г.

Это расхожденіе «великой заатлантической республики» съ четырьмя руководящими державами Стараго свѣта было лишь новымъ и огорчительнымъ указаніемъ на отсутствіе единой политики у «большихъ». Практическаго значенія оно не имѣло.

11-го февраля 1920 «представитель Главкома Южной Россіи при союзномъ командованіи въ Закавказьи» полковникъ Денъ уведомилъ Е. П. Гегечкори въ Тифлисѣ, что «Главкома Юж. Россіи... генералъ Деникинъ, признаетъ фактическое существованіе правительствъ Грузіи, Азербайджана и Арменіи». Къ сожалѣнію, признаніе это (очевидная уступка «союзному командованію») послѣдовало въ такой моментъ и въ такихъ условіяхъ, которыя неизбежно уменьшали и моральную его цѣнность, и его политическое значеніе: Добровольческая Армія была уже наканунѣ полнаго крушенія.

*) Грузинская делегация въ Парижѣ получаетъ извѣщеніе объ этомъ отъ секретаря Конференціи 7-го февраля 1920 г.

ГЛАВА XXX.

ВЕРХОВНЫЙ СОВѢТЪ ВЪ ЛОНДОНѢ.

(Февраль - Мартъ 1920)

77.

Агонія Добровольческой арміи длилась до весны 1920 года; успѣхи совѣтской власти были непрерывны и довольно прочны — хоть и не столь молниеносны, какъ это рисовалось Парижу и Лондону въ срединѣ января. (см. выше) Главнѣйшіе кабинеты Европы имѣли нѣкоторый досугъ, чтобы лучше (чѣмъ въ декабрь 1919 г.) формулировать новую политику въ русскомъ вопросѣ, вытекающую изъ неудачи прямого или косвеннаго вмѣшательства въ русскія дѣла и поддержки бѣлыхъ армій.

Характеръ этой новой «союзной» политики выясняется въ сообщеніи, опубликованномъ въ Лондонѣ 24 февраля 1920 года (во время очередной сессіи Верховнаго Совѣта). Здѣсь говорилось о невозможности для союзниковъ завязать дипломатическія сношенія съ Совѣтскимъ правительствомъ, пока оно не прекратитъ террора и т. д.; о готовности ихъ, въ то же время, всячески содѣйствовать торговлѣ между Россіей и Европой. Къ Совѣту Лиги Націй обращалось приглашеніе взять въ свои руки дѣло безпристрастной развѣдки дѣйствительныхъ условий жизни въ Россіи — путемъ послышки тула особой комиссіи.*)

Окраиннымъ государствамъ, чья независимость была признана державами, давался совѣтъ воздерживаться отъ агрессивной политики по отношенію къ Совѣтской Россіи; тѣмъ же изъ нихъ, кто находился съ послѣдней въ состояніи войны, указывалось, что союзныя правительства не могутъ рекомендо-

*) Мысль эта, какъ известно, не осуществилась.

вать имъ продолженіе этой войны (имъ подсказывали: «заключайте миръ!»).

Въ случаѣ же *нападенія* Совѣтской Россіи на окраинныя республики въ ихъ законныхъ границахъ, союзники окажутъ послѣднимъ всевозможную поддержку.*) Т. е. подъ цвѣтами надеждъ на признаніе (*если и т. д.*) и Ллойдъ-Джорджескаго торговаго соглашательства сверкало, по-прежнему, «проволочное вагражденіе».

Все это носило чисто декларативный характеръ. Однако, недвусмысленно заявлялось, что въ извѣстныхъ условіяхъ (опредѣленіе которыхъ было важно особенно ввиду русско-польскихъ отношеній начала 1920 г.) каждое изъ признанныхъ окраинныхъ государствъ можетъ обезпечить себѣ дѣйствительную помощь въ организаціи своей обороны. *Практически* добиться такой помощи можно было, конечно, лишь на основѣ определенныхъ взаимоотношеній между получающимъ помощь «окраиннымъ» правительствомъ и державою, отъ которой помощь получается. Иначе и быть не могло. Въдѣ политическіе мотивы такой заботливости (о невторженіи большевиковъ) могли быть разнообразны. Въ Бухарестѣ и Варшавѣ могли, напримѣръ, съ твердостью рассчитывать на поддержку Франціи, такъ какъ Польша и Румынія являлись важными для нея частями новаго международнаго порядка Европы; помощь, полученная въ 1919-20 г. г. отъ Англіи въ дѣлѣ самозащиты отъ совѣтскихъ войскъ доблестными балтійскими республиками еще лучше подтверждаетъ, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, за общими схематическими выраженіями вышеприведеннаго меморандума 24 февраля, подразумевалась — или ожидалась — сложная неустанная, на взаимномъ довѣрїи основанная работа соответствующихъ правительствъ и великихъ державъ, имъ благопріятствующихъ.**)

*) Меморандумъ этотъ, подъ заглавіемъ *Союзная политика въ Россіи. Заключенія принятыя Верховнымъ Советомъ 21 февраля 1920 г.*, былъ тогда же оглашенъ въ палатахъ парламента.

**) Къ сожалѣнію, я лишень возможности приводить въ этой книгѣ параллели и аналогіи изъ исторіи упрековъ балтійскихъ народовъ. Многого можно было бы сказать въ объясненіе того, почему, съ начала 1921 г., участь Грузіи оказалась столь отличной отъ судьбы Эстоніи и Латвіи. Хорошій обзоръ двухъ этихъ окраинныхъ «карьеръ» см. напр. въ статьяхъ бар. А. Менендорфа въ новыхъ томахъ Британской Дипломатіи (1922 г.).

Возможно ли было другим путем обезопасить себя на случай нападения такого опасного, относительно сильного и, конечно, искусного противника, как советская власть в Москву?

Уже обстоятельства, сопровождавшая признание *de facto* трех закавказских республик показали, что они могли рассчитывать на действительную помощь одной лишь Англии; но что дружное сотрудничество этих республик, само признание которых было можно сказать «групповым», являлось необходимым условием такой помощи; и что благоприятная закавказским государствам, активная политика вовсе не была единодушною программю всего английского правительства, а скорее соответствовала одному лишь из течений, представленных в коалиционном кабинете Ллойд-Джорджа.

Факт однако был налицо: стремления закавказских республик к упрочению независимости встречали поддержку, упрочение и расширение которой зависла главным образом от самих этих республик. Инициатива же Англии в деле установления торговых связей с советской Россией обещала облегчить в будущем посредническую деятельность первой также и по установлению мирного соседства между закавказскими республиками и Россией.

Такая деятельность (она явилась бы в 1920 г. своеобразным продолжением *mutatis mutandis* — германской политики 1918 года и английской же политики «демаркационной линии» 1919 года!) была бы, конечно, слишком затруднена в обстановке 1920 г. без определенной базы в Закавказьи; и необходимая база имела — в Батумь, состоявшем (формально с 17 октября 1919 г.) под британской оккупацией. В конце 1919 года возведено было предположение, об уходе британских войск из Батума (заявление Ллойд-Джорджа в Палате Общин 18 декабря 1919 г.) В февраль же 1920 послы некоторых колебаний*) и повидимому в связи

*) 10-го февраля новое заявление Ллойд Джорджа о «быстрой эвакуации»; 13 февраля полуофициальное сообщение об эвакуации; 18-го февраля объяснение, в Палате Общин, первого лорда адмиралтейства: эвакуация началась, но не закончена; 12 февраля тревожная телеграмма в The Times из Константинополя, о несвоевременности ухода из Батума, как раз в момент когда между Грузией, Арменией и Азербайджаном начинаются нарастающие отношения и т. д.; 23-го февраля — сообщение об отмене эвакуации.

съ намѣченной 24 февраля политикой огражденія б. окраинъ Россіи отъ нашествія, а также, вѣроятно, не безъ мысли о предстоящемъ (какъ тогда думали) разрѣшеніи восточнаго вопроса, эвакуація британскаго гарнизона была отмѣнена. (23 февраля 1920 г.) Англичане остались въ Батумѣ*).

78.

Къ такъ называемому «разрѣшенію русскаго вопроса» конференція такъ и не подошла. Всякая надежда на его постановку въ скоромъ времени утрачивалась.

Зато становился на очередь другой большой вопросъ — первостепеннаго значенія именно для закавказскихъ республикъ: вопросъ о мирѣ съ Турціей, объ «устроеніи» Ближняго Востока. Эта тема въ еще большей мѣрѣ приводила вниманіе великихъ державъ къ нашимъ республикамъ, какъ пограничнымъ въ данномъ случаѣ не съ Россіей, а съ б. Турецкою Имперією.

* Исторія Батума (съ областью) въ эпоху занятія его англичанами (съ ноября 1918 г. по июль 1920 г.) представляетъ значительный интересъ и заслуживала-бы монографическаго изслѣдованія. Грузинское правительство стремилось къ скорѣйшему возвращенію Батума съ Грузіей; русскіе тому противодействовали, доказывая, что Батумъ — твореніе Россіи (какъ будто Грузія не была частью и частью той Россіи!). Англичане слишкомъ, по мнѣнію грузинъ, благопріятствовали русскимъ, въ ущербъ Грузіи; недостаточно оберегали права Россіи, по мнѣнію русскихъ и т. д. Въ грузинской полн. жизни кличъ: да здравствуетъ грузинскій Батумъ! особенно послѣ пораженія добровольцевъ сдѣлался «всенароднымъ», и правительство, раздразнивъ въ этомъ отношеніи «улицу», потомъ само же отъ нея зависѣло (такъ было, впрочемъ, и по многимъ другимъ вопросамъ).

За злободневной борьбою и шумомъ, и несмотря на разнообразныя недостатки англійскаго управленія, достаточно-ли ясно и твердо понимало грузинское правительство, что сохраненіе англійской базы въ Батумѣ, диктовалось, въ грузинскихъ интересахъ, элементарной предусмотрительностью и заботливостью? Въ этомъ можно сомнѣваться. Слѣдуетъ ли, въ интересахъ Грузии, а особенно столь важнаго для нея Батума, оказывать сильнѣе, чѣмъ способность заглядывать въ будущее — даже ближайшее.

Позиція по батумскому вопросу грузинскаго правительства говорившаго, въ деликатной формѣ, англичанамъ, («имперіализмъ»; «внѣшней силѣ»); «онъ изъ Батума», подкрѣпляла ч. въ Англій сторонниковъ скорѣйшаго оставленія Батума.

На конференции Верховнаго Совѣта въ Лондонѣ (февраль-мартъ 1920 г.) вопросъ этотъ изучался тщательно. Делегации трехъ республикъ перенесли на это время изъ Парижа въ Лондонъ.

Арменія съ трепетомъ ждала рѣшенія своей судьбы. Но и Грузія съ Азербайджаномъ были глубоко заинтересованы въ подготовкѣ мира съ Турціей вообще, а особенно въ выработкѣ статута для Арменіи: такъ какъ нельзя было при этомъ избѣгнуть и вопроса о взаимныхъ границахъ закавказскихъ республикъ. Впрочемъ, изъ дальнѣйшаго изложенія будетъ видно, что при подготовкѣ мирнаго трактата съ Турціей (будущаго Севрскаго договора) великія державы коснулись, правда, косвенно, и Грузіи: делегация наша приложила къ тому немало стараній, такъ какъ было чрезвычайно важно, чтобы международное разрѣшеніе ея вопроса т. е. формальное признаніе Грузіи состоялось хотя-бы въ связи съ вопросомъ восточнымъ.

Для выясненія границъ будущей Арменіи организована была при конференціи особая коммиссія, въ составѣ представителей Англій, Франціи, Италіи и Японіи.*)

Въ числѣ предметовъ ея изученія былъ важный вопросъ объ обезпеченіи Арменіи выхода къ морю, т. е. именно къ Черному морю.**)

Армянская делегация находила, что выходъ этотъ долженъ быть предоставленъ Арменіи, въ предѣлахъ Трапезундскаго

*) Изъ участниковъ ея назову г. г. Ванситартъ (Англія) и Наммерера (Франція), также полковника британской службы Гриббинъ (начальника ближневосточнаго отдѣла въ равнѣдномъ департаментѣ главнаго штаба). Полковникъ Шардини, бывший въ составѣ французской военной миссіи на Кавказѣ еще при Вел. Кн. Николаѣ Николаевичъ и вернувшійся въ Тифлисъ въ концѣ 1918 г., равнымъ образомъ, былъ вызванъ въ Лондонъ, въ качествѣ свѣдущаго лица.

**) Вопросъ о выходѣ въ Средиземное море (Александретта) ставился теперь совершенно иначе, такъ какъ предусматривалась возможность французскаго мандата въ Киликіи (которая, вообще, исключалась изъ границъ будущей Арменіи). Незадолго передъ тѣмъ, въ Киликіи произошло избиеніе армянъ. По этому поводу самъ председатель армянской делегаціи Агаронянъ заявилъ (корреспонденту Рейтера), что единственною способъ обезвредить Турцію и отдѣлать ее отъ остальной Азіи заключается въ томъ, чтобы Киликія была поручена Франціи, какъ мандатарію, и чтобы сфера мандата простиралась вплоть до границъ Великой Арменіи. *Am. The Times*, 23-го февраля 1920 г.

вилайета, съ отнесеніемъ къ ея составу малоазіатскаго побережья отъ Тиреболы (что западнѣ Трапезунда) до Хопы (т. е. почти до самой б. русско-турецкой границы 1914 года). Въ будущую Арменію включался-бы при этомъ весь почти Лазиставскій санджакъ, на который Грузія заявляла свои права передъ Парижской конференціей еще въ самомъ началѣ 1919 г. (когда греками выдвнута была проектъ созданія особой Понтийской республики) и нѣсколько позже, въ основномъ представленномъ конференціи меморандумѣ.

25-го февраля мы были приглашены въ вышеупомянутую коансцію, для объясненій по вопросамъ о Лазистанѣ и о Батумской области.

Необходимо пояснить, что притязаніе Грузіи на санджакъ Лазистанъ (Трапезундскаго вилайета) и части санджака Байбуртъ (Эрзерумскаго вилайета), отвѣчая опредѣленнымъ даннымъ исторіи и этнографіи, а также распространеннымъ въ грузинскомъ обществѣ взглядамъ, являлось съ самаго начала вполне *услownымъ*, въ томъ смыслѣ, что ставилось оно въ зависимость отъ прекращенія турецкой власти въ восточной Анатоліи и отъ созданія новой Арменіи. Разъ нѣкоторыя территоріи бывшей турецкой Имперіи подлежали перераспределенію, по началамъ справедливости и цѣлесообразности, и коль скоро проводилась граница между Грузіею и Арменіею въ предѣлахъ мусульманскихъ провинцій въ бассейнѣ Чороха и у Чернаго моря, то естественно было требовать присоединенія именно къ Грузіи Лазистанскаго санджака, являющагося прямымъ, продолженіемъ батумскаго побережья — съ населеніемъ, хотя и сильно отуреченнымъ, но по крови и языку близкимъ Грузіи (особенно, Мингреліи). Также естественно было просить исправленія границы по среднему Чороху, отнесеніемъ ее нѣсколько къ западу отъ Испира. Вмѣстѣ съ требованіемъ для Грузіи западныхъ округовъ б. Карсской области (Ардаганскаго и Ольтинскаго) планъ этотъ, въ случаѣ осуществленія, означалъ бы для Грузіи возсоединеніе съ нею всѣхъ частей такъ наз. мусульманской или турецкой Грузіи.

Предсѣдательствовавшій въ комиссіи г. Каммереръ, признавая достаточно убѣдительными изложенные мною въ ея засѣданіи доводы, отмѣтилъ, однако, что ласами вовсе не заявлялось желаніе присоединиться къ Грузіи, и что, напр., въ 1928 г. турки овладѣли Батумомъ именно съ помощью лавовъ (г. К. сослался злѣсь на свидѣтельство другого участника засѣданія, полковника Шардиньи). Отвѣтъ мой сводился

къ тому, что пока въ этихъ краяхъ шла историческая борьба между Россійскою и Оттоманскою Имперіями, симпатіи не только лазовъ, но можетъ быть и мусульманъ б. русской Грузіи принадлежали ихъ единовѣрцамъ. Теперь, когда великія державы рѣшили создать независимую Арменію, и власть Турціи въ этой части ея прежнихъ владѣній не будетъ сохранена, вопросъ ставится о томъ, куда лазовъ справедливѣе отнести, и куда они сами предпочтутъ отойти: къ независимой ли Грузіи или къ Арменіи? Поставить такъ вопросъ — значитъ уже и рѣшить его!

Однако, съ наибольшимъ интересомъ комиссія отнеслась къ вопросу о Батумѣ. «Конференція, говорилъ г. Каммереръ, твердо держится того начала, что ни одно новое государство не должно быть лишено свободнаго подступа къ морю. Создавая независимую Арменію, надлежитъ безусловно обезпечить ей выходъ къ Черному морю. Съ другой стороны, необходимо считаться съ важностью Батума для транзита въ торговлѣ западныхъ государствъ съ Персією. Батумъ-же есть вывозной портъ для нефтяныхъ продуктовъ Баку и т. д. Вопросъ о Батумѣ долженъ быть разрѣшенъ соотвѣтственно всѣмъ этимъ разнообразнымъ интересамъ».

Взгляды Грузіи на Батумъ и Батумскую область, какъ неотъемлемую часть грузинской территоріи и готовность, въ то же время, Грузіи дать всѣ необходимыя гарантіи для обезпеченія въ Батумѣ интересовъ сосѣднихъ республикъ и нуждъ международной транзитной торговли и — были подробно мною изложены передъ комиссією. Г. г. Каммереръ и Ванситартъ особенно останавливались на смѣшанномъ характерѣ населенія г. Батума, на отсутствіи тамъ грузинскаго большинства и пр. Присутствовавшій въ засѣданіи вмѣстѣ со мною Чхвѣдзе, близокъ знающій Батумъ, далъ тутъ-же, по моей просьбѣ, справку по этому предмету.

Легко было видѣть, что представители Англій и Франціи относились съ сомнѣніемъ къ возможности признанія верховенства Грузіи надъ Батумомъ; и что позиція эта связывалась у нихъ, между прочимъ, съ заботою объ обезпеченіи Арменіи свободнаго выхода къ морю. Что выходъ этотъ мыслился въ видѣ армянской желѣзной дороги Карсъ - Арвинъ - Батумъ, объ этомъ въ засѣданіи 25 февраля собственно не упоминалось.

1-го марта мы обратились къ В. Совѣту съ нотой, въ которой, во 1-ыхъ, требовали присоединенія Батумской области

къ Грузіи, во 2-ыхъ, выражали готовность заключить съ сосѣдними республиками соглашеніе, которымъ будутъ обезпечены не только достаточныя гарантіи Азербайджану и Арменіи (заинтересованнымъ въ свободѣ ихъ торговли черезъ Батумъ*) но также и свободу международного транзита; а въ 3-ихъ подтверждали, заявленное 25-го февраля въ комиссіи убѣжденіе въ необходимости исправленія въ пользу Грузіи, границы, посредствомъ отнесенія къ Грузіи санджака Лазистанъ, а также нѣкоторыхъ мѣстностей по Чороху; и, наконецъ, отмѣчали, что вопросъ объ упомянутомъ исправленіи границы возбуждается нами въ связи съ установленіемъ для Арменіи выхода въ Черное море, въ предѣлахъ Трапезундскаго вилайета.

Словомъ, мы не только указывали порядокъ разрѣшенія вопроса о Батумѣ — путемъ, прежде всего, соглашенія между тремя закавказскими республиками, на основѣ признанія Батума и его области частью Грузіи — но и связывали вопросъ объ армяно-грузинскомъ размежеваніи съ выходомъ Арменіи къ Черному морю.

79.

Верховный совѣтъ, взявъ мнѣнію своей комиссіи, одобрилъ совершенно другой планъ примиренія различныхъ, связанныхъ съ Батумомъ интересовъ.

Предполагалось: организовать Батумъ въ видѣ не только порто-франко, но и вольнаго города, въ составѣ собственно Батума и нѣкоторой (небольшой) прилегающей территоріи; остающуюся часть Батумской области распределить между Грузіей и Арменіей; а именно, къ первой — присоединить сѣверную и восточную часть области, второй же отдать, на югъ, районъ Арвина. Дальнѣйшее-же армяно-грузинское размежеваніе — признать нѣломъ самихъ этихъ республикъ. Лазистанъ будетъ автономною единицею, подъ суверенитетомъ Арменіи. Устанавливается свободный транзитъ черезъ Закавказье. Батумъ займуть смѣшаннымъ отрядомъ (англо-франко-итальянскимъ). Тамъ будетъ мѣстопребываніе международнаго комиссара (назначаемаго, повидимому, Лигой Націй).

На разрѣшеніе въ приведенномъ смыслѣ собственно вопроса о Батумѣ (вольный городъ) повлияла, какъ изъ сооб.

*) Позже (въ Парижѣ и Сент-Ремѣ) для разрѣшенія вообще закавказскаго вопроса Англійей было предложено именно этотъ путь — соглашенія трехъ республикъ.

щаль тогда мой осведомитель, обширность морских интересов, русских и международных, въ этомъ порту.

Легко объяснялось и дробленіе на три части Батумской области: въ этомъ случаѣ оказывалось возможнымъ проектировать трассу будущей желѣзной дороги Карсъ-Батумъ (армянскій выходъ въ Черное море!), минуя территорию Грузій, ибо въ предѣлахъ б. Батумской области, трасса эта проходила бы сначала по армянской «трети» (въ районѣ Артина), а затѣмъ подходила-бы къ Батуму уже по территории вольнаго города (т. е. въ районѣ устья Чороха).

На вариантѣ же Карсъ-Арвинъ-Батумъ остановились въ виду того что направленіе Эрзерумъ-Ризе, на основаніи прежнихъ изысканій, казалось, будто-бы, неосуществимымъ,

Главное достоинство этой схемы, помимо утѣшительности уже самого факта, что Верховный Судъ утосужился, наконецъ, заняться этими вопросами, — заключалось съ моей точки зрѣнія въ созданіи дѣйствительнаго международного контроля въ Батумѣ и дѣйствительной, международной заинтересованности въ Закавказскихъ дѣлахъ. Покровительство Лиги Наций, практически, обезпечивало-бы Закавказью дѣятельную поддержку державъ, сочувствующихъ независимости нашихъ республикъ; въ то-же время, этотъ важный результатъ достигался бы въ формѣ, устрояющей подозрѣнія въ своеорыстїи какой-либо отдѣльной великой державы.

Съ другой стороны, не говоря уже о явной искусственности такого рѣшенія, какъ «Лазистанъ подъ сюзеренитетомъ Арменїи», можно было опасаться, что предположенное дробленіе Батумской области, уступка Арменїи лѣваго берега Чороха съ г. Арвиномъ, въ связи съ отдѣленіемъ Батума отъ Грузій и предоставленіемъ Арменїи власти надъ новыми группами мусульманскаго населенія, затруднитъ упроченіе дружескихъ отношеній между Арменїей и ея сосѣдами.

Безъ прочнаго-же и твердаго соглашенія трехъ республики и по вопросамъ ихъ разграниченія, и относительно Батума, нельзя было питать ни малѣйшихъ надеждъ на разрѣшеніе Закавказскаго кризиса или на помощь какой-либо великой державы!

Надлежало, слѣдовательно, подумать о томъ какъ благія цѣли, поставленныя Верховнымъ Совѣтомъ, осуществить болѣе подходящими средствами.

Не слѣдовало забывать и о главномъ: о томъ, вслѣдствіи

чего Верховный Советъ, въ сущности и удѣлили теперь въ Лондонѣ свое вниманіе Закавказскимъ республикамъ, а именно о тѣсной связи «нашихъ» вопросовъ съ дѣломъ мира на Востокъ, съ созданіемъ независимой Арменіи: для дѣйствительнаго осуществленія программы мира съ Турціей, представлялось крайне важнымъ, укрѣпить въ политическомъ и военномъ смыслѣ, Закавказскія республики, упрочить ихъ взаимныя связи. Только въ этомъ случаѣ возможно было созданіе «средостѣнія» между совѣтской Россіей и Турціей Мустафы-Кемаля; только при этомъ условіи, связь Европы съ Арменіей могла быть обезпечена, а Батумъ могъ стать опорнымъ пунктомъ для давленія на Анатолію — съ востока.

Въ виду такихъ соображеній, грузинская делегация обратилась, по моему предложенію, къ Верховному Совету съ новою нотой, по вопросу о Батумѣ (16-го марта), пункты которой позволю себѣ здѣсь привести:

1. Батумская область, въ составѣ округовъ Батумскаго и Артинскаго, съ большинствомъ населенія грузинско-мусульманъ, должна быть присоединена къ территоріи грузинской республики.

2. Расчлененіе Батумской области, съ отнесеніемъ какой-либо ея части къ составу другого государства, а не Грузии, не должно вызвать глубочайшее разногласіе и обостренія взаимоотношеній между сосѣдними народами въ Закавказьи.

3. Если будетъ доказано, что, въ силу условій географическихъ, топографическихъ или иныхъ, выходъ къ морю Арменіи долженъ непременно занимать часть территоріи, которую грузинскій народъ считаетъ своимъ национальнымъ достояніемъ и которой онъ на этомъ основаніи домогается, — права грузинскаго народа должны быть приняты въ уваженіе. Вышеупомянутый выходъ къ морю т. е. примыканіе желѣзныхъ дорогъ Арменіи къ предполагаемому выходу ея на Черное море можетъ быть организованъ на основаніи специальныхъ соглашеній, безъ ущерба для суверенитета Грузии надъ относящимися сюда территоріями.

4. Созданіе въ Батумѣ автономной республики, включающей также часть Батумской области, неизбежно повлечетъ за собой еще большее усложненіе и безъ того недостаточно сложныхъ взаимоотношеній между закавказскими государствами. Это рѣшеніе, причиняя разочарованіе грузинскому народу, у котораго оно отнимаетъ владѣніе его лучшимъ портомъ, вовсе не является необходимымъ ни съ точки зрѣнія торговыхъ и экономическихъ потребностей сопредѣльныхъ Грузии странъ, ни для удобностей транзита товаровъ въ международную торговлю, особенно съ Персіей, ибо все эти интересы, значеніе которыхъ грузинскимъ правительствомъ оценивается въ полной мѣрѣ, могутъ быть удовлетворены, и необходима гарантія тому, — быть обезпечены путемъ специальныхъ соглашеній, заключаемыхъ между заинтересованными сторонами непосредственно либо же при содѣйствіи Верховнаго Совета или Лиги Наций.

Устроенный на этих началах, Батумский порт представлял, под суверенитетом Грузии, действительно общим выходом (débourché) трех закавказских республик, а в то же время и складочным местом для международной торговли. — притом, без искусственного отдаления этого города от его Hinterland'a и без нарушения прав Грузии на Батумь.

5. Грузинское правительство поддерживает свои притязания... на два округа Карсской области: Ардагский и Ольгинский.

6. Возможно, что по соображениям общей политики и дабы обеспечить приведение в действие мирных договоров, великим державам сочтут соответственным располагать, в батумском порту, военною и морскою базою. Для этой цели, необходимые удобства должны быть обеспечены великим державам, и наиболее простым путем к тому является заключение необходимых соглашений и конвенций с Грузией.

Полагаю, что вышеприведенныя выдержки достаточно ясно освѣщаютъ официально выраженныя взгляды грузинской делегаціи по вопросу о Батумѣ и о желѣзнодорожном сообщеніи Арменіи съ Чернымъ моремъ. Эти вопросы дѣлались теперь пробнымъ камнемъ закавказской политики въ «международномъ масштабѣ».

80.

Грузинская делегація обнаружила инициативу, и выдвигая соглашеніе трехъ сосѣднихъ республикъ, какъ основаніе для обезпеченія за Батумомъ его функціи общаго выхода въ море, и доказывая полную возможность обезпеченія Арменіи желѣзнодорожной связи съ Чернымъ моремъ черезъ Батумъ — но безъ дробленія Батумской области, и съ признаніемъ въ ней грузинскаго суверенитета.

Эти темы и явились, какъ мы увидимъ, стержнемъ, вокругъ котораго вращались переговоры между Закавказскими республиками, съ одной стороны, и англійскимъ правительствомъ въ эпоху окончательной выработки проекта Севрскаго договора.

Теперь коснусь вкратцѣ взаимоотношеній между делегаціями трехъ республикъ въ Лондонѣ (въ мартѣ 1920 г.), по поводу поставленныхъ тамъ вопросовъ: это тѣмъ болѣе необходимо, что именно тогда начался правильный обменъ мнѣній, завершеніе котораго произошло уже въ Санъ-Ремо (въ концѣ апрѣля 1920 г.)

Достигнуть какой нибудь согласованности въ работѣ

трех делегаций было необычайно трудно, въ виду кореннаго расхожденія въ политическихъ задачахъ, прежде всего, между Арменией и Азербайджаномъ. Здѣсь дѣло не въ однихъ пограничныхъ спорахъ, какъ-бы они ни были сложны. Гораздо важнѣе былъ антагонизмъ коренной, безповоротный, въ значительной мѣрѣ даже подсознательный, лежащій въ основаніи много-сложной и длительной борьбы, разныя проявленія которой, на протяженіи послѣднихъ десятилѣтій надлежитъ разсматривать въ ихъ общей связи. Избѣненія армянъ въ Турціи; армяно-татарская «рѣзня» (подъ сѣнью двуглаваго орла!) — бывшая, по существу, «малой войной» между народами, неорганизованными государственно; роль армянъ въ міровой войнѣ (на сторонѣ союзниковъ) и кровавая реакція противъ нихъ въ Турціи; армяно-турецкія, а также армяно-татарскія репрессаліи и контръ-репрессаліи — на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Турціи; въ Закавказьи, въ различныхъ сочетаніяхъ съ поворотами военнаго счастья, съ измѣненіями политическаго режима и т. д. — все это элементы одной драмы: борьбы армянскаго народа за существованіе на своей землѣ и за созданіе тамъ своего государства — и борьбы турокъ за сохраненіе завоеваннаго и за расширеніе сферы своего владычества въ сторону родственныхъ по населенію прикаспійскихъ территорій.

Послѣ побѣды союзниковъ, съ конца 1918 года армяне опять, какъ въ 1914 г. — поставили ставку всей своей будущности на *политическое разрушеніе* Турціи (см. выше гл. XIX.). Въ началѣ 1920 года имъ многое приходилось уже сбавить въ своихъ требованіяхъ. Но надежда не только на созданіе сильной, обширной Арменіи, но и на существенное стреноженіе Турціи сохранялась. Въ приведенныхъ уже выше (стр. 254) заявленіяхъ предсѣлателя армянской делегации *Аветиса Агаджяна*, рядомъ съ сокрушеніемъ по поводу того, что рѣшено не выгонять турокъ изъ Константинополя, утверждалось, что ихъ нельзя оставлять ни въ Киликіи, ни въ другихъ районахъ, гдѣ есть христіане. Цель «младотурокъ» — уничтожить Арменію и приблизить Турцію къ границѣ Азербайджана. Поэтому, обязательно включить въ Арменію Эрзинджанъ и Эрзерумъ и не допустить турокъ занять горную область Карабага, откуда они легко могутъ спуститься въ Эривань.

Азербайджанцы не оставались въ долгу. Отстаивая свои прямыя интересы, они не забывали защищать отъ армянскихъ домогательствъ и Турцію. Такъ, въ сущности, былъ дѣйствительный смыслъ ихъ стремленія связать и отождествить съ

Азербайджаномъ всё вообще мусульманскіе элементы Закавказья. Въ 1919 г. у нихъ мелькнула, можетъ быть, мысль получить «согласно пунктамъ Вильсона», т.е. путемъ мусульманскаго самоопредѣленія то, что Турція получила въ 1918 г. отъ большевиковъ, и что утратила въ концѣ того же года. Въ представленномъ Парижской конференціи меморандумѣ Азербайджанъ включалъ въ свои предѣлы всё мусульманскія провинціи Закавказья, не исключая Батумской области! Конечно, заявляя эти требованія, Азербейджанъ думалъ не только о себѣ.

Замыселъ этотъ не могъ быть осуществленъ такъ просто; и, практически его нельзя было отстаивать въ 1919 году.

Но азербайджанская делегація (въ Лондонѣ въ февраль-мартѣ 1920 г.), не высказываясь теперь въ принципѣ противъ притязки къ Арменіи нѣкоторыхъ турецкихъ территорій, находила, напримѣръ, несправедливымъ и нежелательнымъ (съ точки зрѣнія интересовъ мусульманскаго населенія) включеніе въ составъ Арменіи какихъ-либо частей Батумской или Карсской области. Это обнаружилось, при совмѣстномъ обсужденіи делегаціями Грузіи и Азербайджана проекта заявленія на имя Верховнаго Совѣта, который, по мысли грузинской делегаціи, предполагалось довести до свѣдѣнія послѣдняго, что обѣ союзныя республики признають нецѣлесообразнымъ дробленіе Батумской области, что Азербайджанъ не возражаетъ противъ включенія ея, съ Батумомъ, въ составъ Грузіи, а Грузія, со своей стороны, полностью обезличиваетъ интересы Азербайджана въ Батумѣ (какъ выходъ въ море).

Заявленіе это, которому грузинская делегація придавала бы большое значеніе при отстаиваніи правъ Грузіи на Батумъ, не могло быть сдѣлано, ибо делегація Азербайджана настаивала на предъявленіи одновременно требованія о присоединеніи къ Грузіи всей Карсской области*). Мы-же, очевидно, затруднялись заявить такое требованіе, ибо въ основаніи меморандумъ (1919) домогались двухъ лишь, изъ четырехъ, округовъ Карсской области (Ардаганскаго и Ольтинскаго) — неговоря уже о недопустимости его для насъ по существу.

Также безрезультатна была попытка вообще двинуться впередъ въ дѣлѣ разграниченія трехъ республикъ, сдѣланная

*) Съ точки зрѣнія азербайджанцевъ, разъ это провинція могла быть турецкой, предпочтительнѣе было включеніе ея въ составъ Грузіи, а не Арменіи.

(въ Лондонѣ, въ концѣ марта 1920 г.) въ виду постановки армянскаго вопроса на конференціи. Возвращаясь къ старой темѣ о необходимости скорѣйшаго разграниченія между сосѣдями, Агаронянъ высказалъ намъ какъ-то предложеніе о томъ, чтобы дѣло разграниченія (въ виду явной невозможности достигнуть результатовъ на мѣстѣ) было перенесено въ Европу и возложено здѣсь на наши делегаціи. Мысль эта, несомнѣнно, заслуживала вниманія. Мы обсудили ее тщательно съ Богосъ-Нубаръ-пашею и другими армянскими делегатами, а также съ азербайджанцами. Армяне, въ разговорѣ съ нами, проводили теперь рѣзкую грань между Грузіей (съ которою разногласія легко устранимы!) и Азербайджаномъ (требованія котораго совершенно несомѣстимы съ армянскими!) Они считали, что въ виду опубликованныхъ незадолго передъ тѣмъ свѣдѣній о заключеніи, будто-бы, между Турціей и Азербайджаномъ, тайной военной конвенціи*), они не могутъ довѣрять послѣднему. Они не придавали, поэтому, ни малѣйшаго значенія подписанному въ ноябрѣ 1919 г. въ Тифлисѣ соглашенію о порядкѣ разрѣшенія взаимныхъ споровъ между тремя республиками (см. выше стр. 237). Азербайджанцы-же находили, что стремленіе армянъ перенести все дѣло разграниченія въ Европу объясняется ихъ увѣренностью въ благопріятномъ къ нимъ именно настроеніи конференціи; что здѣсь, въ большихъ опасеніяхъ они, армяне, сильнѣе насъ и средствами и связями и численностью — между тѣмъ какъ при разсмотрѣніи вопросовъ тамъ на мѣстахъ, неправильность, преувеличенность ихъ утвержденій всегда легко обнаруживается. Поэтому и азербайджанцы, и грузины должны настаивать на разрѣшеніи споровъ собственными силами республикъ въ самомъ Закавказьи, а не въ Лондонѣ или Парижѣ.

Въ виду нежеланія армянъ обсудить этотъ вопросъ непосредственно съ азербайджанцами, грузинская делегація старалась устранить разногласіе, предложивъ отправить отъ имени трехъ делегацій телеграммы въ Тифлисъ, Баку и Эривань съ приглашеніемъ правительствъ къ немедленному созыву конференцій по разграниченію, учрежденію арбитражныхъ комиссій и пр. и съ предложеніемъ, въ случаѣ неудачи этой процедуры или признанія ея неосуществимой, передачи дѣла делегаціямъ. Текстъ телеграммы былъ одобренъ армянами;

* См. данныя по этому вопросу въ The Times, 20 марта 1920 г.

азербайджанцы, не возражая по существу, полагали, что каждой делегации должна быть предоставлена свобода въ выборѣ формы и способа изложенія мысли объ «ускоренномъ разграниченіи». Задуманный шагъ, поэтому, и не состоялся.

Привожу этотъ эпизодъ, чтобы показать, съ какими трудностями приходилось сталкиваться во взаимоотношеніяхъ между делегациями. Трудности эти не были, однако, неустрашимы, что видно будетъ изъ дальнѣйшаго.

ГЛАВА XXXI.

ЗАКАВКАЗСКІЯ РЕСПУБЛИКИ И КОНФЕРЕНЦІЯ ВЪ САНЬ-РЕМО.

(апрѣль 1920 года.)

81.

13-го апрѣля 1920 г., предсѣдатель грузинской делегаціи былъ приглашенъ на совѣщаніе къ г. Роберту Ванситтарту, въ Campbell's Hotel. Я отправился туда вмѣстѣ съ Чхеидзе. Оказалось, что такое-же приглашеніе получено было делегаціями азербайджанскою и армянскою, такъ что въ свиданіи этомъ съ представителями великобританскаго правительства вмѣстѣ съ нами присутствовали: Али-Марданъ-бекъ Топчи-башевъ, Богосъ-Нубаръ и Аветисъ Агаронянъ.

Р. Ванситтартъ обратился къ намъ со слѣдующимъ заявленіемъ: «Я еще въ Лондонѣ искалъ васъ, но вы уже успѣли уѣхать; тогда я вызвался для исполненія возложенной на меня задачи отправиться въ Парижъ, чтобы встрѣтиться здѣсь съ вами и поговорить частнымъ образомъ, по дружески, о нѣкоторыхъ вашихъ общихъ дѣлахъ. Позвольте мнѣ, какъ лицу, хорошо знающему ваши страны и желающему вамъ добра, быть съ вами откровеннымъ.

Въ кругахъ Верховнаго Совѣта многіе держатся взгляда, что никакой будущности у Закавказскихъ республикъ нѣтъ, ибо онѣ не способны къ какой-бы то ни было солидарности и истощаются во взаимныхъ распряхъ... Многое, дѣйствительно подтверждаетъ такую оцѣнку. Намъ, напримѣръ, извѣстно, что по вопросу о *будущности Батума* три закавказскія республики имѣютъ совершенно различныя воззрѣнія. Много и другихъ спорныхъ вопросовъ.

Недавно, познакомившись съ м. морандумомъ г. Топчи-башева, поданнымъ въ Лондонѣ, я подумалъ, что тамъ есть

идея, достойная государственного человека, а именно, идея совместного контроля Закавказских республик над спорными территориями»...

Последнее сообщение Ванситарта вызвало распросы и обмен замечаний: оказалось, что мысль Топчибашева была не так понята. Но это было лишь минутное отвлечение в сторону.

Воспользовавшись ссылкой г. Ванситарта на Батумь, какъ на яблоко, будто-бы, раздора между соседями, я немедленно заявилъ, что такое понимание не точно: ни азербайджанцы, ни армяне не отрицаютъ правъ Грузіи на Батумь и на батумскую область. «Увѣренъ, прибавилъ я, что ни представитель азербайджанской делегации, ни г.г. армянскіе делегаты, здѣсь присутствующіе, не откажутся признать правильности этого утверждения».

И Топчибашевъ, и Агаронянъ, и Б. Нубаръ подтвердили безъ обиняковъ, что дѣйствительно, права Грузіи на Батумь, съ областью, ими не оспариваются. Это ихъ заявленіе — котораго мы не могли добиться въ Лондонъ — послужило прекраснымъ вступленіемъ къ дальнѣйшимъ переговорамъ.

«Болѣе яркія иллюстраціи непримиримости, болѣе выдающіеся примѣры «яблокъ раздора», можно-бы, продолжалъ я, обнаружить въ другихъ районахъ Закавказья; но даже для самыхъ острыхъ территориальныхъ споровъ намѣчаются пути къ разрѣшенію! Что же касается Батума, то здѣсь *признаніе суверенитета Грузіи, при условіи прочнаго обезпеченія интересовъ сосѣдей въ батумскомъ порту*, является формулой для всѣхъ приемлемой и могущей служить основаніемъ для соглашенія».*)

Завязался обменъ мнѣній на эти темы, и съ общаго согласія рѣшено было немедленно заняться выдвинутыми мною вопросами о 1) Батумь и батумской области, въ связи съ экономическими интересами республикъ Закавказья и 2) о способахъ разрѣшенія территориальныхъ споровъ между этими республиками. Дѣло происходило во вторникъ: условлено было собраться тамъ-же у г. Ванситарта, въ четвергъ угречь, (т. е. 15 апрѣля) съ *готовымъ уже результатомъ*.

Прощаясь съ г. В., я говорилъ ему объ элементахъ согла

*) Какъ вамъ извѣстно тогда попутно г. Ванситартъ, на признаніи суверенитета Грузіи въ Батумь — очень мало шансовъ.

сія, готовыхъ скристаллизоваться на Кавказѣ—какъ онъ самъ могъ то видѣть -- о необходимости помочь этому процессу --- о томъ, какъ благодарна и какъ интересна его лично рѣчь въ этомъ дѣлѣ.

Немедленно приступлено было къ обсужденію ^{двухъ} вышеизложенныхъ вопросовъ въ соединенныхъ засѣданіяхъ трехъ делегаций (преимущественно у насъ). Съ самаго начала возникли затрудненія при выясненіи тѣхъ гарантій, которыя должны быть предоставлены въ Батумѣ сосѣдямъ Грузинъ, особенно Арменій. Въ виду этого, мы перешли ко второму вопросу (объ арбитражѣ) съ тою, однако, оговоркою, что ни порядокъ, ни тѣсная внутренняя связь вопросовъ этихъ не измѣняются и не нарушаются.

Основною обсужденія служили какъ по первому, такъ и по второму предмету составленные мною проекты. Проектъ о порядкѣ разрѣшенія территориальныхъ споровъ путемъ арбитража подвергся систематическому обсужденію; разногласія удалось здѣсь, наконецъ, преодолѣть, и соглашение было достигнуто.

Что же касается вопроса о Батумѣ, то несмотря на перенесеніе условленнаго свиданія съ великобританскимъ делегатомъ, съ четверга на пятницу (16 апрѣля, день отъѣзда англійской делегации въ С. Ремо), делегации наши не успѣли ни обсудить полностью мой проектъ, ни сгладить возникшія противорѣчія.

Принято было вступленіе § о признаніи суверенитета Грузинъ надъ батумской областью, § о признаніи этого суверенитета надъ Батумомъ при условіи обезпеченія интересовъ Арменій и Азербайджана. Формулировка же этихъ гарантій вызвала разногласія. Во-первыхъ, мы по существу не могли согласиться съ нѣкоторыми изъ требованій, изложенныхъ по этому вопросу отъ имени армянъ Габриель-эфенди *Нарадунджаномъ* *) въ пяти пунктахъ (а именно, съ предоставленіемъ Арменіи части батумскаго порта, и съ признаніемъ этой части, а также полосы отчужденія армянской желѣзнодорожной

*) Многоболыной турецкій дипломатическій, редакторъ известнаго собранія трактатовъ, заключенныхъ Оттоманскою Имперіею, отъ войны 1911-18 г. занималъ высшіе посты въ турецкой администраціи. Былъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ.

зѣтви къ Батуму — экстерриториальными). Во вторыхъ, мы съ самаго начала указывали на предпочтительность соглашенія принципиальнаго, декларативнаго, съ тѣмъ, чтобы техническія подробности были обсуждены позже, при заключеніи, на основѣ принятыхъ началъ, специальныхъ соглашеній и конвенцій. Я придавалъ этому особое значеніе, вслѣдствіе спѣшности и срочности нашихъ переговоровъ, цѣль которыхъ вѣдь заключалась въ немедленной демонстраціи передъ Верховнымъ Совѣтомъ нашего согласія. Вдобавокъ, обсужденіе сколько-нибудь специальныхъ вопросовъ крайне затруднялось и тяжеловѣсностью нашей процедуры (въ обсужденіяхъ участвовали всѣ члены трехъ делегаций, откуда многолюдность, разноязычность, сумбурность!) и недостаткомъ времени, и неопытностью въ дѣлахъ большинства участниковъ.

Такъ какъ указанное выше разногласіе и къ пятницѣ (16 апрѣля) оказалось неустраненнымъ, то, при свиданіи нашемъ въ этотъ день съ г. Ванситтартомъ, мы поставили его въ извѣстность о достигнутомъ уже соглашеніи (относительно порядка разрѣшенія территориальныхъ споровъ) и о разногласіи нашемъ — по вопросу о «гарантіяхъ» въ Батумѣ. Богосъ-Нубаръ первымъ изложилъ вопросъ, какъ онъ рисовался съ армянской точки зрѣнія, затѣмъ мною подробно освѣщено было положеніе переговоровъ и указано на достигнутое уже принципиальное согласіе трехъ делегаций и по вопросу обрѣтсеніи Батума съ областью къ Грузіи, и по общему вопросу о гарантіяхъ для сосѣдей — а также выдвигалась необходимость дать всему нашему соглашенію, въ настоящій моментъ, именно общій, декларативный, не технической характеръ.

Представитель великобританскаго правительства выразилъ радость по поводу состоявшагося соглашенія объ обязательномъ арбитражѣ и еще разъ напомнилъ намъ, что всякое доказательство способности нашей къ компромиссамъ и взаимнымъ уступкамъ даетъ друзьямъ нашимъ въ Верховномъ Совѣтѣ возможность отстаивать интересы нашей независимости. Неужели вамъ не ясно, говорилъ онъ, что, напримѣръ, доставка вамъ оружія и военныхъ припасовъ*) затормозилась именно изъ-за вашихъ несогласій; изъ-за опасенія, что оружіе это послужитъ вамъ въ вашихъ взаимныхъ распряхъ? Наоборотъ, соглашеніе между вами принесетъ вамъ много плодовъ.

*) Общанная еще въ январѣ 1920 г.

Грузинамъ, особенно, надлежитъ показать примѣръ уступчивости и либерализма при обезпеченіи насущныхъ интересовъ сосѣдей, такъ какъ безъ этого не можетъ быть осуществлено стремленіе ихъ къ суверенитету надъ Батумомъ и его областью).

Въ отвѣтъ на это заявленіе, я прочелъ, составленную мною для грузинской делегаціи, ею одобренную, схему соглашенія по вопросу о Батумѣ, и г. Ванситтартъ нашелъ ее именно тѣмъ, что требовалось; онъ настойчиво совѣтовалъ намъ притти къ соглашенію на этой именно основѣ. По его мнѣнію, нѣтъ дѣйствительно никакой надобности въ болѣе точномъ опредѣленіи правъ, которыя должны быть предоставлены Арменіи въ Батумѣ, ибо вопросы этого порядка будутъ разрѣшены къ выгодѣ и удобству всѣхъ закавказскихъ республикъ тѣмъ режимомъ «свободнаго порта», который во всякомъ случаѣ рѣшено примѣнить къ Батуму. Отъ себя лично уполномоченный лорда Керзона прибавилъ совѣтъ: возбудить передъ Лигою Націй вопросъ о созданіи въ Батумѣ должности портового инспектора (назначаемаго Лигою), наблюдающаго за правильнымъ примѣненіемъ международныхъ порядковъ въ порту, а также установить обязательный арбитражъ для всѣхъ случаевъ разногласій при осуществленіи нашего соглашенія.*) А главное, г. Ванситтартъ предупредилъ насъ о возможности objections касающихся насъ вопросовъ Верховнымъ Совѣтомъ въ первомъ же его засѣданіи въ С. Ремо и просилъ, чтобы соглашеніе наше, скрѣпленное надлежащими подписями, было получено великобританскою делегаціею въ С. Ремо не позже вторника, т. е. 20-го апрѣля. Слѣдующая наша встрѣча должна была состояться уже въ С. Ремо.

Въ тотъ-же день (т. е. 16 апрѣля) делегаты встрѣтились снова, въ этотъ разъ у Богосъ-Нубаръ-паша, на Avenue President Wilson.**) Мы занялись сначала окончательнымъ редактированіемъ соглашенія объ арбитражѣ и закончили эту работу. Затѣмъ перешли къ проекту соглашенія о Батумѣ. Б. Нубаръ-паша записалъ его тутъ-же подл мою диктовку: въ виду крайней спѣшности работы, у меня даже не имѣлось испин этого проекта, въ который теперь вошли статьи о международномъ инспекторѣ, объ арбитражѣ, а также о допущеніи,

*) Идея эта высказывалась нами еще раньше.

**) Здѣсь были: В. Нубаръ, Агаронянъ, Чехандзе, Топчибашиянъ, Шарандуніанъ и я.

въ принципѣ, *особой желѣзнодорожной связи Батума съ армянскою рельсовою системою*. Последнее соотвѣтствовало не только требованіямъ армянъ, но и нашимъ собственнымъ заявленіямъ въ Лондонѣ (см. стр. 259).

Разногласіе съ армянами обнаружилось, однако, уже по поводу ст. 1-ой, гласившей о поддержкѣ армянами и азербайджанцами идеи суверенитета Грузіи надъ «Батумскою областью, въ составѣ округовъ Батумскаго и Артавинскаго». Ссылаясь на то, что они всегда разумѣли подъ «Батумскою областью», подлежащей передачѣ Грузіи, территорію до р. Чороха (Нубарь-паша, дѣйствительно, высказывался какъ-то въ этомъ смыслѣ), армяне заявили, что, признавая суверенитетъ Грузіи въ Батумѣ и его области, они должны будутъ сдѣлать *оговорку* къ томъ смыслѣ, что границею между Арменіею и Грузіею должна служить р. Чорохъ. Съ нашей стороны заявлено было о недопустимости для насъ и разговора объ уступкѣ Арменіи лѣваго берега Чороха. Всѣ старанія устранить это разногласіе оказались, въ этомъ засѣданіи, безуспѣшными. Становилось очевиднымъ, что соглашеніе наше не можетъ быть выработано до Санъ-Ремо, куда мы обѣщали привести его готовымъ и подписаннымъ!

На слѣдующій день (17-го апрѣля), я старался склонить грузинскую делегацію къ признанію армянской оговорки о лѣвомъ берегу Чороха, при всей ея досадности и неумѣстности, обстоятельствомъ, не препятствующимъ дальнѣйшему разсмотрѣнію нашего проекта. Оговорка эта — поясняя я — не означаетъ признанія нами правъ Арменіи на часть батумской территоріи. Напротивъ, армяне вносятъ ее именно потому что двѣ другія делегаціи одинаково относятся къ Грузіи и правый и лѣвый берегъ Чороха. Наконецъ, подписывая соглашеніе, мы одновременно объяснимъ Верховному Совѣту, что настаиваемъ на присоединеніи всей области къ Грузіи (какъ объ этомъ, впрочемъ, нами заявлялось уже въ Лондонѣ). Практическое значеніе вопросъ получилъ-бы при выясненіи армяно-грузинской границы у Чернаго моря — и разрѣшился бы путемъ арбитража.

Однако, члены грузинской делегаціи находили, что армянская «оговорка» можетъ создать впечатлѣніе, будто мы, такъ или иначе, не противимся уступкѣ Арменіи лѣваго берега Чороха (въ Батумской области)! Разубѣдить ихъ въ этомъ заблужденіи не было ни малѣйшей возможности! Пришлося

поэтому сдѣлать имъ другое предложеніе, а именно: чтобы въ текстѣ соглашения выраженіе «Батумская область въ составѣ округовъ Батумскаго и Артвинскаго» было замѣнено словами «территорія, прилегающая къ Батуму». Въ этомъ случаѣ (казалось мнѣ) армянамъ не будетъ нужды въ ихъ «оговоркѣ», имѣвшей, кстати, опору въ февральскомъ предположеніи (см. выше) Верховнаго Совѣта (въ Лондонѣ) — о расчлененіи Батумской области и присоединеніи къ Арменіи какъ разъ лѣваго берега Чороха!

Это предложеніе делегацій было одобрено. Но продолжить обсужденіе проекта, дабы притти еще въ Парижѣ къ соглашенію — политическое значеніе и срочность котораго многими изъ насъ недостаточно понимались — оказалось уже невозможнымъ: делегаціи закавказскихъ республикъ должны были выбираться изъ Парижа въ С. Ремо.

82.

Переговоры между тремя делегаціями, при участіи г-на Ванситтартъ, возобновились въ С.Ремо, куда мы пріѣхали вечеромъ во вторникъ 20-го апрѣля. Изъ официальныхъ сообщеній мы освѣдомились, что Верховный Совѣтъ въ это время уже занимался, между прочимъ, и вопросомъ о Батумѣ.

Совѣщаніе делегацій съ представителемъ англійскаго правительства было назначено на вечеръ 21-го апрѣля. Днемъ мы продолжали препирательство относительно армянской оговорки о лѣвомъ берегу Чороха. Сдѣлана была попытка избѣгнуть разногласія посредствомъ отказа отъ точнаго описанія территоріальнаго состава Батумской области (ср. выше). Мы указывали армянамъ на неожиданность и необоснованность ихъ новаго территоріальнаго требованія. Несмотря на ихъ возраженія, видно было, однако, что на требованіи этомъ они не будутъ особенно настаивать, и что центръ вниманія ихъ лежитъ теперь въ вопросѣ о гарантіяхъ желѣзнодорожнаго выхода для Арменіи къ Батуму (черезъ Батумскую область). Въ этомъ засѣданіи Чхеидзе, неожиданно для меня, началъ отстаивать такую формулировку этихъ гарантій, которая подразумевала бы организацію выхода Арменіи къ Черному морю въ видѣ простого пользованія уже существующей линіей Карсъ-(Эривань)-Тифлисъ-Батумъ. т. е. безъ сооруженія особой желѣзной дороги изъ Арменіи къ Батуму черезъ нижній Чорохъ. Съ этимъ армяне оче-

видно не могли примириться; а внутри грузинской делегации многу указывалось, что въ принципѣ, сооруженіе *особаго* рельсоваго пути для соединенія Арменіи съ Чернымъ моремъ уже допущено было нами въ Лондонѣ (ср. выше стр. 259) и не опровергалось въ позднѣйшихъ свиданіяхъ съ армянами въ Парижѣ*). А главное—особый *свой* выходъ къ морю былъ уже обѣщанъ Арменіи В. Совѣтомъ!

Совѣщеніе съ г. Ванситтартомъ состоялось поздно вечеромъ, въ Royal Hotel, у г. Богосъ-Нубара. Ванситтартъ повторилъ кое-что изъ сказаннаго имъ въ Парижѣ и сообщилъ, что, какъ онъ того ожидалъ и какъ онъ насъ о томъ предупредилъ, Верховный Совѣтъ съ самаго-же начала занялся вопросами, касающимися нашихъ республикъ. Вопреки обѣщанія, мы не доставили ему ко вторнику (20 апр.) текста подписанныхъ соглашеній. Онъ будетъ говорить совершенно откровенно. *Если соглашение между закавказскими республиками не послѣдуетъ теперь-же, когда Верховный Совѣтъ его ожидаетъ, то за послѣдствія будемъ отвѣчать мы сами.* Наша согласованная дружная дѣятельность необходима особенно въ данный моментъ, когда намъ угрожаетъ опасность съ сѣвера. Каждая минута дорога: проидеть немного времени, и Верховному Совѣту будетъ уже не до насъ!

«Правда,—продолжалъ г. Ванситтартъ, я не имѣю самъ полномочія рѣшать вопросы; но полагаю, что пользуюсь довѣріемъ моихъ начальниковъ, и что мнѣніе мое для нихъ не безразлично. И вотъ, если теперь здѣсь-же не осуществится то, о чемъ я стараюсь, мнѣ придется признать свое безсиліе и просить объ освобожденіи меня отъ возложенной на меня задачи. Я-же умою руки и отойду въ сторону...

Вамъ извѣстно вѣроятно, что въ свое время Верховный Совѣтъ одобрилъ планъ такого разрѣшенія Батумскаго вопроса, по которому Батумъ съ нѣкоторою зоною подлежалъ нейтрализаціи, часть области отходила къ Арменіи, и лишь остальная треть присоединялась къ Грузіи. Я лично этотъ планъ находилъ несправедливымъ, неправильнымъ; и если теперь окажется возможнымъ примирить суверенитетъ Грузіи надъ *всей* областью и городомъ съ интересами сосѣдей Грузіи, то я берусь привлечь вниманіе Верховнаго Совѣта къ этому ново-

*) Не говори о томъ, что сооруженіе линіи Карсъ-Батумъ представлялось и вообще по всемъ отношеніямъ желательнымъ и по отношенію къ Арменіи — справедливымъ.

му плану. Я надѣюсь, что планъ этотъ получить одобреніе. Грузія особенно въ этомъ заинтересована, ибо она въ этомъ случаѣ особенно много выиграетъ...

Я скажу прямо: я не способенъ понять, я рѣшительно отказываюсь понять, почему до сихъ поръ еще нѣтъ между вами соглашенія по вопросу столь простому, столь очевидному! Въ чемъ дѣло? почему не желаете вы придти къ компромиссу, когда результаты его должны быть для васъ столь цѣнны и благоприятны? Еще одинъ послѣдній разъ обращаюсь къ вамъ съ такимъ совѣтомъ — вѣрьте, что онъ проидитованъ дружбой!

Мы обѣщали... «приложить старанія» къ тому, чтобы соглашеніе состоялось — и разошлись.

22-го апрѣля грузинская делегация одобрила мой проектъ основныхъ положеній о пресловутой желѣзнодорожной связи Арменіи съ Батумомъ (вопросъ этотъ, какъ указано выше, получалъ теперь особое значеніе). На случай-же, еслибы проектъ этотъ вызвалъ затрудненія, заготовлена была мною и совершенно краткая, чисто принципиальная формулировка относительно этой дороги.

Общее засѣданіе трехъ делегаций собралось затѣмъ, у азербайджанцевъ, и приступило къ обсужденію предложеннаго текста, по которому даны были всѣ нужныя разъясненія. Армяне теперь уже не требовали «лѣваго берега Чороха» — помимо неосновательности этого притязанія, они видѣли, что идея «дробленія» батумской области уже успѣла увянуть и едва-ли будетъ кѣмъ-либо поддержана въ Верховномъ Совѣтѣ — съ грузинской-же стороны допущено было, на этотъ разъ безъ обвиняковъ, сооруженіе Арменіею желѣзной дороги къ Батуму, въ долину Чороха. Преппирательство сосредоточилось на вопросѣ о «суверенитетѣ» въ полость отчужденія. Послѣ данныхъ объясненій, что рѣчь идетъ о юрисдикціи гражданской и уголовной, о полиціи и т. д., армяне согласились, наконецъ, — послѣ продолжительныхъ преній — на сохраненіе суверенитета Грузіи въ полость отчужденія. Соотвѣтствующая поправка была внесена г. Нарадунганомъ, въ предлагавшуюся ими формулировку.

Съ тѣмъ большимъ упорствомъ требовали они прямого указанія въ текстѣ, что *право собственности* на желѣзную дорогу, на полотно, принадлежности и т. д., предоставляется Арменіи. Споръ осложнился еще въ видѣ заявленнаго армянами требованія, чтобы право сооруженія желѣзной дороги въ

льготныхъ условіяхъ, на грузинской территоріи, простиралось также на отвѣтвленіе въ сторону того пункта на Лавистанскомъ побережьи (върѣзано, Ризе), гдѣ Арменія будетъ имѣть свой *собственный портъ*. Это требованіе вызвало реплику, что переговоры велись о соединеніи Арменіи съ Батумомъ, что рѣчь шла объ одномъ выходѣ въ море, а не о двухъ и т. д. Чхеидзе заявилъ категорически, что изложенное въ представленномъ нами проектѣ есть максимумъ того, на что Грузія можетъ идти. Соглашеніе не состоялось.

Вечеромъ того-же дня (т. е. 22-го апрѣля) мы опять встрѣтились съ г. Ванситтартомъ и изложили ему наши разногласія. Онъ былъ въ полномъ отчаяніи и отказывался вообще понять образъ дѣйствій делегаций. Неужели-же онъ не видитъ, какъ онъ самъ себя вредятъ? Почему грузины не соглашаются принести небольшую жертву, разъ они такъ много выигрываютъ — сравнительно съ первоначальнымъ планомъ В. Совѣта объ устройствѣ Батума? «Правда, Грузія должна будетъ согласиться на примѣненіе къ Батуму режима свободнаго порта — который, кстати, полностью обезпечитъ интересы Азербайджана въ Батумѣ; вѣрнее мнѣ, что регламентъ этотъ будетъ для всѣхъ пріемлемъ!» — г. Ванситтартъ тутъ-же познакомилъ насъ съ положеніемъ о портахъ международнаго значенія, вошедшимъ затѣмъ въ Севрскій договоръ*). — «Остается вопросъ о желѣзной дорогѣ. У васъ два текста, грузинскій и армянскій: пусть армяне скажутъ, съ чѣмъ они не согласны въ грузинскомъ текстѣ, и наоборотъ. Постараемся эти тексты согласовать». Что могло быть проще и разумнѣе этого предложенія? Оно, конечно, не было принято. Господа делегаты предпочли возобновить никому не нужныя пренія, тянувшіяся далеко за полночь — о терминахъ и предметахъ, многимъ изъ нихъ недостаточно ясныхъ.

Стремясь извлечь делегации изъ трясины, въ которой онѣ безнадежно увязали — при отсутствіи между ними сколько-нибудь существеннаго разногласія, я предложилъ, въ качествѣ основы обсужденія, совершенно несложный текстъ, заключавшій слѣдующее поясненіе пункта о гарантіяхъ, представляемыхъ сосѣдямъ Грузіи въ Батумѣ (въ остальномъ пунктъ этотъ спорить не вызывалъ):

«При семъ подразумѣвается, что вышеупомянутыя гарантіи означаютъ также сооруженіе, заботами армянскаго пра-

*) Ст. 333-345

вительства, безъ ущерба для суверенитета Грузіи, желѣзной дороги, соединяющей армянскую рельсовую сѣть съ Батумомъ, по грузинской территоріи, въ предѣлахъ Батумской области».

Г. Ванситтартъ настоятельно рекомендовалъ представителямъ делегаций (г. г. Агароняну и Чхеидзе — разногласіе было между ними) придти къ соглашенію на этомъ тенствѣ. Въ виду же обнаруженныхъ раньше разногласій и въ поискахъ цѣлебнаго средства противъ грядущихъ пререканій, рѣшено было, съ общаго согласія, дополнить предложенный текстъ указаніемъ на обязательное обращеніе къ Лигѣ Націй въ случаѣхъ споровъ и разногласій относительно желѣзной дороги*).

Теперь армяне просили лишь о томъ, чтобы въ текстѣ упомянуто было о *принадлежности имѣ желѣзной дороги въ полную собственность*. Только при этомъ условіи соглашались они на сохраненіе въ текстѣ ссылки на суверенитетъ Грузіи. Хотя указаніе на «полную собственность» (en toute propriété) ничѣмъ не увеличивало объема правъ и безъ того предоставляемыхъ Арменіи, и, слѣдовательно, безъ этого указанія легко можно было обойтись, однако, разъ армяне настаивали на этой поправкѣ, не было — такъ казалось мнѣ — ни малѣйшаго основанія отказывать армянской делегации въ прибавленіи этихъ словъ («на правѣ полной собственности») къ предложенному мною тексту. Однако, Н. Чхеидзе (полномочнымъ лицомъ былъ онъ одинъ) объявилъ, что въ предложенномъ текстѣ онъ не допускаетъ ни малѣйшаго измѣненія.

Послѣ этого, великобританскій представитель заявилъ, что отнынѣ усилія его исчерпаны, онъ умываетъ руки и уходитъ отъ этого дѣла.

Совѣщаніе это закончилось поздно ночью. Какъ ни печально было мнѣ видѣть и признать теперь тщету и безплод-

*) Съ этой цѣлью былъ тутъ же составленъ и всѣми одобренъ слѣдующій пунктъ: «въ случаѣ, если между двумя правительствами не послѣдуетъ соглашенія относительно трассы желѣзной дороги или условій ея эксплуатаціи, вопросы эти будутъ разрѣшены на мѣстѣ комиссіею по назначенію Лиги Націй. Подобныя образомъ всѣхъ споръ, могущихъ возникнуть по поводу примѣненія или истолкованія настоящаго соглашения во всемъ его объемѣ, подлежатъ разрѣшенію арбитражной комиссіи, назначенной Лигою Націй».

ность всѣхъ моихъ многообразныхъ и неустанныхъ усилій*), какъ ни ясно представилась мнѣ вся безповоротность и жуткость допущенной тогда нашими делегациями ошибки, нельзя было не зарисовать мысленно трагикомической заключительной сцены этихъ — рѣдкихъ по безтолковости — переговоровъ, въ которыхъ мнимые профессиональные «политики» неспособные, однако, оцѣнить именно политическое значеніе момента, путались, безнадежно и бесплодно, въ препирательствахъ о словахъ и выраженіяхъ, не понимая дѣйствительнаго ихъ значенія.

Въ центрѣ этой сцены г. Ванситтартъ, повторяющій жестъ Понтія Пилата, съ лицомъ, выражающимъ недоумѣніе, утомленіе и скуку, при видѣ этой дюжины господъ въ смокингахъ, изъ за трехъ — совершенно лишнихъ, но и безвредныхъ словъ — *en toute propriété* — неспособныхъ согласиться по вопросу — по существу котораго у нихъ уже давно нѣтъ разногласій! Рядомъ съ нимъ Чхендзе, съ закинутой назадъ головой, съ глазами выходящими изъ орбиты, и лицомъ, налитымъ кровью — разъяренный не вполнѣ для него уловимымъ мельканіемъ французскихъ текстовъ, формулъ — потерявшій всякое хладнокровіе и сдержанность, въ позѣ захоластнаго шляхтича, срывающаго важное рѣшеніе Сейма! Противъ него Агаронянъ: онъ несокрушимо добивается своей «полной собственности», и всѣ тѣни Арарата сгущаются на его лицѣ. Въ углу комнаты Нубаръ-паша, въ полномъ изнеможеніи, съ выраженіемъ безысходнаго отчаянія на лицѣ: у него подкашиваются, отъ усталости, ноги и ему некуда отступить, некуда спастись отъ вулканическаго натиска Юсифа Гобечія, грузинскаго делегата (с.-р.) — объясняющаго знатному египтянину значеніе народной воли въ дѣлахъ международныхъ. Глаза Гобечія извергаютъ молніи, а полустѣлая шевелюра его вся устремилась вверхъ и въ стороны. — Азербайджанцы, чинные и безмолвные, лицезрѣютъ съ выдержкою настоящихъ мусульманъ эту бурю. Цѣлый рядъ масокъ, по различному выражающихъ непониманіе происходящаго, дополняетъ сцену.

Въ субботу, 24 го апрѣля, делегации Грузія, Арменія и Азербайджана приглашены были въ Hotel Royal къ г. Вансит-

*) Подѣйствіе всего было то, что въ С.-Ремо грузинская делегация отвергла какъ разъ то, что, отъ имени Грузія, отстаивалось и исправлялось систематически съ юніа 1918 г. въ Лондонѣ и Парижѣ.

дарту. Свиданіе состоялось въ 10½ часовъ вечера. Присутствующіе выслушали слѣдующее заявленіе британскаго представителя:

«Я прилагаю всѣ старанія къ тому, чтобы между вами состоялось соглашеніе, чтобы объ этомъ можно было своевременно доложить Верховному Совѣту. Мои дружескіе совѣты не имѣли успѣха, и мнѣ даже пришлось, умывъ руки, отойти въ сторону. Въ настоящее время, какъ это мнѣ ни тягостно, я вынужденъ заявить, отъ имени лорда Керзона, дружбу котораго къ вашимъ странамъ вы знаете, и который такъ содѣйствовалъ въ январѣ вашему признанію de facto, что соглашеніе относительно предоставленія въ полную собственность Арменій желѣзной дороги черезъ Батумскую область, съ отвѣтственіемъ къ западу, должно быть, по его убѣжденію, подписано; и что если это не будетъ сдѣлано нынѣ-же, то за послѣдствія должны будете отвѣчать вы сами. Я взываю въ данномъ случаѣ къ грузинской делегаціи.

То, что я вамъ высказываю, является взглядомъ британскаго правительства, но я думаю, что на его точку зрѣнія станеть и Верховный Совѣтъ. Теперь я васъ покидаю, а остальное зависить отъ васъ самихъ».

Условившись собраться на слѣдующее утро, по предложенію Богосъ-Нубара, въ помѣщеніи азербайджанской делегаціи.

Общее собраніе это назначенное на 11 час. въ воскресенье 25 апрѣля, пришлось отложить до 4-хъ часовъ. Утромъ-же мы совѣщались съ азербайджанцами. До «общаго собранія», въ засѣданіи грузинской делегаціи, мною была слѣлана послѣдняя попытка убѣдить Чхеидзе въ необходимости подписать соглашеніе съ армянами, ради огражденія интересовъ Грузіи. Несмотря на всѣ примѣненные мною, съ крайней энергіей, средства моральнаго давленія, Чхеидзе окончательно рѣшилъ не измѣнять ни юты въ принятомъ нами текстѣ, и ждать дальнѣйшихъ инструкцій изъ Тифлиса. Въ пагубномъ упорствѣ своемъ, Чхеидзе былъ поддержанъ всѣми остальными членами грузинской делегаціи*).

Вслѣдъ за-тѣмъ состоялось послѣднее свиданіе трехъ делегацій въ С. Ремо. Оно протекло въ спокойномъ, дружескомъ тонѣ. Чхеидзе заявилъ о готовности немедленно подписать соглашеніе на принятыхъ имъ раньше основаніяхъ, по пун-

*) Т. е. д-ромъ Гварджаладзе, Гобеція и генераломъ Одишелидзе.

ктамъ же вызывавшимъ разногласіе («полная собственность и отвѣтвеніе къ западу») требоваль, чтобы ему дали возможность снестись съ грузинскимъ правительствомъ, отправивъ, напримѣръ, кого-либо изъ членовъ делегаціи въ Тифлисъ. Все это не представляло ни малѣйшаго интереса, такъ какъ политическая задача «момента» заключалась не въ томъ, что и какъ говорится въ соглашеніи о желѣзной дорогѣ (вдобавокъ, совершенно проблематической!), а въ обнаруженіи передъ Верховнымъ Совѣтомъ солидарности Закавказскихъ республикъ — и именно теперь, а не когда Чхеидзе получить изъ Тифлиса отвѣтъ на свои недоумѣнные вопросы!*

Словомъ, соглашеніе не могло быть подписано, и все, что затѣмъ говорилось въ этомъ совѣщаніи, не могло измѣнить этого обстоятельства. Армяне, увѣренные тогда еще въ окончательномъ расчлененіи Турціи (на бумагѣ оно, несомнѣнно, подготавливалось), и безъ огорченія видѣвшіе, какъ Чхеидзе (интернационалист! социалистъ! демократъ!) создавалъ Грузин репутацію несговорчивости и узкоболія, не понимали, однако, что неподписание ожидавшагося соглашенія неминуемо влекло за собой охлажденіе, незаинтересованность Англій въ дѣлахъ Закавказья, а слѣдовательно и Арменіи.

Нарадунгіанъ продолжалъ отвлеченную критику «допотопнаго» понятія суверенитета, на которомъ напрасно настаиваетъ грузинская делегація. Я отвѣтилъ ему, что армянская делегація, не остается въ долгу, со своею не менѣе допотопною «полною собственностью». Онъ говорилъ, впрочемъ, объ искреннемъ своемъ огорченіи въ виду несостоявшагося

*) Въ теченіе всего этого времени и старался склонить Н. Чхеидзе къ болѣе уступчивости, убѣждая его въ томъ, что разъ нами уже изъявлено согласіе на сооруженіе Арменіей желѣзной дороги, въ опредѣленныхъ условіяхъ и съ международной санкціей, то споръ о «собственности» утрачиваетъ значеніе.

Въ пятницу, 23 апрѣля, мы представили, совместно съ азербайджанской делегаціей, Верховному Совѣту письменное изложеніе всего хода нашихъ переговоровъ, дабы видна была наша готовность сдѣлать все въ дѣлѣ «выхода къ морю». Разумѣется, такой, чисто бумажный шагъ не могъ имѣть ни малѣйшаго практическаго значенія. Въ частностяхъ нашихъ бесѣдахъ въ грузинской делегаціи мои соображенія о рискѣ, которому подвергается наше дѣло чрезмѣрной несговорчивостью, о рискѣ тѣмъ менѣе допустимомъ, что разногласіе съ армянами теперь совершенно претяжное — ставившавшее съ безпомощною тѣлою Чхеидзе (что скажетъ грузинское правительство? что скажетъ населеніе Батумской области? не найдутъ-ли они, что ихъ «продали армянамъ?»).

соглашения, тѣмъ болѣе, что у него, говорилъ онъ, былъ въ карманѣ готовый уже проектъ союзнаго договора между Армeніей и ея двумя сосѣдями.

Богосъ-Нубаръ счелъ нужнымъ заявить, что теперь имъ придется вернуться къ прежнему требованію лѣваго берега Чороха. («На что онъ вамъ? этотъ берегъ скалистъ, каменистъ — замѣтилъ я строителю Геліополиса»).

Чхендзе объявилъ, что какъ ни великъ авторитетъ лорда Керзона, Верховнаго Совѣта и т. д., но намъ приходится считаться съ нашимъ общественнымъ мнѣніемъ, съ желаніями

мѣстнаго населенія и т. д. Эта несчастная ссылка дала поводъ Толчибашеву загворить о необходимости для Грузіи прислушиваться къ мнѣнію мусульманскаго населенія Батумской области, представленному тамошнимъ *меджлисомъ*. (Агаронянъ: «Это совершенная новость для насъ»).

Поэтъ Аршакъ Чобанянъ приглашалъ всѣхъ насъ къ дружбѣ, солидарности и доброму сосѣдству, не взирая на нынѣшнее разногласіе, не взирая ни на что.

Гобечія, съ обычною пламенностью, говорилъ о шаткости, гадательности постановленій Верховнаго Совѣта, о стихійности народныхъ движеній и первенствующемъ значеніи именно народной воли. (Агаронянъ: «зачѣмъ вы не считались съ народной волей въ Лори, въ Ахалкалаки?»).

Было очевидно, что переговоры наши исчерпались. Ни одно изъ приготовленныхъ мною двухъ соглашеній (о Батумѣ и желѣзной дорогѣ; о разрѣшеніи територіальныхъ споровъ) не было подписано.

«Чхендзе боится взять на себя отвѣтственность, и съ этимъ ничего не подѣлаешь. Надо эти чувства уважать» — сказалъ мнѣ частнымъ образомъ Нарадунгіанъ, очень снисходительно опѣившая немощи б. председателя Совѣта Р. и С. депутатовъ. Засѣданіе закончилось, мы пожали другъ другу руки и разошлись вполне дружелюбно.

Въ понедѣльникъ, 26 апрѣля (это былъ послѣдній день конференціи въ Санъ-Ремо), пріѣхалъ изъ Рима товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Грузіи К. Сабахтарашвили, который возвращался теперь въ Тифлисъ и заѣхалъ въ Санъ-Ремо для получения свѣдѣній о результатахъ нашихъ переговоровъ. Я тщетно старался внушить этому молодому человѣку тревогу, вызванную во мнѣ происшедшимъ. Впрочемъ, онъ

немедленно уѣхаль, съ тѣмъ чтобы продолжать свой путь обратно въ Грузію, вмѣстѣ съ Иракліемъ Церетели, укрѣпившимъ въ это время связи грузинскаго пролетаріата съ итальянскимъ и также отправлявшимся на время въ Тифлисъ.

Что касается кавказскаго перешейка, дѣло Москвы и Ангоры было выиграно.

83.

Такимъ образомъ, безуспѣшной оказалась эта первая и, въ сущности, *единственная* попытка державъ Западной Европы серьезно поставить на очередь вопросъ о государственной и международной будущности Закавказскихъ республикъ и разрѣшить его на основѣ ихъ независимости.

Попытаемся изложить въ связанномъ видѣ основанія наметившейся было тогда политики.

Мысль о необходимости укрѣпленія закавказскихъ государственныхъ новообразованій, выдвинутая, какъ мы видѣли, въ январѣ 1920 года, лишь теперь, въ С. Ремо, получала болѣе обдуманную, осязательную форму..

Помощь Грузіи, Азербайджану и Арменіи, особенно для обезпеченія ихъ обороноспособности, на случай нападенія извнѣ, можетъ быть оказана лишь въ случаѣ прочнаго мира и солидарности между ними: таково коренное положеніе, выдвигаемое «империалистическимъ» Западомъ; и положеніе это остается неизмѣннымъ, идетъ ли рѣчь о фронтѣ Закавказья, обращенномъ къ *стѣверу* (такъ было въ январѣ 1920 г. въ Парижѣ см. выше гл. XXIХ), или же, какъ теперь въ С. Ремо, получаетъ очередное (въ глазахъ державъ, подготовляющихъ условія мира съ Турціей) значеніе фронтъ Закавказья, обращенный на *юго-западъ*, въ сторону Анатолиі.

Но и здѣсь, какъ и раньше, имѣется въ виду лишь укрѣпленіе существующаго.

Вопросъ о границахъ Арменіи съ Турціей остается пока открытымъ. Тѣмъ болѣе вниманія привлекають взаимоотношенія между Арменіей и сосѣдними республиками въ Закавказьи; съ чѣмъ связаны, однако, и международные интересы болѣе общаго значенія.

Арменія не можетъ быть отрѣзана отъ моря. Доступъ къ нему она должна имѣть, на первыхъ порахъ, въ Батумѣ; и

портъ этотъ — естественная принадлежность Грузіи, въ то же время столь важный и для Азербайджана, дѣлается какъ-бы символомъ единенія трехъ республикъ. Это не все. Батумъ — отправной пунктъ свободнаго транзита изъ Европы въ Персію и обратно. Ему предстоитъ огромная политическая и коммерческая будущность. Здѣсь именно будетъ соединительное звено этой части Ближняго Востока съ державами Запада; и международные интересы, связанные съ Батумомъ, могутъ и должны быть ограждаемы при посредствѣ Лиги Націй.

Армяно-турецкая граница скоро будетъ установлена; дѣломъ, преимущественно, самихъ армянъ съ помощью Запада будетъ прочное занятіе тѣхъ территорій, которыя имъ будутъ уступлены. Но и это — какъ выходъ Арменіи къ морю — возможно лишь при условіи мирныхъ, дружественныхъ взаимоотношеній въ самомъ Закавказьи.

Въ моментъ развязки турецкаго вопроса, близкій Стамбулу и Ангоръ, Азербайджанъ получаетъ особое значеніе. Именно его сближеніе съ Арменіей и Грузіей — въ тройственномъ соглашеніи — закрѣпляло-бы «западную» ориентацию Азербайджана и обезпечивало-бы тылъ Арменіи при предстоящемъ выясненіи армяно-турецкой границы. «Западничество» же Азербайджана было бы равнозначуще въ данныхъ условіяхъ его вѣрности и т. наз. *кавказской* ориентации (выраженной уже раньше договоромъ съ Грузіей 16 Іюня 1919 г.) — въ противоположность совѣтско-турецкимъ соблазнамъ.

Конечно, положеніе, сложившееся на Кавказѣ, послѣ фактическаго признанія трехъ республикъ (въ началѣ 1920 г.), не могло быть охранено или укрѣплено безъ установленія извѣстнаго мирнаго ихъ сосѣдства съ російскимъ совѣтскимъ государствомъ. Задача эта — полная рисковъ и трудностей — не должна была считаться абсолютно невыполнимой при оцѣнкѣ положенія въ апрѣлѣ 1920 г. Россіи прихотилось тогда готовиться къ огромному напряженію въ борьбѣ за свою западную границу, при одновременной угрозѣ со стороны силъ ген. Врангеля на югѣ; между тѣмъ, какъ разъ въ это время она стала на путь переговоровъ съ Англійей о возобновленіи торговыхъ съ ней сношеній — послѣдняго московское правительство добивалось, по разнымъ основаніямъ, чрезвычайно настойчиво. Все это и, вдобавокъ, отличное отъ Франціи и болѣе благопріятное Россіи отношеніе къ русско-польскому «спору славянъ между собой» — создавало именно

англійскому правительству возможность, въ случаѣ осуществленія политики С. Ремо, оказать дипломатическое содѣйствіе къ установленію какого-либо *modus vivendi* между закавказскими республиками и Совѣтской Россіей.

Наличность-же въ Батумѣ фактической англійской базы несомнѣнно усиливала эту возможность. А предложеннымъ разрѣшеніемъ батумскаго вопроса достигалась-бы, въ принципѣ, возможность такого сотрудничества между западнымъ факторомъ и закавказскими республиками, при которомъ только и можно было вообще надѣяться на сохраненіе ими и на дальнѣйшее упроченіе ихъ независимости.

Однако, для этого отъ нихъ потребовалось-бы напряженіе всѣхъ ихъ силъ и, прежде всего, опредѣленная согласованность ихъ политики. Обнаруживъ-же въ С. Ремо — въ условіяхъ наиболѣе благоприятныхъ — неспособность къ такой согласованности, закавказскія республики сами отказались отъ того, что естественно вытекало изъ усилій ихъ, начиная съ 1918 года.

ГЛАВА XXII.

УХОДЪ ЕВРОПЫ И ВОЗВРАЩЕНІЕ РОССИИ.

84.

Не успѣли закавказскія делегаціи вернуться изъ С. Ремо въ Парижъ, какъ получилоcь извѣстіе о паденіи азербайджанскаго правительства, провозглашеніи совѣтскаго строя въ Баку и вступленіи туда красныхъ войскъ. Произошло это 28 апрѣля 1920 г. Равновѣсіе вліяній, сложившееся на Кавказѣ съ конца 1918 года въ пользу «европейской оріентаціи», кореннымъ образомъ рушилось. Спекулируя на вялость великихъ державъ и на раздоры между тремя республиками, Совѣтская Россія рѣшительнымъ ударомъ — и, повидимому, безъ кровопролитія — заняла одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ Закавказья (и вообще Ближняго Востока), обходя съ праваго фланга кавказскій барьеръ, подъ прикрытіемъ котораго только и могла строиться независимая государственная жизнь трехъ республикъ.

Захватъ Баку особенно облегчился той беззавѣтной яростью, съ какою, какъ разъ весною 1920 г., армяне и татары столкнулись изъ-за своихъ территоріальныхъ споровъ (въ Карабагѣ) — а также многочисленностью бакинскаго промышленнаго пролетаріата — и географическимъ положеніемъ нефтяной столицы на Каспійскомъ морѣ. Однако, эти обстоятельства имѣли, кажется, все-же меньше значенія, чѣмъ то массовое сочувствіе Азербайджана Турціи, которое было, въ общемъ, много сильнѣе и живленнѣе его «европейской оріентаціи». Азербайджанъ сталъ какъ-бы живой связью между тѣми, кого исторія довольно неожиданно дѣлала теперь союзниками: между Россіей и Турціей.

Это не преувеличеніе: въ 1920 году, туркофильство Азербайджана — въ противоположность 1918 году — приняло форму... руссофильства: оно облегчило совѣтской власти захватъ Баку!

Въ предстоящемъ Турціи испытаніи — вѣдь она, эта Турція «большого народнаго собранія» бросала теперь вызовъ всѣмъ великимъ державамъ Запада — приходилось подчинять надежды завтрашняго дня злобѣ нынѣшняго и жертвовать близкими, но пока малосильными родичами ради далекихъ и случайныхъ, но дѣйственныхъ союзниковъ! Впрочемъ, «далекіе» дѣлались теперь близкими: занятіе Баку было вѣдь первымъ шагомъ къ установленію вновь непосредственнаго сосѣдства Россіи съ Турціей, взаимно другъ друга подкрѣплявшихъ въ борьбѣ съ Западомъ.

Политикъ кавказскаго средостѣнія или «буфернаго новообразованія» угрожалъ конецъ. Захватъ Баку, самъ по себѣ, еще этого конца не означалъ. Первоначальное положеніе, вѣроятно, могло-бы быть восстановлено, если-бы закавказскія республики были способны къ солидарной политикѣ, и если-бы громкія фразы различныхъ декларацій, соглашеній и пр. не прикрывали отсутствія прозорливости, твердости и патріотизма!

Грузино-азербайджанскій военный союзный договоръ оказался простымъ «клочкомъ бумаги». Соглашеніе армяно-азербайджанское конца 1919 г. о миролюбивомъ разграниченіи — тоже и т. д.

Въ сущности паденіе Баку и прискорбная развязка нашихъ переговоровъ въ С. Ремо были очевидными — и почти одновременными — доказательствами полнаго несоотвѣтствія между лозунгомъ независимости, казалось-бы общимъ для трехъ закавказскихъ республикъ, и дѣйствительною политикою ихъ правительствъ. И пока Арменія продолжала уповать на своихъ сердобольныхъ заступниковъ по сю и по ту сторону Атлантики, а Грузія убѣждала себя и другихъ въ безукоризненности своего демократизма, Совѣтская Имперія заняла въ Баку выгоднѣйшее «исходное положеніе» для овладѣнія всѣмъ Закавказьемъ и, обогатившись нефтью, чрезвычайно себя усилила въ «коммерческихъ» переговорахъ съ Англійей, 1920 г.

Послѣ С. Ремо, передъ грузинской делегаціей не возникло уже сколько-нибудь сложныхъ задачъ. У меня лично не оставалось къ ея дальнѣйшимъ работамъ ни малѣйшаго интереса, и я собирался возвращаться, наконецъ, въ Тифлисъ. Но какъ разъ въ это время я былъ назначенъ членомъ особой *экономической мисси* грузинской республики, по задачамъ которой я и работалъ, съ начала мая по ноябрь 1920 года, въ

Лондонѣ, Римѣ и Парижѣ. Во главѣ этой миссиі стоялъ министръ финансовъ Грузіи К. Цандеаки, а въ составѣ ея былъ и государственный контролеръ Ф. Гогичайшвили — люди, украшенные многими добродѣтелями, напр. скромностью и трудолюбіемъ, рѣдкими на верхахъ грузинской бюрократіи.

Экономическая миссія эта выполнила свою задачу довольно успѣшно. Главное, ей удалось заключить заемъ въ Лондонѣ, во многихъ отношеніяхъ интересный. Итальянскому капиталу, лихорадочно искавшему тогда собственного топлива, предложена была концессія на разработку Ткварчельскаго каменноугольнаго мѣсторожденія, на черноморскомъ побережьи Сухумской области*). Съ французскою группою капиталистовъ былъ заключенъ договоръ о планомѣрномъ сотрудничествѣ въ развитіи шелководства въ Грузіи и сбытѣ коконовъ во Франціи и т. д.

Впрочемъ, говорить о дѣятельности этой миссиі не входитъ здѣсь въ мою задачу. Мнѣ вообще остается теперь упомянуть лишь о нѣсколькихъ фактахъ, имѣющихъ отношеніе къ независимости Грузіи, фактахъ политическаго, а не экономическаго порядка.

Довольно скоро послѣ извѣстій о захватѣ Баку, выяснилось что весь Азербайджанъ «усвоилъ» совѣтскую форму правленія. Грузинское правительство стало на путь «непротивленія злу». 30 апрѣля 1920 г. предсѣдатель грузинскаго правительства Жорданія разяснялъ въ рѣчи Учредительному Собранію, что... «если самъ народъ (т. е. азербайджанцы) сочувствуетъ вторженію иностранной силы въ свою страну, то выступленіе противъ этой силы было-бы съ нашей стороны нарушеніемъ правъ этого народа (sic) и привело-бы, одновременно, къ гибели войскъ, которыя мы бы туда отправили».**). Читавшіе «Кандида» вспомнятъ, конечно, по этому поводу, доктора Панглосса!

Нѣсколько позже получились свѣдѣнія о столкновеніяхъ на грузино-азербайджанской границѣ, о переговорахъ Грузіи съ совѣтскимъ Азербайджаномъ и Россіей.

*) По странному совпаденію споръ о горныхъ правахъ въ Ткварчельской дачѣ (весьма сложный) былъ послѣднимъ дѣломъ, возложеннымъ на меня какъ сенатора-довладчика Правительствующимъ Сенатомъ въ 1917 г.

**) См. текстъ этой рѣчи въ книгѣ Paul Gentiно. La Résurrection Géorgienne. P. 1921, приложение 4-ое. Книга составлена изъ статей, напечатанныхъ въ газ. «Le Temps» авторомъ, специально посланнымъ въ 1920 г. въ Грузію.

Необходимость вообще скорѣйшаго соглашенія съ московскимъ правительствомъ, сомнѣній, конечно, не вызывала. Къ «соглашателъству» клонились, какъ мы видѣли выше (стр. 251) и совѣты великихъ державъ. Англія, болѣе всѣхъ была въ 1920 году, благопріятна установленію между бывшими окраинами Россіи и Москвою основаннаго на компромиссѣ мирнаго сосѣдства. Съ своей стороны, грузинская делегация, еще въ Лондонѣ, въ мартѣ 1920 г., просила содѣйствія англійскаго правительства къ такому компромиссу.

Но дѣло это, очевидно, касалось, прежде всего, тифлискаго правительства. Найдеть-ли оно съ московскими двитаторами общій языкъ? Если главарямъ грузинской социаль-демократіи трудно было сговориться съ Деникинымъ, или съ англійскими генералами, то вѣдь съ большевиками многое ихъ сближало идейно — не говоря уже о личномъ знакомствѣ съ бывшими соратниками.

Признаться, въ С. Ремо мнѣ иногда казалось, что позиція, занятая тогда Чхеидзе (недопустимая и нелѣпая съ точки зрѣнія политики, которая велась въ Европѣ отъ имени и въ интересахъ независимой Грузіи, начиная съ 1918 г.), могла имѣть основаніемъ секретную, мнѣ не сообщенную, инструкцію изъ Тифлиса, связанную именно съ какимъ-нибудь планомъ грузино-русскаго соглашенія. Этого, въ дѣйствительности, совершенно не было. Но не подлежитъ сомнѣнію, что коль скоро, послѣ С. Ремо, не могло быть уже дѣчи о планомѣрной европейской поддержкѣ, оставался еще путь непосредственнаго соглашенія съ Россіей и Турціей. Путь трудный, сомнительный — но неизбѣжный. Обязанностью грузинскаго правительства было сдѣлать по этому пути всѣ необходимые шаги.

... Я не знаю въ точности закулисной стороны грузино-русскихъ переговоровъ, приведшихъ къ заключенію — *уже 7-го мая 1920 г.* (въ Москвѣ) договора Грузіи съ Совѣтской Россіей, а нѣсколько позже (16 іюня 1920 г.), договора между Грузіей и Совѣтскимъ Азербайджаномъ. Но, ознакомившись съ ихъ текстами, приходилось поражаться тому, съ какой легкостью и стремительностью грузинское правительство признало совершившійся въ Баку государственный переворотъ и, слѣдовательно, отказалось отъ идей грузино-азербайджанскаго договора 1919 года, и съ какой послѣдствіемъ пригласи-

сило Совѣтскую власть въ сущи своихъ разногласій о границахъ съ Совѣтскимъ Азербайджаномъ*).

Однако, самымъ показательнымъ постановленіемъ грузино-русскаго договора является то, въ силу котораго Грузія обязалась «принять мѣры къ удаленію съ территоріи ея, въ предѣлахъ, опредѣленныхъ статьею IV настоящаго договора, всякихъ войскъ и воинскихъ отрядовъ, не принадлежащихъ къ національнымъ войскамъ Грузіи» (п. 5-ый ст V); къ запрещенію имъ отнынѣ пребыванія въ Грузіи (п. 6), а отдѣльнымъ, входящимъ въ ихъ составъ лицамъ — вступленія въ грузинскія войска, въ какомъ бы то ни было качествѣ — между прочимъ и добровольцами (п. 7-ой ст. V).

Грузія брала на себя, такимъ образомъ, прямое обязательство содѣйствовать прекращенію англійской оккупации въ Батумѣ и Батумской области и заранее отказывалась отъ мысли о чьей либо помощи въ устройствѣ ея вооруженныхъ силъ. Это было открытое признаніе политическаго преобладанія и вліянія московскаго правительства и, практически, отказъ отъ «европейской ориентаціи». Чѣмъ объяснить такой поворотъ? Соціалистическими чувствами грузинскаго правительства, бравшими верхъ надъ тяготѣніемъ къ «западно-европейскимъ демократіямъ» съ ихъ «империалистическими» правительствами? Можетъ быть. По крайней мѣрѣ, глава грузинскаго правительства въ своей телеграммѣ московскимъ комиссарамъ, по случаю подписанія договора 7-го мая, говорилъ что-то о *совмѣстной работѣ по «насажденію соціализма»*. Или, можетъ быть, въ ожиданіи разгрома Польши, лѣтомъ 1920 г., красными войсками, а затѣмъ вступленія послѣднихъ въ «буржуазную» Европу, заранее готовили себѣ подходящую позицію?

Во всякомъ случаѣ, между робостью, обнаруженною Чехидзе въ С. Ремо, — отказомъ его отъ практическаго завершения двухлѣтнихъ почти усилій грузинской политики въ Европѣ — и основной тенденціей грузино-русскаго договора 7-го мая 1920 года, оказалось какое-то внутреннее соотвѣтствіе. Точнѣе говоря, договоромъ этимъ уже исключалась возможность даль-

*) Текстъ грузино-русскаго трактата 1920 г. см. въ официальномъ сборникѣ договоровъ, заключенныхъ совѣтскимъ правительствомъ. Французскій переводъ этого договора, а также соглашения 11 ноября 1920 г., о транзитѣ и торговлѣ между Грузіей и (совѣтскимъ) Россіей и Азербайджаномъ были изданы особымъ брошюромъ въ Парижѣ въ 1922 г.

нѣйшихъ попытокъ къ осуществленію программы, намѣченной какъ мнѣ лично думалось, въ соотвѣтствіи съ интересами Грузіи и желаніями ея правительства, и главными чертами, которой были: союзъ трехъ закавказскихъ республикъ, укрѣпленіе ихъ — съ цѣлью обороны — при помощи западныхъ великихъ державъ, «интернационализация» Батума съ сохраненіемъ тамъ, временно, союзныхъ войскъ.

85.

Теперь, послѣ крушенія идеи закавказскаго блока и ввиду проникновенія совѣтскихъ войскъ за Кавказскій хребетъ, вопросъ о сохраненіи союзнаго (т. е. британскаго) гарнизона въ Батумѣ получилъ скорое рѣшеніе. Никто не собирался теперь вступать въ военное столкновеніе съ Совѣтами изъ-за независимости закавказскихъ республикъ. И, такъ какъ республики эти не обнаруживали вкуса къ согласованной, твердой самооборонѣ общими силами противъ грозившей опасности, и въ С. Ремо кавказская политика лорда Керзона понесла пораженіе, то дальнѣйшее пребываніе англійскихъ войскъ въ Батумѣ и Батумской области оказывалось излишнимъ: войска эти были оттуда выведены; причемъ благодаря нетерпѣливому рвенію, съ которымъ грузинское правительство старалось поскорѣе получить въ свои руки Батумъ съ областью, сильно облегчалась для Англій задача — уйти съ честью изъ Батума. Уходить этотъ уже не казался очищеніемъ занятой имперіалистической позиціи подъ чьимъ-либо давленіемъ, но лишь передачею временно занятаго собственнику, по принадлежности. Это былъ по формѣ вполнѣ элегантнѣй выходъ изъ положенія. На оставленіи Батума настаивали, вдобавокъ, въ Лондонѣ всѣ сторонники экономіи, радовавшіеся прекращенію еще одной оккупаци; и мѣру эту одобряли всѣ вообще противники активной англійской политики въ Закавказьи (т. е. противники Керзона и сторонники Ллойдъ Джоржа). Переворотъ въ Азербайджанѣ, въ свою очередь, благопріятствовалъ такому рѣшенію, которое и имѣлось въ виду уже въ *началѣ мая 1920 г.*

11 июня намъ (членамъ груз. экономической миссіи) было сообщено конфиденціально въ Лондонѣ о принятомъ англійскимъ правительствомъ рѣшеніи покинуть Батумъ и передать всю Батумскую область грузинскому правительству. Для формальностей этой передачи, а также для разрѣшенія нѣ-

которыхъ важныхъ «попутныхъ» вопросовъ (напр. эвакуація въ Крымъ изъ Батума «деникинцевъ») въ Грузію посылался полковникъ Стоксъ, новый великобританскій комиссаръ; съ нимъ вмѣстѣ, по просьбѣ англійскаго правительства, отправлялся Д. Гамбашидзе.

Присоединеніемъ Батумской области давалось большое нравственное и политическое удовлетвореніе Грузіи. Но одновременно это былъ, если угодно, даръ данайцевъ.

Не ослабить - ли ванятіе Батумской области Грузію на восточной ее границѣ, открытой вторженію? Справится-ли она съ давленіемъ турецкаго націонализма, который несомнѣнно сдерживался присутствіемъ англичанъ въ Батумѣ? Вотъ какія сомнѣнія возникали невольно, и вотъ почему зтоѣ уходи *Европы изъ Закавказья*, естественное послѣдствіе нашихъ несогласій въ С. Ремо, ускоренный послѣдними событіями, мнѣ рѣшительно не нравился. По соображеніямъ, которыхъ не стану здѣсь повторять, я считалъ, что надо было очень дорожить... «англійскимъ населеніемъ» Батума.*)

...Эти сомнѣнія и тревоги не могли быть, конечно, устранены сообщеніемъ о томъ, какъ (4 іюля 1920 г.) грузинскія войска вступили съ триумфомъ въ оставленный британскимъ гарнизономъ Батумъ, какъ грузинскій флагъ былъ поднятъ на его фортахъ.***) и т. д.

«Философія» событій была очень несложна: Грузія оставалась одинокой на глухомъ перекресткѣ Европы и Азіи, въ непосредственномъ сосѣдствѣ Совѣтской Россіи и Турціи; эти два тарана готовились окончательно разбить кавказское средостѣніе.

Теперь нѣсколько словъ о Севрскомъ договорѣ, зтомъ злополучнѣйшемъ порожденіи коллективной великодержавной мысли Западной Европы.

*) Въ 1922 году англійскій *Чанакъ*, задержавшій на полномъ разбѣгѣ побѣдоносную армію Мустафа-Кемали у порога почти Константинополя, подтвердилъ мнѣ правильность моей оцѣнки въ 1920 г. батумскаго вопроса и пребывавшій тамъ англичанинъ.

**) Англійскія войска отбыли изъ Батума 10-го іюля. Прощальный банкетъ удался на славу. — Въ подписанномъ при посредствѣ Батума протоколѣ, грузинское правительство изъявило согласіе на сооруженіе желѣзной дороги Тарс — Батумъ, что, вѣроятно, не имѣло уже ни малѣйшаго значенія.

Предъявленный уполномоченным турецкаго Султана 9 мая подписанный въ Севрѣ 10 августа 1920 г., договоръ этотъ не только создавалъ независимую Армению, но также впервые вводилъ въ международное право Европы, въ качествѣ формально признаваемыхъ величинъ, Грузію и Азербайджанъ.

Ст. 92 проекта предусматриваетъ порядокъ опредѣленія границъ между Арменией и соседними съ ней Азербайджаномъ и Грузіей. Границы должны быть приняты по обоюдному соглашенію. Если оно не послѣдуетъ къ тому моменту, когда установлена будетъ граница Армeніи съ Турціей, *) въ этомъ случаѣ пограничная черта между Арменией и Грузіей, а также Азербайджаномъ, будетъ опредѣлена главными союзными державами (т. е. Англіей, Франціей и Италіей), которыя равнымъ образомъ озаботятся проведеніемъ ея на мѣстѣ

Батумъ провозглашался портомъ международнаго значенія, открытымъ для свободной торговли и для флаговъ всѣхъ государствъ, участниковъ Лиги Націй. Режимъ свободного порта, подъ высшимъ наблюденіемъ Лиги, описываемый въ Севрскомъ договорѣ (ст. 335-346), прилагается къ Батуму такъ же какъ къ Константинополю, Гайдарь-пашѣ, Смирнѣ, Александретѣ, Хаифѣ, Басрѣ, Трапезунду. Впрочемъ, относительно Батума дѣлается оговорка объ «условіяхъ, имѣющихъ быть установленными впоследствии» (ст. 335).

Вопросъ о суверенитетѣ остается открытымъ (ib). Редакція ст. 351 («свободный доступъ къ Черному морю черезъ портъ Батумъ предоставленъ Грузіи, Азербайджану и Персіи, а равно и Армeніи») отражаетъ еще лондонскія идеи (февраля-марта 1920 г.), отдѣлявшія Батумъ отъ Грузіи. Такой же «отставкой» является ст. 352, говорящая о выходѣ Армeніи къ Трапезунду. Во всемъ этомъ много недомолвокъ и неясностей, ключъ къ которымъ лежитъ въ безуспѣшности нашихъ переговоровъ въ С. Ремо**).

*) Согласно ст. 89, на президента С. Штатавъ Америки возлагалось рѣшеніе вопроса о границѣ между Турціей и Армeніей, въ владѣтеляхъ Эрзерумскомъ, Трапезундскомъ, Ванскомъ и Битлисскомъ. Президентъ Вильсонъ исполнилъ это порученіе 22-го ноября 1920 г.

***) Если бы проектъ соглашения закавказскихъ республикъ былъ подписанъ, онъ явился бы, по существу, именно дополненіемъ иберійскихъ статей Севрскаго договора.

10-го августа 1920 г. Аветись Агаронянъ, отъ имени Арменіи, подписалъ Севрскій договоръ, которымъ освящалось, наконецъ, существованіе независимаго армянскаго государства. Какой несоизмѣримый шагъ впередъ, сравнительно съ пресловутой ст. 61 Берлинскаго трактата 1878 г.!) Къ сожалѣнію, успѣхъ чисто бумажный и чисто словесный; и не даромъ нѣмца Севра такъ тѣсно связано съ хрупкостью его фарфоровыхъ издѣлій!

Къ 10 му августа 1920 года отвѣтственные правители и уполномоченные представители Арменіи и Грузіи уже сдѣлали все, что могли, чтобы со стороны Закавказья обезпечить торжество русско-турецкой оппозиціи Севрскому договору. Ни въ С. Ремо, ни въ Тифлисъ, ни въ Эривани, не говоря уже о Баку, не обнаружено было ни способности къ единенію, которое требовалось для созданія закавказскаго блока — ни даже сознанія его необходимости, хотя-бы какъ одного изъ практическихъ условій осуществленія Севрскаго договора. Зато Турціи и Россіи сумѣли согласовать свою работу настолько, что на протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ отъ закавказскаго «фронта» ничего не осталось. Несогласія и слабость великихъ державъ, поведеніе Греціи, окончательный отказъ С. Штатовъ отъ поддержки Арменіи привели затѣмъ (въ 1920-3 г.г.) къ такимъ перемѣнамъ на Б. Востоку, которыя были равнозначущи полному крушенію хрупкаго севрскаго созданія.

86.

Передачу Батумской области въ распоряженіе грузинскаго правительства въ Грузіи сочли большимъ его успѣхомъ. Видѣли въ этомъ побѣду демократіи надъ имперіализмомъ и т. д.

Осенью 1920 года, когда Совѣтская Россія, вмѣстѣ съ Турціей, уже являлась рѣшающимъ факторомъ въ кавказскихъ дѣлахъ, а великія державы Запада, главнымъ образомъ, Англія уже отказались здѣсь отъ дѣятельной политики, т. е. когда не отъ Лондона и не отъ Парижа, а отъ Москвы и отъ Ангоры зависѣла война или миръ въ Закавказьи и будущность Закавказскихъ республикъ, грузинское правительство, игнорируя Москву и Ангору, сосредоточило на Западѣ главныя свои усилія. Три министра (Гегечкори, Гогичайшвили и Канделаки), предсѣдатель Учредительнаго Собранія (Чхейдзе), особый чрезвычайный и универсальный уполномоченный (Це-

ретели) — подвизались въ столицахъ Западныхъ державъ, а въ время, когда конъюнктура, обративъ было на мгновение къ Грузіи свой благожелательный ликъ, повернулась къ ней спиной. Создавалось демонстративное впечатлѣніе близости къ великимъ державамъ, которой на дѣлѣ вовсе не было, и давалась пища притворнымъ опасеніямъ Москвы относительно «базы для европейскаго вмѣшательства» — что не соответствовало дѣйствительности.

Эта фальшивая дипломатическая позиція (вовсе не сообразная съ обстановкою) дополнялась еще несчастнымъ и несвоевременнымъ вовлеченіемъ Грузіи какъ социаль-демократической, будто бы, республики, въ распрю с.д. и коммунистическаго Интернаціоналовъ.

Грузія, нѣкогда «удѣлъ Божьей Матери», дѣлалась теперь удѣломъ 2-го Интернаціонала. Въ сентябрѣ 1920 г. «осмотрѣ на мѣстѣ» Грузіи дѣятелями послѣдняго (Р. Макдональдъ, Вандервельде, г-жа Э. Сноуденъ, Ренодель, Каутскій, Гюисмансъ и др.) получилъ значеніе какой-то идейной демонстраціи, направленной противъ 3-го т. е. коммунистическаго Интернаціонала. Эта прогулка видныхъ европейскихъ социалистовъ, въ ихъ числѣ трехъ статсъ-дамъ 2-го Интернаціонала (г-жа Каутской, Вандервельде, Сноуденъ), съ любопытствомъ лорнировавшихъ «эту милую, живописную Грузію» — встрѣченныхъ въ Грузіи съ официальными почестями, къ которымъ они не были столь привычны у себя на родинѣ, имѣла большое значеніе для введенія въ ихъ умы идеи независимой Грузіи, какъ демократическаго «оазиса. *) Для упроченія же этой независимости in the strenuous conditios of our time «въ трудныхъ условіяхъ нашего времени», экскурсія эта никакого значенія, конечно, не могла имѣть: она даже вызвала или усилила, крайне некстати, иллюзіи относительно «поддержки Западной демократіи», окончательно сбивая съ толку народъ, которому остался, конечно, непонятнымъ дѣйствительный смыслъ ухода англичанъ изъ Батума, какъ непонятнымъ было для него сравнительное значеніе, для независимости Грузіи, въ 1920 году, «Верховнаго Совѣта великихъ союзныхъ державъ» и «амстердамскаго Интернаціонала». Впрочемъ, въ этомъ отношеніи, т. е. по части непониманія, пастыри были единодушны съ паствою.

... Между тѣмъ по содѣйствию съ Грузіей, совѣтская власть

*) Напоминаніемъ этой поездки является издавая въ 1921 году въ Парижѣ *Journal de l'Internationale socialiste et la Géorgie*.

не только укрѣпилась прочно въ Азербайджанѣ (лѣтомъ 1920 г. въ виду русско-польской войны и присутствія въ Батумѣ англичанъ, большевики произвели давленіе въ направленіи Персіи, а не къ Черному морю), но и подготовляла капитуляцію Арменіи — предложеніемъ ей помощи въ ея стѣсненномъ положеніи и политикою «корридора» для примыканія къ Турціи черезъ Карабагъ.

Но и въ самомъ Тифлисѣ подготовительная работа советской мисси была въ полномъ ходу: помимо агитаціи и идейной борьбы коммунизма съ социаль-демократіей, исподволь производилось наблюденіе и «внутреннее освѣщеніе», старыми средствами и опытными специалистами.

Тѣмъ временемъ, пребывавшіе въ Европѣ грузинскіе сановники совѣщались о томъ, какъ наилучшимъ образомъ устроить заграничное представительство Грузіи (парижская делегація подлежала упраздненію съ конца октября 1920 года). Министръ иностранныхъ дѣлъ Гегечкори, оставивъ эти дѣла на попеченіи совершенно случайныхъ людей, терялъ время на дальнѣйшее, по стопамъ делегаціи, «хожденіе по дѣлу» о юридическомъ признаніи Грузіи. Имѣлъ онъ въ Лондонѣ разговоры и относительно Батума — но съ апрѣля 1920 года вопросъ этотъ потерялъ уже практическое значеніе; о немъ еще говорили — такъ какъ «заведено» было соответствующее «дѣло».

Вопросъ-же о формальномъ признаніи Грузіи натился теперь по торной дорогѣ, вслѣдъ за вопросомъ о признаніи балтійскихъ республикъ.

Русско-польскій кризисъ завершился пораженіемъ Россіи — послѣ того какъ она была, казалось, на волосокъ отъ побѣды.

Сбросить войска генерала Врангеля въ море становилось теперь для советской власти главной задачей: это былъ послѣдній «фронтъ» въ Европейской Россіи..

Англія окончательно избрала стезю переговоровъ о возобновленіи торговли съ Россіей и готовилась препоставить послѣдней свободу дѣйствій въ республикахъ Закавказья. Она уступила Франціи и заботу о подкрѣпленіи Польши противъ удара советскихъ войскъ, и разочарованія, связанныя съ неудачами генерала Врангеля, и, вообще патронированіе, въ той или другой формѣ, противниковъ советской власти.

Но ни положеніе, ни интересы Франціи не позволяли ей и думать объ активной политикѣ въ Закавказьи. Противница давленія Советской имперіи здѣсь уже нельзя было ожидать; и Арменія, и Грузія оцнмѣ обречены

ГЛАВА XXXIII.

ЛИГА НАЦІЙ ИЛИ «ОСТАВЬТЕ ВСѢ НАДЕЖДЫ».

87.

Къ началу ноября 1920 года политическая делегація Грузіи при мирной конференціи, а также особая экономическая миссія прекратили существованіе: послѣдняя — ввиду заверженія своихъ работъ, а первая — вслѣдствіе рѣшенія грузинскаго правительства замѣнить ее единоличнымъ представителемъ. Обязанности послѣдняго временно исполнялись министромъ иностранныхъ дѣлъ Гегечкори — впредь до прибытія въ Парижъ специально назначеннаго лица.

Теперь на моемъ попеченіи оставалось лишь дѣло о вступленіи Грузіи въ Лигу Націй, первое *общее собраніе* которой созывалось 15-го ноября 1920 г. Программа трудовъ его включала также разсмотрѣніе ходатайствъ о принятіи въ составъ Лиги ряда государствъ, не бывшихъ ея членами*).

Перваго Общаго Собранія Лиги Націй всѣ ждали съ большимъ любопытствомъ, хотя чувства и мысли по поводу этого новаго дѣла далеко не были отчетливы и единообразны. Отсутствіе Соединенныхъ Штатовъ въ предпріятіи, считавшемъ

*) Въ силу учредительнаго акта Лиги (имъ начинаются всѣ трактаты, подписанные вокругъ Парижа въ 1919 г. — начиная съ Версальскаго) въ составъ Лиги входятъ, во-первыхъ, основныя члены, наименованныя въ приложеніи къ акту (числомъ — 32; это — союзники, побѣдившіе въ войнѣ 1914-18 г. г. и подписавшіе Версальскій договоръ); во-вторыхъ, государства, приглашенныя присутствіе въ опредѣленный срокъ къ акту Лиги (наименованныя въ томъ-же приложеніи) — и воспользовавшіяся этимъ правомъ (это — 13 государствъ оставшихся нейтральными въ войнѣ). Для остальныхъ государствъ, доминионовъ или колоній установленъ особый порядокъ избрашія Общимъ Собраніемъ Лиги (двумя третями голосовъ).

ся дѣтищемъ президента Вильсона, производило странное, почти комическое впечатлѣніе. Въмѣстѣ съ отсутствіемъ Россіи, Германіи и Турціи, оно лишало эту группировку нужного ей вселенскаго характера.

Однако, понятенъ интересъ къ Лигѣ Націй, обнаруженный молодыми государствами, возникшими на территоріи Россіи. Какъ было имъ не обратиться въ эту сторону своихъ робкихъ надеждъ?

Не то чтобы относились съ чрезмѣрнымъ довѣріемъ къ знаменитой ст. 10 акта Лиги, столь, казалось-бы, успокоительной для всѣхъ слабыхъ государствъ, ставшихъ ея членами и имѣющихъ слишкомъ могущественныхъ и жадныхъ сосѣдей: «члены Лиги обязуются уважать и отстаивать противъ всякаго нападенія извнѣ территоріальную цѣлость и нынѣшнюю государственную независимость всѣхъ членовъ Лиги. Въ случаѣ нападенія, угрозы или опасности нападенія, Совѣтъ съображаетъ мѣры обеспечивающія исполненіе этого обязательства».

По условіямъ устройства Лиги и вслѣдствіе политическихъ взаимоотношеній въ Европѣ, статья эта, столь значительная по своему содержанію, съ самаго-же начала обѣщала гораздо больше чѣмъ Лига могла въ дѣйствительности дать. Къ концу 1920 года это выяснилось въ достаточной мѣрѣ.

Однако, и теоретическая возможность извѣстной поддержки со стороны Лиги Націй, и принципиальная цѣнность столь обширнаго международнаго единенія, и значеніе его какъ средства пріобрѣтенія и расширенія связей, важныхъ для молодыхъ государствъ; и перспектива сотрудничества съ другими націями въ иныхъ немаловажныхъ отрасляхъ государственной жизни — привлекали къ Лигѣ государственныя новобразованія, возникшія на окраинахъ Россіи. Главнымъ же непосредственнымъ мотивомъ ихъ стремленія въ члены Лиги было, конечно, желаніе упрочить этимъ путемъ международное свое положеніе, ускорить формальное признаніе своей независимости европейскими державами, привлечь къ ней вниманіе всѣхъ государствъ, всей обширной «семьи» независимыхъ націй.

Первая сессія общаго Собранія Лиги Націй представляла выдающійся интересъ по обилію и разнообразію встрѣтившихся тогда въ Женевѣ государственныхъ дѣятелей и по окружающей ее атмосферѣ, въ которой смѣшивались восторженные

ожиданія однихъ, благожелательный скептицизмъ другихъ и расчетливая осторожность третьихъ.

Впрочемъ, я не намѣренъ набрасывать здѣсь картины этого историческаго «общаго собранія» за жизнью котораго мы, представители непризнанныхъ еще новообразованій, имѣли возможность слѣдить въ подробностяхъ. Не буду говорить и о томъ, какъ подготовлена была, путемъ переговоровъ съ секретариатомъ Лиги, постановка вопроса о Грузинъ въ этой первой ея сессіи. Ограничусь изложеніемъ «внѣшней исторіи» предмета, на основаніи моего-же донесенія грузинскому правительству, отъ 20 декабря 1920 г.*).

Для разсмотрѣнія всѣхъ заявленныхъ кандидатуръ въ члены Лиги, была образована при общемъ Собраніи особая комиссія (5-ая) изъ 36 лицъ, подъ предсѣдательствомъ делегата Чили Don Antonio Hupees. Вопросъ о Грузинъ (а также Арменіи, Азербайджанѣ, Украинѣ и Коста-Рика) былъ переданъ въ 3-ю подкомиссію, предсѣдателемъ которой былъ Фритцъ Нансенъ, а членами: проф. Тома Юнеску (Румынія), Э. Д. Милленъ (Австралія), Э. де Паласіосъ (Испанія), Н. Политисъ (Греція), Спалайковичъ (Югославія) и Тсанъ-Тсай-Фу (Китай).

На подкомиссію было возложено: изучить (для доклада Лигѣ) каждую кандидатуру съ точки зрѣнія слѣдующихъ вопросовъ:

а) формальная правильность ходатайства о принятіи въ Лигу;

б) правительство, возбудившее ходатайство, признано-ли de jure или de facto, и какими именно государствами;

в) является-ли кандидатъ націей съ устойчивымъ правительствомъ и съ опредѣленными границами? Поверхность, и населеніе;

*) Меморандумъ, представленный за подписью Гегечкори и моеи Лигѣ Націй въ связи съ кандидатурою Грузинъ, вмѣстѣ съ дополненіями къ нему (куда вошли: основной меморандумъ грузинской делегаціи, сообщенный Нарвической конференціи въ 1919 г., записка для Верховнаго Совета въ Ста и другіе документа) напечатанъ въ сборникѣ, изданномъ въ Лондонѣ, подъ заглавіемъ: Documents presentes par le Gouvernement de la République de Georgie à la première Assemblée de la S. des N. etc. Londres. Татое-же изданіе на англійскомъ языкѣ.

d) управляется-ли государство свободно,

e) каково его отношеніе, согласно актамъ и деклараціямъ: 1) къ своимъ международнымъ обязательствамъ и 2) къ возможнымъ постановленіямъ Лиги о вооруженіяхъ.

25-го ноября мы съ кн. М. А. Сумбатовымъ давали объясненія этой подкомиссіи. Здѣсь г. Политисъ (министръ иностранныхъ дѣлъ Греціи въ правительствѣ Венизелоса, какъ разъ въ этомъ моментъ падавшемъ) пожаловался на нарушеніе грузинскимъ правительствомъ правъ иностранныхъ подданныхъ въ области табачной промышленности и торговли. Въ виду имѣлись при этомъ сухумскіе табаководы и купцы-греки. Особаго значенія обстоятельство это не имѣло.

Докладъ подкомиссіи оказался благопріятнымъ кандидатурѣ Грузіи. Правительство ея было признано устойчивымъ и т. д. Отмѣчено было лишь отсутствіе окончательныхъ границъ съ Азербайджаномъ и Армеліей.

Въ пленарномъ засѣданіи комиссіи (2-го декабря), несмотря на усилія Мансена и другихъ, заключеніе благопріятное принятію Грузіи въ Лигу, не получило большинства. По предложенію Фишера (Великобританія) рѣшено было вопросъ о Грузіи рассмотреть совместно съ вопросомъ о другихъ государствахъ изъ состава б. Россійской Имперіи. Въ виду этого на 1-ую подкомиссію (предсѣдатель — Пулле, Бельгія) возложено было: подыскать формулу, специально подходящую къ положенію Грузіи и трехъ балтійскихъ республикъ; отсрочить пріемъ этихъ государствъ въ Лигу, но въ то же время не отталкивать ихъ и привлечь нынѣ же къ практическому сотрудничеству съ нею.

Формула эта была принята 5-ю комиссіею въ слѣдующемъ окончательномъ видѣ:

«Комиссія рекомендуетъ Собранію сообщить правительству Грузіи:

а) что ходатайство ея было рассмотрѣно благожелательно (*avec faveur* — *with sympathy*), но что обстоятельства (*sic*) не позволяютъ еще Собранію вынести окончательное постановленіе;

б) что, въ ожиданіи дальнѣйшихъ рѣшеній Собранія, государство это можетъ участвовать въ техническихъ организаціяхъ Лиги общаго значенія.

Таковы основные пункты заключенія снесеннаго на обсужденіе Ассамблеи.

Вопросъ о балтійскихъ государствахъ и Грузіи разсматривался сю въ вечернемъ засѣданіи 16-го декабря 1920 года. Утромъ того-же дня принятіе Арменіи было отвергнуто 21 голосами противъ 8 (послѣ того какъ приняты были Австрія, Болгарія, Коста-Рика, Финляндія и Люксембургъ).

Пренія, предшествовавшія баллотировкѣ четырехъ кандидатовъ — бывшихъ окраинъ Россіи — были очень горячи. Делегатъ Колумбіи *Рестрено* оспаривалъ заключеніе комиссіи. «Государства эти, заявилъ онъ, удовлетворяютъ *всѣмъ требованіямъ*, предъявляемымъ къ новымъ членамъ; сама комиссія признаетъ это! Она ссылается на какія-то «обстоятельства», мѣшающія принять этихъ кандидатовъ. Но договоръ Лиги не допускаетъ непринятія изъ-за «обстоятельствъ». Непринятіе будетъ доказательствомъ слабости Лиги!».

Португалець *Шагасъ* требовалъ принятія и предоставленія затѣмъ каждой державѣ свободы признанія новыхъ членовъ независимыми *de jure*.

Делегатъ Персіи *Зока-ед-дауле* горячо отстаиваетъ принятіе, особенно останавливаясь на Грузіи.

По словамъ *Падеревского*, симпатія Польши, конечно, въ пользу принятія этихъ кандидатовъ, но... Польша знаетъ, кому она обязана своею независимостью; она видитъ, что принятіе ихъ *признается пока преждевременнымъ*. Поэтому, Польша вынуждена воздержаться отъ голосованія.

Въ томъ же смыслѣ высказывается делегатъ Румыніи профессоръ *Ионеску*.

Вивіани (Франція) прямо указала на неудобство частичнаго рѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ Россіей (!) и на затруднительность для Лиги обезпечить отъ нападений территоріи новыхъ членовъ, согласно ст. 10 договора Лиги. *)

*) Вотъ подлинныя слова Вивіани: «есть въ договорѣ Лиги одна статья, о которой много говорятъ, и которая именуется ст. 10. Статья эта возлагаетъ на насъ обязанность являться на помощь тѣмъ изъ нашихъ сочленовъ, кто окажется въ опасности — согласно формуламъ ст. 10 — лишь только мы о томъ осведомимся. И такъ какъ мы не любимъ говорить народамъ лжи, и худшая политика заключается въ томъ, чтобы поддерживать обманъ въ сознаніи народовъ, чтобы внушать людямъ вѣру въ то, что имъ помогутъ, въ то время какъ имъ не помогутъ — те тѣ, кто думаютъ, что не въ состояніи нести свою помощь на край Европы, голосовали, какъ и голосовала Франція, и какъ я теперь буду голосовать — за проектъ комиссіи, т. е. за допущеніе (этихъ государствъ лишь) въ техническую организацію». Изъ отчета 27-го пленарнаго засѣданія перваго собранія Лиги Націй.

Брантингъ (Швеція) имѣлъ въ виду тѣ-же трудности, когда онъ, высказывая глубокія симпатіи балтійскимъ государствамъ, все-же предлагалъ отложить до слѣдующаго Собранія (въ 1921 г.) ихъ принятіе.

При послѣдовавшей затѣмъ баллотировкѣ вопросъ о Грузіи, по предложенію Р. Сесіля (Южная Африка) и Нансена (Норвегія) былъ выдѣленъ.*)

За принятіе Эстоніи, Латвіи и Литвы было подано по пяти голосовъ. Противъ — 27, 24, 24. Государства эти не были приняты въ Лигу.

Послѣ этого, за допущеніе Грузіи очень горячо говорилъ *Нансенъ*, указавшій всю важность — не для Грузіи только, но и для Лиги — того, чтобы Грузія была поддержана. Рѣчь эта произнесена была съ большою силою, по англійски. Вслѣдъ за *Нансеномъ*, въ поддержку той-же мысли, выступилъ лордъ *Робертъ Сесиль*, обратившій особое вниманіе Собранія на важность принятія Грузіи въ Лигу съ точки зрѣнія обязательствъ, взяты хъ на себя Лигою по отношенію къ Арменіи.**)

Немедленно послѣ этихъ двухъ рѣчей слова потребовалъ *Фишеръ* (Великобританія), заявившій что утвержденія *Нансена* и *Сесіля* совершенно правильны, но что трудность защиты Грузіи (отъ нападенія извнѣ) остается трудностью; что соображенія *Вивіани* не были поколеблены, что нѣтъ основанія оказывать Грузіи преимущество передъ балтійскими государствами; что не слѣдуетъ увлекаться чувствами, а разсуждать какъ подобааетъ отвѣтственнымъ государственнымъ людямъ и т. д.***)

*) Съ первымъ мы имѣли случай подробно бесѣдовать о кавказскихъ дѣлахъ еще въ декабрь 1918 г. Что касается *Нансена*, то намъ съ *М. Сумбатовымъ* не трудно было привлечь къ дѣлу Грузіи симпатіи этого благороднаго дѣятеля, энергичнаго поборника человечности, на ставу своей странѣ и къ благу всѣхъ.

**) Лига Наций какъ разъ въ это время искала способовъ посредничества между Арменіей и Мустафа-Кемалемъ, войска котораго заняли Карсъ и Александрополь.

***) Приведу лишь слѣдующія слова изъ этой рѣчи англійскаго министра нарѣд. пров.: «Я серьезно прошу делегатовъ этого Собранія, которымъ предстоитъ серьезное голосованіе, подумать, готовы-ли они дѣйствительно рекомендовать своимъ правительствамъ, по принадлежности, отравленіе матеріальной помощи этому храброму маленькому государству на окраинахъ Россіи, если часъ нуженъ наступить для него». Въ противоположность лорду Р. Сесілю и *Нансену*, не видѣвшимъ для Лиги особаго риска отъ пріема Грузіи, *Фишеръ* находилъ, что поддѣлать

при напряженномъ вниманіи всего зала, при переполненныхъ трибунахъ началось голосованіе. Всего голосовало: 24 государства. Требовалось для избранія 2/3, т. е. 16 голосовъ.

Полано было голосовъ за принятіе — 10, противъ — 13. Такимъ образомъ, Грузія не была избрана членомъ Лиги.*)

Въ этомъ не было ничего неожиданнаго — въ виду положенія, занятаго Франціей и Англійей; особенно послѣдней (что вытекало неизбѣжно изъ поворота ея политики послѣ С. Ремо, съ торжествомъ Л. Джорджа надъ Керзономъ).

Какъ объяснялъ мнѣ и Сумбатову делегатъ Кубы Агуэро, игравшій большую роль въ подготовкѣ всѣхъ вообще голосованій: «средне — и южно американскія республики могли-бы, конечно, массою своихъ голосовъ, добиться принятія въ Лигу Грузіи и балтійскихъ республикъ, какъ того требуетъ справедливость! Но вы отлично знаете, что не справедливость рѣшаетъ эти дѣла! Американскимъ республикамъ неудобно оказываться въ противорѣчій съ великими державами Европы по вопросу, болѣе важному для этой именно части свѣта. Пусть Англія и Франція, пусть одна Англія дасть вамъ свой голосъ: мы какъ одинъ ч. ловѣкъ, присоединимся къ ней».

Отрицательный результатъ баллотировки искренне огорчилъ всѣхъ, считавшихъ что женеvская «ассамблея» націй открываетъ въ жизни народовъ новую главу. Такихъ было много среди представителей печати (особенно, англосаксонскихъ и нейтральныхъ странъ) и среди многочисленныхъ, въ кулуарахъ Собранія, сторонниковъ добропорядочности въ международныхъ отношеніяхъ.

считаться съ опасностью ея положенія. Что же касается честныхъ для Грузіи выраженій Фишера (*this gallant small States*) и Хансена («*a splendid small nation*»), совпадающихъ со словами Гольдмана, приведенными на стр. 90, то репутація эта на дѣлѣ (т. е. въ началѣ 1921 г.) не была оправдана. Многое, впрочемъ, можно было-бы сказать о томъ, чѣмъ и какъ эта репутація создавалась, и чѣмъ ей нанесены удары. См. впрочемъ предисловіе.

*) Голосовали за принятіе Грузіи десять государствъ: Ю. Африка, Бельгія, Бразилія, Чили, Норвегія, Парагвай, Персія, Португалія, Швейцарія и Чили. Голосовали противъ тринадцать державъ: Австралія, Канада, Куба, Великобританія, Чили, Франція, Греція, Пудя, Новая Зеландія, Нидерланды, Югославія, Чехо-Словакія, Данія. Воздержались и отсутствовали 18 государствъ: въ числѣ воздержавшихся: Бельгія, Польша, Румынія, Швеція.

Съ другой стороны, благодаря особому вниманію, какое вызвалъ вопросъ о Грузіи въ Собраніи делегатовъ 40 государствъ, за которымъ слѣдила печать всего міра многое было достигнуто въ смыслѣ пропаганды идеи независимости Грузіи. Кандидатура Грузіи въ Лигѣ Націй оказалась хорошимъ средствомъ введенія этой идеи, для большинства совершенно новой, въ политической кругозоръ государственныхъ дѣятелей всего міра.*)

Однако, политическая мораль этой исторіи выводилась безъ всякихъ затрудненій: она, впрочемъ, прямо подсказывалась державами, господствовавшими въ женеvскомъ собраніи, и сводилась къ тому, что *въ случаѣ нападенія на Грузію извнѣ, ни Лига Націй, ни державы, дѣйствующія подъ ея маскою, не могутъ и не будутъ ее защищать*. Такъ заявила Франція, такъ заявила Англія: голось ихъ звучалъ убѣдительно, чѣмъ призывъ представителей Норвегіи и Южной Африки.

88.

Для того, чтобы выводъ этотъ былъ особенно нагляденъ, и чтобы не оставалось никакихъ сомнѣній, безымянный режиссеръ всемірной исторіи устроилъ такъ, что съ засѣданіемъ перваго общаго собранія Лиги Націй совпали самые тяжелые удары дѣлу независимости Арменіи. Войска Мустафы-Кемаля заняли Карсъ и Александрополь въ началѣ ноября 1920 г. Эриванское правительство «революціонной федерации дашнакцукюнь», чьимъ представителемъ подписанъ былъ Севрскій договоръ, пало; на его мѣстѣ возникло совѣтское правительство Арменіи, и московская власть съ энергіей принялась за дѣло его примиренія съ турками, т. е. за то, чѣмъ желала заняться какъ разъ Лига Націй. Въ самомъ дѣлѣ, 22 ноября Общее Собраніе, по предложенію *Вивіани*, поручило Совѣту Лиги вступить въ переговоры съ правительствами относитель-

*) Согласно принятой тогда-же т. е. 16 декабря резолюціи, Грузія и балтійскія республики получили возможность немедленнаго участія въ практическихъ организаціяхъ Лиги (каковы конференціи и комитеты: по вопросамъ финансовымъ и экономическимъ, по вопросамъ международной санитаріи и гигиены; сообщеній и транспорта; бюро труда) — на общихъ основаніяхъ съ государствами — членами Лиги.

но возложенія на какую-либо державу посредничества, необходимаго для прекращенія военныхъ дѣйствій между Армেনіей и кемалистами.

Сознательно направленный въ этотъ тупикъ, филантропическій порывъ Лиги оказался, конечно, бесплоднымъ. А обращеніе ея ко всеѣмъ правительствамъ и отвѣтнице недоумѣнные вопросы однихъ, напр. Австраліи о томъ, чего собственно отъ нея требуютъ, и какъ ей спастись Армению — или общеніе «моральной поддержки» со стороны Сальвадора и Гондураса вносило элементъ комизма въ совершенно трагическое положеніе.

1-го декабря Совѣтъ Лиги получилъ отъ президента Вильсона телеграфное сообщеніе о невозможности, въ виду отсутствія разрѣшенія Конгресса, для С. Штатовъ оказанія помощи Армении войсками или матеріальными средствами. Вильсонъ предлагалъ лишь свое личное посредничество — черезъ назначеннаго имъ представителя — для прекращенія военныхъ дѣйствій противъ армянъ, при условіи дипломатической и моральной поддержки великихъ державъ и указаній со стороны Совѣта Лиги относительно того, какими путями и кому должны быть адресованы его примирительныя предложенія. Одновременно поступили предложенія добрыхъ услугъ отъ Испаніи и Бразиліи. Безнадежность этой переписки и этой процедуры ни въ комъ не вызвала сомнѣній.*)

Были, конечно, въ Женевѣ люди, серьезно желавшіе помочь Армении. Р. Сесиль считался ихъ вожакомъ. Нансень пытался даже поставить въ Общемъ Собраніи вопросъ о посылкѣ военной экспедиціи. Понадобилось-бы, по его словамъ, какихъ-либо 60.000 человекъ и столько-то фунт. стерлинговъ! Мысль эта не получила развитія; и специально избранная, по предложенію Р. Сесилия и бельгійскаго сенатора Лафонтена,

*) Въ журналѣ-дневникѣ перваго Общаго Собранія и въ напечатанныхъ для послѣдняго документахъ можно найти всѣ телеграммы и матеріалы относящіеся къ петиціи именованныхъ стараній Лиги Наций прийти на помощь Армении.

См. въ частности, S o c. d e s N a t. Situation en Arménie. Tel. reçus et envoyés par le Conseil. Eprouv уоmмуnуаго Journal de la première Asssemblée de la S. d. N. (quarto 36 N. N) и вполнѣ стенографическія отчеты засѣданій.

комиссія*) не была въ состояніи указать практическаго пути для вмѣшательства въ распрю, въ которой теперь и Совѣтская Россія занимала особое положеніе.

Въ одной изъ нашихъ бесѣдъ съ Нансеномъ рѣчь зашла о возможномъ отношеніи грузинскаго правительства къ вопросу о помощи Арменіи, если таковая будетъ ей оказана. А 26-го ноября секретарь «комиссіи шести» по дѣлу Арменіи, Луиджи Виллари (извѣстный итальянскій журналистъ) возвѣстилъ намъ на слѣдующій день визитъ англійскаго генерала сэра Фредерика Мориса**), «желающаго поговорить о нѣкоторыхъ вопросахъ, относящихся къ Закавказью». Генеральъ пришелъ къ намъ въ Grand Hôtel de la Paix, въ сопровожденіи Виллари, и спросилъ, отъ имени лорда Роберта Сесилиа: дастъ-ли грузинское правительство Лигѣ Націй возможность оказать Арменіи помощь изъ Грузіи? будетъ-ли, такъ сказать, открыта для этой работы дверь въ Грузію?

Отвѣтъ мой гласилъ, что грузинское правительство всегда, насколько могло, приходило на помощь армянамъ въ ихъ несчастіяхъ; что и въ настоящее время Лига Націй можетъ быть увѣрена въ полномъ содѣйствіи Грузіи всему, что касается гуманитарной помощи со стороны Лиги страждущему армянскому населенію (процодовольствіе, бѣженцы, сироты, медицина и т. д.). Если-же рѣчь пойдетъ о помощи *военной*, хотя-бы замаскированной, тогда Грузія должна обсудить вопросъ съ точки зрѣнія своего положенія, какъ страны нейтральной по отношенію къ туркамъ и русскимъ.

«Что если Лига Націй обезпечить вамъ безопасность Батума отъ нападенія «немалистовъ»? спросилъ генераль.

«Это было-бы превосходно. Но дѣло не въ одномъ Батумѣ — вопросъ сложнѣе и обширнѣе.»

*) Въ засѣданіи 22 ноября Общее Собраніе Лиги приняло *одновременно* предложеніе г. Вивіанци о возложеніи на Совѣтъ Лиги заботы по присканію державы-посредницы между Арменіей и «немалистами» (см. выше въ текстѣ) — и соединенное предложеніе лорда Р. Сесилиа и Лафонтеца объ избраніи комиссіи изъ 6 членовъ для доклада Общему Собранію о «мѣрахъ», которыя могутъ быть приняты для прекращенія враждебныхъ дѣйствій между Арменіей и немалистами». Задача этой «комиссіи шести» была слѣдовательно гораздо шире чѣмъ порученіе, возложенное на Совѣтъ. Въ составъ комиссіи вошли: лордъ Робертъ Сесиль, Нансенъ, бельгійскій сенаторъ Лафонтеъ, аргентинскій министръ Ферредомъ (Ferrederon), итальянскій министръ Шапцерь и Р. Вивіанци.

**) Подвизающагося и въ печати.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ сэръ Ф. Морисъ замѣтилъ, что помощь Лигѣ въ этомъ дѣлѣ облегчитъ Грузіи пріемъ въ составъ.

Я отвѣтилъ, что свой долгъ (въ предѣлахъ совмѣстныхъ съ безопасностью для страны) по отношенію къ страждущему сосѣду Грузія всегда выполнить, независимо отъ того, примутъ ли ее въ Лигу или нѣтъ.

Не имѣя, впрочемъ, полномочія говорить по такимъ вопросамъ, я высказалъ въ заключеніе генералу, что лучше всего они могутъ быть разрѣшены въ Лондонѣ — гдѣ какъ разъ въ эти дни происходила очередная конференція «великихъ союзниковъ», и гдѣ находился также министръ иностранныхъ дѣлъ Грузіи Гегечкори.

Какъ видно изъ этого курьезнаго разговора коммисія, избранная ассамблеей для заботы объ Арменіи, надѣялась еще на возможность организаціи вооруженной помощи послѣдней, быть можетъ даже въ «гарибальдійскомъ» духѣ. Но безъ трехъ великихъ державъ, соѣщавшихся въ Лондонѣ, и безъ С. Штатовъ (отвѣтъ ихъ 1-го декабря равнялся отказу) Лига была безсильна; она оказалась безсильной, такъ какъ державы признали невозможнымъ вмѣшательство въ пользу Арменіи; въ частности постановлено было отказать Арменіи и въ пріемѣ въ члены Лиги, что было равносильно отказу въ моральной поддержкѣ и очень поразило многочисленныхъ въ Европѣ друзей Арменіи.

По этому поводу припоминаю еще посѣщеніе, 4-го декабря, бельгійскаго делегата, председателя «коммисіи шести», — сенатора-соціалиста Лафонтена. Онъ взволнованно заявилъ: «армянскіе делегаты сообщили мнѣ, что грузинскія войска заняли нейтральную полосу въ Борчалинскомъ уѣздѣ и вторглись даже въ коренную Арменію. Я — вашъ другъ, но если, это — фактъ, мнѣ придется выступить противъ допущенія Грузіи въ Лигу!». Имѣя недостаточно ясное сообщеніе о занятіи грузинскими правительствомъ нейтральной полосы по соглашенію съ Арменіей (т. е. съ ея павшимъ уже правительствомъ) я старался успокоить почтеннаго сенатора, какъ только могъ.*) Вопросъ о допущеніи въ Лигу Арменіи представлялся ему не возбуждающимъ сомнѣній. Узнавъ же отъ меня, что Франція и Англія вопросъ этотъ разрѣшаютъ от-

*1 Самой же этой новой «борчи» истинной исторіи можно здѣсь и не касаться.

рицательно, Лафонтенъ пришелъ въ такое волненіе, что совершенно забылъ о захватѣ грузинскими войсками армянской территоріи: онъ негодовалъ на великія державы.

А державы эти оказались, правду сказать, въ положеніи мало соответствующемъ ихъ «великости». Главный британскій делегатъ Бальфуръ въ своей рѣчи 22-го ноября громогласно объявилъ Мустафу-Кемалю «вожакомъ организованной банды разбойниковъ» и находилъ, что «какое-ужь тотъ посредничество». Словомъ, Англійи вся эта исторія теперь какъ бы вовсе не касалась, Франція-же и Италія не имѣли и тѣни желанія отстаивать Севрскій договоръ, особенно въ «армянской» его части: наоборотъ.

Президентъ Вильсонъ какъ разъ теперь — 22 ноября 1920 г. — начерталъ армянотурецкую границу — въ вилайетахъ Трапезунда, Эрзерума, Битлиса и Вана; но это былъ с. о. личный вкладъ въ политическую географію Ближняго Востока! На самомъ дѣлѣ турки сидѣли въ Карсѣ и Александрополѣ; армянскій вопросъ перемѣстился теперь въ б. русскую Арменію, и вмѣшательство Россіи въ армянотурецкую распрю получало практическое значеніе не только въ виду наличности русскихъ войскъ по сосѣдству, въ Азербайджанѣ, но также въ виду созданныхъ политикой Севрскаго трактата симпатій между Москвою и Ангорю и оживнившихся одновременно армянскихъ расчетовъ на русскую поддержку.

Итакъ, спустя ровно два года послѣ капитуляціи въ Мудросѣ, турки вернулись въ Карсъ: полное торжество Брестъ-Литовска надъ Севромъ!

Посредническая задача, взятая на себя Россіей — о чемъ Чичеринъ телеграфировалъ Красину въ Лондонъ (11 ноября) — какъ разъ въ то время, когда великія державы не знали, какъ имъ быть съ Арменіей; принесла, навѣрное, инымъ изъ этихъ державъ чувство облегченія, къ которому, быть можетъ, примѣшивалась и надежда на неминуемое будто бы столкновение — хотя-бы изъ-за Карса — «совѣтскаго империализма» съ «национализмомъ» Мустафы-Кемалю, къ вящей выгодѣ Севрской программы. Такая надежда не оправдалась. Но военныя дѣйствія между Турціей и Арменіей дѣйствительно прекратились (турки взяли все, на что претендовали). Эриванская-же республика вернулась въ русское политическое русло, на этотъ разъ подъ знакъ «серпа и молота». Надежда на русскую помощь оказалась с. о. только-же тш. ной, какъ

увѣренность въ исполненіи американскихъ и англо-французскихъ общацій.

Таково было неизбежное послѣдствіе политическаго азарта, которымъ диктовались территориальныя требованія Арменіи, несоотвѣствія поставленныхъ ею задачъ собственнымъ силамъ и фатальной ослѣпленности въ оцѣнкѣ событій и обстановки.

ГЛАВА XXXIV.

ПРИЗНАНИЕ ГРУЗИИ DE JURE.

89.

Къ началу 1921 года вопросъ о формальномъ признаніи независимости б. русскихъ окраинъ, ставшихъ самостоятельными республиками — т. е. Эстоніи, Латвіи, Литвы и Грузіи, оказался достаточно созрѣвшимъ, не только въ виду устойчивости и успѣшной дѣятельности правительствъ, возникшихъ въ этихъ странахъ, но и вслѣдствіе крушенія надежды на близкій конецъ совѣтскаго строя въ Россіи и на побѣду здѣсь силъ, способныхъ «потребовать» обратно эти окраины, свое законное, якобы, добро.

Правительство С. Штатовъ еще раздѣляло точку зрѣнія о необходимости огражденія нераздѣльности Россіи съ прежней прямолинейностью. Въ нотѣ, вызвавшей много толковъ и заключавшей отвѣтъ на вопросъ, поставленный американскимъ посломъ въ Римъ (августъ 1920 г.), государственный секретарь Банбриджъ Колби говорилъ о необходимости, изъ чувствъ дружбы и чести, отсрочки всѣхъ рѣшеній, могущихъ имѣть для Россіи жизненное значеніе, въ частности, всего, относящагося къ территориальному суверенитету б. российской имперіи. Вотъ почему, по словамъ ноты, американское правительство упорно отказывается признать балтійскія государства особыми независимыми отъ Россіи націями. Исключеніе допускается американскимъ правительствомъ лишь въ пользу Финляндіи, этнографической Польши и Арменіи. *)

*) Въ американской нотѣ не безъ пренебреженія упоминаются «такъ называемыя республики Грузія и Азербайджанъ». По этому поводу, грузинская делегація въ меморандумѣ, представленномъ правительству великихъ державъ, объяснила, что «правительство Грузіи получило свою власть изъ рукъ представителя Соборнаго, регулярно избраннаго всеобщимъ голосованіемъ всего населенія; въ публицици свободы, въ томъ числѣ свобода

Заговоривъ объ «исключеніяхъ», американское правительство, конечно, колебалось свою точку зрѣнія. Но вообще взгляды этотъ отстаивалъ отъ развитія международной политики Европы и въ устахъ правительства президента Вильсона, приближавшагося къ окончанію своихъ полномочій, не имѣлъ уже былого авторитета.

Разграниченіе Польши и Россіи пошло вовсе не по этнической межѣ. Это новая граница — граница Рижскаго мира — приобрѣтала большое значеніе какъ черта, отдѣляющая сферу Совѣтской диктатуры и классоваго террора отъ странъ, приемлющихъ частную собственность и представительный строй. На лѣвомъ флангѣ этой границы, группа балтійскихъ государствъ получала огромное значеніе; ее нельзя было оставлять въ неопредѣленномъ положеніи, хотя-бы ради устойчивости вышеупомянутой черты, не говоря уже объ интересахъ связанныхъ въ германизованной нѣкогда Балтикѣ съ исполненіемъ Версальскаго договора, или морскихъ интересахъ въ Балтійскомъ морѣ. Вмѣстѣ съ предстоявшимъ позже (въ 1923 г.) признаніемъ власти Румыніи въ Бессарабіи — на правомъ флангѣ все той же черты, здѣсь создавался одинъ изъ немногихъ «архитектурныхъ ансамблей» новой Европы, представляющихъ извѣстное единство мысли — и цѣнность, устойчивость котораго будетъ зависетьъ отъ того, чего вообще эта «новая Европа» будетъ стоить.

Съ другой стороны, ожидавшееся въ началѣ 1921 г. подписание русско-англійскаго соглашенія, побуждало торопиться съ заблаговременнымъ признаніемъ новыхъ республикъ, выдержавшихъ всѣ бури 1917-1921 г.г.

Рядомъ съ молодыми балтійскими государствами своеобразно было положеніе Грузіи. И она являлась частью *возможнаго* кавказскаго «ансамбля», призваннаго прикрывать Анатолію и Персію отъ вихрей «сарматской равнины». Благо-

печати, обозначены въ Грузіи: правосудіе, мѣстное самоуправленіе и привилегіи національныхъ меньшинствъ устроены тамъ на самыхъ либеральныхъ основаніяхъ. Словомъ все, отсутствіе чего ставится въ упрекъ русскому режиму Совѣтовъ полностью осуществлено въ учрежденіяхъ Грузіи. Вездѣ въ обоихъ полушаріяхъ форма правительствъ и государственная система, практикуемая въ Грузіи, признаются *республиканскими*. См. сборникъ документовъ о Грузіи, представленный Лигѣ Націй въ 1920 г. Documents etc. p. 30.

даря настроенности большого европейского концерта, и ненадежности концерта специально кавказского, казавшееся одно время возможным, построение не осуществилось. Трудностей было много; для преодоления их мѣстных энергій оказалось недостаточно; а «Верховный Совѣтъ союзныхъ державъ» не имѣлъ ни силъ, ни желанія созидать что-либо, или серьезно помогать такому созиданію — восточнѣе опредѣленнаго меридіана.

Изъ кавказскихъ республикъ, одна Грузія достигла до лня признанія *de jure*. Горская республика не была признана и фактически. Азербайджанъ и Арменія, пріобщившія къ благамъ коммунизма, помазанные совѣтскимъ елеемъ, выбыли въ 1920 году изъ строя — съ точки зрѣнія Европы.

Грузіи, формально признанной совѣтскимъ русскимъ правительствомъ (по договору 7-го мая 1920 г.) и только что (16 ноября), заключившей съ Россіей и Азербайджаномъ договоръ о транзитѣ, открывавшій послѣднимъ возможность свободной торговли въ Батумѣ, казалось, ничего не могло угрожать. Въ Женевѣ всѣ стороны ки принятія Грузіи, въ Лигу ссылались именно на договоръ 7-го мая и на признаніе Московскимъ правительствомъ независимости Грузіи, какъ на сильный договоръ въ пользу принятія послѣдней. Болѣе умудренные, сомнительно покачивали головой («а что, если все же нападутъ?»).

Вообще же, необходимость скорѣйшаго признанія *de jure* четырехъ республикъ всѣми признавалась въ Женевѣ, что, въ свою очередь, содѣйствовало ускоренію этого признанія.

Оно и состоялось, на очередной конференціи великихъ державъ, въ Парижѣ, 26-го января 1921 г. Эстонія и Латвія были признаны независимыми *de jure* безоговорочно. Рѣшеніе вопроса о Литвѣ (въ принципѣ — положительное) было отложено впредь до разрѣшенія Лигой Націй вопроса о Вильнѣ. Что касается Грузіи, «конференція, по словамъ официального сообщенія (появившагося въ газетахъ 27-го января) *отнеслась въѣдливъ благопріятно къ юридическому признанію Грузіи, если послѣдняя сообудитъ о томъ формально просьбу. Мнѣніе ея представителя въ Парижѣ будетъ немедленно запрошено по этому поводу.*

«Если Грузія формально попросить»... Эта фраза (наивная, по замѣчанію газ. *The Times*) наводила на размышленія. Въѣдъ въ 1919-20 г.г. возбужденіе и повтореніе ходатайствъ о признаніи *de jure* было главнымъ занятіемъ парижской нашей делегаціи. Въ концѣ 1920 года Гегечкори продолжалъ эту работу.

27 января я нашель его въ помѣщеніи грузинской миссіи въ такомъ же недоумѣніи, какое испытывалъ самъ. Смутно чувствовалось, что за формальнымъ признаніемъ скрывается какая-то опасность для Грузіи — по крайней мѣрѣ въ глазахъ того или тѣхъ, чья мысль отражалась въ сообщеніи конференціи. Однако, надо было торопиться съ рѣшеніемъ вопроса: возбуждать или не возбуждать такую «формальную просьбу»? Колебаніямъ, конечно, не могло быть мѣста: непризнаніе или отсрочка признанія, никакъ не устранила-бы опасности, а формальное признаніе независимости было-бы для Грузіи, во всякомъ случаѣ, цѣннымъ достиженіемъ. Гегечкори немедленно отправилъ Верховному Совѣту «формальную просьбу», и юридическое признаніе независимости Грузіи великими державами состоялось въ тотъ-же день, т. е. 27 января 1921 г (14 января с. с., день равноапостольный св. Нины, національный праздникъ христіанской Грузіи), о чемъ Гегечкори получилъ извѣщеніе за подписью предсѣдателя конференціи Аристида Бриана.

Когда, въ началѣ 1920 г., три кавказскія республики были признаны независимыми *de facto*, по предложенію лорда Керзона, съ признаніемъ этимъ связывался опредѣленный политическій планъ, по разнымъ причинамъ, подробно изложеннымъ выше, несуществившійся. Теперь, въ моментъ формальнаго завершения дѣла о признаніи грузинской независимости, Ллойдъ Джорджъ (вышеизложенная оговорка : если и т. д. — рекомендована была конференціи англійскимъ премьеромъ) съ особой заботливостью готовитъ позицію, при которой въ случаѣ чего-либо, что онъ, очевидно, считаетъ возможнымъ, или чего онъ ожидаетъ—Грузіи можно сказать: *vous l'avez voulu, George Dandin!*

Существуетъ версія, точность которой трудно проверить, но которая освѣщаетъ и то, что упомянуто выше, и то, что произошло позже. Во время переговоровъ Красина въ Лондонѣ, ему дано было понять, что бакинская нефть — главный

товаръ, выложенный имъ на прилавокъ — безъ полнаго распоряженія закавказскимъ нефтепроводомъ и Батумомъ сильно обезцѣнивается. Одновременно — въ противорѣчье съ прежней политикой (лорда Керзона), но въ соответствии съ возобладавшими политическими видами Ллойда Джорджа, Англія начала склоняться къ признанію своей политической не-заинтересованности въ республикахъ Закавказья. Умозаключеніе — о необходимости «исправленія» товара — сдѣлать было не трудно. За умозаключеніемъ послѣдовало и дѣйствіе, къ которому имѣлись, конечно, и другія побужденія, всѣмъ извѣстныя.

Однако, признаніемъ *de jure* увѣнчивалась и формально завершалась работа по созданію независимой Грузіи и по защитѣ ея интересовъ въ Европѣ.

90.

Грузинское правительство, получивъ, послѣ признанія, возможность устройства регулярнаго дипломатическаго представительства въ центрахъ Европы, успѣшило назначить посланникомъ своимъ при главнѣйшихъ кабинетахъ Акакія Чхенкелі, который къ серединѣ февраля 1921 г. былъ въ Парижѣ, а 20-го числа возлагалъ уже, съ колѣнопреклоненіемъ, вѣнокъ на могилу «Неизвѣстнаго солдата» подъ триумфальной аркой.

Въ это время стали доходить телеграммы о начавшихся столкновеніяхъ съ красными отрядами, особенно на южной границѣ Грузіи. Въ послѣдніе мѣсяцы 1920 г. и позже неоднократно появлялись извѣстія о паденіи Батума, Тифлиса и т. д. — то были какъ-бы тѣни, бросаемаыя впередъ близившимися уже событіями. На этотъ разъ — 20-го, 21-го февраля рѣчь шла о точныхъ фактахъ. Нѣсколько позже поступило извѣстіе о грузинскомъ успѣхѣ у Тифлиса, и, почти одновременно, — о рѣшеніи турокъ занять Артвинъ и Ардаганъ. Это было «тактическое» окруженіе Грузіи послѣ политическаго изолированія и подготовки изнутри.

25-го февраля 1921 года, грузинскій посланникъ, въ сопровожденіи церемоніймейстера, направился торжественно, въ парадномъ экипажѣ Елисейскаго дворца, эскортируемый

кавказерію, изъ помышленія грузинской миссиі къ резиденціи президента французской республики, для врученія г. Мильерану вѣрительныхъ грамотъ.

Я смотрѣлъ, изъ толпы передъ посольствомъ, на это обычное для Парижа и столь значительное для Грузіи зрѣлище: произносилъ мысленно свое «мысль отпущаещія»... ; припоминалъ — какъ двѣсти сншкомъ лѣтъ тому назадъ, посланецъ царя Вахтанга VI, князь Саба-Суханъ Орбелани былъ принятъ Людовикомъ XIV въ Версальскомъ дворцѣ и просилъ помощи для Грузіи*). Его старанія не имѣли послѣдствій: король-солнце (солнце уже почти закатившееся) былъ совершенно безсиленъ что-либо сдѣлать.

Въ тотъ же день, 25 февраля 1921 г., совѣтскія войска вступили въ Тифлисъ, имѣя впереди одного изъ комиссаровъ-грузинъ на бѣломъ конѣ и съ краснымъ знаменемъ въ рукахъ. Рядомъ съ нимъ, незримо, вѣхалъ на ободранной клячѣ скелетъ въ лохмотьяхъ, съ косою разрушенія въ костлявыхъ пальцахъ.

Правительство Грузинской демократіи бѣжало въ Европу, — закончивъ національную катастрофою трехлѣтнюю свою дѣятельность въ странѣ, все ему вѣрившей и доверившей.

Но минусть память о лицахъ; лепломъ забвенія покроются ихъ ошибки... Уже, окропленная живкою водою, воскресла старая Грузія, и вновь ее умертвить можетъ лишь... забывшіе собственныхъ ея пѣтей.

конецъ

*) Это было въ мав 1714 года. «Помышленіе», произнесенный Орбелани, напечатанъ въ *Neuchâtel Journal Asiatique*. Т. IX. P. 1832. Тамъ же другія данныя о его миссиі. Саба-Суханъ — наветный грузинскій шутель и лексикографъ, умеръ въ Москвѣ. Препятствія различнхъ «оріентаций» заставили многихъ грузинъ того времени искать убѣжища въ Россіи; теперь имъ приходится искать убѣжища отъ Россіи.

З. АВАЛОВЪ.

Независимость Грузіи

въ международной политикѣ

1918 - 1921 гг.

Воспоминанія. Очерки.

PARIS

1924

საქართველოსთვის აღსრულებულთა
წიგნას

ახალთ ხაიმედოდ

MORTUIS PRO GEORGIA
IN MEMORIAM

JUNIORIBUS
IN SPEM

POST-SCRIPTUM вмѣсто ПРЕДИСЛОВІЯ

«Я-бы желала, чтобы Грузія вернулась былая сила; чтобы она не нуждалась въ чужеземной помощи; и была вполне самостоятельна, въ мирное и военное время...

Но такъ какъ мы или теченіемъ времени, или превратностями судьбы, а, можетъ быть, въслѣдствіе того и другого, дошли до такой слабости, что должны подчиняться другимъ, то я считаю самымъ разумнымъ быть въ зависимости отъ тѣхъ, въ комъ больше умѣренности и справедливости, и кто прочно хранитъ дружбу со своими союзниками...

Слова эти произнесены не вчера. Но сказаны они могли быть и въ наши дни; и сто лѣтъ тому назадъ; и, вообще, всякій разъ когда Грузія вынуждалась избирать политическую связь съ какой либо изъ сосѣднихъ Имперій, вершавшихъ судьбы народовъ.

Приведенная полновѣсная тирада взята изъ рѣчи, еkläдываемой раннимъ византійскимъ историкомъ въ уста оратору Айату, «знатному челоѵку... ненавидѣвшему все римское, всегда тяготѣвшему къ персамъ». Произнесены же были эти слова (въ которыхъ Грузія поставлена на мѣсто Лазики-Колхиды, точнѣе: *государства* или *республики колховъ*) въ 554 г. по Р. Х., передъ собраніемъ народа, тайно обсуждавшимъ въ какой-то горной труппѣ политическую злобу дня: то былъ одинъ изъ самыхъ драматическихъ для тогдашняго Закавказья историческихъ моментовъ, когда изъ за него и на его землѣ шла борьба между персами и римлянами т. е. византійцами, не безъ участія мѣстныхъ народовъ.

Въ словахъ Айата выражено удивительное, по яркости и ясности, обоснованіе того, что нынѣ именуютъ *политическою ориентаціею*—Грузіи или любого изъ такъ называемыхъ малыхъ

народовъ, отстаивающихъ, въ аналогичныхъ условіяхъ, свою независимость въ борьбѣ могущественныхъ имперій. *)

Въ серединѣ VI вѣка народамъ Кавказа приходилось выбирать между давленіемъ Восточной Римской Имперіи и сассанидской реакціей Ирана. Но, оглядываясь назадъ, дѣятели той эпохи могли припомнить не одну, совершившуюся въ прошломъ смѣну ориентацій. Чѣмъ инымъ, какъ не надлежаще избраннымъ направлениемъ являлась связь, союзничество съ державнымъ и благопріятно далекимъ Римомъ, о чѣмъ память, навѣрное, была еще свѣжа, и о чѣмъ до сихъ поръ сохранилось лапидарное свидѣтельство на знаменитомъ ангорскомъ монументѣ (*Monumentum Ancyratum*) Августовыхъ лѣтъ (*Index rerum gestarum divi Augusti: Черезъ своихъ депутатовъ цари иберовъ, албановъ... просили о дружбѣ римскаго народа*), не говоря объ извѣстной михетской надписи Веспасіана?

Въ предъидущемъ же столѣтіи, въ дни Помпеевъ и Лукулловъ, во время борьбы Республики съ Митридитомъ Евпаторомъ Понтійскимъ, не ставиль-ли Кавказъ своей ставки на «плохую лошадь» и не пострадалъ-ли отъ неправильной «ориентаціи»? Далеко, вглубь вѣковъ, могъ озираться патріотъ Колхиды — Лазики или Иберіи VI-го вѣка и многое могъ-бы припомнить. Онъ не зналъ, однако, того, что было впереди, что готовилось въ приближавшемся будущемъ: ни вѣковыхъ тяготъ положенія Кавказа между мірами воинствующаго ислама и столь-же нетерпимаго христіанства; ни судьбы этихъ странъ, какъ наковальни подъ молотомъ непрестанныхъ вторженій; ни всѣхъ превратностей послѣдующихъ вѣковъ, которыя приводили Грузію, послѣ Багдада халифовъ и Константинополя болгарородныхъ, — и въ Испанію персидскаго Возрожденія, и въ Стамбуль Амуратовъ, и въ Москву «тишайшихъ» царей; а въ наше время, послѣ вѣковой связи съ петербургской Имперіей Романовыхъ, направлять ее въ 1918 г. къ Берлину, въ 1919 — къ Лондону, а въ 1921 г. опять привести подъ власть Москвы, въ этотъ разъ Москвы Ленина.

*) Ср. подлинныя слова, приписанныя Агату: *Agathian e Historiarum* III. 9. Стр. 156 изд. 1828. *Corpus scriptorum historiae Byzantinae*. Русскій переводъ въ текстѣ — по сборнику: *Лазика и Иберія (К. Галъ. Извѣстія древнихъ писателей о Кавказѣ. Ч. II. Тифлисъ. 1890 г.)*, но слегка мною подшамфовать. У Гама *коллажа* греческаго подлинника неправильно передано «даретвомъ Колховъ».

Не могли тогда, въ VI-мъ столѣтїи, предвидѣть и того, что должна была осуществиться мечта и о полной независимости, самостоятельности Грузїи — о томъ, что привлекало Айзта въ прошломъ. Наступилъ, дѣйствительно, моментъ, когда трудами народа, благоразумїемъ правителей и напряженїемъ національныхъ энергїй, Грузїя, благопрїятствуемая внѣшними обстоятельствами, правильно оцѣненными и искусно использованными, не нуждалась въ выборѣ «орїентацїи», но зажила вольною жизнью въ боренїи и трудѣ: отъ Давида Строителя до Тамары (XI-XIII ст.), на протяженїи, примѣрно, срока, положеннаго Ибнъ-Калдуномъ для расцвѣта государствъ, и Грузїя пережила радость и плодотворное броженїе великихъ эпохъ. Заботливой рукой новыхъ поколѣній ученыхъ и писателей, сметается постепенно прахъ забвенїя съ заброшенной, забытой было страницы прошлаго; и это прошлое, подобно фрескѣ, очищенной отъ копоти вѣковъ, начинаетъ блистать всеъмъ богатствомъ благородныхъ красокъ для прорѣвающихся глазъ. Возстановляется старая традиція, которая всегда была традиціей культуры и гуманности.

Въ этой связи и въ такой перспективѣ было-бы тѣсно и суетно въ современномъ политическомъ движенїи Грузїи и другихъ народовъ Кавказа видѣть случайное порожденїе внѣшнихъ обстоятельствъ, честолюбїй и интригъ. Это, очевидно — новый отпрыскъ на старомъ деревѣ съ корнемъ уходящимъ глубоко въ почву.

Намекая на этотъ корень и приглашая оглянуться на мгновенїе назадъ, авторъ нисколько не собирается отвлекать читателя отъ политическихъ запросовъ нашихъ дней. Предлежащая книга пытается закрѣпить передъ его вниманїемъ нѣсколько лишь нитей въ безконечно сложной ткани жизненныхъ отношенїй, которую Исторїя, неустанный ткачъ, развертываетъ передъ нами. И если полезно разсказу о событїяхъ и впечатлѣнїяхъ, обнимающихъ 1918-1921 г. г., предпослать нѣсколько словъ напоминанїя о прошломъ, далекомъ — однако, вовсе не столь далекомъ, — то какъ же оставить безъ краткаго хотя-бы послѣсловїя повѣсть, законченную такимъ важнымъ для Грузїи событїемъ, какъ водворенїе въ ней совѣтскаго строя, послѣ вторженїя коммунистовъ въ началѣ 1921 г.?

Это возвращаетъ насъ болѣе специально къ куску перешитой исторїи, намѣченному въ этой книгѣ.

Набрасывая эпопею вопроса о независимости Грузии в международной политике Европы 1918-1921 г. г., авторь мало или почти вовсе не касался внутренней истории самой Грузии за эти годы. Внутреннее ее положение всегда какъ-бы постулировалось, преимущественно, в положительных тонахъ постепеннаго самоустроения молодой жизнеспособной демократии.

Такая, совершенно общая оцѣнка не такъ ужь далека была отъ дѣйствительности: недаромъ, на основаніи наблюдений и сообщеній представителей державъ, вовсе не всегда и не сильно расположенныхъ въ пользу Грузии, страна эта добилась международнаго признанія своей независимости, одновременно и наряду съ балтійскими республиками.

Въ виду однако быстрого и полнаго крушенія, которому подверглась, для многихъ неожиданно, въ началѣ 1921 г. представительная демократія Грузии подъ ударами совѣтской политики, необходимо, конечно, внести нѣкоторую поправку въ приведенную оцѣнку грузинской демократіи 1918-1921 г. г.

Поправка должна, одновременно, дать ключъ къ уразумѣнію того, чѣмъ облегчилось торжество въ Грузии Совѣтовъ. Обѣ ошибкахъ внѣшней политики нѣтъ необходимости здѣсь говорить: онѣ указаны въ этой книгѣ. Проистекали-же онѣ въ сущности изъ того-же доктринѣрскаго навожденія марксизма, въ нарушение правилъ государственнаго искусства, которымъ причинялся такой ущербъ Грузии и въ ее внутреннихъ дѣлахъ.

Правительство Грузии мыслилось ее вождями какъ демократическое — въ отличіе отъ строя совѣтскаго.

На дѣлѣ Грузія, конечно, вовсе еще не удовлетворяла требованіямъ представительной демократіи. Внѣшнія формы послѣдней прикрывали здѣсь диктатуру грузинской соц.-дем. партіи.

Въ этомъ не было-бы бѣды. Это было даже полезно въ революціонную эпоху, создавая для правительства на первыхъ порахъ прочную опору въ видѣ хорошо организованной, вліятельной партіи. Но достаточно, по обстоятельствамъ, крѣпкая государственная власть осуществлялась съ чрезмѣрнымъ уклономъ въ сторону партійной доктрины, съ чрезмѣрными нарушеніями неписанныхъ, интуицей постигаемыхъ, но во многомъ непреложныхъ правилъ государственнаго искусства.

усиливалось въ крестьянской массѣ. вообще присущее ей, равнодушіе къ вопросамъ политическаго строя, ослаблялся въ ней всякій инстинктъ сопротивленія вторгающейся извнѣ силѣ, разъ отъ послѣдней не ожидалось опасности для совершившагося надѣленія землею.

Словомъ, аграрная политика Грузіи имѣла уклонъ не въ сторону Европы и ея гражданскихъ кодексовъ и не была согласована съ государственнымъ интересомъ независимой Грузіи.

Прямое-же нежеланіе, по малодушію и непониманію, серьезно заняться устройствомъ вооруженной силы (хотя бы по примѣру коммунистовъ съ 1918 г.) на случай всегдѣ возможнаго вторженія, происходила изъ той-же основной доктрины грузинскаго правительства, доктрины классовой борьбы и насильственнаго социальнаго передѣла, которая и помѣшала ему, сдѣлаться правительствомъ національнымъ.

Аграрная реформа, обездоливъ, подавивъ однихъ, надѣливъ другихъ *безъ возложенія на нихъ серьезныхъ тяготъ* финансовыхъ и въ видѣ дѣйствительной воинской повинности, сдѣлала крайне затруднительнымъ устройство самой даже скромной арміи въ странѣ, столь богатой строевыми офицерами и въ народѣ, на протяженіи долгихъ вѣковъ выковавшимъ себѣ славу воинской доблести.

Когда Грузію *довели до столкновенія* съ Совѣтской Россіей, не богъ вѣсть какимъ силамъ этой послѣдней не было оказано никакого почти сопротивленія. Все было сдѣлано для того, чтобы наступающая совѣтская армія встрѣтила не «вооруженный народъ» — а группу партійныхъ вожаковъ, обширное сообщество лицъ, причастныхъ къ эксплуатаціи государственной власти, а съ ними небольшую кучку вѣрныхъ мюридовъ.

Сбросить все это въ Черное море оказалось сущимъ пустякомъ.

Твердое знаніе этой внутренней обстановки — этого череннаго отсутствія военной организаціи въ Грузіи — и подсказало московскому правительству мысль о необходимости «покончить съ Грузіей», какъ только внѣшняя обстановка (о чемъ сообщено въ книгѣ) сложилась для того благоприятно.

Извлечена была при этомъ великая польза и изъ огромнаго соблазна, неизбѣжно вносимаго въ умы «трудящихся массъ»

Грузіи, кліентовъ и мнимой опоры с.-д. правительства — совѣтскими лозунгами классовой борьбы, отобранія земель и пр. Это было то, на чемъ массы именно и воспитывались въ Грузіи. Какое вліяніе могли имѣть тогда всѣ схоластическія оговорки и разнотолкованія тифлисскихъ начетчиковъ, разъ ихъ-же девизы явственно различались на знаменахъ вторгавшихся войскъ, и привычный престижъ російскаго могущества принималъ обличіе еще вчера столь горячо дѣлаемаго краснаго знамени?

Противопоставить въ послѣдній моментъ страну-націю вторгающемуся въ нее чужеземцу, перейти внезапно съ жаргона международныхъ социалистическихъ конгрессовъ на языкъ патриотизма и національной экзальтаціи — было дѣломъ запоздалымъ и безнадежнымъ. Если бы съ 1918 года проявлена была въ этомъ отношеніи самая средняя государственная заботливость, не было-бы и надобности въ этихъ внезапныхъ и столь ненужныхъ обращеніяхъ...

Вотъ и произошло, неизбежно и неустранимо, крушеніе грузинской демократіи какъ разъ въ моментъ, когда усѣвшися самоувѣренно и самодовольно на узкомъ карнизѣ ея облюбованной партійной исключительности, она, послѣ полнаго международнаго признанія независимости Грузіи въ январѣ 1921, предвкушала еще болѣе полное и болѣе спокойное наслажденіе плодами своихъ, во многомъ цѣнныхъ трудовъ. Въ этотъ-то моментъ она и была, какъ сказано, съ большою легкостью сброшена внизъ.

Прибавить-ли то, какъ этому способствовало неумѣніе согласовать темпъ работы по улаженію споровъ съ сосѣдями и по устройству нужныхъ съ ними союзовъ съ лихорадочнымъ ритмомъ исторіи? Прибавить-ли, какъ послѣ трехъ лѣтъ вѣншіей политики, во многомъ удачной, Грузію поставили въ положеніе полной изолированности, подъ вѣчную угрозу удара — Москвы и Ангоры? Остановиться-ли еще на томъ, какъ однимъ и другимъ воспользовалась Москва, и какъ способствовала своему успѣху на Кавказѣ программю союзнаго объединенія закавказскихъ республикъ — силою навязавъ имъ то, чего онѣ не пожелали сами сдѣлать на путяхъ свободн и независимости? или на томъ размежеваніи съ Турціей осуществленномъ московскимъ правительствомъ, въ усло-

яхъ тягостныхъ особенно для Арменіи (уступка Карса) но и для Грузіи; но которое было все-же *разрѣшеніемъ* вопроса, фряотно къ удовольствію многихъ желавшихъ спокойно работать на прирѣзанной и добытой послѣ революціи землѣ?

Здѣсь достаточно намѣтить эти главныя линіи, чтобы, вернувшись опять къ стилю, историческихъ созерцаній, сказать, что грузинская демократія 1918-1921 г., бывшая формой диктатуры с.-д., т. е. марксизма праваго крыла, являлась періодомъ подготовительнымъ къ торжеству въ Грузіи диктатуры совѣтской. Всѣмъ содержаніемъ *соціальной политики* и духомъ своимъ, демократія эта, вопреки несомнѣнно и ярко пробуждавшемуся въ ней народному сознанію, обращена была на дѣль въ сторону Москвы, а не Европы. И этимъ создавалось коренное противорѣчіе съ той европейской оріентаціей ея внѣшней политики которой Грузія держалась настойчиво до дѣта 1920 г.

Когда въ тяжелые дни февраля-марта 1921 г. Грузію ложили на столъ, и опытный хирургъ, совѣтская власть, произвель надъ ней жестокою операцію, онъ зналъ что пациентъ захлороформированъ и подготовленъ къ операціи не мѣше опытной, хотя и не столъ дерзающей рукой грузинскихъ с.-д.

То что политически и субъективно было борьбой и казалось переворотомъ, ист. ически и объективно оказывалось программъ раздѣленіемъ труда и чередованіемъ фазъ.

Вотъ и все. Это печально, но такіе политическіе пассажи не кажутся значительными въ эпоху, когда миллионы здоровыхъ цвѣтушихъ людей умерщвлялись какъ ни въ чемъ не бывало!

Исторія челоѣчества пороку принимаетъ формы сумасшедшей пляски. За внѣшними бредовыми формами, за быстрымъ мельканіемъ событій важно видѣть основныя темы, остоянно возвращающіяся прочныя нити.

Стремленіе народовъ къ свободѣ, къ творческому независимому существованію въ таинственномъ единеніи націо-

нальных коллективов и есть одна из таких тем, одна из мнимо лишь прерываемых нитей.

Независимость Грузии и соседних ей народов Кавказа, несмотря на события 1920-21 г. г., вовсе не является простым эпизодом вчерашнего дня, с такою скоростью уходящего в историю; напротив, она есть и останется живой темой и наших дней и близкого будущего. Поэтому и книга эта далека от настроя выраженного в знаменитом

Victrix causa diis placuit, sed victa Catoni.

И если здесь ничего не прибавляется о том, в каких условиях и с какими превращениями жизнь Грузии протекает нынѣ въ навязанномъ ей единеніи съ другими государствами совѣтскаго Союза: какъ рисуется политическое и хозяйственное развитіе на Кавказѣ подъ вліяніемъ всего, созданнаго русскою революціей, положенія; и какъ на дѣлѣ устраиваются взаимоотношенія между кавказскими народами, послѣ отхода къ Турціи значительныхъ территорій по Карсскому миру 1921 г.; — то это лишь потому, что здѣсь передъ нами уже новый; сложный отрѣзокъ исторической ткани, еще не вышедшій изъ рукъ Ткача, и въ которомъ разбираться было бы преждевременно.

И Грузія, и Арменія, и Азербайджанъ существуютъ; прокатившаяся по нимъ колесница всеобщаго уравненія, не стерла ихъ съ лица земли. Исторія ихъ не прерывается въ 1921 году; она протекаетъ въ новыхъ условіяхъ.

Для книги, основанной на прямомъ опытѣ и непосредственныхъ переживаніяхъ, какъ эта, достаточно такихъ общихъ замѣчаній: о политическихъ судьбахъ нашихъ республикъ съ 1921 г. авторъ могъ бы говорить лишь какъ любопытный читатель, во многомъ неосвѣдомленный.

Итакъ — продолженіе, не перерывъ. И никому не слѣдуетъ пѣляться за прошедшее. Въ настоящемъ гораздо больше реальности, а въ будущемъ — привлекательности.

Что же касается тѣхъ многихъ, къ которымъ авторъ и себя причисляетъ и кто, пострадавъ отъ политическихъ сумятиць (насколько, однако, меньше погибшихъ на войнѣ отъ меча, или растерзанныхъ въ гражданскихъ схваткахъ!) не придастъ сво-

имъ личнымъ ранамъ значенія, и не смѣшиваетъ ихъ съ судьбой дѣла, которому служилъ, имъ остается припомнить слова умницы, давно писавшаго и за себя, и за нихъ:

«si l'évenement me bat, s'il favorise le côté que j'ay refusé, il n'y a remède; je ne m'en prens pas à moi; j'accuse ma fortune, non pas mon courage; cela ne s'appelle pas repentir.»
(Montaigne. Essais. Livre III, свар. II.).

Парижъ, сентябрь 1924.

Примечаніе. Предполагалось дополнить настоящее сочиненіе вторымъ томомъ, въ который вошли-бы написанные авторомъ и обнимающіе весь періодъ отъ провозглашенія независимости Грузіи вплоть до юридическаго ея признанія великими державами (1918-1921) ноты и меморандумы, подававшіеся по дѣлу Грузіи, за разн. ми подшеями, въ различныхъ столицахъ Европы. Документы эти, представили какъ-бы небольшое собраніе матеріаловъ по повѣйшей исторіи Грузіи и Кавказа, являли-бы, въ то-же время, въ совокупности своей, нѣкоторое единство мысли и стили, будучи составлены однимъ лицомъ. Въ видѣ-же предисловія и комментарія къ этому сборнику французскихъ писаній, имѣлось въ виду дать краткій обзоръ нѣсколькихъ основныхъ вопросовъ кавказской политики. Отъ мысли этой, къ великому облегченію для читателя и къ еще большому — для автора, пришлось отказаться.

Неизвинимъ, кажется, будетъ также объяснить, почему книга эта, грузинская и кавказская по существу, издается по-русски: авторъ имѣлъ въ виду, что для разбросанныхъ по Европѣ дѣтей Кавказа и для русскихъ, съ Кавказомъ связанныхъ — т. е. для возможнаго круга его читателей русскій является наиболѣе понятнымъ общимъ языкомъ.

Настоящее сочиненіе (съ предисловіемъ) было сдано въ печать до полученія извѣстій о возстаніи въ Грузіи (сент. 1924).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Post-Scriptum, вмѣсто предисловія	VII
Оглавленіе	XVII
Вступленіе	1
Глава I. — Съ Россіей!	
1. Свободная Грузія въ свободной Россіи	3
2. Къ исторіи російскаго федерализма	5
3. Въ дни Временнаго Правительства	6
Глава II. — Грузинскій комитетъ въ Петроградѣ.	
4. Дѣла обывательскія	9
5. Дѣла военныя	10
6. Нѣчто о мирѣ брестъ-литовскомъ	11
Глава III. — Санитарный поглядъ № 133.	
7. Его удачи	14
8. Злоключенія	16
9. Привалъ въ Пятигорскѣ	21
Глава IV. — На Кавказѣ.	
10. Слова въ путь	23
11. По Военно-Грузинской дорогѣ	24
12. Въ Тифлисѣ весной 1918 г.	26
Глава V. — Въ Батумъ къ туркамъ.	
13. Какъ это случилось	30
14. Съ «делегатскимъ» поѣздомъ	33
15. Чувства и лица	35
Глава VI. — Конференція.	
16. Засѣданіе 11-го мая	40
17. Турецкія предложенія	41
18. Какъ быть?	43
19. Чершльнская война	45
Глава VII. — Развалъ Закавказья.	
20. Подъ прессомъ исторіи	48
21. Изъ батумскаго дневника	50
22. А Россія?	51

XVIII

Глава VIII. — Новый путь.	
23. Независимость Грузии.	51
24. Дни рѣшенія.	57
Глава IX. — Курсъ на Германию!	
25. Изъ Батума въ Потн.	63
26. Потифское соглашение 28-го мая 1918 г.	65
Глава X. — Quo vadis, Georgia?	
27. Изъ Потн въ Берлинъ.	70
28. Наши задачи.	74
Глава XI. — Въ Берлинобъ, лѣтомъ 1918 г.	
29. Первая встрѣча.	77
30. Затрудненія и достиженія.	83
Глава XII. — Турція торжествуетъ.	
31. Батумскіе акты 4-го июня 1918 г.	92
32. Подвоиъ подъ ними въ Берлинѣ.	96
33. Въ треугольникѣ: Берлинъ-Москва-Константинополь.	99
Глава XIII. — Ставка на Германию.	
34. Основанія «германской ориентаціи».	101
35. «На черномъ камнѣ».	105
36. Германско-русское соглашение 27-го авг. 1918 г.	109
37. Турецкая капиталь.	112
Глава XIV. — Береженого и Богъ бережетъ!	
38. Четъ, или нечетъ?	114
39. Въ Христіаніи.	116
Глава XV. — На поворотѣ.	
40. Талаатъ-паша въ Берлинѣ.	121
41. Проектъ грузинско-германскаго договора.	124
42. Переломъ.	126
Глава XVI. — Посреди криженія.	
43. Съ послѣднимъ «Балканскимъ рефлексомъ».	129
44. Въ Константинополь, октябрь 1918 г.	133
45. По развалинамъ «Средней Европы».	140
Глава XVII. — Конецъ «германской ориентаціи».	
46. Въ Берлинѣ, ноябрь 1918 г.	141
47. Мудрецское перемѣрѣ.	144
Глава XVIII. — Курсъ на Западъ!	
48. Берлинъ-Лондонъ.	147
49. На новыхъ рельсахъ.	150

Глава XIX. — <i>Новая вариация на прежнюю тему.</i>	
50. Закавказский распри	165
51. Программа Великой Армении	168
52. Теория буферного государства	170
Глава XX. — <i>Въ Лондонѣ, на канунъ Парижской конференціи.</i>	
53. Европа и Кавказъ	173
54. Ложный маякъ	175
Глава XXI. — <i>Подъ солнцемъ Конференціи.</i>	
55. Первые радости	178
56. Принципы	180
57. Чхендзе и Церетели	182
Глава XXII. — <i>Тень Россіи.</i>	
58. Грузинская делегация въ Парижъ	188
59. Единая Россія и окраины	191
60. Великія державы и Единая Россія	192
Глава XXIII. — <i>Грузія и Добровольческая Армія.</i>	
61. Отъ худого мира къ доброй спорѣ	196
62. «Демаркационная линия»	199
Глава XXIV. — <i>Англія между Россіей и Кавказомъ.</i>	
63. Каждому свое	204
64. Интернациональ и Имперіалисты	207
Глава XXV. — <i>Три сестра.</i>	
65. Грузія, Азербайджанъ, Арменія	209
66. Борчалинскій вопросъ передъ судомъ Интернационала	212
Глава XXVI. — <i>Въ поискахъ мандатирія.</i>	
67. Мандатъ и независимость	214
68. Англія?	220
69. Італія?	221
Глава XXVII. — <i>Американскій миръжъ.</i>	
70. Надежды и предположенія	225
71. Миссія генерала Харборда	228
Глава XXVIII. — <i>Въ концъ года (1919).</i>	
72. Последнія предубьжденія	234
73. Наканунъ признанія	236
Глава XXIX. — <i>Фактическое признаніе (январь 1920 г.).</i>	
74. Верховный Совѣтъ и Закавказскія республики	248
75. Передъ «красной» опасностью	249
76. Признаніе добровольцевъ	247

XX

Глава XXX. — Верховный Советъ въ Лондонѣ.	
77. Русская политика державъ (февраль-мартъ 1920 г.)	250
78. Въ комисси о границахъ Арменіи	253
79. Борьба за Батумъ и выходъ Арменіи къ морю...	257
80. Между сосѣдями	260
Глава XXXI. — Кавкасскія республики и конференція въ Санъ-Ремо (апрѣль 1920 г.).	
81. Парижское предисловіе	265
82. Англо-кавказскіе переговоры и испытаніе кавкасской солидарности	271
83. Крушеніе британскаго плана	280
Глава XXXII. — Уходъ Европы и возвращеніе Россіи.	
84. Паденіе Баку; грузино-русское соглашеніе....	283
85. Грузинскій Батумъ и Севрскій договоръ	288
86. Западническая иллюзія и восточная дѣйствительность	291
Глава XXXIII. — Лига Націй или «оставьте всѣ надежды».	
87. На первой «ассамблеѣ народовъ» (нояб.-дек. 1920)	294
88. Паденіе Арменіи	301
Глава XXXIV. — Признаніе Грузіи de jure (мартъ 1921).	
89. «Нынѣ отпущаеши раба твоего»	307
90. Паденіе Грузіи (февраль 1921 г.)	311

Указатель именъ.

Исправленіе погрѣшностей.

**НЕЗАВИСИМОСТЬ
ГРУЗИИ**

в международной политике

1918-21 г.г.